

Служба государственной охраны объектов культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

ВЫПУСК 13

Издательство Томского университета
Томск — Ханты-Мансийск
2015

УДК 903.2:39(P71)
ББК 634/5
X19

X19 Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. **Я.А. Яковлев**. — Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Том. ун-та, 2015. Вып. 13. 360 с. 300 экз.

ISBN 978-5-7511-2363-5

Тринадцатый ежегодный сборник научных статей, издаваемый Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, как и предыдущие выпуски, представляет читателям проблемы, итоги и перспективы деятельности в сфере выявления, изучения, сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия в указанном субъекте Федерации. В подготовке 16 публикаций приняли участие 22 автора из 7 городов и 17 научных, научно-производственных, учебных и культурно-образовательных организаций и учреждений России и Германии. Представлен отчёт о деятельности Госкультохраны Югры по государственной охране и государственному контролю в сфере историко-культурного наследия за 2014 г. Опубликованы научные статьи по теме сборника, сообщения с краткими результатами полевых работ 2014 г., архивный документ об архитектурном наследии с. Самарова (исторической части столицы Югры), некролог.

Для археологов, этнографов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, работников органов охраны и использования историко-культурного наследия.

УДК 903.2:39(P71)
ББК 634/5

Редактор — **Я.А. Яковлев**

Использованы фотографии:
обложка — **А.В. Соколов** (г. Ханты-Мансийск),
форзац — **А.В. Бауло** (г. Новосибирск),
шмуцтителы — **А.Н. Кондрашёв** (г. Ханты-Мансийск)

ISBN 978-5-7511-2363-5

© Я.А. Яковлев, 2015 (компл.)
© Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2015

Проблемы историко-культурного
наследия Ханты-Мансийского
автономного округа - Югры

Информация о деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2014 г.

Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – Госкульт-охрана Югры, Служба) осуществляет функции по контролю в сфере историко-культурного наследия и государственной охране объектов культурного наследия.

Количество и структура объектов культурного наследия на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

По состоянию на 31.12.2014 на государственном учёте находится 5360 объектов культурного наследия.

Среди них:

- 983 объекта федерального значения;
- 110 объектов регионального значения;
- 5 объектов местного (муниципального) значения;
- 4262 выявленных объектов культурного наследия.

За 2014 г.:

- в Список выявленных объектов включено 59 объектов культурного наследия, исключено 11 объектов;
- в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации включено 3 объекта.

Состав объектов культурного наследия в зависимости от видовой принадлежности:

- памятники – 5350 (из них памятники археологии – 5242);
- ансамбли – 4;
- достопримечательные места – 6.

Количественное распределение объектов по районам следующее:

- 2202 объекта на территории Сургутского р-на;
- 816 объектов на территории Кондинского р-на;
- 609 объектов на территории Советского р-на;
- 456 объектов на территории Нижневартовского р-на;

- 402 объекта на территории Нефтеюганского р-на;
- 479 объектов на территории Ханты-Мансийского р-на;
- 185 объектов на территории Октябрьского р-на;
- 108 объектов на территории Белоярского р-на;
- 103 объекта на территории Березовского р-на.

Цели и задачи деятельности Службы

Стратегической целью Службы как субъекта бюджетного планирования является гарантия сохранности объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры:

- обеспечение конституционных прав граждан на доступ к культурным ценностям, сохранение культурного достояния автономного округа (реализация п. 2 ст. 44 Конституции РФ и ст. 78—79 гл. 16 Устава Ханты-Мансийского автономного округа — Югры);
- создание условий для социального, национального, духовного и интеллектуального развития населения автономного округа;
- сохранности государственных материальных ценностей в составе археологических памятников.

Достижение стратегической цели предполагает решение следующих тактических задач:

- 1) Государственная охрана объектов культурного наследия.
- 2) Контроль в сфере историко-культурного наследия.

Задача 1. Государственная охрана объектов культурного наследия

В рамках решения поставленной задачи определены следующие основные направления деятельности:

1. Учёт выявленных объектов и объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия.
2. Согласование землеустроительной документации.
3. Оформление охранных обязательств пользователя объекта культурного наследия в отношении объектов культурного наследия регионального значения и в отношении объектов культурного наследия федерального значения по согласованию с федеральным органом исполнительной власти.
4. Выдача разрешений на проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ в случае проведения данных работ в границах территории объекта культурного наследия или в его зонах охраны.

5. Согласование проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ и проектов проведения указанных работ в случае проведения данных работ в границах территории объекта культурного наследия или в его зонах охраны.

6. Выдача заданий на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия.

7. Выдача разрешений на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия (ил. 1).

8. Согласование проектной документации на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия.

9. Установка информационных надписей и обозначений (знаков) на объекты культурного наследия федерального значения.

10. Организация проведения государственной историко-культурной экспертизы, необходимой для обоснования принятия решений (согласований).

Выполнение указанной задачи в 2014 г. характеризуется следующими показателями.

1. Подготовлено 2 постановления Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры; издано 16 приказов нормативно-правового характера (далее — НПА) (табл. 1).

Таблица 1

Нормативно-правовые акты, подготовленные Госкультухраной Югры

№ НПА	Дата приказа	Название НПА	Дата, номер регистрации в Гос. реестре НПА исполнительных органов государственной власти
Постановления Правительства ХМАО – Югры			
196-п	29.05.2014	О включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленного объекта культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	

Ил. 1. Объект культурного наследия «Церковь Рождества Пресвятой Богородицы» (п. Берёзово). Роспись стен. 2014 г. Фото: Я.А. Яковлев

476-п	12.12.2014	О включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленного объекта культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	
Приказы нормативно-правового характера Госкультохраны Югры			
1-нп	17.01.2014	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Усадьба П.А. Кайдалова в составе: дом П.А. Кайдалова, амбар»	№ 1652 от 21.01.2014
2-нп	17.01.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Сургутском районе	№ 1651 от 21.01.2014
3-нп	16.06.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Кондинском районе	№ 1803 от 20.06.2014
4-нп	16.06.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Октябрьском районе	№ 1804 от 20.06.2014
5-нп	16.06.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Советском районе	№ 1802 от 19.06.2014
6-нп	16.06.2014	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Деревянная церковь (сельский клуб) (нач. 19 в.)»	№ 1801 от 19.06.2014
7-нп	04.07.2014	О внесении изменений в приложение к приказу Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 6 июля 2012 года № 5-нп «Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по выдаче паспорта объекта культурного наследия, зарегистрированного в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, собственнику объекта культурного наследия»	№ 1824 от 04.07.2014
8-нп	24.07.2014	О внесении изменений в приложение к приказу Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	№ 1866 от 30.07.2014
9-нп	20.08.2014	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Деревянная церковь (сельский клуб) (нач. 19 в.)»	№ 1912 от 25.08.2014
10-нп	20.08.2014	О внесении изменений в приложение к приказу Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 30 июня 2011 г. № 2-нп «Об утверждении административного регламента по предоставлению государственной услуги «Предоставление информации об объектах культурного наследия регионального или местного значения, находящихся на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»	№ 1906 от 22.08.2014
11-нп	27.08.2014	Об утверждении границы, предмета охраны, характера использования территории объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Нёх-Урий»	№ 1923 от 29.08.2014

12-нп	16.09.2014	Об утверждении границы, предмета охраны, характера использования территории и временной зоны охраны объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Священное озеро Еманглор-Балбанты»»	№ 1945 от 19.09.2014
13-нп	07.10.2014	Об утверждении границы, предмета охраны, характера использования территории и временной зоны охраны объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Соровские озёра»»	№ 1975 от 10.10.2014
14-нп	07.10.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском районе	№ 1975 от 10.10.2014
15-нп	07.10.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Сургутском районе	№ 1976 от 10.10.2014
16-нп	30.12.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском районе	№ 2151 от 14.01.2015

2. Согласовано 262 акта выбора земельных участков для размещения объектов строительства и других нужд на территории поселений (муниципальных образований) и межселенной территории.

3. Согласовано 1794 справки (заключения) о наличии / отсутствии на территории, земельных участках, подлежащих хозяйственному

Ил. 2. Объект культурного наследия «Дом купца Добровольского К.И.» (п. Берёзово). Реставрация. Использование натуральных старогородных материалов. 2014 г. Фото: Я.А. Яковлев

освоению, объектов культурного наследия, выявленных объектов и объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия.

4. Выдано 4 разрешения на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия (ил. 2, 3) и 11 разрешений на проведение работ по сохранению выявленных объектов археологического наследия.

Задача 2. Контроль в сфере историко-культурного наследия

В рамках решения поставленной задачи определены следующие основные направления деятельности:

1. Контроль за состоянием объектов культурного наследия (за исключением отдельных объектов культурного наследия федерального значения, перечень которых утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации).

2. Контроль за выполнением условий охранных обязательств объектов культурного наследия регионального значения, выявленных объектов культурного наследия, а также охранных обязательств соб-

Ил. 3. Объект культурного наследия «Дом купца Добровольского К.И.» (п. Берёзово). Реставрация интерьеров. 2014 г. Фото: Я.А. Яковлев

ственников объектов культурного наследия регионального значения и пользователей этими объектами.

3. Контроль за полнотой и качеством осуществления органами исполнительной власти автономного округа полномочий по сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия.

4. Контроль за разработкой градостроительных регламентов.

5. Мониторинг популяризации в сфере историко-культурного наследия.

6. Проведение плановых и внеплановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Выполнение указанной задачи в 2014 г. характеризуется следующими показателями:

1. В соответствии со ст. 9 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ 5 марта 2014 г. была проведена плановая выездная проверка в отношении ОАО «Славнефть — Мегионнефтегаз». Нарушений обязательных требований или требований, установленных законодательством об объектах культурного наследия, не выявлено.

2. В соответствии со ст. 10 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ 5 марта 2014 г. была проведена внеплановая выездная проверка в отношении ОАО «Сургутнефтегаз». Нарушений обязательных требований или требований, установленных законодательством об объектах культурного наследия, не выявлено.

3. Юридическим лицам выдано 3 предписания о приостановке работ в порядке ст. 37 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в связи с угрозой повреждения:

— объекта культурного наследия федерального значения городища Вош-Рап (XII—XVII вв., XVIII—XX вв.), расположенного в Нефтеюганском р-не автономного округа (ОАО «Уралсибгидрострой»);

— выявленного объекта археологического наследия поселения Балинское 73, расположенного в Ханты-Мансийском р-не автономного округа (ООО «Роснефть — Юганскнефтегаз»);

— выявленного объекта археологического наследия поселения Кетпава 1, расположенного в Кондинском р-не автономного округа (ЗАО «Каюм нефть»);

— выявленного объекта археологического наследия группы впадин Кетпава 2, расположенного в Кондинском р-не автономного округа (ЗАО «Каюм нефть»);

4. Организованы и проведены мероприятия по контролю за состоянием 472 объектов археологического наследия, 8 объектов ар-

хитектуры и градостроительства регионального значения, 6 объектов истории.

5. В рамках проведения контрольных мероприятий за состоянием объектов культурного наследия выполнено следующее.

А) Возбуждено 4 административных дела:

— два — по ч. 1 ст. 7.13 («Нарушение требований сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, их территорий либо несоблюдение ограничений, установленных в границах их зон охраны») КоАП РФ (далее — ст. 7.13);

— одно — по ст. 7.14.1 («Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации») КоАП РФ (далее — ст. 7.14.1);

— одно — по ст. 7.14.2 («Неисполнение обязанности по приостановлению работ в случае обнаружения объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, или работ, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия либо нарушить его целостность и сохранность») КоАП РФ (далее — ст. 7.14.2).

Дела возбуждены в отношении управления магистральных нефтепроводов ОАО «Сибнефтепровод» (г. Сургут). Отказано в возбуждении дел по этим административным делам по основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 24.5 («Отсутствие события административного правонарушения») КоАП РФ.

Б) Возбуждено 2 административных дела по ч. 1 ст. 7.13 и ст. 7.14.1 КоАП РФ в отношении ООО «Магма» (г. Москва). Отказано в возбуждении дел по основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 24.5 («Отсутствие события административного правонарушения») КоАП РФ и п. 6 ст. 24.5 («Истечение сроков давности привлечения к административной ответственности») КоАП РФ.

В) Возбуждено административное дело по ст. 7.14.2 КоАП РФ в отношении ООО «Северянка—2003» (г. Нижневартовск) за нарушение требований предписания о приостановлении земляных, строительных, дорожных или иных работ, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия либо нарушить его целостность и сохранность, и о приостановлении движения автотранспорта в границах территорий выявленных объектов археологического наследия селищ Нёх-Урий 44.2, Нёх-Урий 44.3, Нёх-Урий 46 и городища Нёх-Урий 44.4. Постановлением судьи Нижневартовского районного суда ХМАО — Югры от 29.10.2014 административное дело было прекращено по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 24.5 («Отсутствие состава административного правонарушения») КоАП РФ.

Г) Возбуждено административное дело № 2/09.2014 от 15.09.2014 в отношении ООО «Роснефть — Юганскнефтегаз» по ч. 1, ст. 7.14.1 КоАП РФ по факту повреждения выявленного объекта культурного наследия поселения Балинское 73. Проведено административное расследование. Дело в производстве.

Д) Возбуждено административное дело № 1/10.2014 от 22.10.2014 в отношении ООО «РН-Юганскнефтегаз» по ст. 19.7 («Непредставление сведений (информации)») КоАП РФ, по факту непредставления сведений по административному делу № 2/09.2014 от 15.09.2014. Постановлением судьи Ханты-Мансийского районного суда ХМАО — Югры от 04.12.2014 правонарушитель привлечён к административной ответственности (предупреждение).

Е) Возбуждено административное дело по ч. 3 ст. 7.13 КоАП РФ в отношении департамента городского хозяйства г. Ханты-Мансийска за выдачу разрешения на производство земляных работ по строительству наружных сетей теплоснабжения в границах территории выявленного объекта культурного наследия поселения Самаровский Ям. Постановлением судьи Ханты-Мансийского районного суда ХМАО — Югры от 03.12.2014 правонарушитель привлечён к административной ответственности (штраф 100 000 руб.).

Ж) Возбуждено административное дело по ч. 3 ст. 7.13 КоАП РФ в отношении должностного лица — директора департамента городского хозяйства г. Ханты-Мансийска. Постановлением судьи Ханты-Мансийского районного суда ХМАО — Югры от 03.12.2014 правонарушитель привлечён к административной ответственности (штраф 20 000 руб.).

З) Возбуждено административное дело № 2/12.2014 от 30.12.2014 в отношении ООО «Роснефть — Юганскнефтегаз» по ч. 1, ст. 7.14.1 КоАП РФ по факту повреждения выявленного объекта культурного наследия поселения Балинское 73. Дело в производстве.

И) Возбуждено административное дело № 1/12.2014 от 30.12.2014 в отношении ООО «Роснефть — Юганскнефтегаз» по ст. 7.14.2 КоАП РФ по факту нарушения предписания, выданного в целях предотвращения дальнейшего разрушения выявленного объекта культурного наследия поселения Балинское 73. Дело в производстве.

Реализация мероприятий непрограммной деятельности по государственной охране объектов культурного наследия

Госкультухрана Югры реализует мероприятия непрограммной деятельности по государственной охране объектов культурного наследия, утверждённые собственным приказом от 31.10.2013 № 97-ПП.

В перечень мероприятий непрограммной деятельности по государственной охране объектов культурного наследия вошли следующие мероприятия:

- организация проведения государственной историко-культурной экспертизы;
- обследование технического состояния и установление границ территорий объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия, объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия;
- разработка проектов зон охраны объектов культурного наследия;
- формирование геоинформационной системы на объекты культурного наследия, расположенные на территории автономного округа;
- разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательных мест на территории автономного округа.

Бюджетные ассигнования непрограммной деятельности по государственной охране объектов культурного наследия на 2014 г. утверждены законом Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 07.11.2013 № 107-оз «О бюджете Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» (в редакции Закона Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 23.12.2014 № 116-оз) в сумме **42452,4 тыс. рублей.**

В рамках реализации непрограммной деятельности по государственной охране объектов культурного наследия в 2014 г. проведены следующие мероприятия.

1. Организация проведения государственной историко-культурной экспертизы. Реализация данного мероприятия необходима для принятия соответствующих решений с целью исполнения Службой своих полномочий. Фактическое исполнение по данному мероприятию составило 55,95 тыс. рублей. По результатам реализации мероприятия подготовлено 4 акта государственной историко-культурной экспертизы.

2. Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия, объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия. Фактическое исполнение по данному мероприятию составило 32541,11 тыс. рублей. По результатам реализации мероприятия подготовлены комплекты документов по определению технического состояния и установлению границ территорий объектов культурного наследия, в том числе:

- по обследованию технического состояния и установлению границ территорий объектов культурного наследия (археология) — **359** объектов культурного наследия (ил. 4);

- по обследованию технического состояния и установлению границ территорий объектов культурного наследия (архитектура) — 3 объекта культурного наследия;
- по обследованию технического состояния и установлению границ территорий объектов культурного наследия (этнология) — 16 объектов культурного наследия (в том числе зафиксирован факт утраты на 9 объектах культурного наследия);
- по обследованию технического состояния и установлению границ территорий объектов культурного наследия (история) — 7 объектов культурного наследия;
- по обследованию технического состояния и определению границ территории объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, с целью выявления и подготовки материалов для проведения государственной историко-культурной экспертизы (архитектура) — 2 объекта культурного наследия;
- по обследованию технического состояния и определению границ территории объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, с целью выявления и подготовки материалов для проведения государственной историко-культурной экспертизы (этнология) — 11 объектов культурного наследия;
- по обследованию технического состояния и определению границ территории объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, с целью вы-

Ил. 4. Обследование технического состояния и установление границ территории поселения Костор в Нефтеюганском р-не ХМАО — Югры. 2014 г.

явления и подготовки материалов для проведения государственной историко-культурной экспертизы (история) — 2 объекта культурного наследия.

3. Разработка проектов зон охраны объектов культурного наследия. Фактическое исполнение по данному мероприятию составило 1 071,44 тыс. рублей. За отчетный период подготовлены 4 проекта зон охраны.

4. Формирование геоинформационной системы на объекты культурного наследия, расположенные на территории автономного округа. Фактическое исполнение по данному мероприятию составило 97,6 тыс. рублей. По результатам реализации мероприятия подготовлены пространственные данные (электронные карты) по 230 объектам культурного наследия.

5. Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательных мест. Фактическое исполнение по данному мероприятию составило 1922,70 тыс. рублей. Результаты реализации мероприятия по разработке научно-проектной документации для обоснования достопримечательных мест:

— подготовлен комплект научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Высокая Гора» в Кондинском р-не автономного округа;

— выполнен 1-й этап разработки научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Нумто» в Белоярском р-не автономного округа.

6. Подготовка ежегодного сборника научных статей «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого». Фактическое исполнение по данному мероприятию составило 384,9 тыс. рублей. Издан 12-й выпуск ежегодника научных статей в количестве 300 экз.

Исполнение мероприятий окружной государственной программы

«Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2014—2020 годы» за 2014 год

Служба реализует мероприятие 2.4 «Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов культурного наследия — культовых мест и святынь коренных малочисленных народов» окружной государственной программы «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2014—2020 годы», утвержденной постановлением Правительства ХМАО — Югры от 03.10.2013 № 398-п

(далее — государственная программа). Объём финансирования данного мероприятия в 2014 г. составляет 616,0 тыс. рублей.

В рамках государственной программы проведён открытый конкурс на предмет: Выполнение научно-исследовательской работы по теме «Обследование состояния объекта, описание предмета охраны и установление границ территории объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, представляющих ценность с точки зрения этнологии, расположенных в Берёзовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры».

Целью проведения данной работы является выявление и подготовка материалов для проведения государственной историко-культурной экспертизы.

Работы проводились на 7 святилищах коренных малочисленных народов Севера на р. Северной Сосьве в Берёзовском р-не автономного округа.

Приложение

**Список объектов культурного наследия ХМАО – Югры,
границы территорий и режим использования которых установлены
нормативно-правовыми актами (продолжение).
На 16 июня 2014 г.¹**

№	Название объекта культурного наследия	Приказ		
		№ и дата	Название	Первая публикация
1	2	3	4	5
661	Поселение Усть-Тетер 1	9-нп от 20.08.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Кондинском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2014. – 29 августа. – № 100
662	Поселение Усть-Тетер 2			
663	Поселение Усть-Тетер 3			
664	Группа впадин Чёрная Речка 1			
665	Группа впадин Чёрная Речка 2			
666	Поселение Кетлава 1			
667	Группа впадин Кетлава 2			
668	Поселение Убья 1			
669	Поселение Убья 2			
670	Впадина Чеснок 2			
671	Городище Канда 9			
672	Группа впадин Катым 1			
673	Группа впадин Катым 2			
674	Поселение Ахтымя 1			
675	Поселение Ахтымя 2			
676	Поселение Кима 2			
677	Поселение Леуши 10			
678	Поселение Сатыга 6			
679	Поселение Сатыга 35			
680	Местонахождение Сумпанья 5			
681	Поселение Сумпанья 9			
682	Поселение Урайчик 3			
683	Поселение Урайчик 4			
684	Поселение Урайчик 5			

¹ Предыдущие части списка опубликованы: № 1– 326 – Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2013. – Вып. 11. – С. 4–16; № 327–660 – Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2014. – Вып. 12. – С. 19–29. Нормативно-правовые акты Государственной Думы до-ступны на сайте www.nasledie.admhmao.ru в разделе «Документы/ Приказы Государственной Думы».

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
685	Поселение Урайчик 6	9-нп от 20.08.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Кондинском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2014. – 29 августа. – № 100
686	Поселение Урайчик 7			
687	Группа впадин Урайчик 8			
688	Поселение Большое Окунево 1			
689	Поселение Большое Окунево 2			
690	Поселение Большое Окунево 3			
691	Поселение Большое Окунево 4			
692	Поселение Большое Окунево 7			
693	Владина Мухомья 6.1			
694	Владина Мухомья 6.2			
695	Группа впадин Мухомья 6.3			
696	Группа впадин Мухомья 12	11-нп от 27.08.2014	Об утверждении границы, предмета охраны, характера использования объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Нёх-Урий»»	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2015. – 09 сентября. – № 104
697	Владина Мухомья 15			
698	Группа впадин Мухомья 16			
699	Поселение Мухомья 14			
700	Поселение Нерпалка 6			
701	Поселение Пава 2			
702	Поселение Поппава 2			
703	Группа впадин Поппава 3			
704	Достопримечательное место «Нёх-Урий»			
705	Достопримечательное место «Еманглогор-Балбанты»	12-нп от 16.09.2014	Об утверждении границы, предмета охраны, характера использования объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Еманглогор-Балбанты»»	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 26 сентября. – № 112
706	Достопримечательное место «Соровские Озёра»	13-нп от 18.09.2014	Об утверждении границы, предмета охраны, характера использования объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Соровские озёра»»	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 26 сентября. – № 112
707	Ловчая яма Покачевский Урий 9.1	14-нп от 07.10.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижнеартмовском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 18 ноября. – № 133
708	Селище Покачевский Урий 9.2			
709	Селище Покачевский Урий 9.3			
710	Селище Покачевский Урий 9.4			
711	Селище Покачевский Урий 9.5			
712	Селище Покачевский Урий 10			

Продолжение таблицы

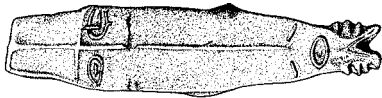
1	2	3	4	5
713	Селище Меуденьяун 1	15-нп от 07.10.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 18 ноября. – № 133
714	Селище Меуденьяун 2			
715	Селище Меуденьяун 3			
716	Селище Меуденьяун 4			
717	Поселение Вочимьяун 14			
718	Поселение Вочимьяун 23	15-нп от 07.10.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 18 ноября. – № 133
719	Поселение Вочимьяун 24			
720	Поселение Вочимьяун 26			
721	Поселение Вочимьяун 27			
722	Поселение Вочимьяун 29			
723	Поселение Вочимьяун 30	16-нп от 30.12.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2015. – 23 января. – № 6
724	Поселение Вочимьяун 11 Б			
725	Поселение Вочимьяун 11 В			
726	Селище Мохтикьеёган 14			
727	Селище Мохтикьеёган 17			
728	Селище Мохтикьеёган 18			
729	Селище Мохтикьеёган 19			
730	Городище Мохтикьеёган 20			
731	Могильник Мохтикьеёган 21			
732	Селище Мохтикьеёган 22			
733	Городище Мохтикьеёган 24			
734	Селище Мохтикьеёган 25			
735	Могильник Мохтикьеёган 26	16-нп от 30.12.2014		
736	Ловчая яма Мохтикьеёган 27			
737	Селище Мохтикьеёган 28			
738	Городище Мохтикьеёган 29			
739	Селище Мохтикьеёган 30			
740	Селище Мохтикьеёган 31			
741	Могильник Мохтикьеёган 32			
742	Ловчая яма Мохтикьеёган 33			
743	Селище Мохтикьеёган 34			
744	Ловчая яма Мохтикьеёган 35			
745	Ловчие ямы Мохтикьеёган 36	16-нп от 30.12.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2015. – 23 января. – № 6
746	Ансамбль Мохтикьеёган 37			
747	Ловчие ямы Имньёган 3.7			
748	Селище Юрты Нонгъёганские			
749	Городище Нивагальское 22			
750	Городище Старые Поляки 11			

Окончание таблицы

751	Селище Старые Покачи 12	16-нп от 30.12.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2015. – 23 января. – № 6
752	Селище Старые Покачи 13			
753	Селище Малый Нонгъеган 1			
754	Селище Юрты Покачевых 1			
755	Селище Юрты Покачевых 2			
756	Могильник Кладбище Покачевых 1	1-нп от 27.02.2015	Об утверждении границы, предмета охраны, требований к осуществлению деятельности в границах территории объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Культурный слой Сургута»	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2015. – 13 марта. – № 25
757	Достопримечательное место «Культурный слой Сургута»			
758	Городище Няксимволь	2-нп от 05.03.2015	Об утверждении границ территории и особого режима использования территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище», расположенного в Берёзовском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2015. – 31 мая. – № 32

Составил: Д.М. Шакиров

К вопросу об организации управления недвижимым культурным наследием в Германии на примере земли Баварии

Ю.И. Кизнер

г. Мюнхен

И. Саев

г. Мюнхен

Отдел памятников археологии Верхней Баварии / Мюнхена управления
практического сохранения памятников археологии Баварского земельного
ведомства по сохранению памятников культуры

О целенаправленной политике в области государственной охраны и сохранения недвижимого культурного наследия и формировании основных моделей управления этим наследием в европейских государствах можно говорить начиная с кон. XIX в.

Там, где основные функции охраны памятников истории и культуры изначально выполняли общественные организации (например, в Великобритании), роль государства и в настоящее время сведена к минимуму — основную нагрузку по исполнению этих полномочий несут общественные и частные структуры с опорой на местные органы власти. Там же, где регулирование общественных отношений в части национального культурного наследия формировалось на основе определяющей роли государства (а это целый ряд европейских стран, в том числе и Российская Федерация), были созданы государственные системы.

Одним из примеров успешного развития такой государственной модели является Германия. Её особенностью является то, что правовое регулирование вопросов охраны, сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия относится к компетенции федеральных земель. Единый для всех субъектов федерации закон отсутствует. Каждая земля имеет собственную законодательно-нормативную базу для регулирования отношений в данной области, а также самостоятельно определяет критерии и состав объектов культурного наследия, выстраивает собственную систему охраны в регионе. Федеральная земля Бавария не является исключением.

Закон об охране и сохранении памятников культуры был принят в Баварии в 1973 г.¹ Он состоит из 9 разделов и 28 статей.

В первом разделе сформулированы основные понятия, использованные в данном законе (памятники, памятник архитектуры, памятник археологии, список памятников), а также декларировано, что юрисдикция закона распространяется не только на памятники архитектуры и археологии, но и на зарегистрированные движимые объекты.

Под памятниками в настоящем законе понимаются вещи (предметы) или части вещей (предметов), которые созданы человеком в прошлом и сохранение которых в связи с их историческим, художественным, градостроительным, научным или этнокультурным значением осуществляется в интересах общества.

Во втором разделе раскрыты понятия «сохранение памятников архитектуры» и «использование памятников архитектуры», определён лицензированный характер работ на объектах архитектуры.

Третий раздел регулирует деятельность в отношении объектов археологического наследия: их выявление, оценку исторической и культурной ценности, процедуру получения разрешения на раскопки.

Четвёртый раздел устанавливает необходимость получения разрешения органа охраны памятников либо его уведомления при совершении различных действий с движимым объектом, как то: перемещение, реставрация, продажа и т. п.

В пятом разделе определена структура органов охраны объектов культурного наследия Баварии, объяснена процедура выдачи разрешений на проведение работ на указанных объектах, установлено право граждан на получение информации о них.

Шестой раздел устанавливает процедуру отчуждения памятника.

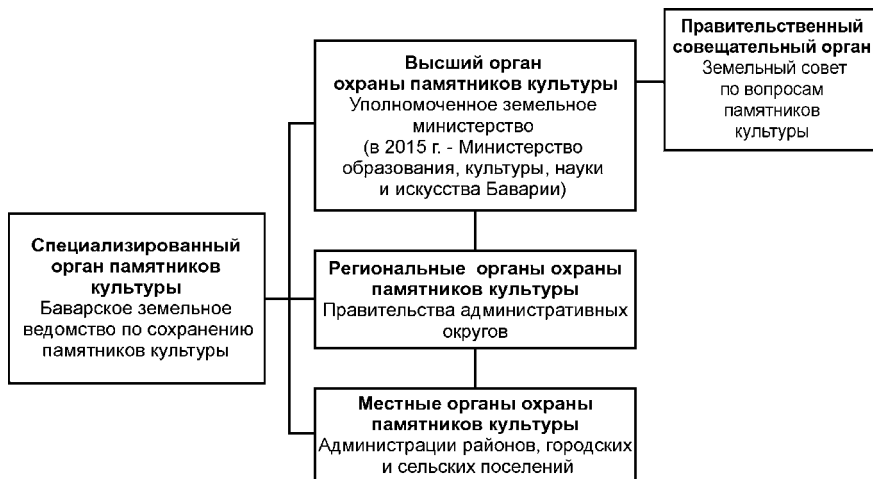
В седьмом и восьмом разделах речь идёт, соответственно, об источниках финансирования и о штрафных санкциях

Девятый раздел — это общие и заключительные положения.

Двенадцатистраничный текст закона дополняется 444-страничным комментарием, применяемым при толковании спорных или сложных случаев.

Остановимся подробнее на организационной структуре управления недвижимым наследием и рассмотрим системообразующие элементы, определённые статьями раздела 5 баварского закона во взаимодействии друг с другом и с внешними структурами в контексте сохранения памятников археологии (ил. 1).

Первой ступенью в системе органов охраны объектов культурного наследия в Баварии являются администрации крупных сельских / го-

Ил. 1. Структура охраны и сохранения объектов культурного наследия в Баварии. Из кн.: Denkmalspflege Themen. — München, 2013. № 4: Aus guten Grund. Bodendenkmalspflege in Bayern: Standpunkte — Ziele — Strategien. — S. 70. Пер. с нем.: Ю.И. Кизнер

родских поселений и районов, а также органы власти административных округов (Untere und Höhere Denkmalschutzbehörden), которые непосредственно взаимодействуют с собственниками памятников и заказчиками строительства. Так, обладая информацией о наличии объектов культурного наследия на своей территории, именно они принимают и рассматривают заявки на проведение земляных, строительных и других работ. В случае наличия памятника или его части на земельном участке, отводимом под хозяйственные работы, заявка направляется местным органом охраны в специально созданный государственный орган для получения рекомендаций по сохранению объекта. Доведение до сведения заказчика подготовленных госорганом рекомендаций и контроль за их выполнением также являются полномочием местных органов охраны.

Специально созданным государственным органом по вопросам культурного наследия является Баварское земельное ведомство по сохранению памятников культуры (Bayrisches Landesamt für Denkmalspflege). Именно ему делегированы полномочия по обеспечению сохранения и изучения памятников культуры в Баварии и организация ведомственного взаимодействия в сфере их охраны. Руководящим принципом (Leitsatz) Баварского земельного ведомства является девиз «Сохранять,

объяснять, помогать», а стержнем деятельности — «презумпция» памятника «Сохранение через предупреждение разрушения».

Высшим органом по регулированию всех вопросов в сфере культурного наследия является Министерство образования, культуры, науки и искусства Баварии (**Bayerisches Staatsministerium für Bildung und Kultus, Wissenschaft und Kunst**), в прямом подчинении которого находится ведомство по охране памятников.

Кроме того, в баварскую систему управления наследием входят структуры, основной функцией которых является консультирование заинтересованных сторон в области охраны и сохранения движимых и недвижимых памятников. Так, при органах местного самоуправления учреждена специальная должность советника по вопросам местной истории, культуры, сохранения природного и культурного наследия (*der Heimatpfleger*). Основные его обязанности заключаются в консультировании местных общин, собственников памятников, заказчиков строительных работ, музеев, школ, церковных организаций и т. п.

Таким советником чаще всего является член Баварского земельного общества по сохранению местных исторических, культурных и природных особенностей (*Der Bayerische Landesverein für Heimatpflege e.V.*) — очень крупной общественной организации, созданной в нач. XX в., имеющей богатый опыт и насчитывающей в настоящее время ок. 8000 членов².

Совершенно другую нишу занимает Земельный совет по вопросам памятников культуры (*der Landesdenkmalrat*) — высший консультативный орган Баварии по вопросам культурного наследия. Он обсуждает важнейшие вопросы сферы охраны культурного наследия, его рекомендации обращены непосредственно к правительству Баварии. Возглавляет этот совещательный орган министр культуры. В соответствии с п/п. h п. 2 ст. 14 вышеуказанного земельного закона в состав совета входит представитель Баварского земельного общества по сохранению местных исторических, культурных и природных особенностей, связывая, таким образом, низовые общественные структуры с самым высоким уровнем общеправарской системы охраны памятников. Другими членами Земельного совета по вопросам памятников культуры являются депутаты Ландтага (парламента) Баварии, представители Министерства культуры Баварии, органов местного самоуправления и церковных институций, собственники памятников, представители научных учреждений, историки искусства, профессиональные архитекторы и ремесленники.

Рассмотрим теперь чуть подробнее ключевой элемент системы — Баварское земельное ведомство по сохранению памятников культуры (ил. 2).

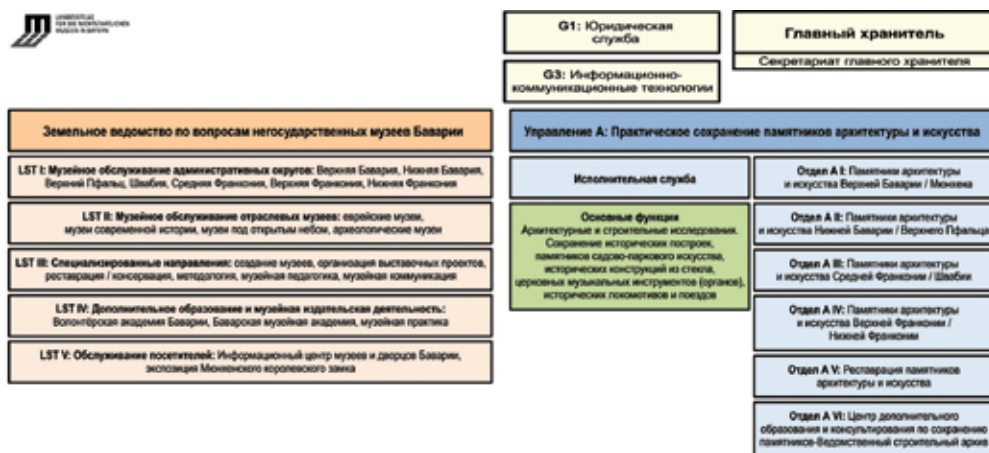
Вопросами собственно сохранения и охраны памятников занимаются три крупных управления:

- управление практического сохранения памятников архитектуры и искусства,
- управление учёта и исследования памятников,
- управление практического сохранения памятников археологии.

Связующим звеном для «архитектурного» и «археологического» направлений деятельности является управление учёта и исследований, куда стекается вся информация о памятниках. Именно здесь данные обо всех типах объектов уточняются, изучаются, обрабатываются и вносятся в специализированную информационную систему (Fachinformationssystem der Denkmalfpflege (FIS)).

Информационная база данных по памятникам начала заполняться в 2007 г. К 2011 г. в неё был внесен, а к 2014 г. проверен весь имеющийся массив информации о зарегистрированных объектах. Обращаясь к конкретным цифрам, можно отметить, что по состоянию на 01.03.2015 в информационной системе Баварии были зарегистрированы:

- 48753 объекта археологического наследия,
- 112084 объекта архитектуры и искусства,
- 132 движимых объекта культуры.

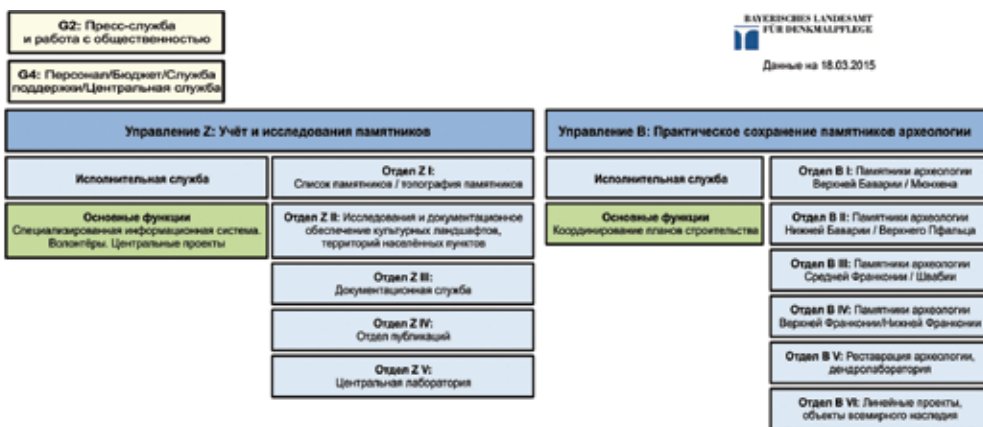

С электронной базой данных напрямую связаны список зарегистрированных памятников культуры (Denkmalliste) и Баварский атлас памятников культуры (der Bayerische Denkmal-Atlas). Это части единой информационной системы, два уровня доступа к ней. С полной версией могут работать только уполномоченные специалисты ведомства (Datenschutz), а атлас памятников — это специально предусмотренная возможность ознакомиться с основной информацией о зарегистрированных объектах (номер, датировка, местоположение) в сети Интернет всем желающим (ил. 3).

Выше уже отмечалось, что в Баварии на государственном учёте находится почти 50000 памятников археологии (ил. 4). В соответствии с Законом об охране и сохранении памятников культуры (Denkmalschutzgesetz) под объектами археологического наследия понимаются движимые и недвижимые памятники, как правило, дошедшие из прошлых исторических эпох, находящиеся или найденные в земле. Все они имеют статус объектов регионального (земельного) значения и находятся под охраной государства.

Деятельность по обеспечению сохранности археологического наследия, осуществляемая государственным органом охраны, можно кратко представить следующим образом:

1. Мониторинг данных о зарегистрированных объектах, включающий в себя обследование территории и уточнение информации о выявленных в разное время и разными способами памятниках археологии. Способы получения

Ил. 2. Организационная структура Баварского земельного ведомства по сохранению памятников культуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.blfd.bayern.de/landesamt/organisation/index.php>. Пер. с нем.: Ю.И. Кизнер

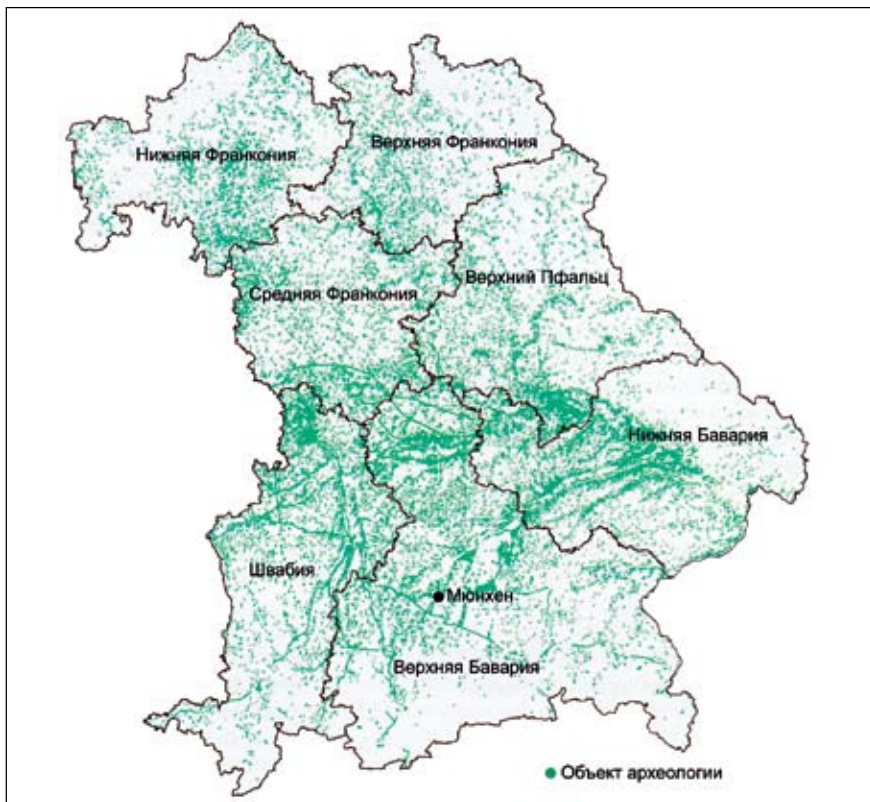
новой информации различны: лазерное сканирование и фотосъёмка с воздуха, геофизические методы, изучение письменных источников, привлечение добровольных помощников к обследованию памятников (например, к сбору подъёмного материала с повреждённых объектов) и пр.

2. Учётные мероприятия, связанные с внесением изменений и дополнений в список зарегистрированных памятников.

3. Научные исследования в сфере охраны и сохранения памятников.

4. Выработка рекомендаций по обеспечению сохранности памятников при проведении хозяйственных работ и экспертиза отчётных материалов, предоставляемых археологическими учреждениями по завершении работ по сохранению.

5. Осуществление контроля за консервацией, реставрацией и депонированием археологических находок и коллекций. Археологические предметы могут передаваться исследователями в Государственное археологическое со-

Ил. 4. Археологическая карта Баварии. Взято из: Denkmalpflege Themen. — München, 2013. № 4: Aus guten Grund. Bodendenkmalpflege in Bayern: Standpunkte — Ziele — Strategien. S. 16.

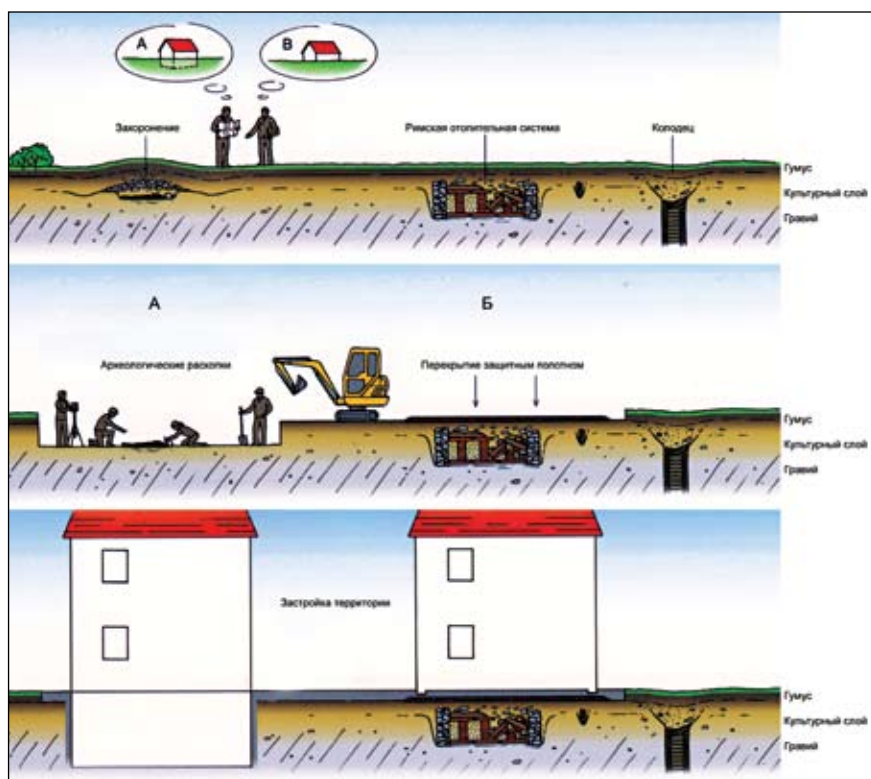

брание Баварии (Archäologische Staatssammlung München), остеологические материалы — в специализированный антропологический депозитарий.

6. Взаимодействие на постоянной основе с архитектурными и проектными бюро, местными специалистами в сфере охраны памятников, университетами и другими научными организациями, добровольными помощниками и др.

7. Информирование широкой общественности об опасностях, которые угрожают памятникам со стороны антропогенных и природных факторов, с целью предотвращения возможных разрушений.

Реализация полного спектра перечисленных выше функций позволяет Баварскому земельному ведомству по сохранению памятников

Ил. 5. Пример предлагаемого выбора между археологическими исследованиями и консервационными работами при планировании строительных работ на территории объекта археологического наследия. Стоимость археологических раскопок может серьезно варьировать, цена консервационных работ, напротив, рассчитана точно. Из кн.: Denkmalpflege Themen. — München. 2013. № 4: Aus guten Grund. Bodendenkmalpflege in Bayern: Standpunkte — Ziele — Strategien. — S. 75. Пер. с нем.: Ю.И. Кизнер

культуры обеспечить открытость, прозрачность и результативность деятельности в сфере культурного наследия на всех её уровнях. Информирование общественности и постоянное взаимодействие со всеми заинтересованными структурами и лицами также значимы, как научная, экспертная или контрольная функция. Заблаговременное доведение необходимой информации до сведения тех, кто умышленно или непредумышленно способен нанести памятнику ущерб, баварская система находит более продуктивным, чем судебное преследование нарушителя законодательства в сфере наследия. Рекомендации для заказчиков и исполнителей строительных работ, планировщиков, собственников объектов культурного наследия, разъясняющие конкретные процедуры по получению разрешения на производство работ и предлагающие различные варианты сохранения объекта археологии, позволяют достигать компромисса между застройщиком и органом охраны и снимать вопрос о приоритете экономической эффективности строительства или ценности памятника ещё до начала работ (ил. 5).

Выше были рассмотрены только некоторые аспекты охраны и сохранения объектов культурного наследия в Баварии, но даже такой краткий экскурс позволяет увидеть открытость и технологичность этой системы управления недвижимым наследием. В процесс охраны памятников вовлечён широкий круг лиц — официальные лица органов исполнительной власти земли Баварии, представители органов местного самоуправления, различных профессиональных сообществ, собственники памятников, добровольные помощники и пр. Всё это способствует не только сохранению объектов культурного наследия, но и превращению их в элементы действующей среды обитания, в фактор самоидентификации сообществ различного уровня — от сельской общины до федеральной земли.

Завершая это краткое представление системы управления недвижимым наследием в Баварии, представляется уместным признать практику передачи полномочий в области культурного наследия на уровень субъекта федерации достойной самого пристального внимания, а её реализацию баварскими органами охраны памятников весьма результативной³.

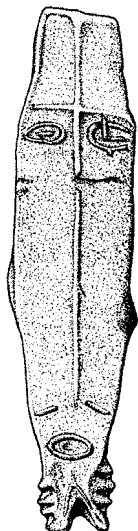
ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Gesetz zum Schutz und zur Pflege der Denkmäler (Denkmalschutzgesetz — DSchG) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.blfd.bayern.de/medien/dsg.pdf>

² Der Bayerische Landesverein für Heimatpflege e.V. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.heimat-bayern.de/index.php/zeige/index/id/5>

³ Denkmalpflege Themen. — München. 2013. № 4: Aus guten Grund. Bodendenkmalpflege in Bayern: Standpunkte — Ziele — Strategien. — 97 S.; Bayrisches Landesamt für Denkmalpflege (Баварское земельное ведомство по сохранению памятников культуры) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.blfd.bayern.de>; **Миронова Т.Н.** Сохранение культурного и природного наследия как главная черта культурной политики стран Европейского региона: Италия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://tourism.mosgu.ru/o_fakultete/kafedra/cultural/Nayka/mironova.htm; **Боргоякова Т.В.** Российский и зарубежный опыт сохранения историко-культурного наследия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2009/VSF_NEW200904121311/VSF_NEW200904121311_p_008.htm.

Актуальные вопросы включения исторических путей сообщения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации*

О.Г. Литвинова

г. Томск

Томский государственный

архитектурно-строительный университет

Целью данной работы является определение наиболее эффективных решений сохранения исторических путей сообщения, созданных в ходе реализации решений российского правительства в XVIII—XIX вв. Необходимость в государственной охране таких объектов возникла давно, поскольку ценность путей и дорог в истории развития транспортной системы России подтверждают большое количество диссертационных исследований по истории, географии, архитектуре, градостроительству и другим научным дисциплинам. Инженерно-технологические решения XVIII—XIX вв., применяемые российскими специалистами для создания международных и региональных транзитов, являются неотъемлемой частью истории развития научно-технического комплекса страны. В связи с этим особенно актуальны вопросы разработки методических рекомендаций по включению исторических путей сообщения в государственный реестр объектов культурного наследия.

Методика постановки на государственную охрану объектов историко-культурного наследия — это связующее звено между историческим объектом и действующим законодательством в области государственной охраны, сохранения и использования культурного наследия Российской Федерации. Существующие методические руководства, которые помогают найти правильный путь к разработке учётной документации, не являются обязательными при формировании необходимого пакета до-

* Исследования проводятся в рамках научного проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом в 2014 г. — проект № 14-04-00289 «Историко-технические и планировочные особенности соединения сибирских рек Оби и Енисея в конце XIX столетия (деревянные гидротехнические сооружения «Обь-Енисейского канала»)».

кументов. В первую очередь это связано с необходимостью длительного периода апробации найденных механизмов; во вторую нужно учитывать особенности объектов культурного наследия и ведения учёта (реестра) в том или ином субъекте России. Неоспорим тот факт, что при включении в реестр важное значение имеет чёткое представление о том, как будут использоваться и развиваться охраняемые территории.

За довольно длительный период реформирования сферы охраны культурного наследия разработана прочная база рекомендаций по выявлению ценностных характеристик объектов, сформированы важнейшие принципы ведения государственного реестра, разработаны методические рекомендации по формулированию предмета охраны объекта, даны чёткие определения категории и видов памятников.

Исторические пути сообщения являются специфической формой культурного наследия, поэтому важно определить, к какому типу можно относить данные объекты и какой пространственной структурой они обладают.

Современное законодательство учитывает и охватывает практически все типы материального и нематериального наследия, однако часть недвижимых объектов культуры по-прежнему не поддаётся классификации из-за специфики географического местоположения и функциональной принадлежности. Кроме того, совокупность множества факторов осложняет разработку учётной документации в терминологическом аспекте. Как правило, это пространственные объекты культурного наследия. Одной из форм охраны здесь становится специально введённый вид объектов культурного наследия — достопримечательное место.

Достопримечательное место как самостоятельное понятие окончательно приобрело свои основные смысловые характеристики в Федеральном законе от 25.06.2002 N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»¹. За прошедшие после принятия закона 13 лет были разработаны рекомендации по составлению предмета охраны достопримечательных мест и режимов использования территорий. В 2006 г. в «Государственной стратегии формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации»² Ю.А. Ведениным³ впервые были предложены основные концептуальные понятия сохранения пространственных объектов. Исторические и культурные ландшафты классифицированы по нескольким типам достопримечательных мест, на базе которых в дальнейшем должны формироваться историко-культурные заповедники.

А именно:

- историко-архитектурные музеи-заповедники;
- этнографические музеи-заповедники;
- музеи-заповедники, сохраняющие промышленное наследие;
- музеи-заповедники, имеющие в своей основе сохранившиеся фрагменты исторических путей и дорог (выделено нами. — О.Л.);
- заповедные территории, связанные с местами воинской славы;
- музеи-заповедники археологического наследия;
- музеи-заповедники на базе усадебных комплексов;
- музеи-заповедники в исторических поселениях.

Соответственно, предложена достаточно простая и понятная схема формирования и использования объектов культурного наследия (ил. 1).

Для таких объектов культурного наследия, как фрагменты исторических путей сообщения, мы предлагаем дефиницию *пространственный объект линейного типа*. В указанном выше документе «Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации» к ним отнесены:

- водные пути,
- сухопутные тракты,
- железные дороги,
- горные перевалы,
- населённые пункты, являющиеся важными элементами древних транзитов.

Ил. 1. Модель формирования историко-культурного заповедника

Эта группа впервые узаконивает существование линейных объектов культурного наследия, однако её наполнение весьма скупо, поскольку достаточно часто территории исторических транзитов обладают не только специфическими инженерными сооружениями, градостроительными образованиями, уникальными природными ландшафтами, но и многочисленными объектами исторического и археологического наследия.

Культурные и природные элементы исторических путей сообщения подчас неотделимы друг от друга и при этом не ограничиваются исторической картиной жизни населения какого-то одного региона.

Иногда материальные свидетельства приобретают общероссийское и даже международное значение. В результате пространственные объекты приобретают все свойства достопримечательного места. При этом далеко не всегда такое достопримечательное место можно свести к какому-то одному пункту из предложенного выше совсем короткого списка. Необходим дополнительный — смешанный — тип, позволяющий в равной степени определять виды объектов культурного наследия и вводить вариативность режимов использования земель. Связано это, в первую очередь, с дальнейшим развитием территорий, так как правовая форма охраны и использование достопримечательного места нуждаются в чётком нормативно-правовом сопровождении.

Дополнительная проблема постановки на государственную охрану исторических путей сообщения заключается ещё и в том, что они могут располагаться на территориях сразу нескольких субъектов Российской Федерации. Столкновение интересов сразу нескольких органов исполнительной власти влечёт за собой ряд затруднений как в исполнении полномочий, так и в документационном сопровождении процесса госохраны. К ним относятся:

- определение адреса объекта;
- определение вида памятника;
- определение категории охраны;
- определение режимов использования территорий;
- специфика территориального планирования каждого субъекта;
- формирование учётной документации;
- вопросы развития и эксплуатации территории объекта;
- надзор за соблюдением охранных обязательств.

Все эти затруднения объясняются децентрализацией полномочий субъектов Федерации как в части государственной охраны объектов культурного наследия, так и в части формирования собственной законодательной базы в этой сфере.

Необходимо упомянуть о том, что с подобными проблемами сталкиваются не только в России. Поисками ответов на вопросы охраны пространственных объектов линейного типа занимаются и за рубежом. Примером может служить Тихоокеанская железнодорожная магистраль в Чиуауа на территории Мексики (аналог нашей Транссибирской железнодорожной магистрали). Строительство этой транзитной линии началось во втор. пол. XIX в.; протяженность составила 673 км; на её линии построено 86 тоннелей и 35 мостов. Поскольку Мексика имеет федеративное административное деление, то включение в список наследия исторических инженерных сооружений железной дороги как элементов

целостного объекта весьма затруднительно. В связи с этим административные структуры совместно со специалистами пытаются разработать механизмы эффективного сохранения этого уникального сооружения.

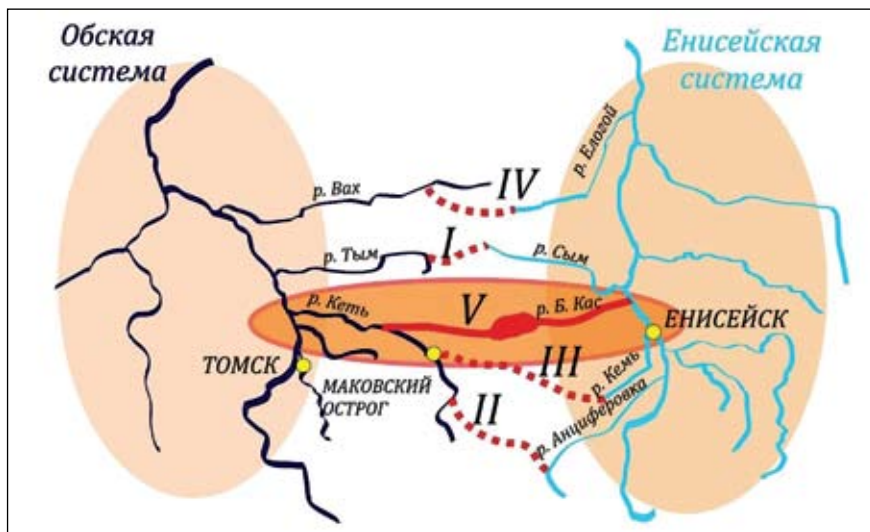
В России достопримечательные места линейной структуры встречаются крайне редко и только в системе охраны улиц городов, где они представлены небольшими фрагментами. Нередко такие небольшие по протяжённости части улиц отражаются в структуре генерального плана исторического поселения.

Предварительный анализ существующих методик показал, что действенных механизмов, позволяющих провести процедуру включения в государственный реестр объектов культурного наследия, расположенных на территориях двух и более федеральных субъектов, в целостном виде, не существует.

Таким образом, для более предметного обсуждения заявленных проблем перейдём непосредственно к проблеме сохранения таких значимых объектов в истории развития транспортной инфраструктуры России, как соединительные водные системы, построенные в XVIII—XIX вв. Сделать это можно на примере выявленного объекта культурного наследия Обь-Енисейский соединительный водный путь.

Строительство искусственных водных путей в XVIII—XIX вв. представляет собой отдельную отрасль народного хозяйства, заложенную ещё Петром Великим. Всего за указанный период было построено 13 водных систем, 12 из них располагаются на территории европейской части России и только одна — в Сибири. Инженерные сооружения возводились преимущественно из дерева, и это отличало российское строительство водных коммуникаций от зарубежного. Преимуществом деревянных конструкций судопропускных сооружений являлась простота при трансформации их габаритов. Возможность быстро и легко реконструировать деревянные сооружения, которые, в отличие от каменных (капитальных) сооружений, не требовали значительных средств, позволяла России длительное время успешно обеспечивать торгово-экономические потребности на внутренних и международных рынках.

Идея о соединении сибирских рек Оби и Енисея своевременно была включена в стратегию развития путей сообщения страны ещё на рубеже XVIII—XIX вв. За почти столетний период изысканий на Обь-Енисейском водоразделе инженерами Министерства путей сообщения было исследовано и запроектировано пять вариантов соединения рек, и только один — в Кеть-Касском направлении — был рекомендован к реализации в кон. XIX в. (ил. 2).

Ил. 2. Варианты соединения рек Обь-Енисейского водораздела, исследованные с 1797 по 1878 г

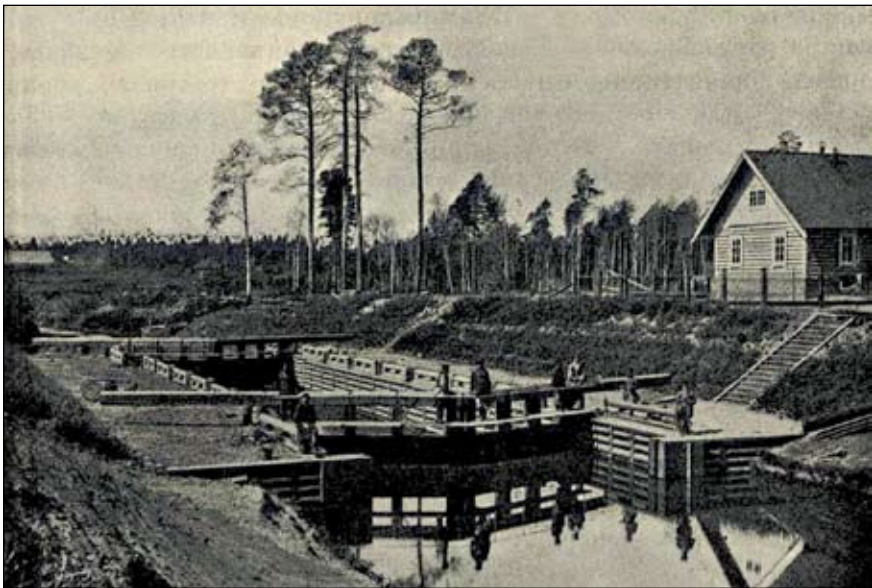
Рассматривая место Обь-Енисейского водного пути в транспортной системе страны, можно заметить, что его соединительная часть являлась «первым шагом» в организации сибирской системы водных путей сообщения. Эволюция этого процесса была напрямую связана с климатическими и гидрогеологическими условиями, а также с уровнем экономического развития отдельных регионов Сибири. Немаловажное значение в развитии транспортной структуры имели исследования и эксперименты инженеров путей сообщения. Результаты этой деятельности представлены в виде реально сохранившихся гидротехнических сооружений Обь-Енисейской соединительной водной системы, а идеи территориального развития России посредством развития водной транспортной инфраструктуры по-прежнему остаются актуальными и востребованными (ил. 3–15).

Сегодня Обь-Енисейский соединительный водный путь — это шлюзованная речная соединительная система, расположенная на территории Западной и Восточной Сибири между реками Обь и Енисей. Территориально объект расположен на границе двух федеральных субъектов России — Томской области и Красноярского края.

На территории Томской области западная оконечность Обь-Енисейского водного пути располагается в северо-восточной части Верхнекетского р-на, в 40 км от п. Катайга. Тут же находится 115,4 км

Ил. 3. Обь-Енисейский водный путь. Нарубка береговых устоев шлюза на 15-й версте (жилой стан Ломоватый). 1887 г. Из кн.: Осипов А.Н. Последний караван Обь-Енисейского канала. – Новосибирск: Арал, 2013. – С. 11

Ил. 4. Обь-Енисейский водный путь. Шлюз на 15-й версте (жилой стан Ломоватый). Из: Р.[псевдоним]. Обь-Енисейский водяной путь // Томский листок. – Томск, 1896. – № 32. – С. 3

Ил. 5. Обь-Енисейский водный путь. Плотина при шлюзе на 15-й версте (жилой стан Ломоватый). 1888 г. Из кн.: Осипов А.Н. Последний караван Обь-Енисейского канала. – Новосибирск: Арéal, 2013. – С. 12

Ил. 6. Обь-Енисейский водный путь. Жилой дом начальника Технического строительного отдела барона Б.А. Аминова на стане Главном. 1889 г. Из кн.: Осипов А.Н. Последний караван Обь-Енисейского канала. – Новосибирск: Арéal, 2013. – С. 14

Ил. 7. Обь-Енисейский водный путь. Окончание нарубки надводной части шлюзо-плотины на 72-й версте (жилой стан Генеральский). 1887 г. Из личного архива Г.М. Залесова (г. Томск)

Ил 8. Обь-Енисейский водный путь. Шлюзо-плотина и сторожевой дом на 72-й версте (жилой стан Генеральский). 1910 г. Из кн.: Осипов А.Н. Последний караван Обь-Енисейского канала. – Новосибирск: Ареал, 2013. – С. 15

Ил. 9. Обь-Енисейский водный путь. Нижняя часть шлюза на 85-й версте (жилой стан Николаевский). 1886 г. Из фондов Красноярского краевого краеведческого музея

Ил. 10. Обь-Енисейский водный путь. Соединительный канал. 1895 г. Из личного архива Г.М. Залесова (г. Томск)

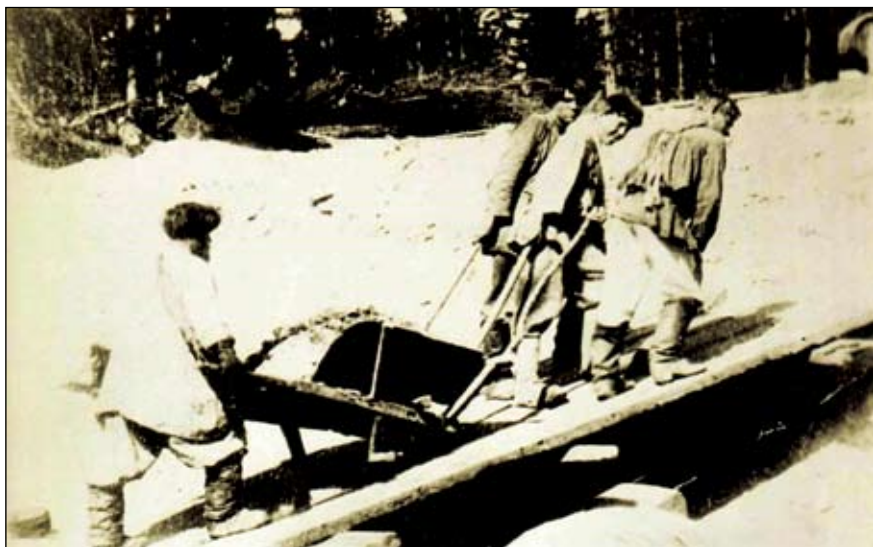
Ил. 11. Обь-Енисейский водный путь. Верхняя часть шлюза на 103-й версте (жилой стан Касовский). 1895 г. Из кн.: *Осипов А.Н. Последний караван Обь-Енисейского канала.* – Новосибирск: Ареал, 2013. – С. 13

Ил. 12. Обь-Енисейский водный путь. Двухкамерный шлюз на 155-й версте (жилой стан Безымянный). 1910 г. Из кн.: *Осипов А.Н. Последний караван Обь-Енисейского канала.* – Новосибирск: Ареал, 2013. – С. 13

Ил. 13. Обь-Енисейский водный путь. Землекопы на строительстве. Из личного архива Г.М. Залесова (г. Томск)

Ил. 14. Обь-Енисейский водный путь. Землекопы на строительстве. Из личного архива Г.М. Залесова (г. Томск)

Ил. 15. Обь-Енисейский водный путь. Строительство основания шлюза на 103-й версте (жилой стан Касовский). Забивка свай ручными копрами. Из личного архива Г.М. Залесова (г. Томск)

из 185,4 км общей протяжённости шлюзованной части. В целом водный путь состоит из 14 судоходных гидроузлов, соединительного канала и сети инфраструктурных объектов. Шлюзы и плотины расположены на реках Ломоватой и Язёвой (обская ветвь системы в Томской обл.) и реках Малом Касе и Большом Касе (енисейская ветвь системы в Красноярском крае).

В 2011—2014 гг. в процессе выявления ценностных характеристик Обь-Енисейского водного пути было установлено, что его историко-культурный потенциал не ограничивается инженерными гидротехническими комплексами. Данная территория обладает ценными объектами археологии, представителями флоры и фауны, занесёнными в Красную книгу, а также следами жилых поселений кон. XIX в.

Для включения водной системы в реестр культурного наследия Российской Федерации были изучены и проанализированы уже существующие формы охраны. В результате было выявлено, что на территории Обь-Енисейской соединительной водной системы различные виды охраны культурного наследия, а также особо охраняемые природные территории представлены бессистемно. Обская ветвь системы (Томская

область) имеет статус выявленного объекта культурного наследия, при этом часть объекта располагается в пределах Государственного зоологического заказника «Кеть-Касский» со своим режимом охраны. На енисейской ветви (Красноярский край) территория соединительной системы числится как памятник природы краевого значения, при этом границы памятника включают весь водный путь, в том числе и проложенный по территории Томской обл. Уже охраняемые в составе природного объекта три деревянных гидротехнических сооружения включены и в список культурного наследия как памятники истории регионального значения (ил. 16). Возникает вопрос: каким же образом регулируется охранная деятельность в пределах этого уникального сооружения и какой она должна быть в идеале?

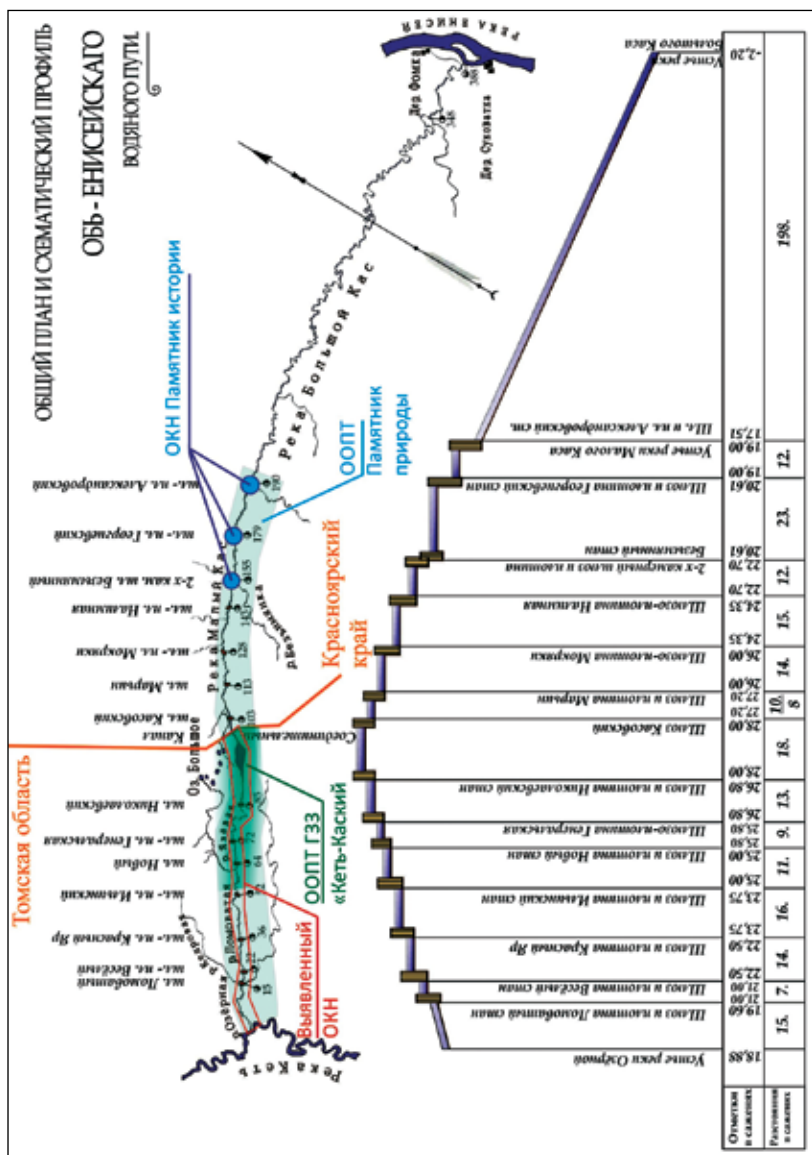
Для чёткого понимания сложившейся картины необходимо рассмотреть более детально последствия столь разнообразных форм охраны.

В первую очередь отметим несоответствие главной историко-культурной ценности водной системы статусу памятника природы: здесь во главе угла должны стоять понятие «исторический водный путь» и сохранившиеся деревянные судоходные гидротехнические сооружения кон. XIX в.

Кроме того, режимы использования особо охраняемых природных территорий (как на обской ветви, так и на енисейской) не позволяют проводить мероприятия по консервации, реставрации или воссозданию структурных элементов водной системы. На особо охраняемых природных территориях не допускается ведение землеустроительных и строительных работ, запрещено устройство дорог — всё это не способствует организации туристических маршрутов.

Для трёх гидротехнических узлов водной системы неточно определены вид и категория объектов культурного наследия. Так, шлюзы Александровский, Георгиевский и Безымянный включены в список наследия как памятники истории, однако одновременно эти объекты являются памятниками науки и техники, а если рассматривать объект в целостном виде, то определёнno эти шлюзы можно рассматривать как элементы ансамбля⁴. Дополнительным аргументом в пользу трактовки соединительной системы как целостного объекта становится то, что деревянные гидротехнические сооружения находятся в прямой взаимосвязи с гидрогеологическими условиями окружающей местности и не могут существовать сами по себе. Также неверна категория регионального и краевого значения памятников, так как инженерные

ОБЩИЙ ПЛАН И СХМАТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ
ОБЪ - ЕНИСЕЙСКОГО
ВОДНОГО ПУТИ. _____6

сооружения кон. XIX в. являются единственными в азиатской части России, а не рядовым явлением в строительном комплексе Сибирского региона.

Натурные исследования и комплексный исторический анализ, проведённые автором в 2011—2015 гг., показали, что конструктивные и планировочные решения инженерных сооружений не имеют аналогов среди водных систем европейской части России. А проведённые в этот же период комплексные экспедиции с участием архитекторов-реставраторов, археологов, зоологов, историков, представителей природоохранных структур выявили ценные инженерные, градостроительные, архитектурные и археологические объекты; обнаружили сведения о знаменитых людях, побывавших в этих местах ещё до строительства системы. Не стоит забывать и о первоначальном военно-стратегическом значении пути, который рассматривался в качестве запасного в случае прекращения работы Транссибирской железнодорожной магистрали.

Таким образом, вопрос о разработке действенных механизмов для сохранения подобных объектов культурного наследия весьма актуален и требует серьёзной правовой и методической разработки со стороны как органов охраны культурного наследия на местах, так и федерального Министерства культуры.

Методика, позволяющая включать пути сообщения в государственный реестр, должна нести в себе как общие, так и более частные рекомендации. К общим относится механизм взаимодействия двух и более субъектов России. К более частным вопросам необходимо отнести выявление пространственного объекта линейного типа, разработку учётной документации и разработку непосредственно самого проекта достопримечательного места.

Рассмотрим более подробно возможные схемы взаимодействия органов исполнительной власти субъектов, на территориях которых располагается водный путь. Практика проведения совместных действий нескольких субъектов не нова. Примером здесь может служить отрасль нового строительства, например транспортная инфраструктура. В таких случаях между администрациями субъектов заключается соглашение, где прописывается стратегия совместных действий и финансирования. Ещё одним примером может служить «Концепция развития сотрудничества в сфере культуры между приграничными территориями Российской Федерации и сопредельными государствами на период до 2020 года»⁵. Здесь интерес представляет то, что сама

концепция является конструктивной основой для взаимодействия сторон. Само взаимодействие также осуществляется через совместные соглашения между приграничными субъектами. Вместе с тем присутствуют определённые риски по реализации намеченных целей, где их разделили на неуправляемые и частично неуправляемые. К частично неуправляемым отнесены: увеличение сроков согласования необходимой нормативно-правовой и иной документации, а также высокая вероятность несинхронного взаимодействия структур.

В отношении пространственного объекта линейного типа требуются предметные исследования и планы его развития. Поэтому необходимо создавать независимые комиссии, в составе которых должны формироваться рабочие группы (авторские коллективы) с привлечением специалистов различных профилей — архитекторы-реставраторы, археологи, историки, юристы, кадастровые инженеры. При исследованиях и разработке документации, возможно, потребуется привлечение дополнительных консультантов по экономике, туризму, геологии, гидрогеологии и экологии. Правильный подбор кадров имеет определяющее значение, так как только они могут оценить риски утраты объектов культурного наследия в случае использования последних для туристской индустрии.

Решение о формировании таких комиссий должно приниматься на федеральном уровне, так как дальнейшее взаимодействие с Министерством культуры должно происходить напрямую, то есть без процедуры согласования документации на региональном уровне. Это объясняется, прежде всего, рисками административных проволочек. Для работы в комиссиях должны привлекаться специалисты из каждого субъекта, что позволит облегчить и ускорить период натурных исследований и историко-архивных изысканий, а также контролировать ведение учётной документации и согласовывать её на местных уровнях.

Помимо профессионального состава, необходимо определить регламент и сроки функционирования комиссии. Очевидно, что её деятельность должна начинаться с момента присвоения объекту статуса выявленного объекта. Полномочия комиссии на разработку необходимого пакета документов должны действовать до момента завершения формирования историко-культурного заповедника. При этом именно комиссия должна прорабатывать, согласовывать и утверждать всю необходимую документацию. Финансирование деятельности комиссии должно осуществляться из средств субъектов Федерации в равных частях, а также за счёт «грантовой» поддержки научных фондов РФ.

Таким образом, независимая комиссия и её рабочая группа должны иметь полномочия на:

- проведение историко-архивных изысканий;
- составление актов натурного обследования;
- разработку и согласование проектов достопримечательных мест, включая урегулирование кадастровых границ и сопутствующих юридических вопросов;
- разработку и согласование первичной учётной документации;
- привлечение необходимых смежных специалистов;
- разработку концептуальных вариантов развития территорий;
- формирование административных регламентов и положений об историко-культурном заповеднике.

Перечисленная выше деятельность комиссии, включая предшествующие исследования, также нуждается в принципиальных рекомендациях.

Для выявления основных ценностных характеристик исторических путей, позволяющих присвоить статус выявленного объекта культурного наследия, в натурных исследованиях должны принимать участие специалисты от каждого субъекта, что позволит составить единое заключение и тем самым подтвердить региональным администрациям необходимость включения объекта в реестр.

Во вторую очередь поднимается вопрос о том, к какой категории отнести будущее достопримечательное место и какая структура должна соответствовать «пограничному» объекту. Достопримечательные места могут иметь различные структуры — целостные или кластерного типа. В случае с Обь-Енисейской соединительной водной системой введение кластерного типа невозможно, так как в период строительства на всей трассе велись серьёзные работы по углублению и расширению русла рек, укреплению и расчистке берегов, строительству временных жилых станов, значительно изменившие природный ландшафт. Кроме этого, судоходные гидротехнические сооружения предназначались для поддержания уровня воды в реках, поэтому рационально включить в границы достопримечательного места и речные русла тоже. Иная ситуация возможна при определении структуры достопримечательного места на сухопутных трассах, где само дорожное покрытие уже давно утрачено, но сохранились фрагменты и частично сооружения, подтверждающие транзитные направления. Здесь целесообразно применять кластерную структуру.

Достопримечательные места с транзитными путями и дорогами однозначно должны относиться к категории федерального значения, так

как именно они влияли на социальное, экономическое и политическое развитие всего государства. Фрагменты улиц или региональных дорог необходимо относить к категориям местного и регионального значения. Необходимо чётко классифицировать и определять протяжённость региональных путей сообщения, которые также будут располагаться на территориях нескольких муниципальных образований субъекта.

Таким образом, структура создаваемого достопримечательного места на базе пространственного объекта линейного типа зависит от видовой принадлежности объекта (водный или сухопутный путь), а его категория зависит от функциональной ценности (межрегиональные транзиты или местные пути сообщения).

Дальнейшая деятельность комиссии (рабочей группы) связана с формированием учётной документации. Здесь важное место занимает паспорт объекта. В его существующей утверждённой форме, в разделе «Сведения о собственнике объекта культурного наследия и пользователе объектом культурного наследия» необходимо вносить дополнительные сведения о форме собственности всех земельных участков, расположенных в пределах границ будущего достопримечательного места. Кроме этого, необходимо собрать сведения о лесных кварталах и лесничествах. В случае с Обь-Енисейской системой особое значение имеют статусы водных объектов. Например, реки на обской ветви, входящие в состав шлюзованной системы, включены в реестр водных объектов, однако не числятся в реестре судоходных рек. Озеро Водораздельное — главный водный резервуар, подпитывающий обе ветви системы, — не зарегистрировано в перечне водных объектов, однако оно имеет важное значение для экологического баланса территории. Реки, входящие в состав енисейской ветви, напротив, считаются судоходными и фиксируются с помощью гидрометрических постов.

Следующее затруднение при подготовке учётной документации — привязка границ территорий структурных элементов и общих границ достопримечательного места. Поскольку в каждом субъекте Федерации существует местная система координат, в таблице координатных поворотных точек обязательной графой должна стать единая международная система координат (WGS 84). В методических рекомендациях по созданию проекта паспорта объекта культурного наследия такая графа учитывается, однако её заполнение не является обязательным. В случае с «пограничными» объектами координаты в единой системе должны стать обязательными.

Сумма полученной информации позволяет более точно определить границы отчуждения лесных угодий и водоохранные зоны. В общие

сведения об объекте должны включаться не только сведения об историко-культурных элементах достопримечательного места, но и описание природного ландшафта, а также сведения о флоре и фауне (редкие птицы, звери, воздушные трассы перелётных птиц и т. д.). Собранные материалы позволят выявить функциональное зонирование территории, на основании которого и следует разрабатывать проект достопримечательного места.

В качестве основных рекомендаций по разработке функциональных зон необходимо отметить, что для объектов, объединяющих природные и культурные ландшафты, обязательным является определение зон «тишины» — туда не должна внедряться туристическая инфраструктура. Также необходимо предусматривать территории для археологических, орнитологических, зоологических и др. научно-исследовательских баз. Предварительное функциональное зонирование также необходимо при разработке регламентов по использованию земельных участков и установлению особых режимов. Главным принципом здесь должна стать многофункциональность территории достопримечательного места, которая позволит обеспечить в будущем историко-культурном заповеднике междисциплинарную деятельность и позволит привлекать широкий круг целевых средств. Особое внимание следует уделить функции самого объекта культурного наследия. От правильной корректной формулировки режима использования территории будет зависеть финансирование историко-культурного заповедника.

Таким образом, при разработке проекта паспорта достопримечательного места в него необходимо вносить информацию обо всех пространственных элементах природного и культурного ландшафтов территории. На данной стадии необходимо разрабатывать будущее функциональное зонирование, которое является основой для формирования проектной документации достопримечательного места.

Традиционно проект достопримечательного места разрабатывается по правилам формирования пакета документов, принятых для генеральных планов зон охраны историко-культурного наследия. Однако, помимо основного состава документации (границы объектов, регламенты и режимы земельных участков, функциональное зонирование, описание и очерёдность реконструктивных мероприятий и т. д.), необходимо разрабатывать менеджмент-планы для использования имеющихся историко-культурных и природных ресурсов с целью эффективного экономического управления территориями. Под менеджмент-планом в данном случае подразумевается документ, в котором чётко фиксируется

ценность объекта и детализируются положения политики управления, которые обеспечат его сохранность для использования в будущем. Например, такой подход успешно реализуется в управлении культурным наследием Австралийского союза и позволяет чётко регламентировать возможные формы использования объектов культурного наследия инвесторами⁶. В состав рабочей группы по разработке менеджмент-планов, помимо основного состава, должны включаться специалисты из области экономики. Менеджмент-планы необходимо разрабатывать как для всей территории достопримечательного места, так и для его отдельных структурных элементов. В итоге сформированный пакет документов позволит выявить основные направления развития туристической инфраструктуры и рационально войти в систему федеральных целевых программ по различным направлениям. Кроме этого, территория достопримечательного места и его объектов при чётко разработанной системе экономического управления должна стать экспериментальной площадкой по созданию государственных и коммерческих трастов (фондов) на региональном и федеральном уровнях. Такие фонды достаточно эффективно работают в ряде зарубежных стран⁷.

Проект достопримечательного места является обоснованием создания историко-культурного заповедника, поэтому необходимо как можно более детально разработать экономическую часть дальнейшего его развития. В настоящее время трудности организационных моментов, непонимание перспектив эксплуатации историко-культурных заповедников являются главной причиной сомнений в целесообразности существования таких объектов.

Подводя итоги, отметим: методика включения пространственных объектов культурного наследия линейного типа (таких как исторические пути и дороги) на территориях нескольких субъектов РФ в ресурс культурного наследия, должна состоять из двух основных блоков:

- 1) рекомендации по урегулированию административных отношений между субъектами РФ;
- 2) рекомендации по необходимым мероприятиям для включения объекта культурного наследия в государственный реестр и созданию историко-культурных заповедников.

К основным рекомендациям по урегулированию административных отношений следует отнести создание независимой комиссии, наделённой полномочиями взаимодействия с федеральными структурами. В комиссию должны включаться представители каждого субъекта. Деятельность комиссии должна заключаться в исследовании и обосновании ценностных качеств объекта, в формировании учётной документации

объекта, разработке проекта достопримечательного места, подготовке менеджмент-планов и положения по созданию историко-культурного заповедника.

К основным рекомендациям по разработке учётной документации следует отнести такие моменты:

- Структура достопримечательного места должна определяться видовой принадлежностью объекта культурного наследия (водный путь — целостная структура; сухопутные дороги — кластерная структура).
- Категория должна назначаться по функциональной ценности путей сообщения (межрегиональные транзиты — федеральный статус; областные трассы — региональный статус).
- Разработка проекта паспорта достопримечательного места должна включать описание всех структурных элементов (природный и культурный ландшафты).
- Функциональное зонирование должно разрабатываться в промежуточной стадии, то есть перед определением границ, режимов и регламентов земельных участков достопримечательного места.
- Состав функциональных зон должен включать, как минимум, три: активную (туристическую), научно-исследовательскую и зону «тишины» (в местах обитания редких птиц и животных).
- Границы формируемых объектов достопримечательного места в обязательном порядке должно фиксироваться как в местных системах координат, так и в единой международной системе (WGS 84).
- В основной состав проектной документации должны включаться менеджмент-планы по использованию как всей территории, так и каждого объекта культурного наследия, входящего в структуру достопримечательного места.

В завершение важно отметить, что для реализации положений действующего законодательства в области сохранения культурного наследия РФ важно сформировать прочную научно-методическую базу. Методики должны включать не только отдельные разделы формирования учётной документации, но и общие руководящие аспекты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Достопримечательные места — творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места традиционного бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; объекты археологического наследия; места совершения религиозных обрядов; места захоронений жертв массовых репрессий; религиозно-исторические места. В границах территории достопримеча-

тельного места могут находиться памятники и (или) ансамбли» (ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»).

² Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации // Наследие и современность. Информационный сборник. — М., 2006. — Вып. 13. — С. 4—100.

³ Юрий Александрович Веденин (1937) — советский и российский географ, организатор науки. Один из основателей Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Заместитель председателя Союза краеведов России. Председатель правления Общества изучения русской усадьбы. Специалист по рекреационной географии, географии искусства, теоретическим и прикладным вопросам охраны и использования культурного и природного наследия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁴ «Ансамбли — чётко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединённых памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения, в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи; объекты археологического наследия» (ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»).

⁵ Концепция развития сотрудничества в сфере культуры между приграничными территориями Российской Федерации и сопредельными государствами на период до 2020 года (утв. Приказом Минкультуры РФ от 20.07.2011. № 807 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=118726;req=doc>

⁶ Литвинова О.Г. Зарубежный и отечественный опыт сохранения историко-культурного наследия в конце XX — начале XXI в. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. — Томск: Изд-во Томского гос. арх.-строит. ун-та, 2010. — № 4. — С. 46—62.

⁷ Литвинова О.Г., Романова Л.С. Зарубежный опыт сохранения историко-культурного наследия // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. — Томск: Изд-во Томского гос. арх.-строит. ун-та, 2009. — № 1. — С. 74—92.

Специальные условные топографические знаки в археологии Западной Сибири: систематика и характеристика

В.О. Гнатив

г. Екатеринбург

ООО «НЦ «Топос»,

Отношение археологического сообщества к проблеме фиксации выраженных в рельефе археологических сооружений неоднозначное. Часть исследователей склонны считать топографическую фиксацию памятников археологии вторичной задачей. Действительно, для интерпретации памятника археологии, в первую очередь, имеет значение последовательность залегания культурных напластований, культурно-хронологическая принадлежность содержащихся в этих напластованиях археологических предметов (артефактов, находок). Однако есть объективная данность: большинство выявленных объектов культурного наследия в обозримом будущем не будет исследовано раскопками. Следовательно, сведения, полученные на стадии археологических разведок, могут на долгое время стать основным источником информации о большинстве выявленных объектов культурного наследия.

Мы исходим из той позиции, что задачей науки является выработка и систематизация *объективных знаний* о действительности. На наш взгляд, стандартизация и оптимизация методов и приёмов, используемых при топографической съёмке объектов культурного наследия, является одним из необходимых шагов в направлении формирования объективной картины историко-культурного наследия Западной Сибири. В случае исключения какого-либо параметра из описательной и/или графической модели передачи действительности создаётся искажённое представление о ней, возрастает степень её субъективности.

На данный момент не существует разработанной и регламентированной системы специальных топографических знаков в археологии, отсутствуют специальные отраслевые стандарты. Определённый опыт стандартизации и регламентации специальных топографических знаков был получен в ходе выполнения ведомственной целевой программы

«Историко-культурное наследие Югры на 2011–2013 годы и на период до 2020 года». Используемые специальные условные обозначения, отличающиеся по начертанию от общепринятых, обычно приводятся на топографическом плане объекта культурного наследия либо даются в качестве отдельного приложения. Опыт показывает, что эти специальные знаки, как правило, отражают только ортогональную проекцию руинированных остатков археологических конструкций. При работе на отдельных типах памятников археологии, таких как городище, исследователями составляются профильные разрезы. При этом большая часть информации о профилях, выраженных в рельефе археологических сооружений, утрачивается.

В связи с тем, что набор общепринятых условных знаков для топографических планов не содержит подходящих способов фиксации выраженных в рельефе остатков древних построек, а специальные отраслевые стандарты для их отображения отсутствуют, мы предлагаем разработанную нами систему специальных знаков для их графической передачи и сопроводительного текстового описания. Предлагаемая система позволит передать на топографическом плане информацию не только о планиграфии выраженных в рельефе археологических сооружений, но и об их профиле.

В основу предлагаемой системы фиксации выраженных в рельефе остатков археологических сооружений положена система символов, используемых при морфологическом картировании в геоморфологии¹. Согласно этой системе, выделяется ограниченное количество морфологических элементов земной поверхности. Центральное место в этой системе занимает понятие «склон». Под склоном в геоморфологии понимают наклонный участок земной поверхности, формирующийся в результате эндогенных и экзогенных процессов². Склоны различаются по степени крутизны, форме и т. д. На наш взгляд, важнейшим диагностическим морфологическим признаком является форма склона. По форме различают прямые, выпуклые, вогнутые и сложные склоновые поверхности. Склоны всегда ограничивают две линии — бровка и подошва. *Бровка* — это резкий перелом склона, отделяющий вышележащую пологую его часть или горизонтальную поверхность от расположенного ниже более крутого участка. *Подошва* — это нижняя граница склона, то есть линия пересечения поверхностного склона с поверхностью земли ниже его³. Морфологически переходы от склоновой к горизонтальной поверхности могут быть слабо выраженными или угловатыми (в виде перегибов). В том случае, если две склоновые поверхности направлены

друг к другу и разделены узким продолговатым поднятием, возникает специфическая форма земной поверхности — *гребень*. По форме гребни бывают трёх основных видов:

- выпуклые островершинные,
- выпуклые округлые,
- плоские.

Любые выраженные в рельефе остатки руинированных конструкций (археологические сооружения) и их элементов являются изначально замкнутыми искусственно сформированными возмущениями земной поверхности, которые состоят из описанных выше элементов. Следовательно, для них будут применимы те же понятия и принципы, которыми руководствуются геоморфологи при создании геоморфологических планов участков земной поверхности.

Замкнутые искусственные понижения земной поверхности — это *впадины, каналы, ямы, рвы* и т. д. Замкнутые искусственные возвышения земной поверхности — *наземные (приподнятые, насыпные) площадки, валы, обваловки, курганы, холмы, городища* и т. д.

Для графической передачи профилей и планиграфии выраженных в рельефе остатков археологических сооружений мы предлагаем использовать сплошные, штриховые и пунктирные линии, а также дополнительные элементы и символы, комбинированные с общепринятыми условными знаками. Отметим, что пунктирные линии используются в общепринятых условных знаках для отображения многих объектов и участков (отвалы породы, склады угля, участки, покрытые отходами промышленных предприятий, свалки, строительные площадки, участки с изрытой поверхностью, валы корчевания, подошвы откосов и ям, контуры растительности, просеки в лесу, раскорчеванные участки леса, полосы древесных насаждений и др.). Во избежание неверной трактовки предлагаемого специального топографического знака, его необходимо выделять цветом. Мы рекомендуем для графической передачи выраженных в рельефе остатков археологических сооружений использовать темно-синий цвет. Выбор цвета, маркирующего элементы выраженных в рельефе руинированных остатков археологических сооружений на топографическом плане, объясняется тем, что в общепринятых условных обозначениях он не используется. В качестве примера удачного сочетания различных цветов для маркирования археологических сооружений можно привести план из статьи Ю.П. Чемакина и В.А. Борзунова⁴. На плане селища Сартым-Урий 16 красным цветом выделены объекты карымского этапа объ-иртышской культурно-исторической общности, фиолетовым — объекты вожпай-

ского типа. Наглядность и информативность плана благодаря такому решению значительно повысились.

Областью применения на этапе апробации системы специальных топографических знаков предлагаем считать специальные топографические планы объектов культурного наследия масштабов 1:200, 1:500, 1:1000.

Элементарные формы археологических сооружений, углубленных в дневную поверхность

Для передачи на топографических планах элементарных форм археологических сооружений, углубленных в дневную поверхность (впадина без выраженных признаков обваловки, внешняя яма, канава, ров), мы предлагаем использовать систему специальных условных знаков, представленную в табл. 1.

Для графического отображения аморфного в профиле искусственного понижения земной поверхности предлагается использовать штриховую линию (длина штриха — 2 мм, отступы — 1 мм). Она сопровождается обоюдно направленными берг-штрихами, расставленными с учётом плотности рисовки участка топографического плана. Рекомендуется использовать 2—4 берг-штриха на один контур. При значительной протяженности контура количество берг-штрихов может быть увеличено. Слабая выраженность (сглаженность) бровки, таким образом, будет отображаться штриховой линией, что соответствует логике общепринятых условных знаков. Отсутствие линии, отображающей подошву, даёт визуальное представление об аморфности в профиле отображаемого объекта, что также соответствует логике общепринятых условных обозначений. Отсутствие линии для отображения подошвы склона в этом случае является необходимостью, так как объективно отобразить линию перегиба подобного сооружения невозможно.

Для графического отображения сооружений с вогнутыми склонами и угловатой (хорошо выраженной) бровкой предлагается использовать сплошную линию в сочетании с обоюдно направленными берг-штрихами, расставленными с учётом плотности рисовки участка топографического плана. Рекомендуется использовать 2—4 берг-штриха на один контур. Для подобных сооружений возможны два основных варианта профилей. В первом случае, если подошва сооружения сглаженная (слабо выраженная), его профиль будет иметь форму полуокружности. В этом случае, следуя вышеописанной логике, подошва сооружения не будет отображена на топографическом плане.

Таблица 1

Наименование искусственной формы земной поверхности	Степень выраженности элементов искусственной формы земной поверхности, форма в профиле	Характеристики земных искусственных форм земной поверхности	Профиль, аэрофотоснимок объекта	Символ
Контуры замкнутого понижения поверхности (вазона, котла, рока и т.п.)	Слабо выраженный. В профиле - аморфный	Бровка и лодыжка слабые (слабо выражены)		
	Хорошо выраженный. Форма в профиле - полуовальность	Бровка умеренная (хорошо выражена), лодыжка слабая (слабо выражена), склоны изогнутые		
	Хорошо выраженный. Форма в профиле - арочность	Бровка и лодыжка умеренные (хорошо выражены), склоны изогнутые		
	Хорошо выраженный. Форма в профиле - арочность	Бровка и лодыжка умеренные (хорошо выражены), склоны изогнутые		
	Хорошо выраженный. Форма в профиле - U-образная	Бровка умеренная (хорошо выражена). Лодыжка в лодке выражается как акцентированная		
Лодыжка	Хорошо выраженный. Форма в профиле - лопат	Лодыжка умеренная (хорошо выражена)		
	Слабо выраженный. Форма в профиле - бугор	Лодыжка слабая (слабо выражена), лодыжка слабая (слабо)		
	Хорошо выраженный. Форма в профиле - лопат	Лодыжка умеренная (хорошо выражена)		
Бровка	Хорошо выраженный. Форма в профиле - лопат	Лодыжка умеренная (хорошо выражена)		
	Слабо выраженный. Форма в профиле - бугор	Лодыжка слабая (слабо выражена), лодыжка слабая (слабо)		
	Хорошо выраженный. Форма в профиле - лопат	Лодыжка умеренная (хорошо выражена)		
Объектный (различительный) овал	Бровка и лодыжка очень слабо выражены	Лодыжка умеренная (хорошо выражена)		
	Хорошо выраженный. Форма в профиле - U-образная	Умеренная (хорошо) выражена		
	Хорошо выраженный. Форма в профиле - U-образная	Умеренная (хорошо) выражена		
Гребень	Слабо выраженный. Форма в профиле - полуовальность	Самая слабая (слабо выражена) выражена		
	Хорошо выраженный. Форма в профиле - U-образная	Умеренная (хорошо) выражена		
	Хорошо выраженный. Форма в профиле - U-образная	Умеренная (хорошо) выражена		

Во втором случае, если подошва сооружения угловатая (хорошо выраженная), его профиль будет иметь трапецевидную форму. В этом случае предлагается использовать пунктирную линию для отображения подошвы такого сооружения. Этот условный знак также соответствует логике общепринятых условных обозначений. Так, подошвы откосов, ям, курганов⁵ отображаются пунктирными линиями.

Графическое отображение сооружений с выпуклыми и прямыми склонами предлагается выполнять при помощи общепринятого условного знака «Обрывы земляные»⁶, а именно: от сплошной линии, отображающей бровку сооружения, проводятся штрихи с шагом 2,0—2,5 мм. Выбор именно этого топографического знака объясняется морфологическим сходством профилей естественных обрывов с подобными профилями археологизированных остатков древних построек (табл. 1). Отличить начертание специального знака от общепринятого позволит его отображение тёмно-синим цветом. Для подобных сооружений возможны два основных варианта профилей. В первом случае, если бровка и подошва сооружения угловатые, склоны выпуклые, поверхность дна — плоская, то его профиль будет трапецевидным. В этом случае штрихи будут соединять линию бровки с линией подошвы сооружения. Отображение линий бровки и подошвы производится при помощи вышеописанных типов линий. Во втором случае, если бровка сооружения угловатая, а подошва представляет собой в масштабе плана точку или линию, то форма его профиля будет V-образной. Отображение специальным знаком подошвы такого сооружения (элемента сооружения) не производится. Представление о линии перегиба поверхности будет давать расположение окончаний штрихов.

Элементарные формы археологических сооружений, возвышающихся над уровнем дневной поверхности

Для улучшения визуализации морфологически сложных участков на топографическом плане в сочетании с повышением их информативности мы предлагаем специальные условные знаки положительных форм искусственных древних поверхностей.

Возвышающиеся над уровнем дневной поверхности сооружения (их элементы) представляют собой различные сочетания склоновых поверхностей. Следовательно, с точки зрения морфологии принципиально определить характер перегибов таких поверхностей. Нами выделено пять основных типов перегибов склоновых поверхностей:

- угловато-выпуклый,
- угловато-вогнутый,
- плавный выпуклый,
- плавный вогнутый,
- обрывистый (табл. 1).

Угловато-выпуклый и угловато-вогнутый перегибы предлагается отображать сплошной линией толщиной 0,15–0,18 мм в сочетании с засечками, указывающими на местоположение склоновой поверхности по отношению к горизонтальной плоскости. Следовательно, подошва склона будет изображена с засечкой, указывающей на сплошную линию, а бровка склона — с засечкой, обращённой от сплошной линии по направлению понижения высотных отметок. Плавные (слабо выраженные) вогнутые и выпуклые перегибы предлагается графически отображать аналогично угловато-выпуклым и угловато-вогнутым перегибам, но при помощи штриховых линий с длиной штрихов 2 мм, отступами — 1 мм, сопровождаемыми засечками (табл. 1).

Приведённые выше условные знаки имеют аналоги в системе общепринятых условных обозначений — овраги, уступы задернованные, террасы полей⁷. Визуально предлагаемые специальные знаки отличаются от общепринятых.

Под обрывистым перегибом склона понимается ситуация слишком близкого расположения друг к другу выпуклости и вогнутости, что не позволяет использовать разные символы в масштабе топографического плана. Типичным примером такой ситуации может служить эскарпированный склон городища. В числе общепринятых условных обозначений для подобных ситуаций предусмотрена система линейных немасштабных топографических знаков⁸. Для наших целей мы предлагаем использовать сплошную линию в сочетании с частыми короткими штрихами длиной 1,0 мм, обращёнными по направлению вогнутого склона, а также, по возможности, сопровождать подобный знак дробью, в числителе (a) которой будет указана величина горизонтального проложения, в знаменателе (φ°) — угол наклона такой поверхности.

В дополнение к приведённым выше условным знакам считаем допустимым на морфологически сложных участках склоновых поверхностей указывать стрелкой направление уклона и его угол в градусах.

Сочетание предложенных типов линий позволит в графическом виде представить профиль наземных остатков древних построек без необходимости составления отдельных чертежей.

Часто наземные и углубленные части сооружений располагаются вместе, на одном участке поверхности. В этом случае мы предлагаем

для облегчения читаемости топографического плана комбинировать предлагаемые условные знаки, редуцируя при этом элементы с дублирующей семантикой. Так, в случае, если подошва вала городища совпадает с бровкой рва, нет необходимости накладывать один знак на другой: использование знака, обозначающего бровку рва, будет свидетельствовать о том, что вышерасположенная склоновая поверхность закончилась.

Гребни

Далеко не всегда на территории Западной Сибири углубленные в дневную поверхность остатки древних построек встречаются без валов, обваловок, примыкающих к ним остатков насыпей и т. д. Для графического отображения различных форм гребней мы предлагаем использовать три специальных условных знака. Для передачи выпуклого островершинного (хорошо выраженного) гребня предлагается использовать штриховую линию с длиной штрихов 2 мм и отступами в 1 мм, толщиной 0,30 мм, в сочетании с разнонаправленными берг-штрихами. В том случае, если выпуклый гребень слабо выражен (сглажен), его предлагается отображать штриховой линией с длиной штрихов 2 мм и отступами в 1 мм, толщиной 0,15–0,20 мм, в сочетании с разнонаправленными берг-штрихами. В случае, если гребень плосковершинный, предлагается отображать оба перегиба его вершинной поверхности (бровки) при помощи штриховой линии с длиной штрихов 2 мм и отступами в 1 мм, толщиной 0,15–0,20 мм, в сочетании с берг-штрихами в направлении склоновых поверхностей, прилегающих к гребню. Использование специальных типов линий для графического отображения разных типов гребней позволит улучшить визуализацию наиболее перегруженных информацией участков топографического плана. Ближайшим аналогом в общепринятых топографических знаках предлагаемых типов линий является общепринятый топографический знак «просеки в лесу»⁹. Семантика знака — выделение полосы в лесу, лишённой верхнего яруса растительности, то есть полосы с отличными характеристиками. На наш взгляд, гребень сооружения обладает сходной семантикой, а именно: по совокупности признаков он отличается от элементарных форм искусственных возбуждений земной поверхности, представляет собой сочетание обоюдно направленных склоновых поверхностей, разделённых узкой вершинной поверхностью.

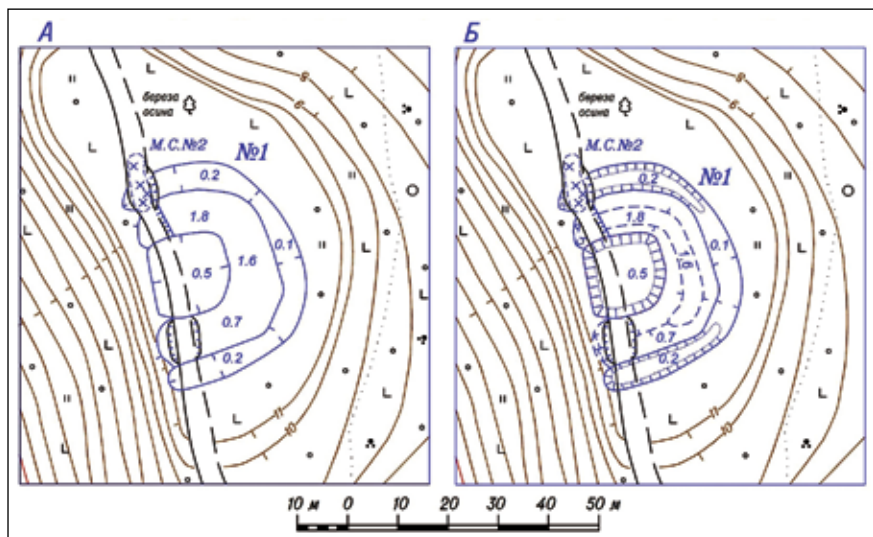

Примеры комплексного использования предлагаемых специальных топографических знаков

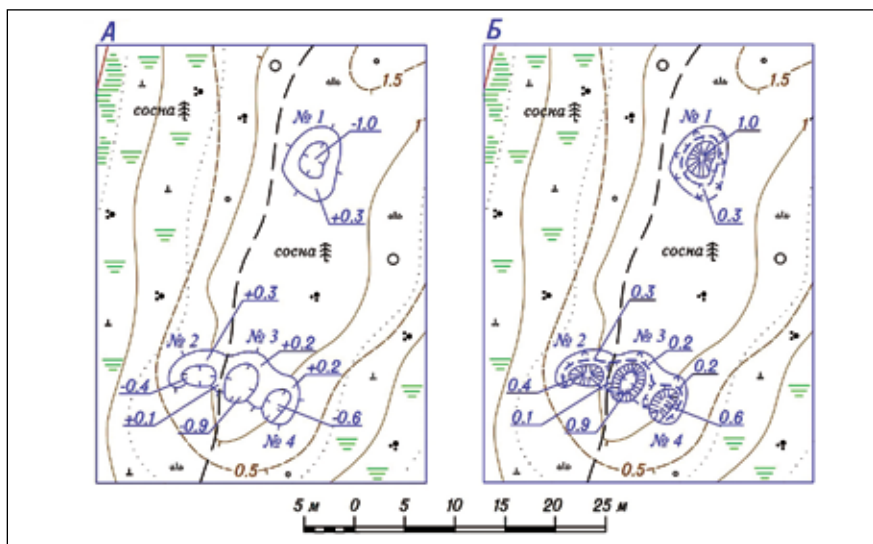
Предлагаемая система специальных топографических знаков не требует переподготовки специалистов-археологов, позволяет производить топографическую съёмку объектов культурного наследия с привычной скоростью и плотностью расстановки пикетов. Разница в процессе топографической съёмки выразится во включении дополнительного описательного параметра археологического сооружения — конструктивной особенности. В случае ведения журнала тахеометрической съёмки достаточно будет создания табличного шаблона для описания конструктивных особенностей археологических сооружений, а при работе с применением кодировок — подготовки шаблонов кодировок перед проведением полевых исследований. Мы рекомендуем использовать в процессе работ полевой журнал тахеометрической съёмки, дополняя его применением кодировок.

Информация, закодированная в совокупности общепринятых и специальных условных знаков, требует соразмерного текстового сопровождения. Мы не считаем целесообразным перегружать эту статью примерами технических описаний археологических сооружений. Для демонстрации отличительных особенностей предлагаемой системы специальных топографических знаков проанализируем фрагменты трёх топографических планов, выполненных без неё (ил. 1—А, 2—А, 3—А) и с её использованием (ил. 1—Б, 2—Б, 3—Б).

Первым характерным примером является археологизированное сооружение в виде впадины, окружённой с трёх сторон обваловкой и рвом. Подобное сооружение расположено, например, на территории объекта культурного наследия поселение Новая Пушта 1¹⁰ (ил. 1). С фрагмента топографического плана, составленного без предлагаемого набора специальных условных знаков, можно прочитать информацию о месторасположении, планиграфических характеристиках сооружения, высоте и глубине различных его частей от уровня невозбужденной земной поверхности, а также о степени сохранности (ил. 2—А). На таком же фрагменте топографического плана, составленном при помощи предлагаемого набора специальных условных знаков, считывается дополнительная информация о профиле впадины, характере гребня обваловки и окаймляющего его рва (ил. 2—Б). Так, без дополнительных изысканий можно сказать, что впадина имеет трапецевидный профиль, выпуклые склоны и плоское дно. Гребень обваловки впадины имеет П-образный профиль, плоскую вершину с севера и востока. С

Ил. 1. Поселение Новая Пушта 1. Фрагмент топографического плана: А — графическое отображение, не дающее представления о профиле сооружений; Б — графическое отображение, дающее представление о профиле сооружений при помощи набора специальных условных знаков

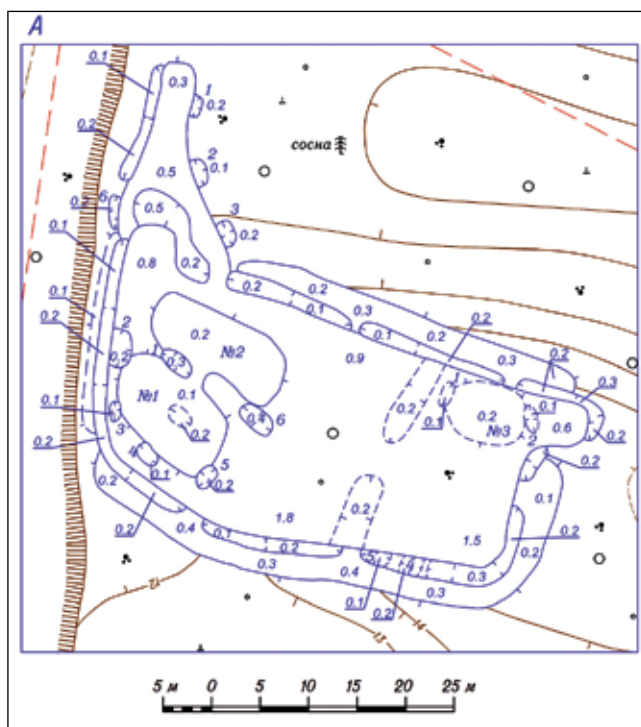

Ил. 2. Группа впадин Картпау 2. Фрагмент топографического плана: А — графическое отображение, не дающее представления о профиле сооружений; Б — графическое отображение, дающее представление о профиле сооружений при помощи набора специальных условных знаков

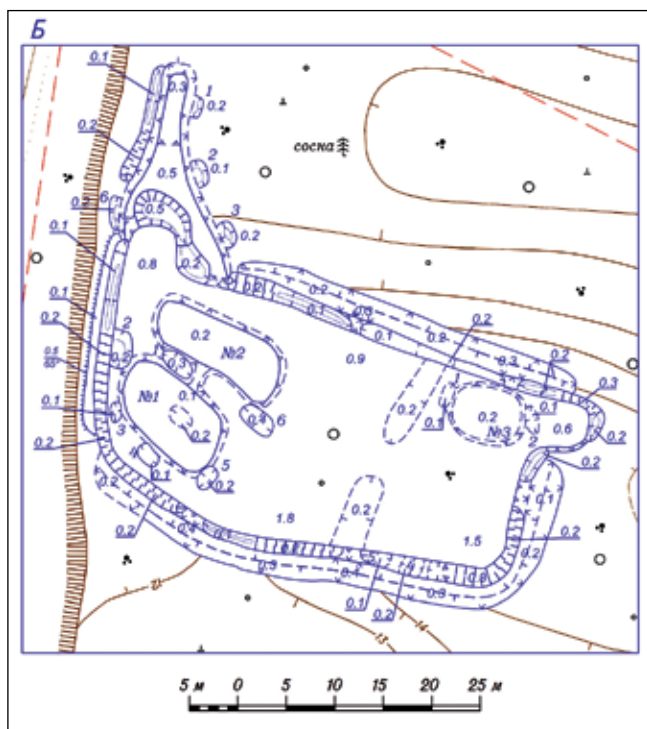
южной стороны вершина гребня становится сглаженной, приобретает в профиле форму полуокружности. Ров сооружения, кроме различия в глубине, характеризуется трапециевидным профилем на северном и южном участках, полукруглым профилем — на восточном участке. Склоны рва вогнутые, бровки хорошо выраженные. Таким образом, по описанию выраженных в рельефе остатков археологического сооружения можно составить предварительное представление об его конструктивных особенностях, соотнести его с аналогичными раскопанными сооружениями.

Вторым характерным примером является группа впадин. Такие выраженные в рельефе руинированные остатки археологических сооружений широко распространены на территории Западной Сибири. Мы в качестве примера проанализируем фрагмент топографического плана объекта культурного наследия группа впадин Картпау 2 (ил. 2)¹¹. В научном отчёте эти сооружения предварительно определены как ловчие ямы (ямы-ловушки). Немаловажным фактором для такой интерпретации подобных объектов является их топография. Тем не менее анализ

конструктивных особенностей выраженных в рельефе руинированных остатков археологических сооружений позволяет сделать вывод об их типологическом единстве. Все четыре сооружения имеют V-образный профиль, вогнутые или прямые склоны. Кроме того, можно предположить, что сооружения № 2—4 существовали одновременно, так как Л-образный в профиле гребень обваловки окаймляет впадины с трёх сторон. В то же время участки гребня обваловки, расположенные между сооружениями, представляют собой в профиле полуокружность. Кроме того, отличие в степени выраженности гребня обваловки сооружения № 1, зафиксированное при помощи предлагаемых специальных знаков, может свидетельствовать о конструктивной особенности этого элемента (ил. 2—Б).

Ил. 3. Городище Новая Пушта 3. Фрагмент топографического плана: А — графическое отображение, не дающее представления о профиле городища и его элементов; Б — графическое отображение, дающее представление о профиле городища и его элементов при помощи набора специальных условных знаков

Третий характерный пример — городище. В качестве примера проанализируем фрагмент топографического плана городища Новая Пушта 3»¹². Отметим информацию, утраченную при отображении элементов городища без использования предлагаемой системы специальных условных знаков (ил. 3):

— *Гребень вала*. Острровершинные участки гребня вала почти всегда совпадают со слабоуглубленными местами рва.

— *Ров*. При «традиционной» рисовке топографического плана в местах расположения перемычек между участками рва отдельный топографический знак не использовался, в связи с чем возникало визуальное восприятие отсутствия склона городища и совпадения уровня площадки городища с уровнем гребня его вала. Также утраченной осталась бы информация о форме профиля рва.

— *Подшвы и бровки насыпных площадок, бастионов, площадки городища*. Характер этих элементов полностью игнорировался при «традиционной» рисовке топографического плана.

— *Внешние ямы*. Другая семантика одних и тех же типов линий позволяет передать на топографическом плане дополнительную информацию не только о профилях ям, но и о разности уровней дна некоторых из них.

— *Эскарп*. Отображение эскарпированного склона городища при помощи особого типа линий и специальной пометки даёт представление о степени его крутизны при относительно небольшом расстоянии от бровки до подшвы в ортогональной проекции чертежа.

— *Склоновые поверхности*. На чертеже, выполненном без использования предлагаемых специальных условных обозначений, характеры склоновых поверхностей городища проигнорированы полностью. На чертеже, выполненном с использованием предлагаемых специальных условных знаков, присутствует представление о разной степени крутизны склоновых поверхностей площадки городища, а также о ступенчатом характере выхода с его площадки.

Резюмируя вышесказанное, отметим основные преимущества, которые будут достигнуты применением предлагаемых специальных условных знаков на топографических планах. На полевом этапе работы количество необходимых измерений будет сопоставимо с тем количеством, которое производилось ранее. Вместе с тем повысится эффективность производимых измерений, так как количество закодированной информации в каждом конкретном измерении возрастет. В связи с однозначностью семантики предлагаемых специальных условных знаков практически исключаются их ошибочное использование и неверная трактовка на камеральном этапе работы. Готовый топографический план памятника археологии, таким образом, будет

передавать предельно конкретизированную модель исследуемого объекта.

Применение стандартизированной системы специальных топографических знаков в археологических исследованиях позволит установить контроль качества выполняемых работ. В процессе проведения полевых работ, по нашему мнению, повысится индивидуальная ответственность исследователя, возрастут требования к его квалификации, что позволит улучшить качество конечной топографической продукции.

Мы считаем, что после проведения серии повторных экспериментов на памятниках археологии с применением предлагаемой системы специальных условных знаков упростится и ускорится процесс археологической типизации и предварительного датирования части выраженных в рельефе остатков археологических конструкций по морфологическим признакам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гардинер В., Дакомб Р. Полевая геоморфология. — М.: Недра, 1990. — С. 18. Рис. 4.

² Геоморфологический словарь-справочник / Сост. Л.М. Ахромеев; Под ред. П.Г. Шевченко. — Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2002. — С. 252.

³ Геоморфологический словарь-справочник... — С. 32, 219.

⁴ Чемякин Ю.П., Борзунов В.А. Итоги исследования средневековых поселений на протоке Сартым-урий в зоне хозяйственного освоения Угутского месторождения нефти // Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз». — Нефтеюганск: Институт археологии Севера; Екатеринбург: Магеллан, 2013. — С. 84.

⁵ Условные знаки для топографических планов масштабов 1:5000, 1:2000, 1:1000, 1:500. — М.: ФГУП «Картгеоцентр», 2004. — С. 20. Табл. 18, № 84—86; с. 81. Табл. 79, № 342, 343.

⁶ Условные знаки для топографических планов масштабов 1:5000, 1:2000, 1:1000, 1:500... — С. 79. Табл. 77, № 332.

⁷ Условные знаки для топографических планов масштабов 1:5000, 1:2000, 1:1000, 1:500... — С. 82. Табл. 80, № 349, 351; С. 83. Табл. 81, № 355.

⁸ Условные знаки для топографических планов масштабов 1:5000, 1:2000, 1:1000, 1:500... — С. 56. Табл. 54, № 254.

⁹ Условные знаки для топографических планов масштабов 1:5000, 1:2000, 1:1000, 1:500... — С. 87. Табл. 85, № 374.

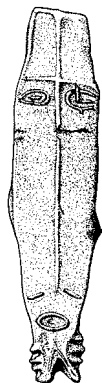
¹⁰ Трунова Н.Е. Отчёт о НИР: «Проведение археологических разведочных работ в бассейнах рек Мулымья и Конда в границах Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2013 году». — Екатеринбург, 2014. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 121/5. — Рис. 1249.

¹¹ Гнатив В.О. Отчёт об археологических разведках на участках хозяйственной деятельности ООО «КНГ — Добыча» в бассейне среднего течения р. Мулымья в

Кондинском районе ХМАО — Югры. — Екатеринбург, 2011. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 98/1. — Рис. 252.

¹² Трунова Н.Е. Отчёт о НИР: «Проведение археологических разведочных работ в бассейнах рек Мулымья и Конда... — Рис. 1264.

Изучение историко-культурного
наследия Ханты-Мансийского
автономного округа - Югры

Древнее оборонное зодчество таёжного населения Западной Сибири (энеолит, начало и середина бронзового века)*

В.А. Борзунов

г. Екатеринбург

Центр археологических исследований

Института гуманитарных наук и искусств

Уральского федерального университета

Этапы распространения древних укреплений в Западной Сибири

Первый, неолитический, этап зарождения и функционирования древнейших в таёжном Приобье, Западной Сибири и в целом на севере Евразии городищ и их прототипов — укреплённых жилищ — датируется VI—IV/III тыс. до н. э. Отчасти он синхронен двум первым волнам распространения укреплённых посёлков в Старом Свете (VIII—VI; V—IV тыс. до н. э.). Следующие четыре этапа их развития в Евразии приходятся на перв. пол. и кон. эпохи бронзы (XXII/XXI—XV; XII—IX/VIII вв. до н. э.), а также перв. (VIII/VII—IV вв. до н. э.) и втор. (IV/III в. до н. э. — III в. н. э.) пол. раннего железного века¹.

«Крепости» каменного века таёжного Приобья и Зауралья подробно охарактеризованы в предыдущих работах². В данной публикации будут рассмотрены укреплённые объекты таёжного севера Западной Сибири энеолита и перв. пол. эпохи бронзы (кон. IV — сер. II тыс. до н. э.).

Пути развития укреплённых поселений на севере, юге и юго-востоке Западной Сибири (*ареалы I—III*) после неолита были неодинаковы.

Укрепления энеолита в западносибирской тайге

Энеолит в данном регионе (кон. IV — III тыс. до н. э.), определяемый иногда как переходный период между неолитом и бронзовым веком³, совпал с очередным плювиалом и был относительно мирным периодом экстенсивного освоения богатых биоресурсами (рыба, зверь, птица,

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, НИР № 1913, тема 008 «Археологические феномены Урала и Западной Сибири».

ягоды, орехи и т.д.) глубинных северных лесных территорий. В таёжном Приобье, помимо прочего, он отмечен увеличением числа селищ и стоянок (речь идёт о сотнях памятников), особенно на малых реках и озёрах; перемещением стационарных посёлков на более высокие места; широким использованием приёмов коллективной загонной охоты с помощью изгородей, сетей и ловчих ям, наряду с индивидуальным промыслом зверя; сочетанием сетевого и запорного рыболовства. Заметно усилилась осёдлость населения. Жилые и производственно-жилые постройки в стационарных («базовых») долговременных круглогодичных и зимних поселениях представлены квадратными и прямоугольными землянками, на сезонных охотничье-рыболовческих стоянках («промысловых лагерях») и производственных площадках, функционировавших в тёплое время года, — малыми каркасно-столбовыми полуземлянками и наземными каркасными сооружениями типа чумов и шалашей. В ряде случаев земляные полы в жилищах были покрыты охрой⁴. Увеличение населения тайги в этот период было обусловлено как естественным ростом, так и продолжающимся притоком переселенцев с юга, начавшимся ещё в неолите. Впрочем, в энеолите этот поток, вероятно, уменьшился. Миграции в лесной зоне имели место⁵, но стали, по-видимому, более редкими и локальными. Изменение этнокультурной карты региона, по сравнению с неолитом, нашло отражение в формировании новых групп населения с керамической посудой, украшенной гребенчатым, гребенчато-ямочным, накольчатый, «текстильным» и иным декором. В целом же северный энеолит с точки зрения орудийного комплекса по сути дела являлся завершающей фазой эпохи камня. Бронзовый век наступил в таёжном Приобье позже — не ранее перв. трети II тыс. до н. э. Источников руды на Западно-Сибирской равнине нет, поэтому первые и довольно редкие изделия из привозного цветного металла появились здесь только в начале эпохи бронзы.

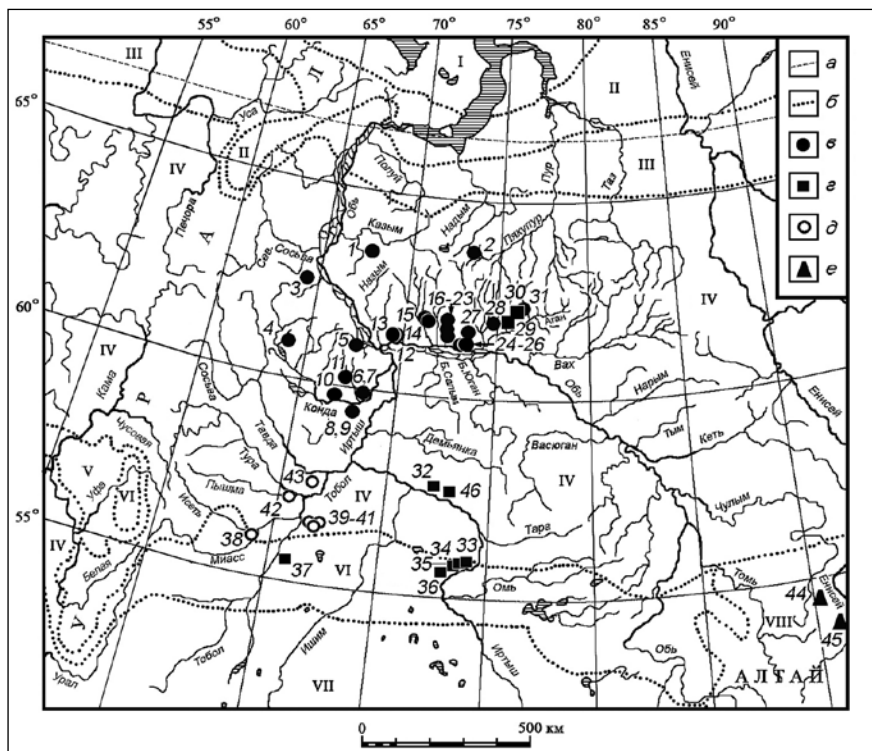
В энеолите на севере Западной Сибири, в приобской тайге (*ареал 1*), *городища* доживали свой век на востоке Сургутского Приобья — в бассейне р. Агана (правый приток Оби). Здесь их известно только два: Имньёган 2.1 (разведка А.Н. Бессмертных, К.Г. Карачарова 1995 г.)⁶ и Нёх-Урий 3.3 (разведка С.А. Мызникова 2004 г.)⁷ (ил. 1—29, 30; 2). Оба эти укрепления их исследователи и автор этих строк ранее относили к позднему неолиту или неолиту — энеолиту. Этому не противоречат найденные на городище Имньёган 2.1 гранитный шлифовальник и обломки глиняных шлифованных лошил, орнаментированные гребенчатой ёлочкой, а главное — осколки баночных сосудов, украшенные

волнисто-прочерченными, отступающе-накольчатыми и «текстильными» узорами, шагающей гребёной и пояском круглых ямок под венчиком⁸. В то же время анализ керамики укрепённых поселений Нёх-Урий 3.3 и Нивагальское 20, проведённый В.И. Стефановым и К.Г. Карачаровым, позволил скорректировать хронологию двух последних памятников в сторону омоложения — до энеолита.

Третье подобное мысовое укрепённое энеолитическое поселение (Каюково 1), по мнению К.Г. Карачарова, было открыто им в 1991 г. в объ-иртышском междуречье, в верховьях р. Большого Югана. Памятник находится на невысокой (1,5 м) гриве у заболоченной поймы, рядом с неолитическим городищем Каюково 2⁹. Вместе с тем, до проведения стационарных археологических работ на Каюково 1, это только гипотеза. На остальных таёжных приобских территориях городища исчезли вплоть до кон. бронзового — нач. железного века.

Кроме того, в энеолите, по-видимому, повсеместно начали формироваться *укреплённые жилища второго типа*. Об этом, в частности, свидетельствуют ранний горизонт поселения Волвонча I на протоке

Полымьятской в бассейне р. Конды (разведка А.В. Малышкина 1977 г., раскопки Н.К. Стефановой 1979 г.)¹⁰, городище Нивагальское 20 на берегу р. Нонкъёган — правом притоке р. Аган, в Сургутском Приобье (разведки Е.А. Данилова, К.Г. Карачарова, 2010, 2011 гг.; рекогносцировочные раскопки П.С. Бахарева 2011 г.)¹¹ и укрепленное жилище Тёплый Ручей II в верховьях р. Малой Сосьвы, в Нижнем Приобье (разведка С.Ф. Кокшарова 1990 г.)¹² (ил. 1—3). Из перечисленных выше памятников стационарно исследовано только поселение Волвонча I, на остальных укреплениях заложены только разведочные шурфы.

Для сравнения: укрепленных поселений на юге Западной Сибири, в лесостепи, равно как в урало-казахстанских степях, лесном Приуралье и Восточной Сибири, в каменном веке и энеолите ещё не существовало.

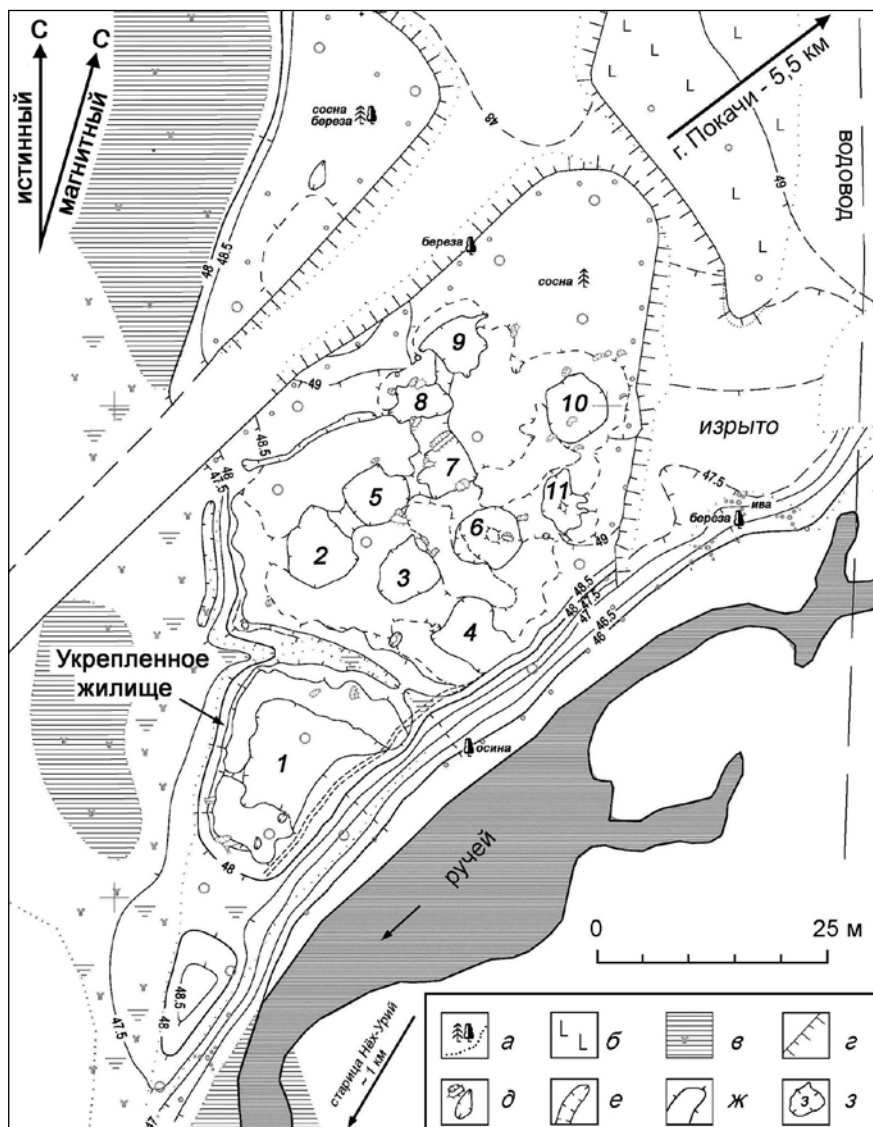
Оба интересующих нас городища — Имнъёган 2.1 кон. неолита — энеолита¹³ и энеолитическое Нёх-Урий 3.3 (ил. 2) — по топографии, планиграфии и размерам близки раннеэнеолитическому городищу Амня I¹⁴.

Ил. 1. Карта укрепленных поселений и их прототипов финала неолита — энеолита (30), энеолита (3, 6, 28, 29) и первой половины бронзового века (1, 2, 4, 5, 7—27, 31—45) в Западной Сибири

Памятники: 1 — Товгор-Лор VI (ранний горизонт); 2 — Шетнмат-Лор (объект 1)*; 3 — Тёплый Ручей II; 4 — Большая Умытъя 28*; 5 — Ендырское VIII (ранний горизонт)*; 6 — Волвонча I (нижний горизонт)*; 7 — Волвонча I (верхний горизонт)*; 8 — Пашкин Бор I (нижний горизонт)*; 9 — Пашкин Бор I (верхний горизонт)*; 10 — Турсунт IV; 11 — Среднереченское (жилище № 1); 12, 13 — Балинское I*, Балинское 53* (большие неукрепленные); 14 — Песиково 1; 15 — Песиково 19; 16 — Быстрый Кульёган 2; 17 — Быстрый Кульёган 38*; 18 — Быстрый Кульёган 40; 19 — Быстрый Кульёган 44; 20 — Быстрый Кульёган 73; 21 — Быстрый Кульёган 77; 22 — Быстрый Кульёган 100; 23 — Быстрый Кульёган 105; 24, 25 — Барсова Гора II/37 (объекты 1, 2); 26 — Барсова Гора II/22*; 27 — Моховая 8 (два жилища)*; 28 — Нивагальское 20*; 29 — Нёх-Урий 3.3; 30 — Имнъёган 2.1; 31 — Имнъёган 2.2 (объект 8); 32 — Хутор-Бор I (ранний ров)*; 33 — Инберенское X*; 34 — Черноозерское I (Черноозерье I)*; 35 — Черноозерское VI (Черноозерье VI)*; 36 — Сибирская Саргатка IV (Сибсаргатка IV) (ранний горизонт)*; 37 — Камышное II (ранний горизонт)*; 38 — Ташково II*; 39 — Заводоуковское VIII/1; 40 — Заводоуковское X (ранний горизонт)*; 41 — Заводоуковское XIII*; 42 — ЮАО—XIII*; 43 — Иска III*; 44 — Чебаки (ранний горизонт)*; 45 — Устанах*; 46 — Ямсыс VII (ранний ров)*.

Условные обозначения: а — Северный полярный круг; б — границы современных природно-климатических зон (I — тундра; II — лесотундра; III — редколесье; IV — тайга; V — широколиственно-лесная; VI — лесостепь; VII — степь; VIII — горные районы); в — укрепленное жилище; г — городище; д — поселение с замкнутой («кольцевой») расстановкой жилищ вокруг относительно свободного центра; е — горное укрепление—све.

Примечание: звёздочками отмечены памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи

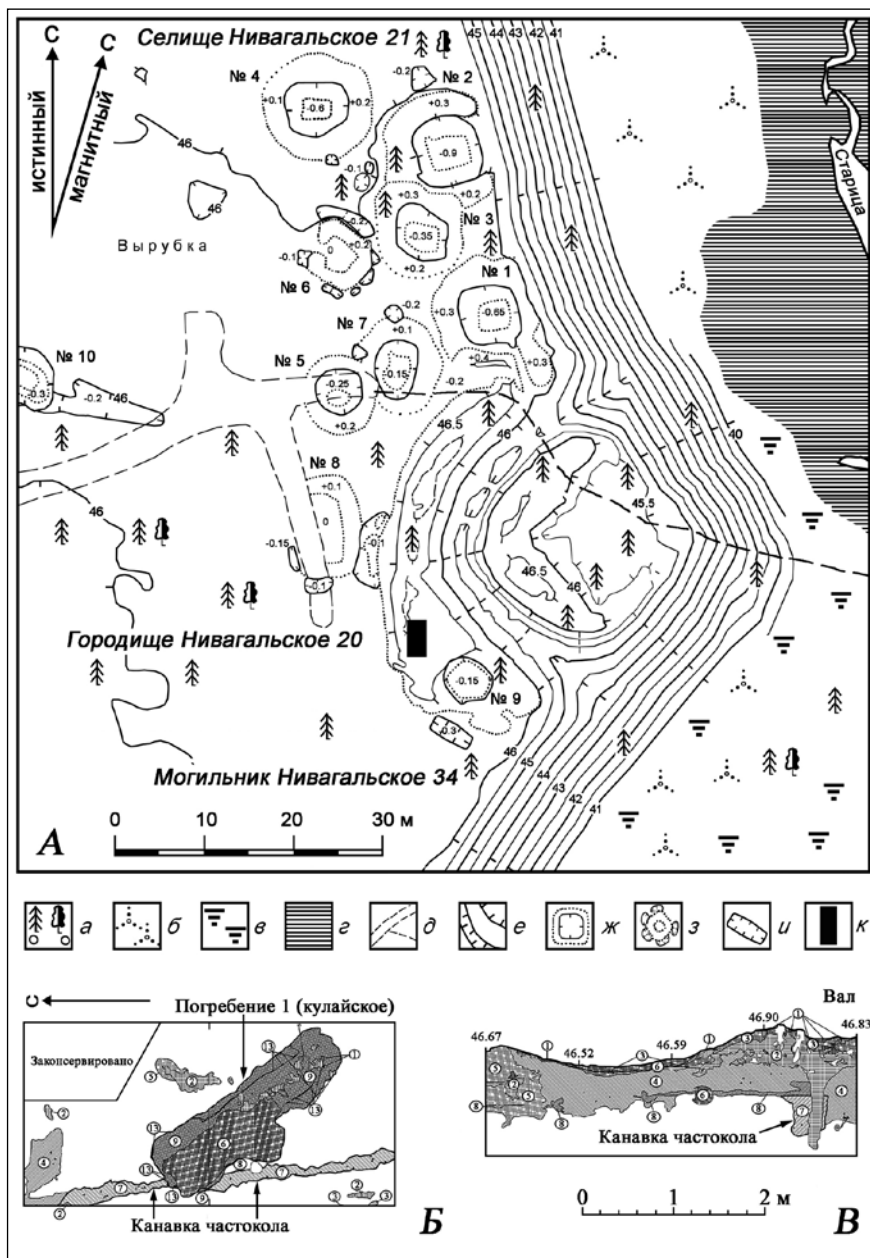
Ил. 2. Поселение (городище) Нёх-Урий 3.3. Сургутское Приобье, бассейн р. Агана, старица Нёх-урий. Неолит — энеолит. Общий план памятника. Разведка С.А. Мызникова 2004 г. Общий план (сечение основных горизонталей — 1 м; вспомогательных — 0,5 м).

Условные обозначения: а — лес; б — вырубка; в — болото, заболоченная пойма; г — откос; д — ямы от выворотней; е — ровик, ров; ж — вал, обваловка жилищной впадины; з — жилищная впадина

Первые два памятника расположены на остроугольных мысах высотой 4 и 6—7 м, вдающихся в заболоченные поймы рек. Укрепления двухплощадочные, ограничены с напольной стороны дуговидными валами и рвами. При этом первую площадку на каждом из них образуют оконтуренные рвом укрепленные жилища площадью, соответственно, 360 (объект 7) и 250 (объект 1) кв. м, приуроченные к оконечности мыса. На второй площадке размещались средней величины землянки, в том числе с покрытыми охрой полами (Имнѣган 2.1). Размеры памятников практически равны: 62х30—35 м (ок. 1900 кв. м) и 65х35 м (ок. 2000 кв. м).

Энеолитическую постройку поселения Волвонча I на протоке Полымьятской в низовьях Конды С.Ф. Кокшаров и Н.К. Стефанова реконструировали как жилище «шатрового типа» с котлованом размерами 16х13х0,8—0,9 м (~208 кв. м). «Большая площадь постройки при её незначительной глубине предполагает достаточно мощную несущую конструкцию. С её остатками связаны наиболее глубокие (0,3 м и более) ямки. По-видимому, на них укреплялась подпрямоугольная рама, которая служила основой для сооружения наклонных стен и кровли. Снаружи стены присыпались грунтом, вынутым из котлована и канавы»¹⁵. Со стороны данное сооружение в древности выглядело как песчаный холм. Аналогией ему является «наземная шатровая постройка» двухслойного памятника эпохи бронзы Пашкин Бор I, расположенная на противоположном берегу Конды¹⁶. На мой взгляд, такая характеристика энеолитического сооружения не совсем верна. Зафиксированная при раскопках подквадратная в плане канавка с отводом в юго-восточном углу (ил. 4) осталась, скорее всего, от нижних венцов горизонтально уложенных брёвен вертикальных стен слабо углублённого подквадратного в плане (20х15—20 м) жилища с крытым коридорообразным входом, а не от основания каркасно-столбовой пирамидальной конструкции. Сложенное из жердей двух- или четырёхскатное перекрытие покоилось на стенах и системе лаг, установленных на вертикальных столбах, находившихся в помещении. Снаружи постройка была укреплена невысокой песчаной завалинкой и окружена кольцевым рвом шириной ок. 3 м¹⁷. Вместе с тем «топография памятника и трудозатраты на возведение дома, — как справедливо полагает С.Ф. Кокшаров, — свидетельствуют, что здесь обитал крупный таёжный коллектив, объединённый ведением общего хозяйства. Долговременность поселения устанавливается также по количеству и составу археологических находок, представленных керамической посудой и рыболовными грузилами»¹⁸.

В свою очередь, энеолитическое городище (укреплённое жилище) Нивагальское 20, локализующееся на тупоугольном береговом выступе высотой 4,0–4,5 м, как полагают его исследователи, представляло собой «единую», точнее монолитную, деревоземляную наземную постройку. Её остатки имеют вид подквадратной (20–23х20–23 м) площадки, оконтуренной дуговидным песчаным валом шир. 5,7 и выс. 1,0 м. Снаружи от насыпи прослеживается напольный дуговидный ров, шириной 5,0 м, глубиной 0,8 м, а также более узкий и высокий (5,0 и 1,3 м) внешний вал. Перепад высот между внутренним валом и рвом — порядка 1,2 м, между внешним валом и рвом — 1,5 м. В разведочном шурфе (4х2 м), заложенном у внешней полы второго вала, вскрыт отрезок канавы длиной 4,2 м, шириной 0,07–0,20 м, глубиной от современной поверхности 0,7–1,1 м (ил. 3). Он остался от основания оборонительной стены, типа частокола, защищавшей укреплённое жилище. Сохранившаяся площадь памятника — 900–950 кв. м (35х30 м), собственно жилой постройки — порядка 400 кв. м¹⁹.

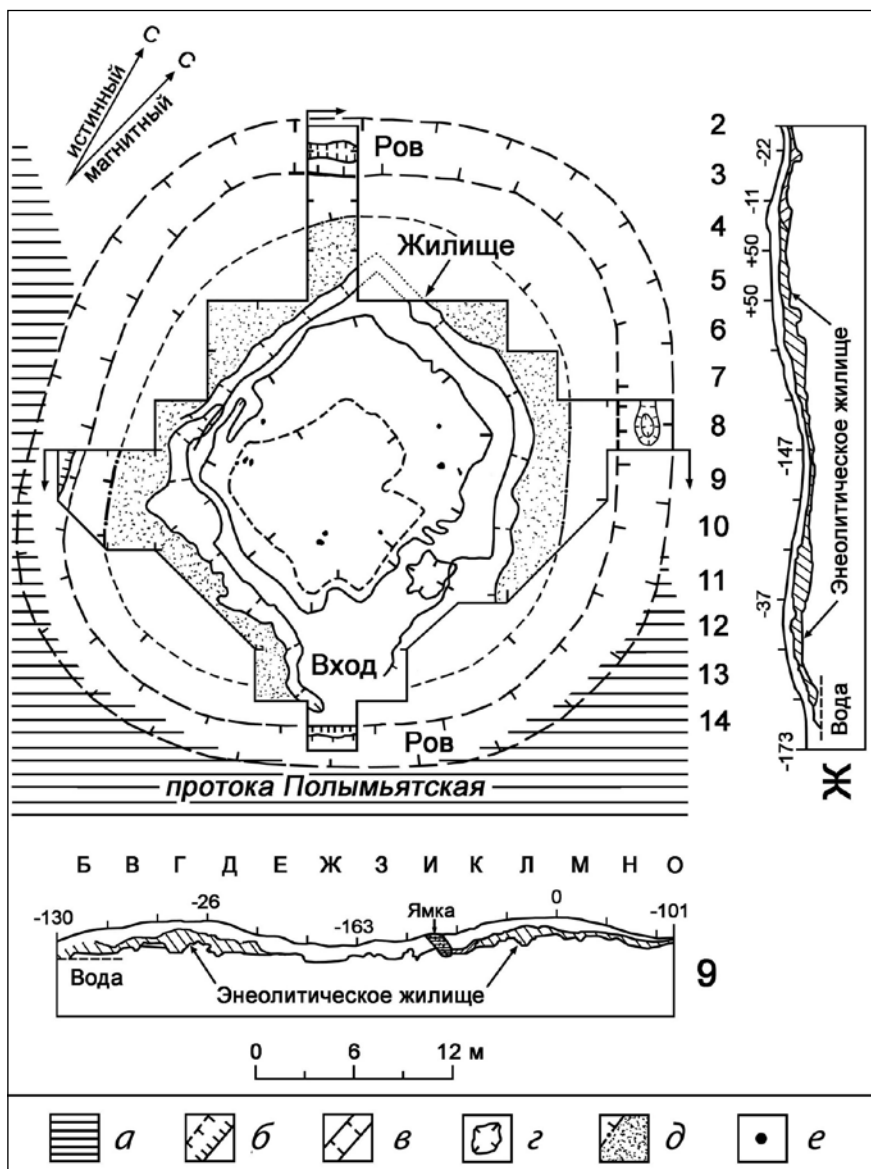
Остатки укреплённого жилища Тёплый Ручей II находятся на мысовидном выступе правого коренного берега р. Ем-ёган (правый приток Большого Ем-ёгана), в 58 м от современного русла реки. Высота мыска от поймы — 4 м. В рельефе прослеживается большая (12х11 м) трапециевидная в плане впадина глубиной до 1,7 м, оконтуренная песчаным валом шириной до 4 м, дополненная узким внешним ровиком (ил. 8–1). Площадь памятника — 360 кв. м²⁰.

Глиняная посуда поселения Волвонча I (свыше 300 сосудов), декорированная гребенчато-ямочными узорами, относится к волвон-

Ил. 3. Городище (укреплённое жилище) Нивагальское 20. Сургутское Приобье, р. Аган. Энеолит. В основе — инструментальный план Е.А. Данилова 2010–2011 гг. Рекогносцировочные раскопки П.С. Бахарева 2011 г.: А — общий план памятника (сечение основных горизонталей — 1 м; вспомогательных — 0,5 м); Б — план шурфа; В — профиль западной стенки шурфа.

Номера слоёв: 1 — «дёрн» (лесная подстилка и гумус); 2 — белый и серый оподзоленный песок (подзол); 3 — переотложенный песок с «дёрном» и подзолом; 4 — переотложенный жёлто-коричневый песок (вал городища); 5 — перемешанный жёлто-коричневый с «дёрном» и подзолом песок (выворотень сосны); 6 — переотложенный серо-коричневый песок (отвал грабительского шурфа); 7 — серо-жёлтый с мелкими угольками песок (канавка оборонительной стены); 8 — серый песок; 13 — тёмно-серый песок, насыщенный органическим тленом (стенки и дно кулайского погребения).

Условные обозначения: а — лес; б — кусты; в — болото; г — заболоченная пойма вокруг старицы; д — лесная грунтовая дорога и тропа; е — ров и вал укреплённого жилища; ж — жилищная впадина с обваловкой; з — наземная приподнятая площадка, окруженная ямами (остатки наземного жилища); и — погребение кулайского могильника; к — шурф 2011 г.

Ил. 4. Поселение (укреплённое жилище) Волвонча I. Бассейн Конды. Горизонт энеолита. Общий план, план и профили раскопа. Раскопки Н.К. Стефановой 1979 г.

Условные обозначения: а — водоём; б — ров; в — канавка в основании стен жилища; г — котлован жилища, яма; д — песчаная обваловка основания стен жилища; е — столбовая ямка

чинскому типу. На данном памятнике её сопровождали черепки от более ранних энеолитических сосудов атымьинского и ушьяинского типов, глиняные грузила от рыболовных сетей (сигаровидные, цилиндрические с притупленными концами и архаичные биконические), а также шлифованные тѣсла из зеленокаменной породы²¹. На поселении (городище) Нѣх-Урий 3.3 обнаружены каменные (халцедон, кварц, сланец) наконечники стрел и абразив на четырёхугольной плитке²². Немногочисленная энеолитическая керамика городища Нивагальское 20, украшенная наколами, отпечатками материи и гребенчатыми оттисками, пока культурно не определена. Наличие среди неё обломков сосудов с наlepными валиками и гребенчато-ямочным декором²³ не исключает, что данное укрепление могло быть перестроено в начале эпохи бронзы, как и поселение Волвонча I. Рядом с укреплением Тѣплый Ручей II найден обломок глиняного биконического грузила. С поверхности вала жилища собраны осколки глиняной посуды, украшенной ямками, оттисками гребѣнки и прочерченными желобками. С.Ф. Кокшаров считает её энеолитической²⁴, но некоторые элементы декора напоминают раннебронзовые узоры.

Укрепления бронзового века на юге Западной Сибири

Первая половина и финал эпохи бронзы в Западной Сибири отмечены двумя очередными пиками обострения военной напряжѣнности и передела земель. В кон. III — сер. II тыс. до н. э. вследствие массовых миграций скотоводческих племен городища распространились на громадных пространствах евразийских степей. В XVIII—XIV вв. до н. э. в западносибирской лесостепи и южной тайге (*ареал II*) на основе пришлых степных групп из Верхнего Приобья, Южного Урала и Северного Казахстана, отчасти при участии осколков местных коллективов, формируются новые, в том числе гетерогенные, общины с комплексным производящим и присваивающим хозяйством: раннеалакульские с андроновско-канайским компонентом, кротовские, кротовско-степановские, черноозурские и др. Ими сооружаются первые на юге Западной Сибири мысовые и береговые городища: Камышное II, Черноозерское VI, Инберень X, Черноозерское I, Сибсаргатка IV, возможно, Хутор-Бор-I и Ямсыса VII (ранние рвы)²⁵ (ил. 1—32—37, 46). При этом миниатюрное (ок. 17х22 м) кротовское укрепление Инберень X, окружѣнное синхронным селищем, было формально сходно с таѣжными укреплѣнными жилищами, хотя имело иную архитектуру. Оно было расположено у края коренной террасы

Иртыша, окружено прямоугольной в плане канавой — по-видимому, от основания частокольной стены. Значительную часть «цитадели» занимало большое (10—12х18 м) наземное жилище с двумя разной величины камерами, слабо углублёнными в грунт. Двор длинный, но неширокий (20х4—6 м), располагался с северной стороны от дома²⁶. Помимо этого, в южно-таёжных районах Нижнего Притоболья в начале эпохи бронзы появились посёлки с замкнутой расстановкой жилищ по кругу и овалу²⁷, принадлежавшие населению ташковской культуры, которые я считаю одним из прообразов укреплённых посёлков²⁸ (ил. 1—38—43).

В конце бронзового и начале железного веков (нач. — сер. I тыс. до н. э.) оборонное зодчество продолжает развиваться потомками лесостепных и южно-таёжных западносибирских коллективов, о чём свидетельствуют сузгунские, ирменские, красноозерские, карьковские, бархатовские, гамаюно-иткульские (исетские), карагай-аульские (юр-тоборские) и завьяловские городища.

Третий (III) ареал древнейшего оборонного зодчества в Сибири образуют оригинальные крепости-све эпохи бронзы Хакасии и Минусинской котловины с каменной оборонной и жилой архитектурой (Устанах, Чебаки, Шишка, Чергатинская и др.). Их первыми строителями были, по-видимому, носители окупёвской культуры, а их преемниками — карасукские племена²⁹. В том же ареале — в верховьях Енисея, на р. Чаа Холь — открыто древнейшее равнинное укрепление бронзового века Тувы — Бажын-Алаакское (нижний горизонт), окружённое земляным валом с «деревянным тыном» и рвом шириной 3 м³⁰.

Укрепления первой половины бронзового века на севере Западной Сибири

*Вторая волна строительства укреплений на севере Западной Сибири приходится — по местным меркам — на первую половину эпохи бронзы (нач. — сер. II тыс. до н. э.)*³¹. Интересующие нас памятники выявлены между 55°10' и 64°10' с.ш. (ил. 1—1, 2, 4, 5, 7—11, 14—27, 31). В средней и северной тайге Приобья в этот период местные общины охотников-рыболовов начали в массе возводить укреплённые жилища второго типа. Типологически данные объекты занимают промежуточное место между обычными неукреплёнными поселениями (селищами) и укреплёнными (городищами).

Напомним, что к *первому типу* таких поселений относились малые одноплощадочные («однодворные») укрепления, состоявшие из одного

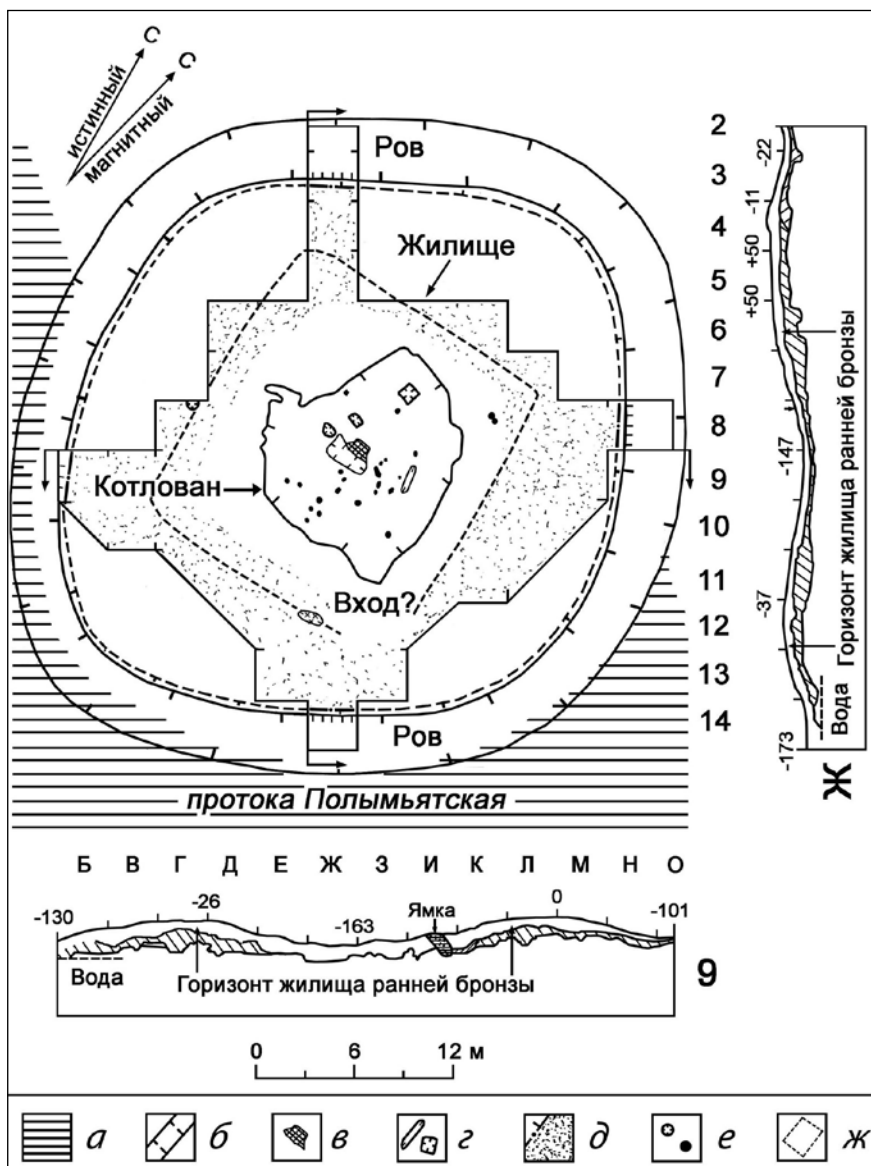

жилища любой конструкции, площадью до 70 кв. м, окружённые на некотором расстоянии оборонительной стеной, иногда дополненной внешним рвом³². В их число входили некоторые сибирские неолитические посёлки — Амня I (первая площадка), Большая Умытья 9, Микишкино 5, а также укрепление конца неолита — энеолита Имнъёган 2.1 (первая площадка, объект 7)³³.

Второй тип — это большие и мощные одиночные бревенчато-земляные дома, окружённые валом и рвом, иногда с дополнительной защитной стеной.

Прообразами этих «домов-крепостей» являлись оконтуренные канавами неолитические объекты типа Быстрого Кульёгана 66, Усть-Тары XXVIII (объект 1)³⁴, энеолитические жилища Имнъёгана 2.1 (объект 7) и Имнъёгана 2.2 (объект 8), а также большие одиночные полуземлянки без рвов и иных защитных конструкций. Последние объекты сооружались в энеолите и начале бронзового века в бассейне р. Конды, в Сургутском и Нижнем Приобье (Большая Умытья 100, Савуй-Пеу IV, Нумто 1, Нумто 2, Серебрянка 2, Серебрянка 3 и др.). Они располагались как у краёв коренных террас, так и в глубине леса. По всей видимости, это были стационарные зимние жилища. Два таких объекта с керамикой балинского и полымьятского типов — Балинское 1 (ил. 7) и Балинское 53³⁵ — раскопаны³⁶.

Общая характеристика западносибирских укреплённых жилищ первой половины бронзового века. В западной части таёжного Приобья открыто не менее 22 таких объектов (ил. 1—1, 2, 4, 5, 7—21, 23—27, 31; 4; 5; 8—б—ж, к; 9—16)³⁷, на 8 из которых (Волвонча I — поздний горизонт, Пашкин Бор I — оба горизонта, Быстрый Кульёган 38, Барсова Гора II/22, Моховая 8, Щетнмато-Лор I, Большая Умытья 28, Ендырское VIII — ранний горизонт) проведены раскопки³⁸, а на остальных заложены только шурфы. Поселения бассейна р. Конды этого времени причислены к памятникам с керамикой раннего и позднего полымьятских типов, объекты Сургутского Приобья и верховьев Пура — к памятникам с посудой кульёганского типа, низовьев Среднего Приобья — балинского и полымьятского типов; керамика синхронных таёжных посёлков Нижнего Приобья пока культурно не определена. Помимо этого, на тех же территориях известно более десятка объектов, стационарно не исследованных, но по форме близких ранним укреплённым жилищам эпохи бронзы (Усть-Олье 5 — объект 4, Еныя 19 — Ены-Янское, Окунёвый Мыс 1 — объекты 14, 43, Окунёвый Мыс 4, Среднереченское — жилище № 2, Тотымаявин 3, Тотымаявин 4,

Ил. 5. Поселение (укреплённое жилище) Волвонча I. Бассейн Конды. Горизонт эпохи бронзы. Общий план, план и профили раскопа. Раскопки Н.К. Стефановой 1979 г.

Условные обозначения: а — водоём; б — ров; в — очаг; г — ямы; д — песчаная обваловка основания стен жилища; е — столбовые ямки; ж — предполагаемая граница постройки

Тотымаявин 12 — объект 1, Тат-Ягун 58, Тат-Ягун 82, Угутское 8, Кучиминское XXI, Имнѣган 2.2 — объект 8 и др.) (рис. 8—з, к, л, м). Мы не исключаем, что аналогичные укрепления могли существовать в эпоху бронзы и в восточной части таёжного Приобья. По крайней мере, сходные по внешнему виду памятники выявлены в Нарымском Приобье (Могильный Мыс I, Новый Стан I, Новый Стан II, Новый Стан III)³⁹. К сожалению, они тоже пока не раскопаны, и точная хронология их не известна.

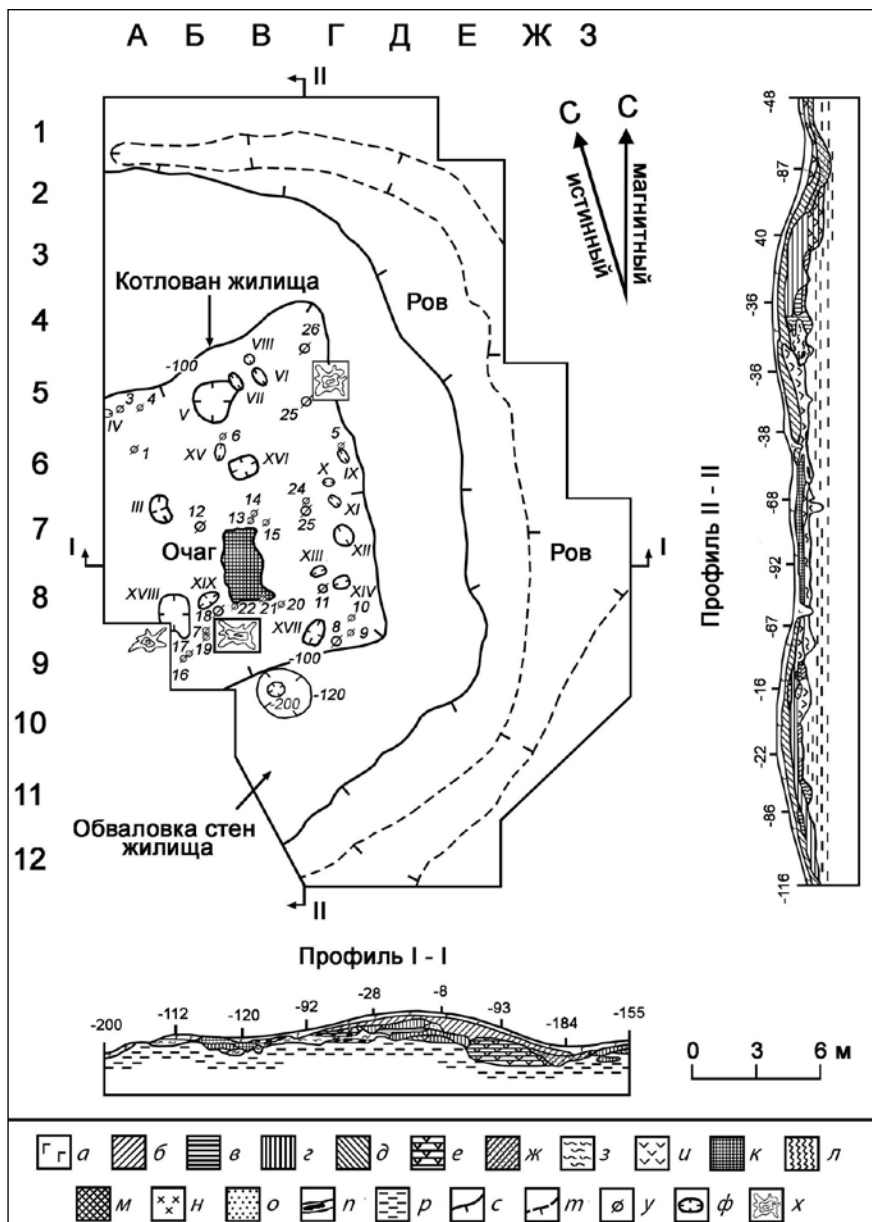
Анализируемые нами укрепленные жилища относятся к так называемым однодворным посёлкам. От вышеупомянутых больших неукрепленных объектов они отличаются близким расположением к воде, привязкой к высоким, естественно защищённым природой местам, наличием рвов и, возможно, дополнительных защитных сооружений, а также меньшей глубиной котлованов.

Местонахождение укреплений. Укрепленные жилища находились как на значительном расстоянии друг от друга (до нескольких сот километров), так и объединялись в небольшие локальные группы. При этом они располагались вдоль больших водных артерий, в том числе у Оби и Конды, а также на мелких речках и ручьях в глубине тайги; единичные укрепления зафиксированы на берегах лесных озёр. Впрочем, в первом случае они также возводились не близ основного русла реки, а у одной из её нешироких протоков, что было обусловлено системой хозяйства первобытных охотничье-рыболовецких общин.

Выявленные «кусты укреплений», прежде всего, на речках Быстрый Кульѣган, Санкинкъявин и обской протоке Микишкиной, отражали как реальные (естественные), так и искусственные группировки. Каждая группа поселений, единство которых определяла однотипная керамика, была оставлена, скорее всего, локальным объединением родственных общин, проживавших на одной территории. Вместе с тем памятники, входящие в состав этих групп, чаще всего не были синхронными и возводились последовательно. Это, в первую очередь, относится к близко расположенным парам поселений: Быстрый Кульѣган 38 и Быстрый Кульѣган 40, Быстрый Кульѣган 73 и Быстрый Кульѣган 77, Быстрый Кульѣган 100 и Быстрый Кульѣган 105, Барсова Гора II/37 (объекты 1 и 2), Песиково I и Песиково 19. Новые укрепленные дома в таких местах появлялись, по-видимому, после разрушения более ранних. Этнографические данные по многим первобытным обществам мира показывают, что у населения каждого посёлка или постоянно мигрирующей группы была своя, более или менее чётко обозначенная

территория обитания и промысловой деятельности, радиусом не менее 5 км. Она была хорошо известна соседям, и нарушение её было чревато военными конфликтами. В нашем случае также трудно себе представить две первобытные «крепости», находившиеся в пределах

видимости, население которых без постоянных стычек добывало пропитание и другие необходимые ресурсы в одном лесу и на довольно убогой речушке. Даже для р. Быстрый Кульёган, на которой уже сейчас зафиксировано 8 укрепленных жилищ эпохи бронзы, сосредоточенных на пространстве длиной 10 км, мы можем теоретически допустить одновременное существование только двух-трех укрепленных жилищ на удалении 5 км.

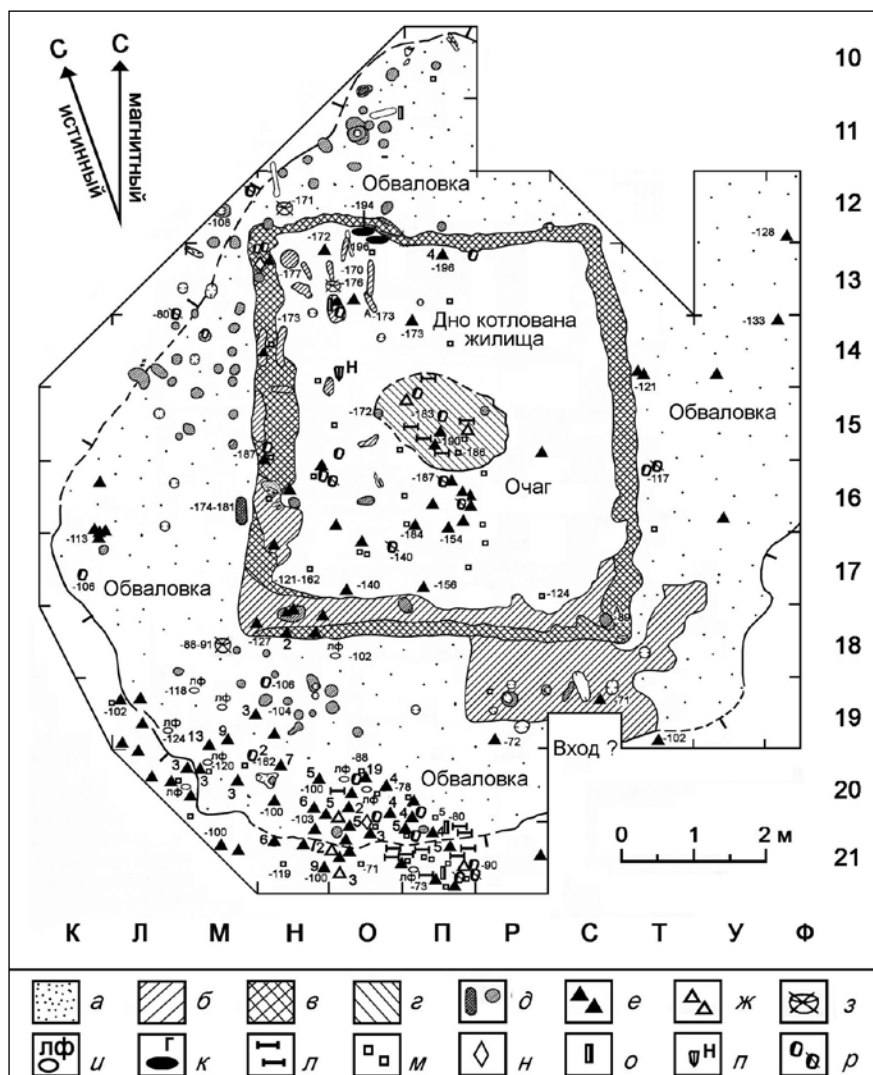
Укрепленные жилища второго типа возводились как на ранее не застраивавшихся участках, так и на площадках заброшенных неолитических (Барсова Гора II/22, Быстрый Кульёган 38) и энеолитических (Волвонча I — ранний горизонт) поселений. Укреплению эпохи бронзы Барсова Гора II/22 предшествовало кратковременное селище с такой же кульёганской посудой. Кроме того, зафиксирована перестройка укрепленных объектов эпохи бронзы в границах предшествующих, но уже разрушенных (Пашкин Бор I).

Синхронных селищ вокруг укрепленных жилищ второго типа ни разведками, ни раскопками не выявлено. Большие и малые неукрепленные посёлки эпохи бронзы — с обычными полуземлянками площадью от 20 до 70 кв. м, без рвов — находились на большом удалении от таких объектов. На первый взгляд, исключение из этого правила представляет селище Барсова Гора II/19, расположенное в 200 м к востоку от укрепленного жилища Барсова Гора II/22, за глубоким логом⁴⁰. Памятники объединяет керамика кульёганского типа. Между тем, судя по радиоуглеродным анализам и самой посуде, укрепление и селище, по-видимому, разновременные⁴¹.

Отдельный сюжет — соотношение таёжных укреплений и некрополей эпохи бронзы. В 240 м от укрепленного жилища Товгор-Лор VI⁴² (ил. 15) открыт и исследован могильник сейминско-турбинского хронологического горизонта Товкуртлор 3 с гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой, каменными черешковыми наконечниками стрел,

Ил. 6. Поселение (укрепленное жилище) Пашкин Бор I. Бассейн Конды. Эпоха бронзы. План и профили раскопа. По Н.К. Стефановой и С.Ф. Кокшарову.

Условные обозначения: а — «дёрн» (лесная подстилка и гумус); б — жёлто-серая супесь; в — светло-серая с жёлтым оттенком слоистая супесь (ранняя насыпь); г — буро-белесая супесь; д — погребённый подзол; е — пестроцвет; ж — буровато-серая супесь; з — серая супесь; и — углистая супесь; к — коричневая супесь (очаг); л — светло-серая супесь; м — прокал; н — угли; о — выброс; п — охра; р — жёлтый материковый песок; с — границы котлована, обваловки стен жилища и раннего рва; т — границы позднего рва; у — столбовые ямки; ф — хозяйственные ямы; х — деревья, пни

Ил. 7. Поселение (большое одиночное неукреплённое жилище) Балинское 1. Сургутское Приобье, р. Балинка. Эпоха бронзы (балинский тип). Раскопки М.Ю. Баранова 2005 г. Общий план раскопа и жилища. I—III горизонты фиксации. Условные обозначения: а — переотложенный материковый песок (обваловка стен жилища); б — углистые слои; в — охристый песок, сходный с прокалённым; г — очажный слой (очаг); д — канавки, ямки; е — орнаментированная гребенчатая керамика; ж — неорнаментированные фрагменты керамики; з — раздавленный сосуд; и — обломки глиняной литейной формы; к — глиняное грузило; л — кальцинированные кости; м — отщеп; н — каменная плитка; о — каменная пластина; п — нуклеус; р — камень, расколота галька

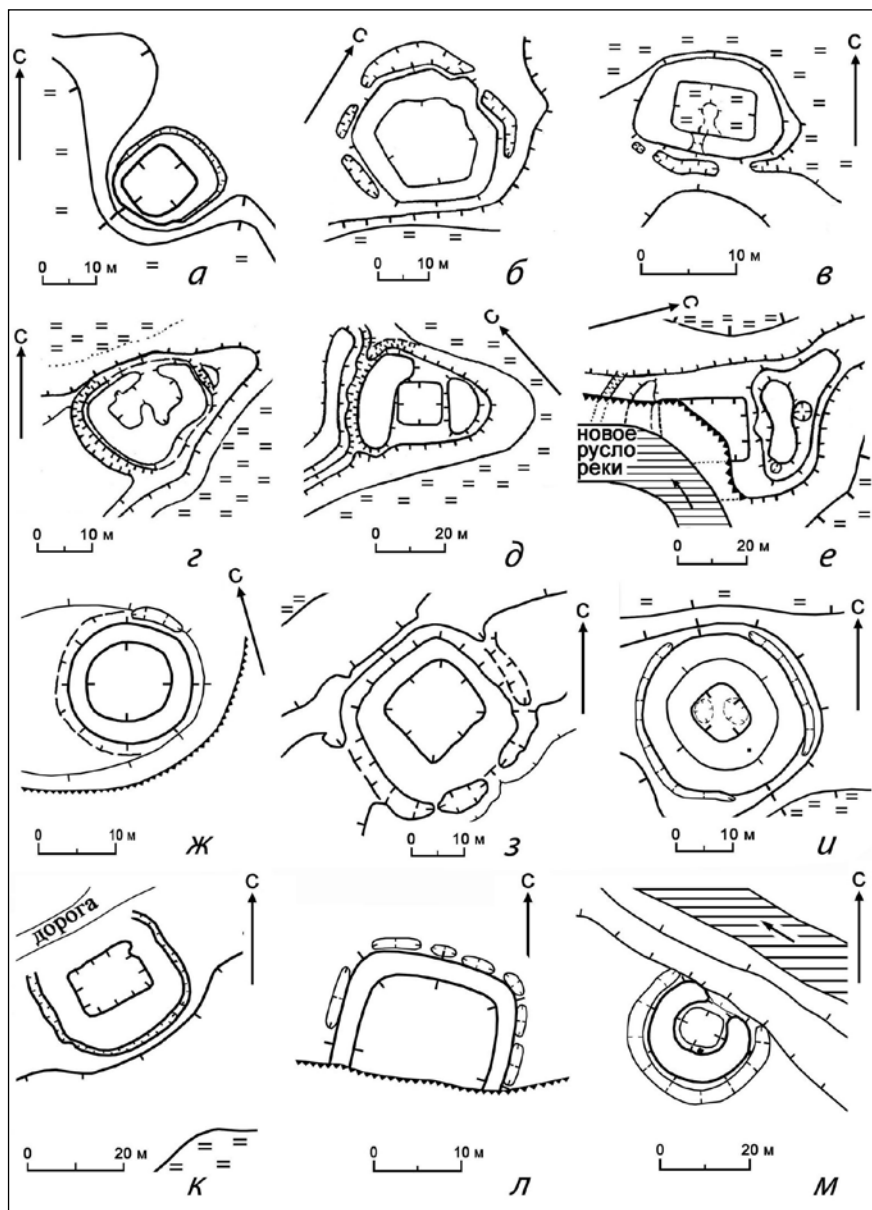

глиняной фигуркой животного и бронзовым скобелем-ножом⁴³. Керамические комплексы памятников несколько различаются, поэтому исследователи некрополя считают, что в бассейне Казыма отсутствуют поселенческие объекты, которые можно было бы уверенно связать с данным могильником. То же самое они отмечают и для сейминско-турбинского некрополя Сатыга XVI, раскопанного в бассейне Конды⁴⁴. Возможно, это и так. Тем не менее вполне допустимо, что памятники бронзового века, открытые на оз. Товкуртлор, были синхронны или близки по времени. В могильнике Товкуртлор 3 могли быть захоронены люди из нескольких окрестных посёлков, в том числе из соседнего действующего или недавно разрушенного укрепления Товгор-Лор VI. Что же касается различия керамики поселения и могильника, то оно может объясняться, как отметил В.И. Стефанов, обычной дифференциацией бытовой и погребальной посуды.

Основная часть укреплённых жилищ эпохи бронзы таёжного Приобья и верховьев Пура находилась на довольно высоких (4—20 м) для данных территорий местах: мысах и мысовидных выступах коренных террас близ рек и ныне заболоченных пойм. Такая топографическая привязка, в первую очередь, отвечала условиям обороны посёлков. Она обеспечивала естественную защиту населения от врагов и хороший обзор окрестностей, равно как оберегала людей от паводковых и ливневых вод. По сравнению с влажным и холодным энеолитическим периодом, в начале эпохи бронзы, отмеченной периодом ксеротерма, уровень воды в таёжных западносибирских реках был несколько ниже. Тем не менее у их коренных берегов, как в неолите и энеолите, продолжала функционировать целая сеть стариц и неглубоких проточных озёрков, которая стала заторфовываться ближе к середине засушливого периода эпохи бронзы. В весенние половодья реки могли расширяться на десятки и сотни метров — до подножий современных коренных террас. Значительно реже укреплённые жилища эпохи бронзы фиксируются археологами у самой кромки воды и на высоте до 1,0—2,5 м от уровня водоёма: на берегах озёр (Щетнмато-Лор I, Товгор-Лор VI, Волвонча I) или близ небольших ручьёв в глубине леса (Быстрый Кульёган 77, Быстрый Кульёган 100, Большая Умытья 28 и др.). Последнее отчасти объясняется современной «подпруженностью» некоторых водоёмов и высоким уровнем вод. В целом же такая локализация жилищ для древних обитателей тайги была определена близостью к источнику воды и местам постоянного промысла рыбы.

Внешний вид, сохранность и параметры укрепленных объектов.
Особенностью таёжной зоны Западной Сибири, включая территорию средней и северной тайги Сургутского Приобья, а также верховьев Надыма и Пура, является хорошая выраженность остатков археоло-

гических объектов в рельефе. В том числе — общей формы, размеров и некоторых деталей интерьера руинированных укрепленных жилищ. Дело в том, что песчаные террасы с хвойной растительностью, на которых расположено большинство памятников северной археологии, достаточно долго — порой тысячелетиями — сохраняют на своей поверхности следы древних объектов — жилищ, производственных построек, городищенских рвов, валов, могильников, ям-ловушек и т. д. Такое явление обусловлено особенностями «промывного режима» в песках (быстрым «оседанием» мелких частиц органики и окислов железа вглубь грунтов, состоящих из относительно крупных кристаллов кварца), а также мощной корневой системой сосен, быстро «всасывающей» продукты разложения органики (перегнивший хвойный опад, древесина и т.д.). В результате наблюдается почти нулевой прирост лесной подстилки из тонкого слоя гумуса, опада хвои и листвы, покрытой мхами, лишайниками и кустарничковой растительностью. В свою очередь, ямы от упавших деревьев, котлованы и обваловки древних жилищ, ямы-карьеры, канавы и рвы, равно как и «выкиды» из этих углублений, искусственные платформы-насыпи, тем более в условиях малонаселенности тайги, прослеживаются в рельефе в течение сотен и тысяч лет.

В то же время из-за активного «промывного режима» органические остатки от этих построек, а также древние слои у поверхности валов и котлованов жилищ, сохраняются очень плохо. Здесь они почти полностью уничтожены «выщелачиванием», то есть образованием мощного горизонта бело-серого подзола, из которого вымыта органика, окислы железа и некоторые минеральные остатки. Между тем, в нижележащих «ожелезнённых» песках (ортзанды, ортштейны) остатки сгоревших деревянных конструкций сохраняются лучше, а под переотложенными песками, в том числе под расплывшимися обваловками стен построек, консервируются пласты древней почвы (погребённые подзолы).

На поверхности остатки укрепленных жилищ первой половины эпохи бронзы фиксируются в виде одиночных прямоугольных и квадратных с

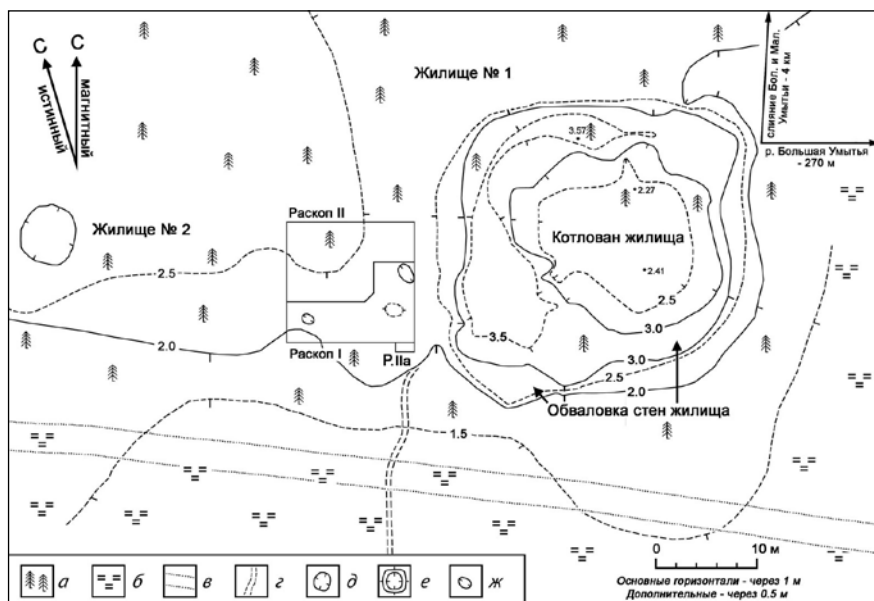
Ил. 8. Укрепленные жилища Нижнего Приобья (а), Сургутского Приобья (б–л) и бассейна р. Конды (м): а — энеолит; б–ж, и — эпоха бронзы; з, к, л, м — датировка не определена.

Памятники: а — Тёплый Ручей II; б — Быстрый Кульёган 44; в — Быстрый Кульёган 77; г — Быстрый Кульёган 2; д — Быстрый Кульёган 40; е — Быстрый Кульёган 38; ж — Барсова Гора II/37 (объект № 1); з — Тотымаявин 4; и — Песиково 19; к — Быстрый Кульёган 100; л — Барсова Гора II/37 (объект № 2); м — Еныя 19 (Ены-янское).

Примечание: север — истинный

закруглёнными углами впадин площадью от 36 до 360 кв. м, глубиной 0,15–0,50 м, окружённых песчаными валами и внешними ровиками. Ширина расплывшихся валов в рельефе варьируется от 2 до 12 м, выс. — от 0,2 до 1,7 м. Ровики сплошные и прерывистые, в плане замкнутые подпрямоугольные и кольцевые, а также незамкнутые П-образные, дуговидные и прямые поперечные. Их ширина на поверхности — от 1,0 до 8,0 м, глубина 0,2–1,0 м (ил. 5; 6; 8–б–ж, к; 9–16). Иногда перед ними прослеживаются вторые, менее мощные насыпи (Быстрый Кульёган 40, Быстрый Кульёган 73, Товгор-Лор VI) (ил. 8–д; 10–Б; 15). Площадь памятников: 230–1250 (в среднем — 715) кв. м, в том числе без рвов — 200–925 (в среднем — 530) кв. м. Один посёлок (Моховая 8) площадью 1050 кв. м состоял из двух окружённых валами укреплённых площадок, примыкавших торцами друг к другу (ил. 13).

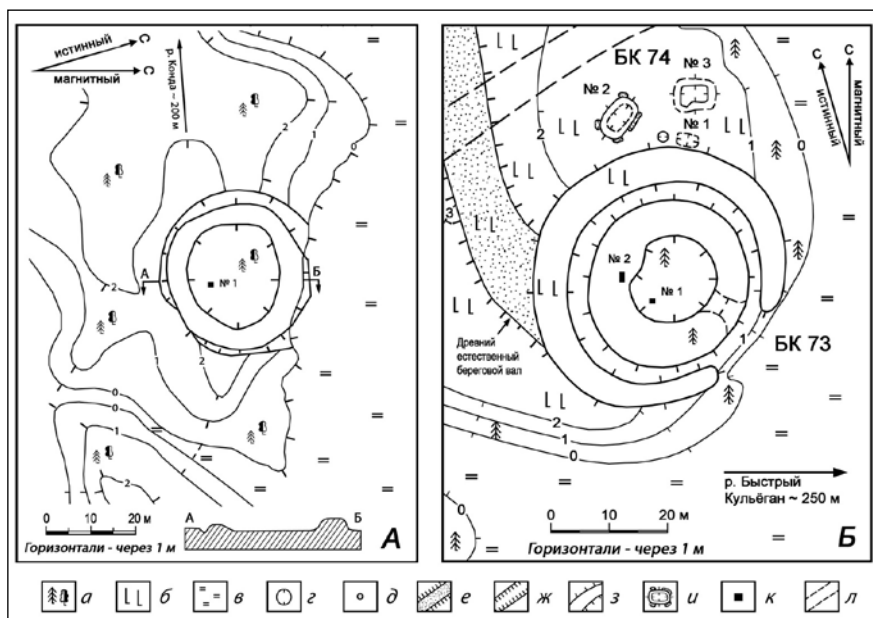
Ил. 9. Поселение Большая Умыт'я 28, объект № 1 — укреплённое жилище. Бассейн Конды, р. Большая Умыт'я. Эпоха бронзы (полымьятский тип). Раскопки и съёмка С.Ф. Кокшарова, А.П. Зыкова 2003–2007 гг.

Условные обозначения: а — лес; б — заболоченная пойма; в — зимник (временная зимняя дорога); г — тропа; д — жилищная впадина; е — жилищная впадина с обваловкой; ж — яма.

Примечание: с чертежа удалены погребения средневекового могильника и точки нивелировки поверхности

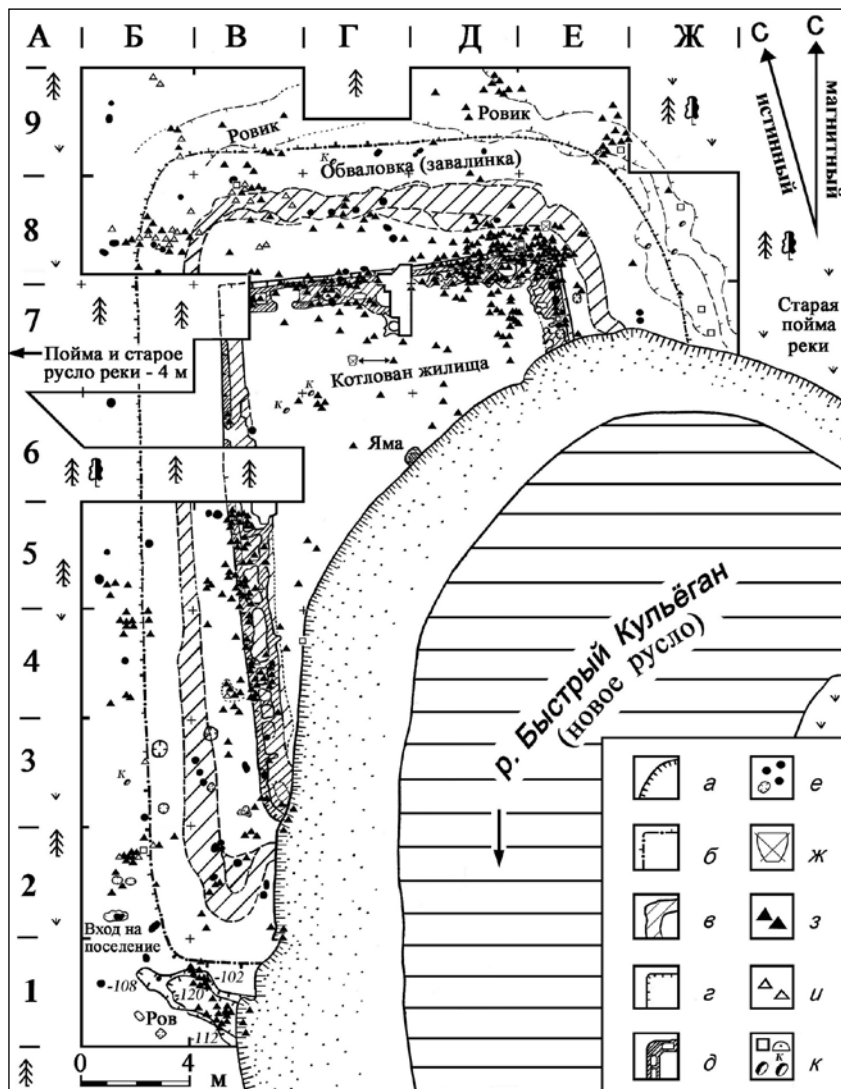
Общая конструкция укрепленных объектов и их защитных линий. Данные поселения по их топографической привязке, системе защиты и аналогии с городищами относятся к типам мысовых и береговых укреплений с замкнутыми напольными либо незамкнутыми напольными и поперечными рвами. Валы-обваловки жилищ первоначально были замкнутыми, но некоторые их части были утрачены вследствие эрозии склонов террас.

Изучение руин укреплений, а также их раскопанных участков позволило установить следующее. Общая архитектура объектов — деревоземляная. Сами постройки, несмотря на сходство их остатков в рельефе, разнотипные. Все варианты конструкций данных домов, а также элементов их защитных линий пока не установлены. Те, что нам известны, охарактеризованы ниже.

Ил. 10. Поселения (укрепленные жилища) Турсунт IV (А) и Быстрый Кульёган 73 (Б). Эпоха бронзы. Кондинская низменность, среднее течение Конды, р. Турсунт (А), Сургутское Приобье, р. Быстрый Кульёган (Б). Эпоха бронзы (кульёганский тип) (Б). Планы памятников. Съёмка Е.М. Беспрозванного 1989 г. (А), В.А. Борзунова 1994 г. (Б).

Условные обозначения: а — деревья, лес; б — вырубка; в — заболоченная пойма; г — жилищная впадина; д — яма; е — древний естественный береговой вал; ж — ров; з — вал и обваловка стен укрепленного жилища; и — приподнятая площадка наземного жилища; к — шурф; л — грунтовая дорога

Ил. 11. Поселение (укреплённое жилище) Быстрый Кульёган 38. Сургутское Приобье, р. Быстрый Кульёган. Эпоха бронзы (кульёганский тип). План раскопа 2000 г. Съёмки и раскопки В.А. Борзунова, А.А. Погодина.

Условные обозначения: а — обрыв и песчаная осыпь; б — внешняя граница «завалинки» (расплывшейся обваловки основания стен жилища); в — полоса углистой супеси (остатки основания сгоревших стен жилища); г — котлован жилища; д — остатки сгоревших деревянных наг; е — ямы и столбовые ямки; ж — раздавленный сосуд; з — орнаментированная керамика кульёганского типа; и — черепки без орнамента; к — каменные предметы и отщепы

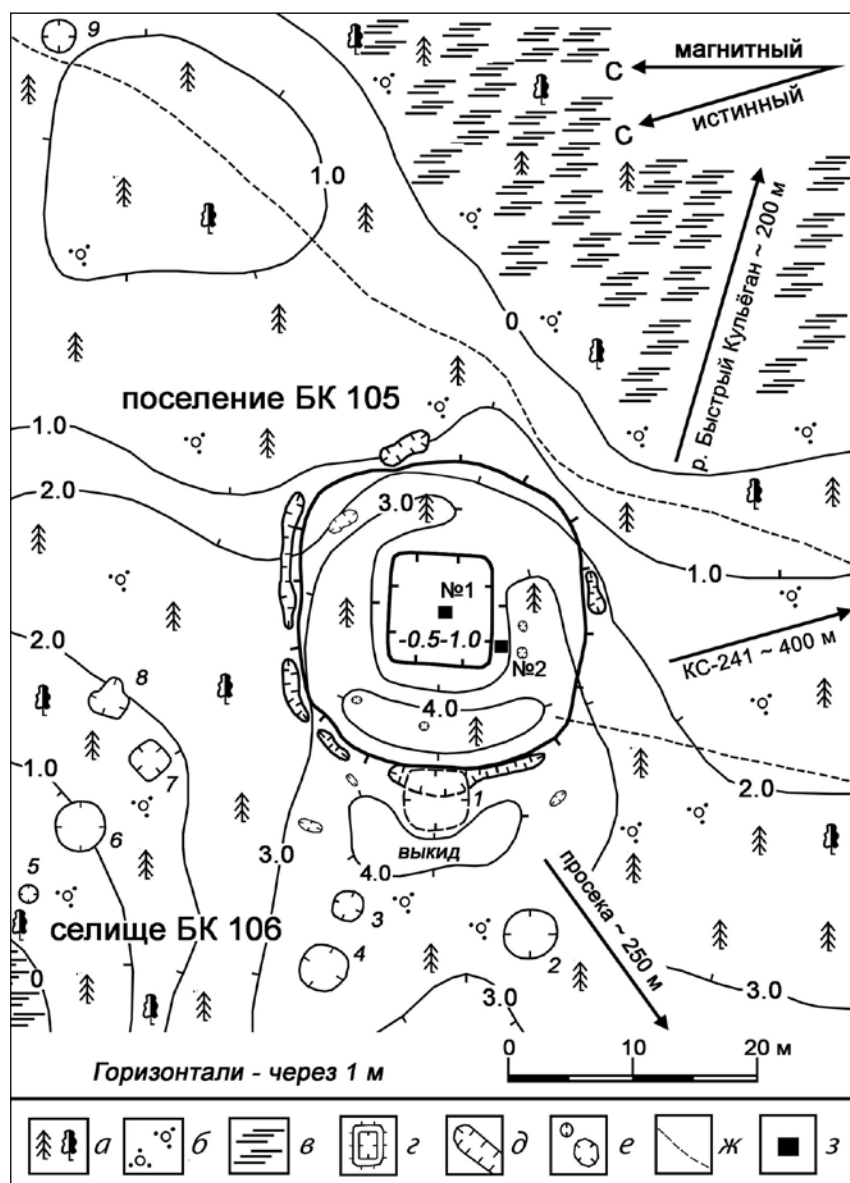
Это были довольно внушительные комбинированные каркасно-столбовые и бревенчатые с самонесущими стенами наземные или слабо углублённые строения, прямоугольного и подквадратного плана, в том числе со скруглёнными углами, укреплённые в основании песчаной обваловкой-завалинкой. Размеры домов без завалинки — 13—25х10—24 м, их площадь — 130—580 (в среднем — 308) кв. м. Наземная часть жилищ имела призматическую и усечённо-пирамидальную формы⁴⁵. Каркас сооружений состоял из опорных столбов, установленных в пределах углублённой части помещения, в том числе по её периметру. От них сохранились ямки, заполненные углистой супесью.

Стены у *первой группы домов* были наклонными, составленными из брёвен, опиравшихся верхними концами на края вышеупомянутого каркаса, а нижними — на грунт за пределами углублённой части жилища. В этом случае погребённая древняя почва, сохранившаяся под песчаными «валами», оставалась практически неповреждённой (Быстрый Кульёган 38, Волвонча I — верхний горизонт, Пашкин Бор I — оба горизонта, Щетнмато-Лор I, Моховая 8 и др.). По оси валов прослеживались углистые полосы от основания сгоревших стен либо наклонные столбовые ямки (ил. 5, 6, 11, 13, 16).

Вторая группа жилищ представлена объектом Барсова Гора II/22. Стены у него на исследованных участках были, скорее всего, вертикальными, «частокольной» и «заплотной» конструкции. На это указывают характерные канавки под северо-западным участком вала (ил. 14—Б) и глубокие ямы в основании его юго-восточного отрезка.

Нельзя также исключать *третий вариант дома*: с вертикальными самонесущими стенами, сложенными из горизонтально уложенных друг на друга брёвен, укреплённых столбами-коляями.

Основание стен жилища крепилось с обеих сторон песчаной подсыпкой. Снаружи дома она имела вид покрытой дёрном завалинки. Изнутри давление грунта завалинки уравнивалось песчаной основой нар. Иными словами, то, что мы ныне фиксируем в рельефе как «валы» вокруг жилищных впадин, в действительности является расплывшейся обваловкой жилых стен и частично — платформой деревоземляных нар. Песок для крепиды и нар брался как из внешнего рва, так и из жилого котлована, в момент их прокопки. Судя по объёму песка расплывшегося «вала», выс. завалинки была порядка 1,0—1,5 м, при такой же ширине. Наиболее мощная отмечена у объекта Барсова Гора II/22, где в насыпи прослеживались многочисленные углистые прослойки от сгоревших деревянных конструкций стен и нар (ил. 14—Б). Верхняя часть стен

Ил. 12. Поселение (укрепленное жилище) Быстрый Кульеган 105. Сургутское Приобье, р. Быстрый Кульеган. Эпоха бронзы (кульеганский тип). Съемка В.А. Борзунова 2002 г.

Условные обозначения: а — деревья, лес; б — кусты; в — болото, заболоченная пойма; г — укрепленное жилище; д — ров, канава; е — яма и жилищная впадина; ж — тропы; з — шурф

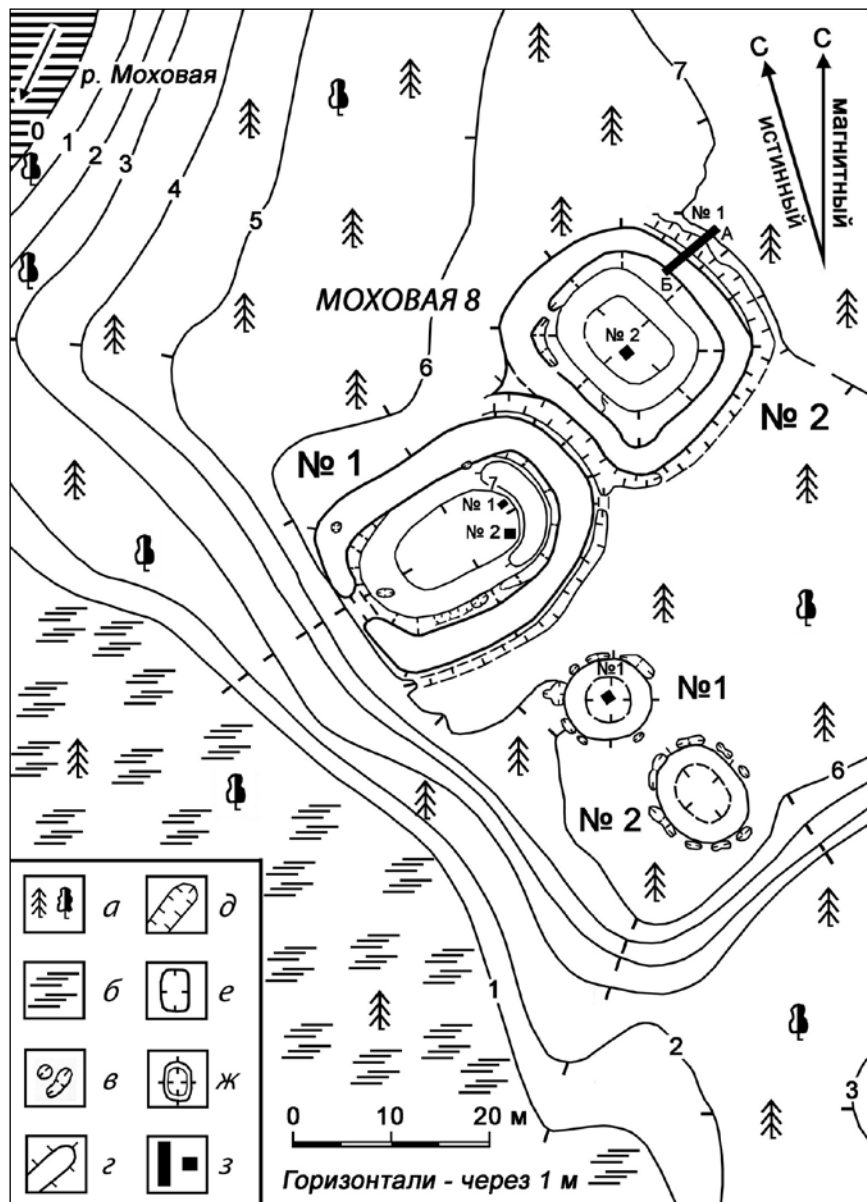

всех укрепленных жилищ эпохи бронзы, по всей видимости, возвышалась над обваловкой. При этом предполагаемая высота постройки от уровня древней поверхности могла достигать 1,5–2,0 м, а от дна котлована — 2,0–2,5 м. Этого было достаточно для поддержания тепла в доме, а при учёте наличия в нём углублённой части — для избежания задымления помещения и создания достаточной тяги для вывода наружу дыма от костров. В целом же такая конструкция укрепленных домов второго типа соответствовала тенденции постепенного — от неолита до начала железного века — «выхода на поверхность» древних жилищ таёжного Приобья⁴⁶.

Остатки перекрытия построек, как правило, не прослеживаются, а само оно реконструируется только на основании этнографических параллелей. Предполагается, что на опорных столбах дома покоилась система лаг, на которую плотно укладывались жерди перекрытия и поверх них помещались пласты «дёрна», точнее грунта с лесной подстилкой и мхом. Такая крыша могла быть двухскатной и четырёхскатной, с одним-двумя светодымовыми отверстиями, закрывавшимися на ночь специальными «крышками», сконструированными из коротких жердей и шивных берестяных полотнищ.

В полуподземных жилищах аборигенов Крайнего Севера Сибири конца Средневековья — начала Нового времени, зафиксированных русскими первопроходцами, а позднее исследованных этнографами и археологами, светодымовые отверстия в крышах над очагами использовались в качестве лазов в помещения⁴⁷. В больших наземных домах лесной зоны такие входы-лазы из-за угрозы обрушения жердевых перекрытий могли использоваться только в экстренных случаях. Скорее всего, в укрепленные жилища, равно как в большие неукрепленные дома-зимники, люди попадали через выступавшие наружу короткие крытые тамбуры, устроенные с торца или в углу постройки⁴⁸. Напротив этих мест рвы обычно прерывались.

Раскопанные рвы в профиле трапециевидные, с уплощенными днищами. Их песчаные стенки в жару могли легко осыпаться, а во время ливней — размываться. Скорее всего, такие углубления по краям были укреплены кусками «дёрна» или опалубкой из колотых плах, жердей и кольев, либо тем и другим. По размерам рвы также разнообразны. Среди них встречаются узкие и мелкие канавы (1,2–1,5х0,3–0,8 м), а также широкие и глубокие траншеи (2,0–6,0х1,0–1,5 м). Рвы укрепленных жилищ, как и всех первобытных укреплений Западной Сибири, полифункциональные. Наряду с задачей создания препятствия для неприятеля

Ил. 13. Поселение (укреплённое жилище) Моховая 8. Сургутское Приобье, р. Моховая. Эпоха бронзы. Съёмка и раскопки В.А. Борзунова 1994 г. Условные обозначения: а — деревья, лес; б — болото, заболоченная пойма; в — ямы, ямки; г — вал; д — ров; е — жилищная впадина; ж — наземное жилище с обваловкой; з — траншея, шурф

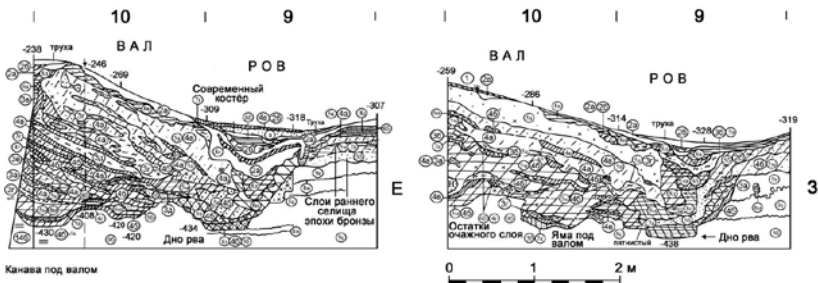
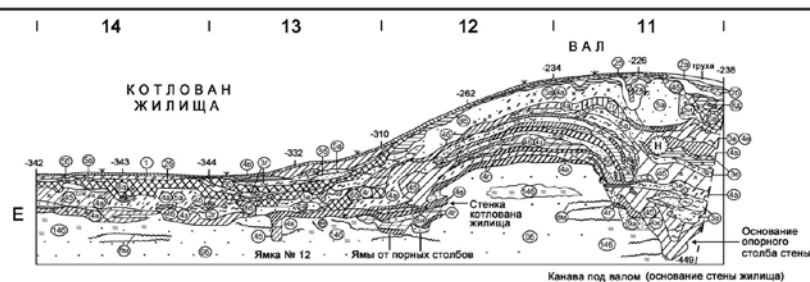
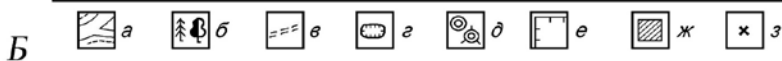
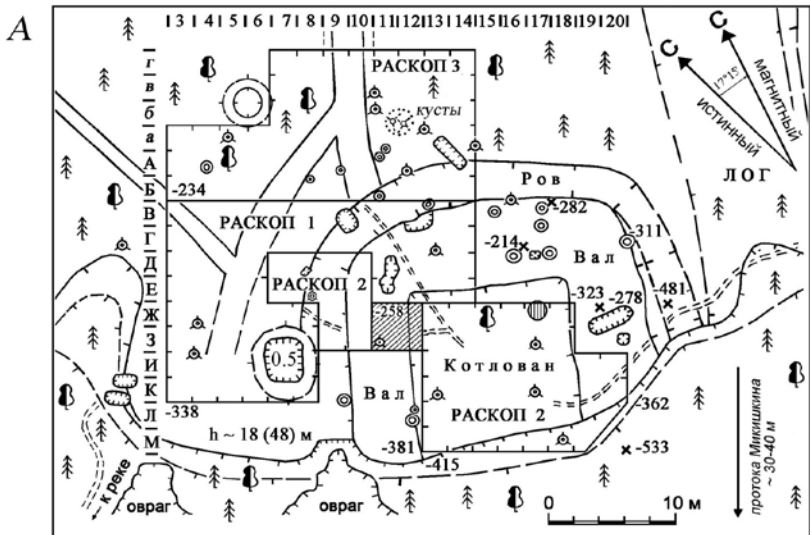

ля, часто не главной, они служили местами забора грунта для насыпки завалинки, а в повседневной жизни — дренажными, водоотводными и даже мусорными канавами. О последнем свидетельствуют обнаруженные в них обломки битой посуды и производственные остатки. Кстати, за пределами рвов археологические материалы крайне редки: все находки сосредоточены на самом поселении, в первую очередь, в углублённой части жилища — в очагах и вдоль нар. Через ров в дом люди проходили по специально оставленным грунтовыми перемычкам, шириной ок. 1 м, а там, где их не было, возможно, по перекидным бревенчатым мосткам.

В пользу наличия *дополнительных защитных стен*, расположенных вокруг жилищ перед рвами, материалов пока немного, и последние, к сожалению, недостаточно убедительны. Такие стены могли существовать на месте внешних валов некоторых укреплений (Товгор-Лор VI, Быстрый Кульёган 40 и Быстрый Кульёган 73), однако подобные насыпи могли появиться просто при выкиде в напольную сторону грунта из рва. Наличие заградительной линии — типа бревенчатой стены-*тургэ* горизонтальной кладки, опиравшейся на растущие или частично спиленные деревья, или ограды иной конструкции — предполагается вокруг поселения Быстрый Кульёган 38. Тем более что без неё жилище, расположенное на низком (2,5 м) мысу у самой воды, крайне уязвимо, а сооружение в основании выступа только рва вообще лишено смысла. Бесспорный факт: на поселении Моховая 8 каждая из двух построек занимала почти всю площадь узкого «двора», ограниченного оборонительной стеной. Остатками изгороди, точнее крепицы её основания, являются внешние замкнутые насыпи, окружённые рвами.

Следует также отметить, что в целях надёжной обороны и для исключения случаев гибели укреплённых жилищ от лесного пожара постройки должны были находиться на открытом пространстве и быть удалены от опушки леса, как минимум, на длину полёта стрелы.

Интерьеры жилищ. Фиксируемые на поверхности впадины собственно котлованами построек не являлись, и могут быть названы таковыми условно. Это только остатки углублённых частей помещений, занимавшие основную часть дома. Они правильного прямоугольного или почти квадратного плана, размерами от 6х9 до 18х20 м (54—360 кв. м). Стенки углублений вертикальные, песчаные, высотой 0,3—0,6 м, в древности, безусловно, обшивались деревом. Сгоревшая деревянная опалубка и остатки её крепёжных столбов (вертикальные ямки с углем) выявлены при раскопках укреплённого объекта Быстрый Кульёган 38 (ил. 11), а также больших жилищ Балинское 1 (ил. 7) и Балинское 53. Правда, некоторые

исследователи ошибочно принимают следы данной опалубки за нижние венцы стен самого жилища, которые они помещают в котлован⁴⁹.

Днища «котлованов» относительно ровные и горизонтальные. Вероятно, песчаные полы помещений, особенно в зимнее время, покрывались деревом.

Одним из основных элементов древних жилых западносибирских построек являлись «нары» — места отдыха, хранения утвари и других предметов. Они располагались по периметру котлована. Для укрепленных жилищ эпохи бронзы выявлено два основных их вида: деревоземляные и деревянные. В качестве первых использовались края-запечники «котлованов», дополненные песчаной подсыпкой и деревянным настилом. Это было относительно узкое (1,0—1,5 м) пространство между основанием стен и углубленной частью жилища (Барсова Гора II/22, Щетнмат-Лор I, Пашкин Бор I и др.). Сгоревшие остатки нар второго типа зафиксированы в жилище Быстрый Кульёган 38. Здесь нары были вплотную прижаты к опалубке стенки углубленной части помещения (ил. 11). Их основание было сооружено из двух ря-

Ил. 14. Поселение (укрепленное жилище и селище) Барсова Гора II/22. Сургутское Приобье, обская протока Микишкина. Эпоха бронзы (кульёганский тип). Раскопки В.А. Борзунова, Г.В. Бельтиковой 2007—2008 гг., Л.Л. Косинской 2008 г. Съёмка В.А. Борзунова. *А* — общий план памятника; *Б* — разрезы рва, вала и котлована жилища.

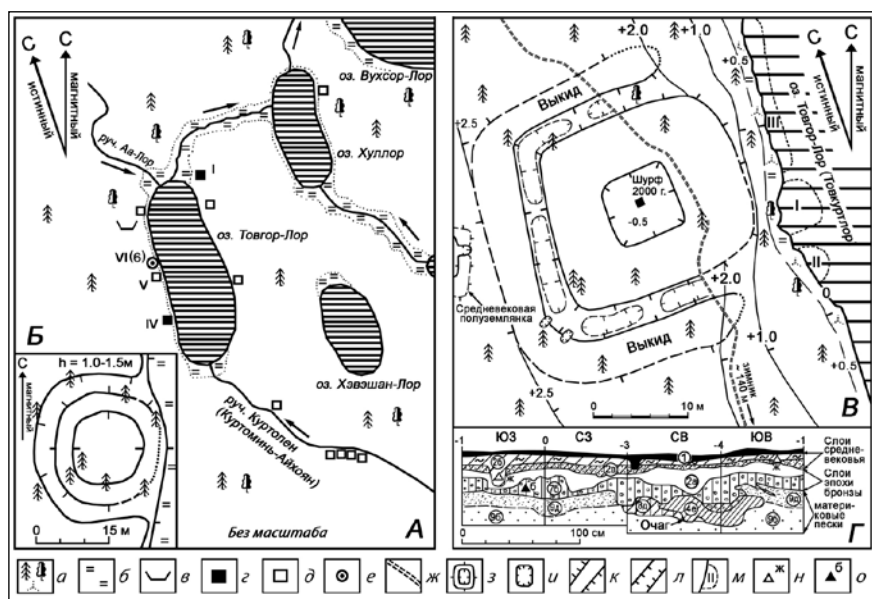
Номера слоёв: 1 — лесная подстилка и гумус; 2а — верхний серый подзол; 2б — верхний пепельно-серый и белый подзол; 3а — погребённый серый и тёмно-серый подзол; 3б — погребённый светло-серый и бело-серый подзол; 3в — погребённый жёлто-серый подзол; 3г — погребённый белый подзол; 3е — погребённый бело-зеленоватый подзол; 3д — погребённый светло-жёлтый и тёмно-жёлтый подзол; 4а — светло-серый и бело-серый углистый песок; 4б — серо-жёлтый и серый углистый песок; 4в — тёмно-серый углистый песок; 4г — чёрный углистый песок; 4ж — тёмно-серый с коричневым оттенком (кофейный) песок; 4з — буро-серый и серо-коричневый песок; 5а — переотложенный светло-жёлтый песок; 5б — переотложенный жёлтый и тёмно-жёлтый песок; 5и — кремво-жёлтый песок; 5м — кремво-серый песок; 6а — коричневая с органикой супесь; 6б — тёмно-коричневая с органикой супесь; 6и — буро-коричневая с органикой супесь; 6м — кремво-серый (светло-коричневый) песок; 7г — прокалённый оранжевый песок; 7к — слабо прокалённый жёлто-красноватый песок; 8б — коричнево-ржавый ортзанд; 8в — тёмно-жёлтый и оранжево-жёлтый ортзанд; 8д — буро-коричневый ортзанд; 8и — бурый ортзанд; 8м — тонкие прослойки коричнево-ржавого ортзанда; 8с — серо-бурый ортзанд; 9а — тёмно-жёлтый материковый песок; 9б — белый и светло-жёлтый материковый песок; 9е — бело-серый слоистый материковый песок; 14б — зелёный «илистый» материковый песок; а — серо-жёлтый песок (современный накид).

Условные обозначения: а — просека, дорога; б — лес; в — тропа; г — яма; д — со-сна, пень; е — границы раскопов 2007—2008 гг.; ж — законсервированный участок; з — дополнительные точки нивелировки

дов брёвен, уложенных параллельно в два яруса, соединенных через определённые промежутки (0,5–2,0 м) перерубами. Верхняя часть нар, по-видимому, представляла собой настил из жердей или колотых плах, покрытых шкурами животных. Ширина нар — 1,0–1,5 м, высота — 0,4 м. Возможно, такие же нары были в жилищах Балинское 1 (ил. 7) и Балинское 53.

Центром «социального пространства» укрепленного жилища являлся очаг, расположенный обычно в середине помещения. Раскопанные очаги разнообразные:

Ил. 15. Поселение (укрепленное жилище) Товгор-Лор VI. Нижнее Приобье, бассейн р. Казыма, оз. Товгор-лор (Товкуртлор). Эпоха бронзы (нижний горизонт), Средневековье (верхний горизонт). Ситуационный план (А), план жилища (Б, В), профили стенок шурфа (Г). Съёмка В.М. Морозова 1986 г. (А, Б), В.А. Борзунова 2000 г. (В, Г).

Номера слоёв: 1 — лесная подстилка (мох, хвойный опад, гумус); 2а — светлый пепельно-серый подзол, окуртуренный ортзандом; 2б — чёрный подзол; 2в — бурый подзол; 7е — розовато-жёлтый песок с охрой и ортзандом; 9б — белый материковый песок; 9д — бело-жёлтый (яично-жёлтый) материковый песок.

Условные обозначения: а — деревья, кусты; б — болото, заболоченная пойма; в — могильник эпохи бронзы Товкуртлор 3; г — городище раннего железного века; д — городище эпохи Средневековья; е — укрепленное жилище; ж — тропа; з — укрепленное жилище; и — жилищная впадина; к — вал, обваловка; л — ров; м — участки сбора керамики на дне озера; н — средневековая керамика; о — керамика эпохи бронзы

- небольшой слабо углублённый, диаметром ок. 1 м, оконтуренный дуго-видной канавкой (Волвонча I — поздний горизонт) (ил. 5);
- в виде обшитой деревом прямоугольной ямы размерами 3,0х2,0 м, глубиной 0,3 м (Пашкин Бор I) (ил. 6);
- открытого типа и подтрапцевидного плана (1,3х0,6х0,8 м), расположенный на материковом останце (1,8х1,4х0,1 м), укрепленном деревянной опалубкой (Щетнмато-Лор I) (ил. 16).

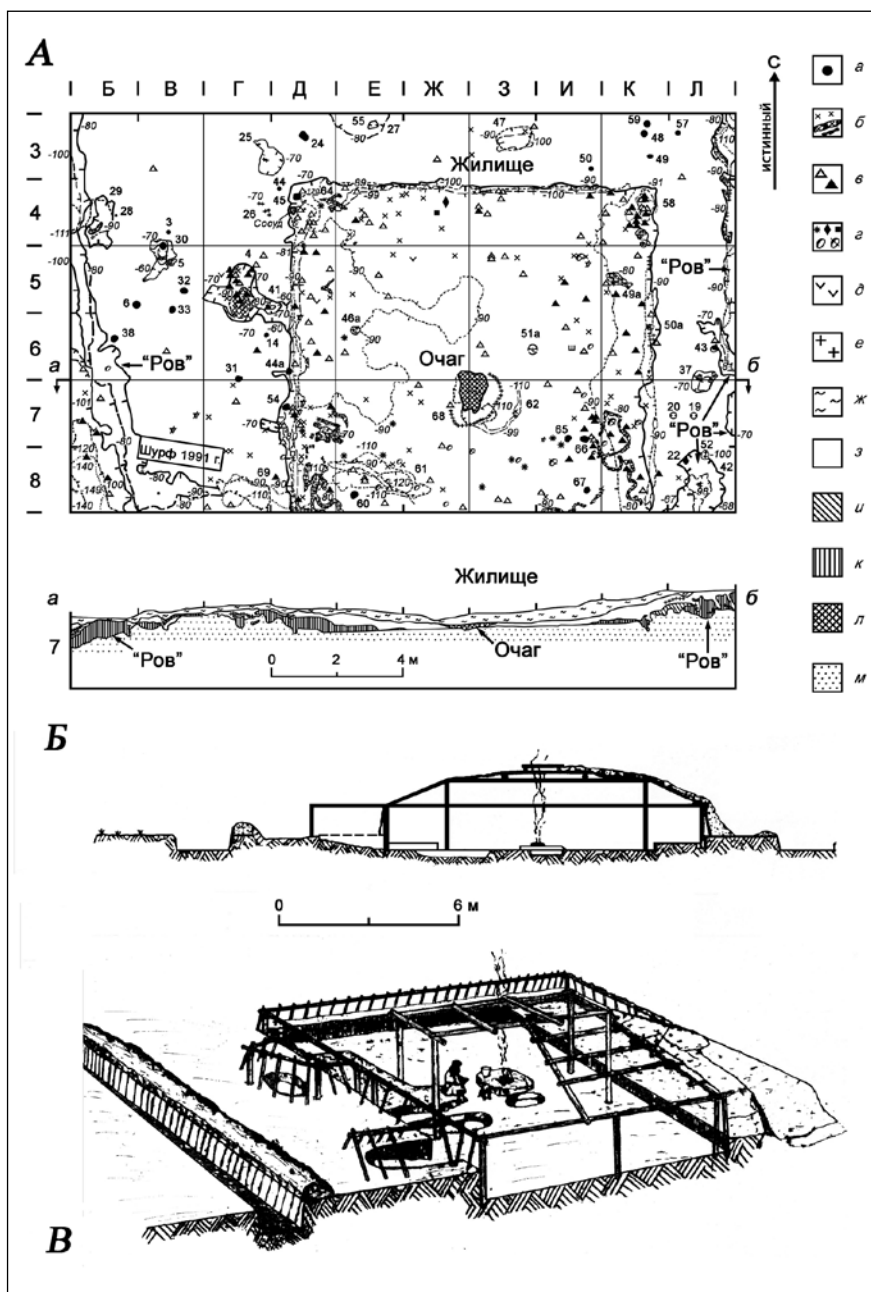
В центре жилища Барсова Гора II/22 очага не было, но практически всю южную часть его помещения занимал обширный (6,0—6,4х4,0х0,4—0,6 м) очажный слой с двумя горизонтами⁵⁰. Последний мог сформироваться в процессе расширения и слияния нескольких костров. Все очаги служили для освещения и обогрева помещения, а также, судя по находкам в них и вокруг них (керамика, кальцинированные кости рыб и мелких животных, обломки глиняных грузил, каменных орудий и других вещей), — для приготовления пищи и производственных нужд.

С хозяйственной и производственной деятельностью также связаны выкопанные в материковых песках овальные, круглые и подпрямоугольные ямы, располагавшиеся у очагов и нар, в том числе укрепленные деревом.

Вероятно, помещения больших домов делились перегородками на отсеки, а к опорным столбам крепились «вешала» для просушивания одежды и хранения некоторых продуктов питания. Между тем археологических свидетельств их существования, как и других деталей интерьера, пока нет.

Находки. Основную часть археологических материалов, найденных в укрепленных жилищах, составляют обломки керамической посуды, другие предметы малочисленны. Между тем в совокупности они образуют довольно представительные серии разнообразных вещей из камня (молотки, наковальни, гальки-отбойники, абразивы-шлифовальники, лезвия шлифованных топоров-тёсел, ножевидные пластины — части вкладышевых орудий, ножи по дереву и кости, скребки для обработки шкур животных, сверло, резец, долотовидное орудие, ретушёр, отщепы с ретушью, шлифованные и кремневые наконечники стрел, подвеска-лунница и др.), глины (грузила для сетей, керамические шпатели и скребки), лимонита (шлифованный стержень), а также отходы камнеобработки. Костяные изделия (проколки, тёсла-лопатки, нож, обломок рога с нарезками) редки, деревянные предметы не сохранились.

Об использовании жителями укрепленных жилищ и синхронных селищ медных и бронзовых вещей, а также о собственном литейном

и металлообрабатывающем производстве, часто очень скромном (особенно в Надым-Пуровском междуречье, Сургутском и Нижнем Приобье), основанном на привозном сырьё (в виде лома и слитков), свидетельствуют эпизодические находки:

- каменных и глиняных литейных форм для отливки кельтов, копий, шильев, стержневидных орудий;
- глиняных сердечников, сопел, тиглей, льячек;
- самих изделий из меди и бронзы (обломок ножа, лунница);
- каменных оселков для заточки металлических предметов;
- шлаков, ошлакованных черепков;
- обрезков бронзовых изделий, капель, стержней и слитков цветного металла.

Такие находки были сделаны на памятниках: Волвонча I — поздний горизонт, Пашкин Бор I, Барсова Гора II/22, Щетнмат-Лор I, Геологическое III, Геологическое XVI, Барсова Гора II/8в, Барсова Гора II/19б, Чернореченское I, Савкинская Речка I, Нёх-Урий 5.2, Балинское 53. При этом речь идёт об орудиях, отлитых как в односторонних, так и двухсторончатых формах⁵¹.

Результаты анализов остеологических остатков, выполненных канд. биол. наук П.А. Косинцевым (Ин-т экологии растений и животных УрО РАН), свидетельствуют о рыболовстве и охоте как основных занятиях населения укрепленных жилищ эпохи бронзы: определены кости лося, северного оленя, медведя, бобра, куницы или соболя, белки, возможно, лисицы, а также «друга человека» — собаки; из ихтиофауны — остатки щуки. Для сравнения: в большом неукрепленном зимнем жилище Балинское 1 найдены кости северного оленя, бобра, зайца, белки, россомахи, лисицы, соболя, горноста, а также щуки, карповых, окуня, единично — осетровых⁵².

Основные итоги анализа

Мы неоднократно и детально рассматривали проблемы, связанные с генезисом, распространением, назначением, историческими судьбами и другими аспектами характеристики укрепленных западносибирских

Ил. 16. Поселение (укрепленное жилище) Щетнмат-Лор I. Междуречье Надыма и Пура, оз. Щетнмат-лор. Эпоха бронзы (кульганский тип). Раскопки Л.Л. Косинской 1996 г.: *А* — план раскопа; *Б* — разрез жилища и рва; *В* — реконструкция жилища Л.Л. Косинской.

Условные обозначения: *а* — столбовая ямка; *б* — отщепы; *в* — керамика с орнаментом и без орнамента; *г* — каменные предметы, камни, расколотые гальки; *д* — кости животных; *е* — угли, обугленное дерево; *ж* — подзол; *з* — переотложенный песок; *и* — погребенный подзол; *к* — культурный слой; *л* — очажный слой; *м* — материковый песок

жилищ⁵³. В этой связи будет логично изложить только некоторые результаты этого анализа.

Распространение укрепленных поселений на севере Западной Сибири происходило «волнообразно». Периоды их активного строительства, связанные с очередным переделом среди местных и пришлых общин наиболее богатых охотничьих и рыболовных угодий, сменялись относительно мирными временами. Один из этапов, характеризующихся резкой военизацией обстановки в западносибирской тайге, пришёлся на начало и середину местного бронзового века (перв. пол. II тыс. до н. э.). Формально он отчасти совпал с первым массовым распространением укрепленных поселений в евразийских степях (кон. III — сер. II тыс. до н. э.).

Городища в таёжном Приобье, бытовавшие здесь в неолите и энеолите, в начале эпохи бронзы исчезли и вновь появились только в конце бронзового — начале железного веков. Причём преемственности между ранними и поздними городищами не наблюдается. Вместо них в начале эпохи бронзы на севере Западной Сибири получили широкое распространение специфические первобытные «крепости» — большие укрепленные жилища второго типа, огражденные рвами, а иногда — дополнительными защитными линиями. Генезис их не был связан с развитием и даже опосредованным влиянием оборонной архитектуры обществ земледельцев и скотоводов центра и юга Евразии. Такие деревоземляные жилища резко отличались от более мощных каменных и глинобитных домов-крепостей (башенных оборонных жилищ), возводившихся на более южных территориях Старого Света, начиная с каменного века⁵⁴. Строителями и «архитекторами» таёжных укрепленных жилищ являлись охотники—рыболовы—собиратели, не знакомые с производящей экономикой. Образ такого объекта формировался в тайге постепенно, на протяжении неолита и энеолита. В конечном итоге данный тип посёлка, сочетавший элементы естественной и искусственной защиты, стал предшественником более совершенных многокамерных средневековых укрепленных городков — резиденций местной военнопотестарной и феодальной элиты. В начале эпохи бронзы это были мощные круглогодичные постройки, укрепленные центры общинных территорий, а также места постоянной хозяйственно-производственной деятельности их обитателей. В отличие от более ранних городищ и синхронных селищ эпохи бронзы, население которых проживало малыми семьями в обычных жилищах — землянках и полуземлянках, — такие укрепления вмещали объединённую «в один кулак» большесемейную

общину численностью от двух до четырёх десятков человек, способную эффективно контролировать территорию всего своего рода, а также успешно отражать атаки враждебного окружения.

Относительно обстоятельств и предпосылок распространения укрепленных жилищ второго типа на севере Западной Сибири, равно как и становления здесь собственной цветной металлообработки, пока нет единства. С.Ф. Кокшаров относит интересующие нас памятники (Большая Умытья 28, Пашкин Бор I, Волвонча I — поздний горизонт, Ендырское VIII — мастерская, Барсова Гора II/22, Быстрый Кульеган 38 и др.) ко второй фазе досейминского периода (перв. треть II тыс. до н. э.). При этом становление собственного очага металлообработки на Кондинской низменности в досейминское время, появление металлических предметов, отлитых в односторонних и затем — двухсторонних формах, а также новые веяния в керамическом производстве исследователь объясняет тесными связями, сложившимися ещё с энеолита между аборигенами Урала и Западной Сибири, а также контактами нижнекондинских популяций с населением Урала, Прикамья, Прииртышья и Нижнего Притоболья. Сырьё для производства изделий из цветного металла на Конду могло поступать, по его мнению, с Южного и Среднего Урала, Прикамья и, возможно, Алтая или из Центрального Казахстана. Вместе с тем морфологические и декоративные особенности кондинской продукции, по представлениям С.Ф. Кокшарова, не дают оснований для отнесения её к сейминско-турбинским и сумусьско-кижировским сериям металла. «Молниеносный переход к втульчатому литью» учёный связывает не с мигрирующими металлургами и литейщиками, а со знакомством местного населения с обработкой цветного металла в предшествующее время⁵⁵. О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов, наоборот, начало становление литейного производства и металлообработки, а также распространение укрепленных жилищ в западно-сибирской тайге связывают именно с сейминско-турбинским транскультурным феноменом⁵⁶. То есть со стремительным продвижением части групп металлургов-скотоводов Алтая через западносибирскую лесостепь, южную и среднюю тайгу на Урал и в Приуралье. При этом второй «компонент» в среде сейминско-турбинских коллективов включал выходцев из охотничье-рыболовческих групп, обитавших к северу от Саяно-Алтайской горной системы на обширных пространствах от Байкала до Енисея⁵⁷. В качестве вероятных носителей сейминско-турбинских традиций, мигрировавших на запад и северо-запад Сибири, называются некоторые племена елунинской культуры, обитавшие

в Верхнем Приобье, потомки этих переселенцев — прииртышские скотоводческие общины кротовской культуры, а также гетерогенные кротовско-степановские группы, включавшие выходцев из аборигенной среды южно-таёжного Прииртышья⁵⁸.

Из двух представленных версий мне более импонирует вторая. Между тем при оценке раннего этапа генезиса меднолитейного производства в западных областях таёжного Приобья, а также источников поступления цветного лома и металла всё же не следует сбрасывать со счетов традиционные связи населения данного региона с обществами Притоболья, Южного Урала, Зауралья и Приуралья, о которых пишет С.Ф. Кокшаров⁵⁹. В то же время мне непонятна логика отнесения данным исследователем кульёганских и позднеполымьятских памятников к досейминскому хронологическому горизонту. Дело в том, что к сейминскому периоду он причисляет памятники не с полымьятской, а с варпаульской посудой, которую по форме и орнаменту считает сходной со среднеиртышской черноозерской — более поздней, чем кротовская, тогда как последнюю — на основании внешнего сходства — он синхронизирует с позднеполымьятской и кульёганской⁶⁰. Вместе с тем обладателями и трансляторами сейминско-турбинских бронз были не только группы, оставившие на Конде и Казыме сейминско-турбинские могильники Сатыга VI и Товкуртлор 3, а в Зауралье — культовый комплекс Шайтанское Озеро II, но и более ранние племена кротовской культуры Среднего Прииртышья и Нижнего Приишимья.

Что же касается бревенчато-земляных укрепённых жилищ, то они, бесспорно, являются местным «ноу-хау», появившимся без инокультурного влияния. Такие объекты начали формироваться в западносибирской тайге задолго до проникновения сюда осколков скотоводческих обществ из евразийских степей. Резкая военизация жизни в тайге и массовое распространение таких укреплений были связаны с новым этапом освоения глубинных пространств Западной Сибири, с локальными миграциями и, вероятно, имевшим место в это время демографическим взрывом. Изначально всё это было предопределено глобальными климатическими изменениями (очередной ксеротерм), произошедшими в северном полушарии в кон. III — нач. II тыс. до н. э. Это же позволило «вывести на поверхность» дома таёжных охотников-рыболовов: землянки неолита и полуземлянки энеолита постепенно были заменены наземными домами с неглубокими внутренними котлованами. Не последнюю роль в развитии домостроительства и оборонного зодчества в тайге могло сыграть распространение здесь металлических рубящих

орудий (плоские тѣсла, небольшие кельты без граней жѣсткости), хотя пока ещё очень редких здесь из-за острого дефицита меди и олова. Возможно, ситуация с металлическим сырьём в тайге начала постепенно меняться с установлением многоступенчатых связей с племенами, контролировавшими горнорудные источники Алтая.

Таёжные поселения, в том числе укрепленные, с керамикой полымьятского, кульгѣганского, балинского и иных синхронных типов укладываются во временной интервал между памятниками энеолита (волончинскими, барсовогорскими — стадий 2—4, типа поселений Амня IА, Амня II, Каксинская Гора 3 и др.) и конца средней бронзы (варпаульскими и прочими), а также следующими за ними позднебронзовыми лозьвинскими, атлымскими, барсовскими, лучкинскими, вагильскими. Для четырёх кульгѣганских и одного балинского памятника получены калиброванные радиоуглеродные даты:

— укрепленное жилище Барсова Гора II/22 — 4620 ± 100 , 3780 ± 120 л.н. (ЛЕ—8554, 8553);

— поселение Барсова Гора II/196 — 3610 ± 190 , 3590 ± 100 л.н. (ЛЕ—8591, 8545);

— поселение Чернореченское I — 3760 ± 20 , 3830 ± 40 , 4500 ± 70 л.н. (ЛЕ—5333, 5334, 5339);

— поселение Савкинская Речка 1 — 3930 ± 35 , 3875 ± 45 , 3985 ± 60 , 4050 ± 60 , 3960 ± 80 , 3890 ± 45 л.н. (СОАН—8327—8332);

— жилище Балинское 1 — 3920 ± 70 л.н. (ЛУ—5133)⁶¹.

Согласно радиоуглеродным анализам, время распространения укрепленных жилищ начала — середины эпохи бронзы приходится на кон. III — перв. треть II тыс. до н. э., по традиционной хронологии — на перв. треть — сер. II тыс. до н. э. Вслед за этим все укрепленные поселения на севере Западной Сибири исчезают на два-три столетия — до распространения лозьвинской, атлымской, барсовской и других позднебронзовых культур кон. II тыс. до н. э. — VIII/VII вв. до н. э.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья // Рос. археология. — М.: Наука, 2013. — № 4. — С. 20, 25.

² Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. Кн. I. — С. 207—210, 213—214. Рис. 11 — I, 4; Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества севера Евразии: проблема неолитических укреплений Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 170—238; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения и их прототипы таёжного Приобья и Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. —

№ 4 (19). — С. 4—16; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 20—34.

³ Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. — М.: Наука, 1981. — С. 22.

⁴ Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Мат-лы к атласу. — Екатеринбург: Тезис, 2002. — 2-е изд. — С. 21; Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. — Екатеринбург: НПП «Волот», 2009. — С. 14, 22—23; 29—33, 47, 53—61, 81 и сл.; Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 27; Васильев Е.А., Глызин И.П. Ясунская энеолитическая культура севера Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археологическо-этнографических совещаний. — Томск: Аграф-Пресс, 2010. — С. 121—124.

⁵ Васильев Е.А. Древности Конды: субъективные заметки (Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во НПП «Волот», 2009) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 516.

⁶ Бессмертных А.Н., Карачаров К.Г. Экспертные работы в Нижневартовском и Сургутском районах Тюменской области // Археологические открытия 1995 года. — М.: Наука, 1996. — С. 314—315; Карачаров К.Г. Археологические исследования на р. Агане // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 469; Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели. — Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «Графо». — С. 46—47; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — Рис. 3.

⁷ Карачаров К.Г., Носкова Л.В. Отчёт о НИР: Археологическое обследование Кечимовского, Нонг-ёганского, Северо-Покачёвского и Покачёвского месторождений нефти в Сургутском и Нижневартовском районах ХМАО в 2004 году. — Нефтеюганск, 2005. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — Ф. 1. — Д. 169. — С. 28—33. Рис. 27.

⁸ Карачаров К.Г. Археологические исследования на р. Агане... — С. 469; Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели... — С. 46—47; Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества ... — С. 181—183; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 25. Рис. 1.

⁹ Карачаров К.Г. Отчёт об археологической разведке в южной части Нефтеюганского района в 1991 году: В 2 т. — Екатеринбург, 1992. — Архив ИА РАН. — Ф. Р—1. — № 16094, 16095; Карачаров К.Г. Отчёт о НИР: Археологическое обследование объектов обустройства месторождений ОАО «Юганскнефтегаз» в Нефтеюганском и Сургутском районах Ханты-Мансийского автономного округа, 1999 г. — Екатеринбург, 2000. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — Ф. 1. — Д. 41.

¹⁰ Стефанова Н.К. Исследования в Кондинском районе // Археологические открытия 1979 года. — М.: Наука, 1980. — С. 235; Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // Сов. археология. — М.: Изд-во АН СССР, 1988. — № 3. — С. 161—174; Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 211—212; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // Рос. археология. — М.: Наука, 1999. — № 4. — Рис. 6.

¹¹ Данилов Е.А. Отчёт о НИР: Археолого-топографические исследования в 2011 году на Покачевском месторождении нефти, разрабатываемом ТПП «Покачёвнефтегаз»

в Нижневартовском районе ХМАО — Югры. — Нефтеюганск, 2011. — Архив НПО «Северная археология-1». — Ф. 1. Д. 330. С. 30–31, 36. Рис. 4, 31–35.

¹² Кокшаров С.Ф. Отчёт об археологических исследованиях в Советском районе Тюменской области в 1990 г. — Свердловск, 1991. — Архив ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. — Ф. II. Д. 487. С. 31–32. Рис. 70; Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера... — Карта 1–28.

¹³ Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — Рис. 3.

¹⁴ Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. — Вып. 21. — С. 143–169; Стефанов В.И., Борзунов В.А., Погодин А.А., Корочкова О.Н. Городище каменного века Амня I: новые данные // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Челябинск: Рифей, 1999. — С. 43–44; Стефанов В.И., Борзунов В.А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 гг.) // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 93–111; Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 207–208. Рис. 11 — I; Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества... — С. 181–183. Ил. 3; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — Рис. 2.

¹⁵ Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера... — С. 105.

¹⁶ Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. — С. 56; Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века... — С. 161–174; Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера... — С. 105, 234. Рис. 54, 102 — 21.

¹⁷ Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 211; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ... — С. 16–17. Рис. 6.

¹⁸ Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера... — С. 234.

¹⁹ Данилов Е.А. Отчёт о НИР... — С. 30–31, 36. Рис. 4, 31–35.

²⁰ Кокшаров С.Ф. Отчёт об археологических исследованиях... — С. 31–32. Рис. 70.

²¹ Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I... — С. 55–63; Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера... — С. 105–111. Рис. 55–58, 59 — 5, 6; Кокшаров С.Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Екатеринбург, 2014. — С. 13, 24–25.

²² Карачаров К.Г., Носкова Л.В. Отчёт о НИР... — Ф. 1. Д. 169. С. 33. Рис. 45–47.

²³ Данилов Е.А. Отчёт о НИР... — Рис. 59 — I, 2.

²⁴ Кокшаров С.Ф. Отчёт об археологических исследованиях... — С. 32. Рис. 72 — I–3.

²⁵ Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. — С. 21–22; Викторов В.П., Борзунов В.А. Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1974. — Вып. 15. — С. 19–23; Кондратьев О.М. Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1974. — Вып. 15. — С. 17–19; Петров А.И. Работы в таёжном Прииртышье // Археологические открытия 1977 года. — М.: Наука, 1978. —

С. 269; Петров А.И. Разведочные работы в лесном Прииртышье // Археологические открытия 1978 года. — М.: Наука, 1979. — С. 262—263; Потёмкина Т.М. Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // КСИА. — М.: Изд-во АН СССР, 1976. — Вып. 147. — С. 97—106; Потёмкина Т.М. О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье // КСИА. — М.: Изд-во АН СССР, 1982. — Вып. 169. — С. 44—53; Потёмкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. — М.: Наука, 1985. — С. 76—103; Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье IV — поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982. — С. 62—63; Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. — Новосибирск: Наука, СО, 1985. — С. 54—62; Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. — Новосибирск: Наука, СО, 1985. — С. 54—62; Стефанова Н.К. О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. — С. 38—47; Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. — С. 53—75; Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор—I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. — С. 63—76; Труфанов А.Я. Закрытые комплексы городища Ямсы VII // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. областной науч. конф. «Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье». — Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1987. — С. 127—130; Труфанов А.Я. Отчёт об археологических работах Среднеиртышской археологической экспедиции Омского госуниверситета в Саргатском районе Омской области в 1987 г. — Омск, 1988. — Архив ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. — Ф. II. Д. 437, 437а; Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаёжного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. — Вып. 20. — С. 72—73, 79—72; Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. — С. 67—111. — С. 67—87; Борзунов В.А. Укреплённые поселения Западной Сибири... — С. 217—219; Ткачёва Н.А. Миграции андроновско-канайского населения Верхнего Прииртышья и проблема сложения фёдоровской культуры Зауралья // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Челябинск: Рифей, 1999. — С. 106; Стефанов В.И., Стефанова Н.К. К вопросу о связях населения Зауралья и Среднего Прииртышья в доандроновский период // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — № 3. — С. 15—22.

²⁶ Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры... — С. 54—56. Рис. 1; Борзунов В.А. Укреплённые поселения Западной Сибири... — С. 218—219. Рис. 11 — е.

²⁷ Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. — С. 29—47; Ковалева В.Т., Рыжкова О.В. Поселения с кольцевой планировкой в Нижнем Притоболье (ташковская культура) // Комплексные общества Центральной Азии в III—I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. — Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. —

С. 216—219; Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское Озеро XIII. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. — 160 с.

²⁸ Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 167, 215—217.

²⁹ Готлиб А.И. Сооружение-све эпохи ранней бронзы на горе Устанах (к вопросу о возникновении и интерпретации памятников-све в Хакасии) // Проблемы изучения охуньской культуры. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1995. — С. 29—32; Готлиб А.И. Горные архитектурно-фортификационные сооружения охуньской эпохи в Хакасии // Охуньский сборник: Культура. Искусство. Антропология. — СПб.: Петро—РИФ, 1997. — С. 134—151; Готлиб А.И. Исследование горного сооружения («све») Чебаки на севере Хакасии // Археологические открытия 1996 года. — М.: Наука, 1997. — С. 312—314; Готлиб А.И. Горные архитектурно-фортификационные сооружения Евразии (историко-культурный аспект) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. — Иркутск; Эдмонтон: Изд-во Иркутского гос. технического ун-та, 2007. — С. 47—51; Готлиб А.И. Жилые комплексы в горных сооружениях-«све» эпохи бронзы в Хакасии // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. — М.: Изд-во ИА РАН, 2008. — Т. I. — С. 390—392; Арбузов А.С. Горно-фортификационные сооружения све Хакасии (сравнительная характеристика) // Традиционные культуры и общества Северной Евразии (с древнейших времен до современности). — Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2004. — С. 141—143.

³⁰ Щетенко А.Я. Раскопки средневекового городища Бажын-Алаак // Древние культуры евразийских степей. — Л., 1983. — С. 46; Худяков Ю.С. Фортификация в Центральной Азии: Препринт. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1994. — С. 6, 16; Худяков Ю.С. Древние и средневековые фортификационные сооружения в Южной Сибири и Центральной Азии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1995. — С. 62; Худяков Ю.С. Из истории фортификации в Западной и Южной Сибири // Великий подвиг народа: Тез. докл. — Екатеринбург: НППП «Волот», 1995. — С. 25.

³¹ Согласно общей периодизации эпохи бронзы Евразии, предложенной Е.Н. Черныхом, это в основном совпадает с концом среднего и началом позднего бронзового века на всём Евразийском континенте: кон. III — нач. II тыс. до н. э.

³² Борзунов В.А. Укрепленные жилища Зауралья и Западной Сибири // Великий подвиг народа: Тез. докл. — Екатеринбург: НППП «Волот», 1995. — С. 19—24; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ ... — С. 5—23.

³³ Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — Рис. 2, 3, 5.

³⁴ Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ ... — С. 5—23; Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества... — С. 190—198, 205—206. Ил. 5; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 25, 29. Рис. 7.

³⁵ Данные объекты Балинского урочища расположены практически на стыке Нижнего Прииртышья, Сургутского Приобья и Нижнего Приобья. Керамика их своеобразна, но в целом близка посуде памятников полымьятского и кульгёганского типов эпохи бронзы. М.Ю. Баранов и С.Ю. Чарусова относят данные поселения к полымьятским, С.Ф. Кокшаров — к кульгёганским, но В.И. Стефанов и автор данной статьи отмечают отличие декора посуды Балинского 1 жилища от орнаментики известных кульгёганских памятников.

³⁶ Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников бронзового века на р. Балинская в Среднем Приобье и его культурно-хозяйственная интерпретация (по

материалам археологических исследований поселений Балинское 1, 3, 8, 10) // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. (Мат-лы ВАС). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. — Т. I. — С. 343–346; Баранов М.Ю., Чарусова И.С. Работы по сохранению поселений Балинское 53, Балинское 54 и Балинское 56 на Приобском месторождении нефти в ХМАО — Югре в 2012 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2013. — Вып. 11. — С. 130–134. Ил. 1, 2.

³⁷ Разведки и раскопки Е.М. Беспрозванного, А.Н. Бессмертных, В.А. Борзунова, Д.В. Бочкарёва, К.В. Горновского, С.А. Гусева, А.П. Зыкова, В.М. Каноркина, К.Г. Карачарова, О.Е. Козеко, С.Ф. Кокшарова, А.Н. Кондрашёва, Л.Л. Косинской, А.В. Малышкина, В.М. Морозова, С.А. Мызникова, А.А. Погодина, А.С. Сергеева, В.И. Стефанова, Н.К. Стефановой, Л.П. Хлобыстина, А.Е. Цеменкова, С.Е. Чаркина, Н.В. Шатунова, А.Ф. Шорина и др.

³⁸ Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I... — С. 55–63; Борзунов В.А. Укреплённые жилища... — С. 20–22. Рис. 1; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ... — С. 5–23; Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века... — С. 161–174; Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна р. Пур (итоги исследований 1990–1998 гг.) // Научный вестник. — Салехард: Изд-во Администрации ЯНАО, 2000. — Вып. 3. — С. 14–18. Рис. 1–4; Зыков А.П. Раскопки комплекса памятников в большой излучине реки Ендырь // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 405–407; Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2004. — Вып. 3. — С. 114–134; Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Изучение комплекса памятников Большая Учинья 28 в Советском районе ХМАО // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 329–330; Кокшаров С.Ф. Археологические раскопки в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа // Археологические открытия 2003 года. — М.: Наука, 2004. — С. 419; Кокшаров С.Ф. Раскопки поселения — могильника Большая Умытья 28 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: РИФ «КоЛеСо», 2008. — Вып. 6. — С. 124–127; Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера... — С. 105–111; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 184–220; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульёган 38 — укрепленное жилище эпохи бронзы Сургутского Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. — № 2 (46). — С. 55–69; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Раскопки укрепленного жилища эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38 в Сургутском Приобье (итоги работ 2000 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 255–310.

³⁹ Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. — Т. I. — С. 150, 224–225.

⁴⁰ Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки объектов кульёганского типа селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 231–232.

⁴¹ Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 217.

⁴² Морозов В.М. Отчёт об исследовании памятников археологии р. Казым в Белоярском районе. 1991 г. — Свердловск, 1992. — Архив ИА РАН. Р—1. № 16096. — С. 5. Рис. 2; Мызников С.А. Отчёт об археологических разведках на оз. Товгор-лор в Белоярском р-не Тюменской обл. и в окрестностях г. Верхотурье в Свердловской обл. в 2000 г. — Екатеринбург, 2001. — Архив ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. — Ф. II. — Д. 608. — Рис. 2.

⁴³ Стефанов В.И., Борзунов В.А., Корочкова О.Н., Морозов В.М., Погодин А.А. Работы Казымской экспедиции // Археологические открытия 2000 года. — М.: Наука, 2001. — С. 253—255; Стефанов В.И. Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // Рос. археология. — М.: Наука, 2006. — № 1. — С. 44—58; Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири: Кол. монография. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. — С. 5, 73, 81—82, 85. Рис. 5.1.2; 5.8—5.10).

⁴⁴ Стефанов В.И. Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // Рос. археология. — М.: Наука, 2006. — № 1. — 44—56; Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга XVI в системе культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири: Кол. монография. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. — С. 73.

⁴⁵ Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. — Т. 1: Поселения и жилища. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. — Кн. II. — С. 32—35.

⁴⁶ Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения и их прототипы... — С. 8.

⁴⁷ Например: Кардаш О.В. Археологические исследования Института археологии Севера в Арктике: памятники, открытия, научная проблематика // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: Мат-лы Всерос. науч. конф. (Сургут, 1—4 октября 20-13 г.). — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013. — С. 15.

⁴⁸ Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна р. Пур... — С. 16—17; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 193; Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников... — С. 343; Баранов М.Ю., Чарусова И.С. Работы по сохранению поселений... — С. 132.

⁴⁹ Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников... — Рис. 1; Баранов М.Ю., Чарусова И.С. Работы по сохранению поселений... — Ил. 1, 2.

⁵⁰ Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — Ил. 5.

⁵¹ Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века... — С. 161—172; Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I... — С. 65—66; Косинская Л.Л. Чернореченское I — поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского пед. ин-та, 1998. — С. 100; Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна р. Пур... — С. 15—18; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 196; Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки объектов кулёмганского типа... — С. 231—232; Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка 1: новые материалы по бронзовому веку среднетаёжного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. — Вып. 3 (18). — С. 63—65; Стефанов В.И., Данилова Е.Н. Кулёмганские древности Среднего Агана // Ханты-Мансийский авто-

номный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2013. — Вып. 11. — С. 92—96; Баранов М.Ю., Чарусова И.С. Работы по сохранению поселений... — С. 134; Кокшаров С.Ф. Первый металл Конды // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. — № 4 (19). — С. 28—29; Кокшаров С.Ф. Культура населения... — С. 13—17.

⁵² Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников... — С. 345.

⁵³ Борзунов В.А. Укреплённые жилища... — С. 19—24; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ... — С. 5—23; Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества... — С. 170—238; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения и их прототипы... — С. 4—16; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 20—34; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 184—220; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульеган 38... — С. 55—69; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Раскопки укрепленного жилища эпохи бронзы... — С. 255—310.

⁵⁴ Джандиери М.И. Древнее башенное оборонное жилище // Вестник древней истории. — М.: Наука, 1981. — № 2. — С. 118—155.

⁵⁵ Кокшаров С.Ф. Первый металл Конды... — С. 38—39; Кокшаров С.Ф. Культура населения ... — С. 16—17, 20, 25, 26. Рис. 6.

⁵⁶ Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга XVI... — С. 70, 73, 78, 84—85.

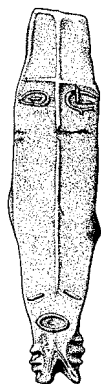
⁵⁷ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М.: Наука, 1989. — С. 269—276.

⁵⁸ Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга XVI... — С. 65—66, 70, 80—81 и др.

⁵⁹ Кокшаров С. Ф. Культура населения... — С. 17, 26.

⁶⁰ Кокшаров С. Ф. Культура населения... — С. 17—19, 26—27.

⁶¹ Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна р. Пур... — С. 18; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 217; Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки объектов кульеганского типа... — С. 238—239; Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка 1... — С. 68; Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников... — С. 346.

Ранний железный век кондинского края: история исследования

Ю.П. Чемякин

г. Екатеринбург

Уральский государственный педагогический университет

ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие»

Территория р. Конды и её притоков была заселена человеком с давних времён, и число расположенных здесь объектов археологического наследия достаточно велико. Однако удалённость края от коммуникаций была причиной того, что сведения о местных археологических памятниках стали известны позже, чем о памятниках, расположенных вдоль русла р. Оби — только в конце XIX в. Среди них были и те, которые содержали материалы железного века, в том числе раннего. Во время поездки по северу Тобольской губернии в 1887—1888 гг. С.К. Патканов — известный исследователь фольклора обских угров — обследовал, наряду с другими памятниками, Болчаровский могильник. Тогда же, в 1880-х гг., писатель и краевед К.Д. Носилов открыл Оронтурское городище на оз. Оронтур (современное городище Арантур 30 на оз. Арантур). В нач. XX в. в Тобольский губернский музей поступили бронзовые изделия и керамика из окрестностей с. Болчары на р. Конде¹.

В 1923 г. в Свердловский музей поступила коллекция разновременных, в том числе металлических, предметов, собранная исследователем Севера К.А. Козловским на р. Конде². В кон. 1920-х — нач. 1930-х гг. на Северной Сосьве и Конде работал геолог С.Г. Боч, попутно собравший и позднее опубликовавший сведения об археологических памятниках этих мест; 15 из них находились в бассейне р. Конды. Ряд из них, в частности Леушинское городище, на котором С.Г. Боч провёл небольшие раскопки, датируется ранним железным веком. Среди собранных на городище материалов, кроме керамики, были костяные изделия, в том числе 8 наконечников стрел³. На одном из них было вырезано контурное изображение птицы. Впоследствии данные С.Г. Боца использовались в работах

В.Н. Чернецова⁴ и других исследователей. Сам В.Н. Чернецов в 1933 г. обследовал окрестности п. Карым на р. Юконде (правый приток р. Конды). Он заложил разведочную траншею на городище Ус-Толт (Карым 1)⁵. Эта траншея явилась первыми научными раскопками в кондинском крае. Среди материалов, полученных в ней, была керамика, которую позже В.Н. Чернецов назовет ярсалинской и которая будет характеризовать одноименный этап в древней истории Нижнего Приобья.

Затем последовал длительный (более чем 30-летний) перерыв в археологическом изучении края. В это время вышли обобщающие труды по археологии Севера Западной Сибири В.Н. Чернецова, в которые были включены все известные к тому времени источники из бассейна Конды⁶. Коллекции Карымского городища и находки с ряда других памятников Нижнего Приобья и бассейна Конды явились основой для выделения им ярсалинского и карымского этапов нижнеобской археологической культуры эпохи Средневековья⁷. Сегодня ярсалинский этап понимается как завершающая стадия раннего железного века Нижнего Приобья, а карымский — как переходный к позднему железному веку.

В 1966 г. в Ленинградском отделении ИА АН СССР был создан Заполярный отряд, который возглавил Л.П. Хлобыстин. В том же году им были проведены разведочные работы на р. Юконде⁸ и оз. Сатыгинский Туман⁹. Материалы раннего железного века были обнаружены на местонахождениях Дальний (пункты III и IV), Шугур (пункты II и III). Тогда же Л.П. Хлобыстин осмотрел городище Карым 1 и зафиксировал в его северо-западной части котлован размером 14,5х9,0 м, вырытый Рыбкоопом и уничтоживший, по словам местных жителей, древнее жилище. В отвалах и при зачистке стенок котлована была собрана керамика раннего облика и перв. пол. I тыс. Среди сборов присутствовала антропоморфная фигурка.

В 1978, 1980, 1984 и 1985 гг. под руководством Л.П. Хлобыстина и при участии Л.Я. Крижевской исследовался ряд открытых памятников, главным образом неолитических. Материалы раннего железного века, присутствовавшие в них (в основном керамика), практически остались неизвестными. Они были обнаружены на поселениях и стоянках Сумпанья 3 и Сумпанья 6¹⁰.

В 1971 и 1977 гг. на Конде работал Г.Г. Русаков — гидролог из г. Свердловска. Он, как и С.Г. Боч, попутно собирал сведения о древностях края. Им были обследованы низовья р. Олымьи (правый приток р. Мулымьи) и левобережье р. Конды в урочище Мавра, между руслом реки и протокой Кима¹¹. Материалы, содержавшие описание открытых

археологических памятников, их планы и фотографии, были переданы в архив Кабинета археологии Уральского государственного университета (г. Свердловск / Екатеринбург)¹². Среди открытых Г.Г. Русаковым памятников — городища Старый Катыш и Олымья 3, поселение Олымья 4, на которых была найдена керамика эпохи раннего железа.

В 1976 г. на южном берегу оз. Леушинский Туман побывала разведочная группа ИА АН СССР под руководством М.Ф. Косарева, выявившая там 8 поселений. Собранная на них керамика включала и обломки сосудов раннего железного века¹³.

В 1977 г. разведочная группа Тобольского музея-заповедника под руководством А.В. Малышкина провела обследование бассейна Конды от с. Мулымья до п. Кондинского. Среди открытых ею памятников было святилище Учinya, вероятно, функционировавшее «с конца I тысячелетия до н. э.». Кроме керамики этого времени, на нём были найдены «бронзовый наконечник стрелы скифо-сарматского типа, бронзовый наконечник копья» и другие предметы¹⁴.

С 1982 по 1990 г. активные работы в бассейне р. Конды вели археологи Тобольского государственного педагогического института: В.Т. Галкин, А.В. Расторопов, С.И. Шумайлов (свою первую разведку в Кондинском р-не он совершил в 1979 г.), Г.П. Визгалов, Л.Н. Сладкова, А.В. Соколов, Е.Г. Фильчаков, И.Г. Глушков, Т.М. Захожая. Ими были осуществлены и разведки, и раскопки ряда памятников. Слои и материалы раннего железного века выявлены на поселениях Чёртова Гора, Сатыга (Л.Н. Сладкова)¹⁵, Денисово 2 (С.И. Шумайлов)¹⁶, городища Старый Катыш (А.В. Расторопов)¹⁷, Болчары 1/2, Болчары 1/3, Денисово 1 (С.И. Шумайлов)¹⁸. В 1986 г. Е.Г. Фильчаковым был открыт комплекс из 9 памятников на р. Чилимке. Позднее микрорайон Чилимка исследовался И.Г. Глушковым и Т.М. Захожей, были сделаны раскопки на 10 поселениях и городищах. Керамика эпохи раннего железа была собрана на городищах Чилимка 1 и Чилимка 12, а также на поселениях Чилимка 6 и Чилимка 10¹⁹. Материалы исследований памятников эпохи железа в бассейне р. Конды были включены в диссертацию А.В. Расторопова²⁰. Работы историко-архитектурного музея-заповедника, открывшие «тобольскую эру» в исследовании Кондинского края, были продолжены в начале 2000-х гг. Л.Н. Сладковой. Она заложила раскопы на поселениях Олымья 4, Чёртова Гора и впоследствии опубликовала неолитические материалы с последнего памятника²¹. Керамика раннего железного века, найденная при раскопках обоих памятников, осталась неизданной.

В 1978 г. обследование ряда памятников в Кондинском районе провёл А.И. Петров (Омский государственный университет). Среди них было городище Ус-Толт и поселения в окрестностях п. Карым, известные ещё по работам В.Н. Чернецова²².

В 1979 г. к изучению древностей бассейна р. Конды приступили археологи Уральского государственного университета (г. Свердловск / Екатеринбург). Общее руководство работами осуществляла Н.К. Стефанова. Разведочная группа В.М. Коноркина обследовала окрестности п. Кондинского, Мортки²³. В 1980 г. Кондинский отряд в составе Н.А. Алексащенко, С.Г. Пархимовича, Н.К. Стефановой, В.М. Морозова продолжил разведки и исследовал раскопками поселения Леуши 1, Пашкин Бор 1, Новый Катыш 4а и Новый Катыш 4б²⁴. На двух последних были изучены остатки четырёх построек кулайской культуры, а на поселении Пашкин Бор 1 найдена бронзовая личина этого времени. Работы ПНИАЛ УрГУ на Конде продолжались с перерывами до 2005 г. Кроме перечисленных археологов, их осуществляли Е.М. Беспрозванный, С.Ф. Кокшаров, А.А. Погодин, в разное время возглавлявшие экспедиции. За четверть века были проведены многочисленные разведки и раскопки в зонах новостроек. На ряде памятников, раскопанных в эти годы (Леуши 3, Леуши 14, Геологическое 3), были обнаружены керамика и даже объекты эпохи раннего железа²⁵.

В 1986—1987 гг. обследование памятников (в том числе небольшими по площади раскопками в Кондинском районе), связанных с чёрной металлургией, проводилось Тюменским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством Н.М. Зинякова²⁶. Результаты работ вошли в его докторскую диссертацию²⁷ и опубликованы в монографии «Чёрная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири»²⁸.

Своего рода продолжением этих исследований явились раскопки Е.А. Жирных и С.Ю. Каменского средневековых железоделательных печей на городище Евра 25, предпринятые Урайским отрядом Югорской археологической экспедиции Уральского государственного университета в 2004 г.²⁹ При раскопках были получены материалы эпохи раннего железа, в частности, кулайские и ярсалинские, а также карымские начала Средневековья.

С 1991 г. к работе в округе, в том числе в бассейне р. Конды, приступило предприятие «АВ КОМ» Свердловского отделения Российского фонда культуры, в 1997 г. преобразованное в Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного и природного наследия — ООО

«НАЦ «АВ КОМ — Наследие». В первые годы сотрудники предприятия сосредоточились на обследовании территории, были выявлены сотни новых и осмотрены многие известные памятники. В дальнейшем специалистами НАЦ «АВ КОМ — Наследие» проводились спасательные раскопки памятников, в том числе и с материалами эпохи раннего железа. Среди них могильник Неушья 1.2 (Е.М. Беспрозванный)³⁰, поселения Ахтымья 1, Большая Умытья 2, Большая Умытья 60 (А.Е. Цеменков)³¹, Неушья 1.1, Неушья 1.3 (Е.М. Беспрозванный)³², Большая Умытья 61 (Е.М. Беспрозванный, А.Е. Цеменков)³³, Большая Умытья 9, Большая Умытья 57, Большая Умытья 74, Большая Умытья 100, Убья 3 (А.А. Погодин)³⁴, Большая Умытья 58 (Т.Ю. Клементьева)³⁵, Большая Умытья 72, Большая Умытья 109, Лемья 19.1 (С.А. Кружемент)³⁶, Большая Учинья 23 (А.Н. Бессмертных)³⁷, Лемья 19.1 (С.А. Кружемент, А.А. Погодин)³⁸ и другие.

Работы общества в бассейне р. Конды продолжают по настоящее время. Сегодня их отличают тщательность и масштабность, объективность (фотофиксация, наличие в отчётах фотопланов и фотопрофилей, дающих возможность специалистам делать независимые выводы). Охранные раскопки большими площадями позволили зафиксировать явления, прежде ускользавшие от внимания археологов, привели к открытию в бассейне Конды наземных неолитических комплексов, крупнейшего в регионе могильника эпохи мезолита — неолита. На многих поселениях обнаружена керамика раннего железного века (чаще — кульминского типа, реже — синдейская и кулайская). В редких случаях рядом с ней были зафиксированы комплексы типа очагов или ям, а в единичных выявлены следы построек.

В 1991 г. В.И. Асташкин (Тюменский государственный университет) исследовал средневековое городище Болчары II в низовьях р. Конды, среди находок есть и датирующиеся эпохой раннего железа³⁹.

В 1996 г. экспедиция ИИА УрО РАН (Екатеринбург) под руководством А.П. Зыкова выявила 4 памятника в окрестностях с. Половинки⁴⁰. Совместными экспедициями ИИА УрО РАН и предприятия «Волот» (УрГУ) были проведены раскопки на городищах Евра 25 (С.Ю. Каменский, Е.А. Жирных, 2004—2005)⁴¹, Большая Умытья 36, поселениях Геологическое 16 (Кокшаров, 2001—2003)⁴² и других, давшие материалы начала железного века.

От первой траншеи, заложенной В.Н. Чернецовым на городище Ус-Толт (Карым) в 1933 г., до сегодняшних масштабных раскопок прошло 80 лет. На территории края выявлено 296 объектов культурного

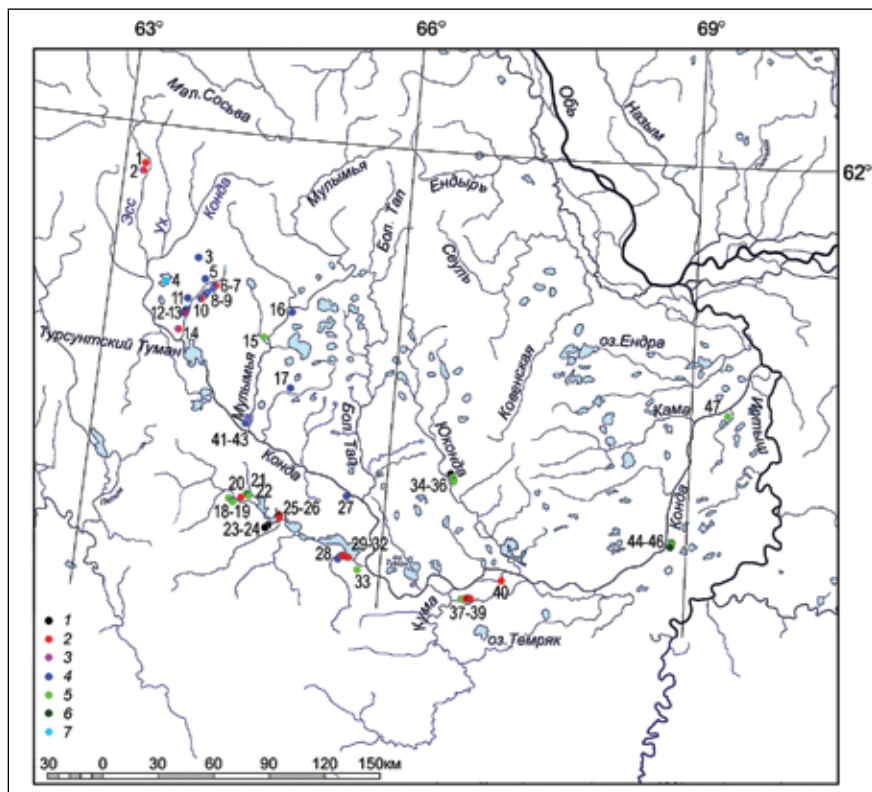

наследия с материалами эпохи раннего железа, на 47 из них были проведены раскопки (ил. 1). Среди них 13 городищ, 1 могильник, остальные — селища. Однако лишь на 21 обнаружены объекты этого времени. Следы примерно 30 археологизированных построек, а также участки оборонительной системы выявлены на 18 памятниках:

- ров и 4 жилища на городище-святилище Большая Умытья 36 — С.Ф. Кокшаров;
- ров и 3 постройки на городище Неушья 1.1 — Е.М. Беспрозванный;
- 4 погребения на могильнике Неушья 1.2. — Е.М. Беспрозванный;
- 4 жилища и 1 постройка на поселениях Новый Катыш 4а и Новый Катыш 4б — Н.К. Стефанова и С.Г. Пархимович;
- 1 жилище на поселении Большая Умытья 58 — Т.Ю. Клементьева;
- 1 жилище на поселении Геологическое 3 — С.Ф. Кокшаров и Ю.П. Чемякин;
- 1 жилище на поселении Ахтымья 1 — А.Е. Цеменков;
- 2 жилища на поселении Лемья 19.1 — А.А. Погодин;
- участки оборонительной системы на городище Островное — С.А. Терёхин;
- участки оборонительной системы на городище Сатыга 17 — А.А. Погодин;
- практически полностью раскопано городище Старый Катыш — А.В. Расторпов;
- почти целиком раскопаны городища Болчары 1/2 и Болчары 1/3 — С.И. Шумайлов;
- объекты раннего железного века на городище Денисово 1 и поселении Денисово 2 — С.И. Шумайлов;
- объекты раннего железного века на городище Евра 25 — С.Ю. Каменский;
- участки оборонительной системы раннего железного века на городище Карым (Ус-Толт) — В.Н. Чернецов.

На остальных памятниках обнаружена лишь керамика этого времени.

Таковы итоги раскопок древностей начала эпохи железа в кондинском крае. С.Ю. Каменский писал, что «наибольший вклад в исследование памятников раннего железного века, безусловно, внесли тобольские исследователи»⁴³. Так ли это? Археологи Тобольского государственного педагогического института работали на 12 памятниках со слоями или материалами этого времени. На них была вскрыта площадь около 2600 кв. м, зафиксированы остатки минимум 15 построек, участки оборонительных сооружений. В их числе почти полностью раскопаны 3 городища, на которых уже маловероятно провести контрольные ис-

Ил. 1. Памятники с материалами раннего железного века, исследованные археологическими раскопками специалистов из Ленинграда / Санкт-Петербурга (1), Свердловска / Екатеринбурга (2 – УрГУ, 3 – ИИА УрО РАН, 4 – ООО «НАЦ «АВ КОМ–Наследие»), Тобольска (5), Тюмени (6), Томска (7)

Условные обозначения:

1 – пос. Геологическое 3; 2 – пос. Геологическое 16; 3 – пос. Лемья 19.1; 4 – гор. Островное; 5 – пос. Большая Умытъя 2; 6 – пос. Большая Умытъя 9; 7 – пос. Большая Умытъя 36; 8 – пос. Большая Умытъя 57; 9 – пос. Большая Умытъя 58; 10 – пос. Большая Умытъя 60; 11 – пос. Большая Умытъя 61; 12 – пос. Большая Умытъя 72; 13 – пос. Большая Умытъя 74; 14 – пос. Большая Умытъя 100; 15 – пос. Олымья 4; 16 – пос. Убыя 3; 17 – пос. Усть-Тетер 1; 18 – гор. Денисово 1; 19 – пос. Денисово 2; 20 – гор. Евра 25; 21 – пос. Попуя II; 22 – пос. Сатыга; 23 – пос. Сумпанья 3; 24 – пос. Сумпанья 6; 25 – гор. Сатыга 17; 26 – ст. Сатыга 17а; 27 – пос. Б. Учinya 23; 28 – пос. Ахтымья 1; 29 – пос. Леуши 1; 30 – пос. Леуши 3; 31 – пос. Леуши 9; 32 – пос. Леуши 14; 33 – пос.-свят. Чёртова Гора; 34 – гор. Карым I; 35 – пос. Карым VIII; 36 – пос. Карым IX; 37 – гор. Старый Катыш; 38 – пос. Новый Катыш 4а; 39 – пос. Новый Катыш 4б; 40 – пос. Пашкин Бор 1; 41 – гор. Неушья 1.1; 42 – мог. Неушья 1.2; 43 – пос. Неушья 1.3; 44 – гор. Болчары 1/2; 45 – гор. Болчары 1/3; 46 – гор. Болчары 2; 47 – гор. Чилимка 1

следования. Кроме кратких информаций в сборниках «Археологические открытия», есть ещё небольшая статья А.В. Расторопова о раскопках городища Старый Катыш⁴⁴. Из неё, а также из отчётов и диссертации этого исследователя ясно, что это был сложный памятник в составе городища и святилища, возникший на месте селища, предположительно, эпохи поздней бронзы (лозьвинской культуры?). Городище имело форму эллипса размерами 34х18 м. С юга и востока оно ограничивалось естественными крутыми склонами. С севера и запада площадку окружал дуговидный (полукольцевой) оборонительный ров шириной 4,0—5,0 м и глубиной до 1,0 м. Высота внутренней площадки от уровня дна рва достигала 2,0 м. «Девять углистых пятен, фиксировавшихся на поверхности городищенской площадки, предположительно, можно связать с остатками жилых построек»⁴⁵. Из них одно содержало лозьвинские материалы эпохи поздней бронзы, остальные — 6 жилищ и 2 «какие-то постройки» — остались от кулайского укрепленного посёлка. В диссертации упоминаются 1 лозьвинское и лишь 6 кулайских жилищ. Одно кулайское жилище (от него сохранилось овальное углистое пятно размером 2,2х1,8 м) было углублено в материк на 0,65 м. Углистые пятна от других жилых построек, неуглубленных или слабо углубленных, имели размеры от 2,6х1,2 до 3,0х2,8 м (замечу, что указанные размеры пятен в диссертации и статье заметно различаются). Остатки хозяйственных (?) построек представляли собой углистые пятна размерами 1,7х1,2 и 2,0х1,6 м. В трёх жилищах описываются очаги — два в углублениях и один на возвышении. А.В. Расторопов датирует городище от V до II—I вв. до н. э., отмечая, что при его закладке были совершены «жертвенные ритуальные захоронения», представленные двумя человеческими черепами, «тесно прижатыми висками друг к другу»⁴⁶. После «прекращения постоянной жизнедеятельности на городище... последнее действовало только *как святилище* (выделено автором. — Ю.Ч.) (начало — середина I тыс. н. э.)»⁴⁷. К сожалению, практически никаких стратиграфических наблюдений на памятнике с мощностью культурного слоя до 0,6—1,2 м не сделано, святилище выделяется по вещевому комплексу («вещам культового назначения»). Суммарное описание керамики (по шейкам выделено 984 сосуда!) и небольшое количество иллюстраций (17 шеек без изображения профилей) дают очень слабое представление о коллекции и не позволяют сравнивать её с собраниями с других памятников. Судя по иллюстрациям в диссертации (11 шеек с профилями), керамический комплекс неоднороден и сопоставим с керамикой 2-й и начала 3-й стадий кулайской

культуры, выделенных на территории Сургутского Приобья⁴⁸. Автор пишет о формировании кондинского локального варианта кулайской культуры на основе «культурных традиций предшествующего времени. Для территории лесного Прииртышья это, скорее всего, относится к памятникам лозьвинского типа»⁴⁹. Обоснования этому не приводится. Он же отмечает близость керамического комплекса с городища Старый Катыш «керамике памятников синдейского типа лесного Зауралья второй половины I тыс. до н. э., выделенного В.Д. Викторовой⁵⁰ в бассейне р. Тавды»⁵¹.

Остатки ещё одного частично разрушенного подпрямоугольного жилища выявлены А.В. Растороповым на поселении Белая Гора. Оно было углублено на 0,3 м в материк, ширина сохранившейся части 2 м⁵².

Кроме описанных городища и поселения в среднем течении р. Конды, в диссертации А.В. Расторопова упоминаются памятники васюганского этапа кулайской культуры в её верхнем течении (селище на Леушинском Тумане) и в низовьях реки (городище у с. Болчары, городища Чилимка 2/11, Чилимка 3/4, Чилимка 3/6 и селище Чилимка 2/8). Однако у с. Болчары С.И. Шумайловым в 1984 г. открыты 1 поселение и 3 городища, интерпретированные как «система укрепленных рвами и валами мысовых памятников». Из них два дали материалы раннего железного века — керамику, тигли, датирующиеся «временем кулайской культуры»⁵³. На городище Болчары 1/2 — подовальной формы, размером 26х24 или 20х6—20 м, с двумя выходами (?), ограниченном рвом, — на площади 374—396 кв. м было выявлено большое количество золистых, углисто-золистых и углистых пятен. Толщина культурного слоя колебалась от 0,07—0,10 до 0,90—1,00 м. Среди находок — около 20 развалов сосудов и большое число фрагментов от других ёмкостей (в том числе миниатюрных), около 15 тиглей, бронзовая антропоморфная фигурка⁵⁴.

На другом городище (Болчары 1/3) — подтреугольной формы, размерами 60х60 (или 70х50) м, с двумя выходами, ограниченном валом и внешним рвом — на площади более 700 (или даже 1000?!) кв. м обнаружены остатки построек, вскрыты участки оборонительной системы, выход. Больше практически ничего о памятниках не известно.

С.И. Шумайловым исследовано также 140 кв. м на городище Денисово 1. Само городище имело подчетырёхугольную форму, размером 45—47х20—25 м и было окружено рвом глубиной 0,4—1,2 м. Внутренняя площадка приподнята над окружающей поверхностью на 1,5—2,3 м. С южной стороны к ней примыкала вторая площадка размером 20х17 м,

также окружённая рвом. С юга и запада городище круто обрывалось к реке. Культурный слой имел мощность от 0,3 м в центре городища до 1,1 м на склонах. К сожалению, такие крупные показатели культурного слоя не сопровождаются описаниями стратиграфических наблюдений. Нет информации и об обнаруженных остатках сооружений. Среди находок были костяные наконечники стрел, накладки на луки, мотыги, глиняные фигурка кабана и личина «шамана», две бронзовые личины. Керамика датирована ранним железным веком (кулайская культура). Посуда эпохи раннего железа найдена С.И. Шумайловым и на поселении Денисово 2, но вскрытые там постройки содержали в основном лозьвинские сосуды.

Интересны тезисы Ю.В. Кениг о памятниках эпохи раннего железа низовий Конды. Она отмечает, с одной стороны, малочисленность и фрагментарность находок, с другой — их отличие как «от приобских кулайских комплексов, так и раннежелезных кондинских»⁵⁵ (? — Ю.Ч.). По её мнению, «керамика здесь — единственный источник, характеризующий поселения эпохи железа». После суммарного описания сосудов автор приходит к выводу, что по ряду признаков нижнекондинские комплексы наиболее близки керамике сургутского варианта кулайской общности. В то же время в них, в отличие от сургутских, нет сосудов на поддонах, «венчиков скошенных и с характерным карнизиком. Отсутствуют мелкоструйчатый, фигурный и многие другие штампы, единично встречается уточка, нет свободной зоны в качестве разделительных поясков, наоборот, разделительные пояса чаще всего выполнены жемчужником. Таким образом, нижнекондинская керамика раннего железного века обладает определенным своеобразием и вполне правомерно говорить о нижнекондинском варианте кулайской общности»⁵⁶. К сожалению, ни один памятник этого времени в тезисах не назван, что не позволяет использовать опубликованные данные в дальнейших исследованиях.

Раскопки В.Т. Галкиным поселений Леуши 4, Карым 8 и Карым 9⁵⁷, Л.Н. Сладковой — поселений Олымья 4, Сатыга и Чёртова Гора, Е.Г. Фильчаковым — поселения Попуя 2 дали, помимо других материалов, небольшие коллекции керамики эпохи раннего железа (преимущественно кульминского типа), но они не введены в научный оборот. Что касается кулайских памятников на р. Чилимке, перечисленных А.В. Растороповым, то информацию о них не удалось найти ни в одном отчёте работавших там исследователей. Далеко не всегда из этих отчётов понятна методика раскопок, мощность вскрываемых

горизонтов, характеристика выявленных объектов, а иногда и название исследовавшегося памятника (!). Таким образом, о большом вкладе тобольских археологов в изучение раннего железного века кондинского края говорить не приходится, несмотря на то, что ими были собраны самые крупные коллекции артефактов раннего железного века в регионе и раскопано наибольшее количество объектов этого времени.

Интересны исследования памятников чёрной металлургии Н.М. Зинякова, но их объём невелик. Им выявлены кострища для выжигания древесного угля и для обжига руды, выделен Кондинский рудно-металлургический район⁵⁸. Н.М. Зиняков реконструировал тип сыродутных печей одноразовой плавки с углубленным в землю шлаконакопителем, широко представленный в бассейне р. Конды⁵⁹. К сожалению, эти печи имеют широкую дату: конец раннего — середина позднего железного века. Материал, обнаруженный вместе с печами, представлен керамикой ярсалинского, карымского и «оронтуровского» (по Н.М. Зинякову) или зеленогорского (по Н.В. Федоровой и др., 1991)⁶⁰ типов.

Раскопки археологов Уральского государственного университета на городище Евра 25 выявили ещё один тип сыродутных горнов — «надземные или слегка углубленные печи с толстыми глиняными дном и стенками»⁶¹. Они датированы в пределах II—VIII вв. Что касается материалов эпохи раннего железа, то в публикациях авторы ограничились констатацией наличия в культурном слое и краткой характеристикой ярсалинской керамики⁶².

Как уже отмечалось, в конце 1970-х гг. к спасательным работам в бассейне р. Конды приступили уральские археологи. Удивительно, но при больших объёмах исследований памятники раннего железного века редко оказывались в зонах новостроек. Первоначально раскопки осуществляли сотрудники Уральского государственного университета: сначала — Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории, позже — Угорского научно-исследовательского центра и Научно-исследовательской части Управления научных исследований. Материалы раннего железного века были обнаружены на 14 памятниках, на которых вскрыто ок. 8295 кв. м. На 4 селищах и 2 городищах зафиксированы археологизированные остатки 6 жилищ и 3 построек, а также участки оборонительной системы и отдельные кострища. С кон. 1990-х гг. раскопки были продолжены Институтом истории и археологии УрО РАН. На городище-святилище Большая Умытья 36 и поселении Геологическое 16 С.Ф. Кокшаровым были вскрыты

736 кв. м. На городище выявлены фрагмент рва и остатки 4 жилищ с керамикой синдейского, кулайского и ярсалинского типов.

Для спасательных и экспертных работ ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие» характерны масштабные работы на памятниках, попадающих в зоны хозяйственного освоения. Как результат, на 11 поселениях, 1 городище и 1 могильнике, давших материалы раннего железного века, сотрудниками организации было изучено 16096 кв. м. На 6 памятниках обнаружены остатки 5 жилищ, 2 построек, 4 погребения и отдельные кострища этого времени.

В целом работы археологов Свердловска / Екатеринбурга отличались большой тщательностью; исследование памятников проводилось горизонтами по 5—10 см, а иногда и меньше. Абсолютное большинство построек (в том числе наземных), раскопанных ими, были зафиксированы в плане и профиле. Материал, включая керамику, привязан к ним, то есть возможно изучение и сопоставление отдельных жилищных комплексов. Имеются и стратиграфические наблюдения. На уровне работ сказался большой опыт раскопок в условиях подзолистых почв в зоне средней тайги, полученный университетскими археологами в Сургутском Приобье, в первую очередь на Барсовой горе.

Однако, несмотря на сравнительно небольшое количество исследованных памятников и объектов эпохи раннего железа, их публикации, кроме кратких информаций в научных сборниках «Археологические открытия» и «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого», а также тезисах конференций, отсутствуют. Исключением является небольшая статья, посвящённая раскопкам кульминского жилища на поселении Геологическое 3⁶³. Оно представляло собой подпрямоугольную наземную постройку размерами 4,0х3,5 м, в центре которой находились остатки очага. Керамическая коллекция включала обломки полутора десятков сосудов, в том числе 10 верхних частей.

Кульминская керамика, характеризующая начало железного века и впервые выделенная В.Д. Викторовой на памятниках бассейна р. Тавды⁶⁴, в бассейне Конды известна минимум на 76 объектах культурного наследия. На 17 из них проведены раскопки, но лишь на четырёх выявлены 3 жилища и следы двух лёгких построек (поселения Большая Умытья 58, Геологическое 3, Сатыга 17а, Лемья 19.1); на двух поселениях обнаружены открытые кострища с кульминской посудой (поселения Большая Умытья 61, Большая Умытья 74).

Следующий этап эпохи раннего железа в регионе представлен древностями синдейского культурного типа, также выделенного В.Д. Вик-

торовой⁶⁵. В бассейне Конды синдейская керамика известна минимум на 11—13 памятниках. На семи из них проведены раскопки, при этом выявлены участки оборонительной системы (рвов), 4 жилища и 2 постройки хозяйственного (?) назначения, а также отдельное кострище. Возможно, с синдейскими древностями связаны погребения могильника Неушья 1.2⁶⁶. На городище Неушья 1.1 зафиксированы остатки жилища (№ 2) кулайской культуры, разрушившего котлован постройки № 3 с синдейскими материалами (раскопки Е.М. Беспрозванного, 2005 г.). На городище-святилище Большая Умытья 36 (Шаман-Гора) С.Ф. Кокшаровым исследованы 4 синдейских жилища и участок рва⁶⁷. На памятнике, кроме синдейской, найдена кулайская (саровская) и ярсалинская керамика раннего железного века, а также материалы других эпох. Как пишут исследователи, время бытования синдейского посёлка может быть ограничено втор. пол. I тыс. до н. э.⁶⁸ Вместе с синдейской посудой была найдена бронзовая фигурка лося или оленя с подогнутыми ногами. Не исключено, что к синдейским памятникам относится и городище Островное, на котором С.А. Терехиным частично раскопаны ров, вал и выход⁶⁹. К сожалению, исследователь практически не уделил внимания керамическому комплексу и не представил иллюстрации найденных сосудов.

Синдейский культурный тип мог участвовать в сложении кондинского варианта кулайской культуры. Кроме автора, о нём писали А.В. Расторопов и Ю.В. Кениг, но имеющегося материала для обоснования его существования пока недостаточно. Кулайская керамика (без учёта ярсалинской) обнаружена на 36 кондинских памятниках, на 12 из них проводились раскопки. Уральскими археологами на трёх поселениях (Новый Катыш 4/а, Новый Катыш 4/б, Ахтымья 1) изучены остатки 5 жилищ и 1 хозяйственной постройки⁷⁰. Тобольские коллеги раскопали почти полностью 3 городища с мощным культурным слоем (Болчары 1.2, Болчары 1.3, Старый Катыш), однако характеристики выявленных объектов мне обнаружить не удалось (исключение — уже упоминавшаяся краткая информация А.В. Расторопова об углистых пятнах предположительно на месте древних построек, зафиксированных им на Старокатышском городище⁷¹). На материалах каких памятников построены тезисы Ю.В. Кениг — неизвестно⁷².

Последнюю стадию эволюции кулайской посуды в бассейне р. Конды представляет керамика ярсалинского типа, охарактеризованная ещё В.Н. Чернецовым по находкам в первую очередь на городище Ус-Толт (Карым 1) и датированная им началом Средневековья или II—III вв. н. э.⁷³

Она найдена на 33 памятниках (на трёх из них велись раскопки), однако однозначно ярсалинских объектов не выявлено. Крупная коллекция ярсалинской керамики, наряду с карымской, собрана Е.А. Жирных и С.Ю. Каменским на городище Евра 25⁷⁴. Анализ древностей с ярсалинской керамикой, в том числе в бассейне р. Конды, показал, что, несмотря на отсутствие до сих пор исследованных памятников этого типа, следов археологизированных построек⁷⁵, выделение В.Н. Чернецовым ярсалинского хронологического этапа правомерно. Наличие на ряде нижеобских и кондинских памятников переходной к карымской керамики, существующее белое пятно между древностями типа Усть-Полуй и средневекового Ус-Толт (карымскими) свидетельствуют о реальности ярсалинского этапа. Согласно современным представлениям, он соответствует позднему (финальному) этапу кулайской общности, представленному в разных регионах памятниками конца саровского этапа кулайской культуры (по Л.А. Чиндиной)⁷⁶, фоминской культуры (по Ю.В. Ширину)⁷⁷, сперановского этапа потчевашской культуры (по Елагину, В.И. Молодину)⁷⁸. Характеристика его впереди, с открытием и раскопками однослойных или стратифицированных памятников этого времени. Не исключено, что нижеобские и кондинские ярсалинские (позднекулайские) памятники будут отличаться друг от друга, иметь региональную специфику⁷⁹.

К сожалению, в изучении древностей кондинского края наблюдаются и негативные моменты. Появляющиеся на кладоискательских сайтах и в ряде публикаций находки из грабительских раскопок, происходящие из бассейна р. Конды, показывают, что разграблению подвергаются уникальные памятники, в том числе могильники и святилища, не известные археологам. Среди них есть и древности эпохи раннего железа⁸⁰. Из древнего культурного наследия округа вырываются огромные пласты, возможно, навсегда закрывающие отдельные страницы истории освоения края. Принятие Закона РФ № 245-ФЗ от 23.07.2013 резко сократило масштабы этой незаконной деятельности, но пока ещё не ликвидировало.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стефанова Н.К., Борзунов В.А. Археология таёжного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). — Екатеринбург: Академкнига, 2002. — С. 13, 15, 16.

² Берс Е.М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. — Свердловск: Свердловский обл. краевед. музей, 1959. — С. 72. № 316.

³ Боч С.Г. Стоянки в бассейнах Северной Сосвы и Конды // Тр. комиссии по изучению четвертичного периода. — М.: Изд-во АН СССР, 1937. — Т. V, вып. 1. — С. 156—158. Табл. V.

⁴ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 121—178; Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — № 58: Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири. — С. 136—245.

⁵ Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии ... — С. 140—143, 147.

⁶ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени ... ; Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии ...

⁷ Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии ... — С. 138—185.

⁸ Автор искренне признателен Т.Ю. Клементьевой, Н.Г. Комовой, С.В. Кузьминых, А.А. Погодину и Л.Н. Сладковой за консультации и помощь в работе с архивными материалами.

⁹ Хлобыстин Л.П. Отчёт о работе Заполярного отряда ЛО ИА в 1966 году. — Л., 1967. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 3339.

¹⁰ Хлобыстин Л.П. Отчёт о работах Заполярного отряда в 1978 г. — Л., 1979. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 7355; Крижевская Л.Я. Отчёт о раскопках поселения Сумпанья VI в 1984 г. — Л., 1985. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 11231; Крижевская Л.Я. Отчёт о полевых исследованиях 1985 г. (Отчёт о работе Сумпаньинского отряда Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1985 г.). — Л., 1986. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 11113.

¹¹ Русаков Г.Г. Наследство Мавры // Ленинская трибуна. — п. Кондинское (ХМАО), 1978. — 18 февр. — С. 3.

¹² Русаков Г.Г. Находки и сборы в бассейне р. Конды в сентябре 1971 г. — Екатеринбург. — Архив ПНИАЛ УрГУ. — Ф. II. Д. 106; Русаков Г.Г. Разведка в урочище «Мавра» в Кондинском районе Тюменской области зимой 1977 г. — Екатеринбург. — Архив ПНИАЛ УрГУ. — Ф. II. Д. 106А.

¹³ Косарев М.Ф. Отчёт о работе разведочной группы Западно-Сибирской экспедиции в 1976 г. — М., 1976. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 6516.

¹⁴ Малышкин А.В. Исследования на р. Конде в Тюменской области // Археологические открытия 1977 года. — М.: Наука, 1978. — С. 252.

¹⁵ Сладкова Л.Н. Отчёт об археологических раскопках на Чёртовой горе в Кондинском районе Тюменской области летом 1988 года. — Тобольск, 1989. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 13247; Сладкова Л.Н. Отчет об археологических раскопках на поселении Сатыга в Кондинском районе Тюменской области летом 1990 года. — Тобольск, 1990. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 16374.

¹⁶ Шумайлов С.И. Отчёт об археологических раскопках городища Денисово 1 и поселения Денисово 2 в Кондинском районе Тюменской области в 1988 г. — Тобольск, 1989. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 13222.

¹⁷ Расторопов А.В. Отчёт об археологических исследованиях в 1984 г. (Кондинский и Уватский районы Тюменской области). — Тобольск, 1985. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 10270.

¹⁸ Шумайлов С.И. Отчёт об археологических раскопках городищ Болчары I/2 и Болчары I/3 в Кондинском районе Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области в 1985 году. — Тобольск, 1986. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 10869; Шумайлов С.И. Отчёт об археологических раскопках городища Болчары I/3 в Кондинском районе Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области в 1986 г. — Тобольск, 1987. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 11455; Шумайлов С.И.

Отчёт об археологических раскопках поселения Чеснок и городища Болчары 1/3 в Кондинском районе Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области в 1987 г. — Тобольск, 1987. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 11911; Шумайлов С.И. Отчёт об археологических раскопках городища Денисово 1 и поселения Денисово 2...; Шумайлов С.И. Отчёт об археологических раскопках городища Денисово 2 и поселения Денисово 2 в Кондинском районе Тюменской области летом 1989 г. — Тобольск, 1989. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 13222; Шумайлов С.И. Раскопки группы памятников Болчары // Археологические открытия 1985 года. — М.: Наука, 1987. — С. 295—296.

¹⁹ Фильчаков Е.Г. Отчёт о поисково-разведочных работах на озере Кондинский Сор (Кондинский район Тюменской обл.) [в 1986 г.]. — Тобольск, 1986. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 11444; Захожая Т.М. Отчёт о разведочных работах, проведённых в Кондинском районе Тюменской области [в 1989 г.]. — Тобольск, 1990. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 13796; Собољникова Т.Н. Возможности реконструкции орудий обработки поверхности по следам на сосудах: гребенчатый штамп // Экспериментальная археология. — Тобольск: Изд-во Тобольского гос. пед. ин-та, 1994. — Вып. 3. — С. 15.

²⁰ Расторопов А.В. Нижнее и Среднее Прииртышье в середине и второй половине I тыс. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1992; Расторопов А.В. Исследования комплекса археологических памятников в бассейне Конды у села Старый Катыш // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Мат-лы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», посвящённой 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14—16 мая 2014 г.). — Екатеринбург: Магеллан, 2014. — С. 146—154.

²¹ Сладкова Л.Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Олымья IV в Кондинском районе Тюменской области, произведённых летом 2000 года. — Тобольск, 2000. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 24692; Сладкова Л.Н. Отчёт об археологических раскопках на памятнике Чёртова Гора в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, произведённых летом 2003 года. В 3 т. — Тобольск, 2003. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 32456-32458; Сладкова Л.Н. Отчёт об археологических раскопках на памятнике Чёртова гора в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, произведённых летом 2004 г. — Тобольск, 2004. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 5085. Д. 840а; Сладкова Л.Н. Предварительные итоги полевых исследований 1988, 2003, 2004 гг. на Чёртовой горе в Кондинском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2007. — Вып. 4. — С. 152—164; Сладкова Л.Н. Чёртова Гора — неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. — Вып. 25. — С. 147—158.

²² Петров А.И. Отчёт о полевых работах Среднеиртышской археологической экспедиции Омского государственного университета летом 1978 года в Тарском, Тевризском и Исылкульском районах Омской области и Кондинском районе Тюменской области. — Омск, 1979. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 7162.

²³ Коноркин В.М. Отчёт о разведочных работах в Кондинском районе Тюменской области, проведённых в 1979 г. — Свердловск, 1979. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 7519.

²⁴ Стефанова Н.К. Отчёт об археологических исследованиях в Кондинском районе в 1980 г. — Свердловск, 1981. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 8040.

²⁵ **Алексашенко Н.А.** Отчёт об исследованиях поселения Леуши I [в 1981 г.]. — Свердловск, 1983. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 9123; **Беспрозванный Е.М.** Отчёт об исследовании памятников эпохи мезолита на «Леушинском тумане» в Кондинском районе Тюменской области [в 1983 г.]. — Свердловск, 1984. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 9413; **Кокшаров С.Ф.** Отчёт об археологических работах в Советском районе Тюменской области, проведённых летом 1987 г. — Свердловск, 1988. — Архив ИА РАН. — Р-1 № 12189; **Погодин А.А.** Отчёт об археологических исследованиях в Сургутском и Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа в 1995 году. — Екатеринбург, 1996. — Т. II: Охранные раскопки мезолитического поселения Леуши III в Кондинском районе. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 19466.

²⁶ **Зиняков Н.М.** Отчёт о разведках и раскопках памятников чёрной металлургии в Кондинском районе Тюменской области в 1986 году. — Кемерово, [1987]. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 11647; **Зиняков Н.М.** Отчёт о разведках и раскопках памятников чёрной металлургии в Кондинском районе Тюменской области в 1987 году. — Кемерово, [1988]. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 12136.

²⁷ **Зиняков Н.М.** Чёрная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири: Дис. ... д-ра ист. наук. — Кемерово, 1996.

²⁸ **Зиняков Н.М.** Чёрная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. — С. 28—29, 42—45, 53, 56—58, 62—63, 71, 77—79, 86—88. Рис. 1—3, 59.

²⁹ **Каменский С.Ю.** Отчёт о НИР: Археологические раскопки и разведки в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Тюменской области, проведённые в 2004 году. — Екатеринбург, 2005. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 33372; **Жирных Е.А., Каменский С.Ю.** Средневековые железоделательные печи на территории Северо-Западной Сибири // II Северный археологический конгресс. Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. — С. 139—140; **Каменский С.Ю., Жирных Е.А.** Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2006. — Вып. 3. — С. 168—178.

³⁰ **Беспрозванный Е.М.** Отчёт о НИР: Проведение спасательных археологических работ на поселении Неушья 1 в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра [в 2005 г.]. — Екатеринбург, 2006 — Т. 2. Раскоп 2. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 33075; **Беспрозванный Е.М., Козеко О.Е.** Могильник Неушья 1.2 — источник по истории Кондинского края // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 239—261.

³¹ **Цеменков А.Е.** Отчёт о НИР: Проведение спасательных археологических работ на поселении Ахтымья 1 в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры [в 2004 г.]. — Екатеринбург, 2006. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 26671; **Цеменков А.Е.** Отчёт о НИР: Проведение археологических раскопок на поселении Большая Умытъя 2 (Советский район, Западно-Даниловское месторождение) [в 2007 г.]. В 2 т. — Екатеринбург, 2008. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 79, 80; **Цеменков А.Е.** Отчёт о НИР: Проведение археологических раскопок на поселении Большая Умытъя 2 (Советский район, Западно-Даниловское месторождение) [в 2008 г.]. В 4 т. — Екатеринбург, 2010. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 37221—37334; **Цеменков А.Е.** Отчёт об археологических раскопках поселения Большая Умытъя 60 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра [в 2004 г.]. В 2 т. — Екатеринбург, 2007. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 76, 77.

³² Беспрозванный Е.М. Отчёт о НИР: Проведение раскопок поселения Неушья 1 в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра на территории Мортимья-Тетеревского месторождения нефти в 2005 году. В 3 т. — Екатеринбург, 2006. — Т. 1, 3. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 11074, 33076; Беспрозванный Е.М. Отчёт о НИР: Проведение археологических раскопок на поселении Неушья 1.3 (Кондинский район, Мортимья-Тетеревское месторождение) в 2007 г. В 5 т. — Екатеринбург, 2013. — Т. 1: Поселение Неушья 1.3, раскоп 4; Т. 2—5: Поселение Неушья 1.3. Раскоп 5. — Екатеринбург, 2013. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 114, 114/1—4.

³³ Беспрозванный Е.М. Отчёт о НИР: Проведение археологических раскопок на поселении Большая Умытъя 61 (Советский район, Западно-Даниловское месторождение) [в 2007 г.]. В 2 кн. — Екатеринбург, 2010. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 126; Цеменков А.Е. Отчёт о НИР: Проведение археологических раскопок на поселении Большая Умытъя 61 (Советский район, Западно-Даниловское месторождение) [в 2008 г.]. В 2 кн. — Екатеринбург, 2009. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 83, Д. 84.

³⁴ Погодин А.А. Отчёт о НИР: Изучение и обследование современного состояния археологических объектов в Советском и Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (хоздоговор № 41). — Кн. 1: Аварийные раскопки поселения Большая Умытъя 74 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2006 году. В 2 ч. — Екатеринбург, 2007. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 72—74; Погодин А.А. Отчёт о НИР: Изучение и обследование современного состояния археологических объектов в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — Кн. 1, 2: Аварийные раскопки поселения Большая Умытъя 9 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2007 году. Ч. 1, 2. — Екатеринбург, 2008. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 81; Погодин А.А. Отчёт о НИР: Изучение и обследование современного состояния археологических объектов в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — Кн.: 1: Аварийные раскопки поселения Большая Умытъя 57 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2007 году. В 4 ч. — Екатеринбург, 2008. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 82; Погодин А.А. Отчёт о НИР: Изучение и обследование современного состояния археологических объектов в Советском и Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — Кн. 1: Аварийные раскопки поселения Большая Умытъя 74 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2007 году. — Екатеринбург, 2008. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 113; Погодин А.А. Отчёт о НИР: Изучение и обследование современного состояния археологических объектов в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — Кн. 1: Аварийные раскопки поселения Большая Умытъя 9 (раскоп 2) в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2008 году. В 3 ч. — Екатеринбург, 2009. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 92; Погодин А.А. Отчёт о НИР: Изучение и обследование современного состояния археологических объектов в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — Кн. 1: Аварийные раскопки поселения Большая Умытъя 57 (раскоп 2) в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2008 году. — Ч. 1, 2. — Екатеринбург, 2009. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 93; Погодин А.А. Отчёт о НИР: Проведение спасательных археологических работ на участке строительства объектов

ТПП «Урайнефтегаз» в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Большая Умытъя 100» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2011 году. 1 кн. в 2 ч. — Екатеринбург, 2012. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 30411, 30412; Погодин А.А. Отчет о НИР: Противоаварийные спасательные работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Убья 3» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2014 году. 1 кн. в 2 ч. — Екатеринбург, 2015. — Архив ООО «НАЦ «АВКОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 123, 123/1-2.

³⁵ Клементьева Т.Ю. Отчёт о НИР: Проведение спасательных археологических работ на участке строительства объектов ТПП «Урайнефтегаз» в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Большая Умытъя 58» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2011 году. 1 кн. в 2 ч. — Екатеринбург, 2012. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 29996, 29997.

³⁶ Круземент С.А. Отчёт о НИР: Проведение противоаварийных спасательных археологических работ на поселении Большая Умытъя 72 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа [в 2009 г.]. В 4 т. — Екатеринбург, 2010. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 37980—37983; Круземент С.А. Отчёт о НИР: Спасательные археологические раскопки на выявленном объекте археологического наследия «Поселение Большая Умытъя 109» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2011 году. В 5 т. — Екатеринбург, 2012. — Архив ООО «НАЦ «АВКОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 103.

³⁷ Бессмертных А.Н. Отчёт о НИР: Проведение аварийных археологических работ на историко-культурном объекте — поселении Большая Учинья XXIII, расположенном в створе строящейся автодороги «г. Урай — п. Половинка» [в 2002 г.]. — Екатеринбург, 2003. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 4291. Д. 50.

³⁸ Круземент С.А. Отчёт о НИР: Проведение археологических полевых работ на территории выявленного объекта культурного наследия «поселение Лемья 19/1» в Советском районе ХМАО — Югры в 2013 году. — Екатеринбург, 2014. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 40599; Погодин А.А. Отчёт о НИР: Противоаварийные спасательные работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Лемья 19/1» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2014 году. 1 кн. в 2 ч. — Екатеринбург, 2015. — Архив «ООО НАЦ «АВКОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 122, 122/1.

³⁹ Асташкин В.И. Отчёт об археологическом исследовании Болчаровского II городища в Кондинском районе в 1991 г. — Тюмень, 1992. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 16703.

⁴⁰ Зыков А.П. Отчёт об археологической разведке у поселка Половинка в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1996 году. — Екатеринбург, 1997. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 17190.

⁴¹ Каменский С.Ю. Отчёт о НИР: Археологические раскопки и разведки в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Тюменской области, проведенные в 2004 году...

⁴² Кокшаров С.Ф. Отчёт о НИР: Раскопки археологических памятников в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2001 году. — Екатеринбург, 2002. — Архив ИИА УрО РАН. — Ф. II. Д. 86; Кокшаров С.Ф. Отчёт о НИР: Раскопки поселения Геологическое XVI в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2002 году. — Екатеринбург, 2003. — Архив ИИА УрО РАН. — Ф. II.

Д. 101; Кокшаров С.Ф. Отчёт о НИР: Археологические раскопки в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 2003 г. — Екатеринбург, 2004. — Архив ИИА УрО РАН. — Ф. II. Д. 110; Кокшаров С.Ф. Отчёт о НИР: Археологические работы в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 2004 г. — Екатеринбург, 2005. — Архив ИИА УрО РАН. — Ф. II. Д. 128; Кокшаров С.Ф. Отчёт о НИР: Археологические работы в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 2005 г. — Екатеринбург, 2006. — Архив ИИА УрО РАН. — Ф. II. Д. 161; Кокшаров С.Ф. Отчёт о НИР: Археологические работы в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 2006 г. — Екатеринбург, 2007. — Архив ИИА УрО РАН. — Ф. II. Д. 168.

⁴³ Каменский С.Ю. Ранний железный век р. Конды: история изучения // Про-винциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов: Мат-лы регион. науч.-практ. конф., г. Советский, 3—6 октября 2005 г. — Екатеринбург: Волот, 2006. — С. 26.

⁴⁴ Расторопов А.В. Исследования комплекса археологических памятников...

⁴⁵ Расторопов А.В. Исследования комплекса археологических памятников... — С. 246.

⁴⁶ Расторопов А.В. Исследования комплекса археологических памятников... — С. 246, 249.

⁴⁷ Расторопов А.В. Исследования комплекса археологических памятников... — С. 248.

⁴⁸ Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древ-ность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — Рис. 76, 77.

⁴⁹ Расторопов А.В. Нижнее и Среднее Прииртышье в середине и второй половине I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — ИА РАН. — М., 1992. — С. 6.

⁵⁰ Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на со-судах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принад-лежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. — С. 260—261.

⁵¹ Расторопов А.В. Исследования комплекса археологических памятников... — С. 248.

⁵² Расторопов А.В. Нижнее и Среднее Прииртышье... : Дис. ... канд. ист. наук. — С. 25.

⁵³ Шумайлов С.И. Раскопки группы памятников Болчары... — С. 296.

⁵⁴ Шумайлов С.И. Раскопки группы памятников Болчары... — С. 295.

⁵⁵ Кениг Ю.В. Специфика памятников раннего железного века низовий Конды // Культурногенетические процессы в Западной Сибири: Тез. докл. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993. — С. 20.

⁵⁶ Кениг Ю.В. Специфика памятников раннего железного века низовий Конды ... — С. 21.

⁵⁷ Галкин В.Т. Отчёт о полевых работах Юкондинского отряда Тобольской ар-хеологической экспедиции в Кондинском районе Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области летом 1983 г. — Тобольск, 1984. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 10063; Галкин В.Т. Отчёт об археологических работах в Кондинском, Тобольском и Уватском районах Тюменской области летом 1984 года. — Тобольск, 1985. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 9737; Галкин В.Т. Отчёт об археологических работах в Тюмен-ской обл., 1986 г. — Тобольск, [1987]. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 11453.

⁵⁸ Зиняков Н.М. Черная металлургия ... 1997. — С. 28—29.

⁵⁹ Там же. — С. 36.

⁶⁰ Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1991. — Вып. 20. — С. 126—145.

⁶¹ Жирных Е.А., Каменский С.Ю. Средневековые железоделательные печи... — С. 140.

⁶² Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Раскопки городища Евра 25... — С. 171—173.

⁶³ Чемякин Ю.П. Кульминский комплекс на поселении Геологическое III // XVII Уральское археологическое совещание: Мат-лы науч. конф. (Екатеринбург, 19—22 ноября 2007 г.). — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. — С. 208—213.

⁶⁴ Викторова В.Д. Археологическая карта рр. Туры и Тавды (опыт систематизации и периодизации археологических памятников). В 2 т.: Дис. ... канд. ист. наук. — Свердловск, 1967. Т. 1. — Архив ПНИАЛ УрГУ, ф. III, д. 127. — С. 114—115.

⁶⁵ Викторова В.Д. Археологическая карта ...; Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации ... — С. 260—261.

⁶⁶ Беспрозванный Е.М., Козеко О.Е. Могильник Неушья 1.2 — источник по истории Кондинского края // Барсова гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 239—261.

⁶⁷ Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Рекогносцировочные раскопки городища Большая Умытья 36 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2006. — Вып. 3. — С. 137—155; Кокшаров С.Ф. Раскопки городища Большая Умытья 36 (Шаман-гора) в Советском районе ХМАО—Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2007. — Вып. 5. — С. 108—110.

⁶⁸ Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Рекогносцировочные раскопки городища Большая Умытья 36... — С. 148.

⁶⁹ Терёхин С.А. Городище Островное — культовый памятник раннего железного века? // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 281—286.

⁷⁰ Чемякин Ю.П. Поселения и постройки раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. — Т. 1, кн. 1: Поселения и жилища. — С. 294; Чемякин Ю.П. Поселение Ахтымья 1 (комплексы эпохи раннего железа). Статью см. в настоящем сборнике.

⁷¹ Расторопов А.В. Исследования комплекса археологических памятников... — С. 246.

⁷² Кениг Ю.В. Специфика памятников раннего железного века низовий Конды... — С. 138—146.

⁷³ Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии... — С. 138—146.

⁷⁴ Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Раскопки городища Евра 25... — С. 168—178.

⁷⁵ Единственным исключением являются небольшие по объёму раскопки А.В. Гордиенко на поселении Айгинское VIII, где им вскрыты фрагменты двух наземных построек. К сожалению, размеры фрагментов не позволяют реконструировать сами постройки. См.: Гордиенко А.В. Нижнее Приобье в первой половине I тыс. н.э. (по материалам раскопок поселения Айгинское VIII) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, 2013. — № 1. — С. 47—57.

⁷⁶ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. — 256 с.

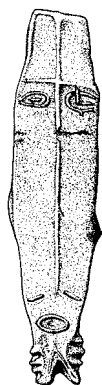
⁷⁷ Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. — 288 с.

⁷⁸ Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н. э. — Новосибирск: Наука, 1991. — 126 с.

⁷⁹ Чемякин Ю.П. О ярсалинском этапе в древней истории таёжного Приобья // Вестн. Томского государственного университета. История. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2013. — № 3. — С. 314—318.

⁸⁰ Бауло А.В. Без лица: серебряная маска с восточных склонов Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск, 2013. — № 4. — С. 123—128; Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской археологический сборник. — Тверь: ООО «Изд-во «Триада», 2011. — Вып. 8, т. II: Мат-лы IV Тверской археологической конф. и 12-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». — Табл. 19 — 14, 23, 26, 27; Эренбург Б.А. Звериный стиль: история, мифология, альбом. — Пермь: Сенатор, 2014. — С. 100—101, 155, 161, 190 (№ 45—46, 188, 201, 281).

Поселение Ахтымья 1 (комплексы эпохи раннего железа)¹

Ю.П. Чемякин

Уральский государственный педагогический университет
ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие»

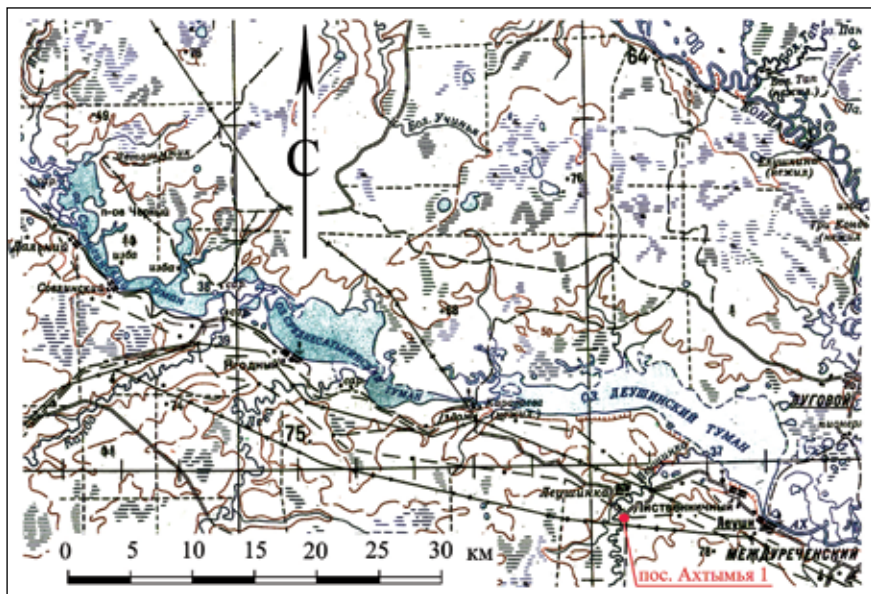
Поселение Ахтымья 1 находилось в Кондинском р-не ХМАО — Югры в 21 км к западу — северо-западу от п. Междуреченского, в 9,3 км к западу — юго-западу от п. Лиственничного, в 1 км к югу от д. Леушинки, на правом берегу р. Леушинки, в 70 м к югу от моста через неё (ил. 1, 2). Площадка поселения занимала мыс коренной береговой террасы, образованный излучиной реки, высотой до 5 м над уровнем уреза воды. С северной стороны мыс ограничен руслом реки, с западной и южной — её старицей. В настоящее время северная часть мыса уничтожена при строительстве автодороги «г. Урай — п. Междуреченский». Естественный рельеф поверхности южной части мыса практически уничтожен при строительстве нефтепровода и ЛЭП, он сохранился лишь на небольшом участке в центральной части мыса. Терраса в этом месте отделена от русла заболоченной поймой шириной до 60 м, осложнённой старицами и прирусловыми валами. Поверхность террасы ровная, покрыта молодым сосновым лесом, нижний ярус растительности представлен кустарничками.

Памятник был открыт в 2002 г. экспертной группой ООО «НАЦ «АВ КОМ—Наследие» под руководством А.Н. Бессмертных в ходе работ по историко-культурной экспертизе (натурному обследованию) земельных участков, отводимых под строительство автодороги «г. Урай — п. Междуреченский» в Кондинском р-не ХМАО — Югры². На нем визуально прослеживалась одна подпрямоугольная впадина размерами 5,0х4,0 м и глубиной до 0,4 м, окружённая слабо выраженной обваловкой шириной до 4,0 м, высотой до 0,1 м. К 2004 г., когда на памятнике под руководством А.Е. Цеменкова и при участии Е.М. Беспрозванного были проведены охранные раскопки, большая часть площадки поселения была уничтожена строительством автодороги³.

Район работ расположен в центральной части Западно-Сибирской равнины, в подзоне южной тайги. Согласно физико-географическому районированию, памятник находится в Кондо-Тавдинской ландшафтной провинции (Кондинско-Ваховская ландшафтная область), в пределах Тавдинско-Кондинской наклонной равнины с высотами 70–100 м⁴. В основе формирования современного рельефа региона лежат четвертичные отложения суглинистого и песчаного составов различного генезиса. В соответствии с широтно-зональным делением территории Тюменской области, по типу растительности правобережье р. Конды относится к подзоне смешанных берёзово-сосновых лесов (южная тайга), характерной чертой которой является преобладание лиственных древостоев. В приречных участках более характерны елово-берёзовые травяные и замшелые леса южно-таёжного облика.

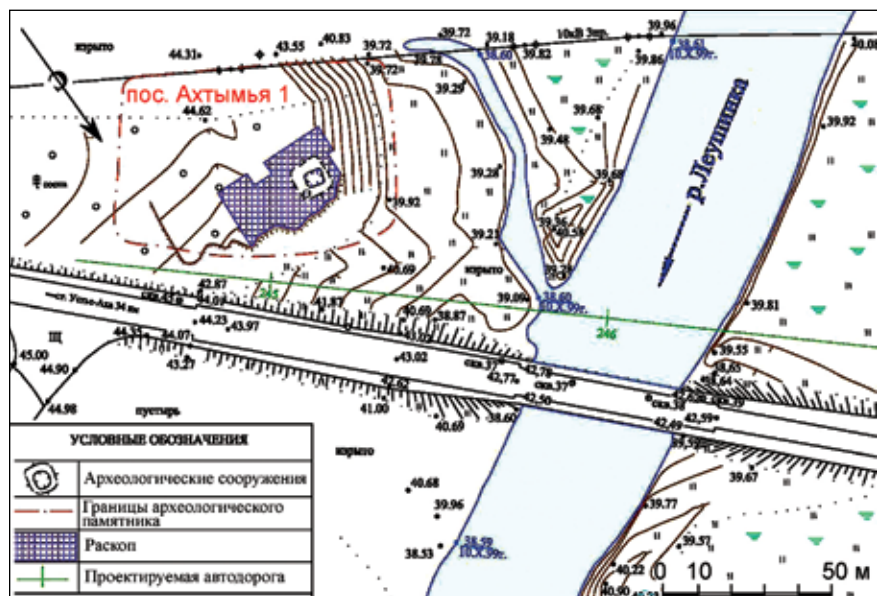
Гидрологическая сеть участка относится к бассейну среднего течения р. Конды — левого притока р. Иртыша. Р. Леушинка, на правом берегу которой находится поселение, впадает в оз. Леушинский Туман в 4 км западнее п. Лиственничного. Русло реки сильно меандрирующее, шириной до 25 м, скорость течения 0,3 м/сек. Долина реки хорошо разработана, имеет асимметричный профиль, террасовые уровни хорошо выражены в рельефе. Пойма шириной до 1 км сильно заболочена,

Ил. 1. Поселение Ахтымья 1. Схема расположения

Участок работ относится к району подзолистых, подзолисто-глеевых и болотных почв. Почвенный покров отличается значительным разнообразием. По генезису почвы представлены подзолами, для которых характерно наличие профиля с морфологически ярко выраженными генетическими горизонтами; слабо- и среднеподзолистыми почвами с признаками поверхностного и глубинного оглеивания; болотно-подзолистыми и болотными почвами.

Основным объектом исследований на поселении явилась единственная сохранившаяся впадина — сооружение № 1. Поверхность вокруг неё была задернована и покрыта сосновым лесом. Работы начались с подготовки участка: вырубки леса и очистки поверхности от бурелома. После очистки был заложен раскоп площадью 500 кв. м, ориентированный по сторонам света и разбитый на участки размерами 2,0х2,0 м

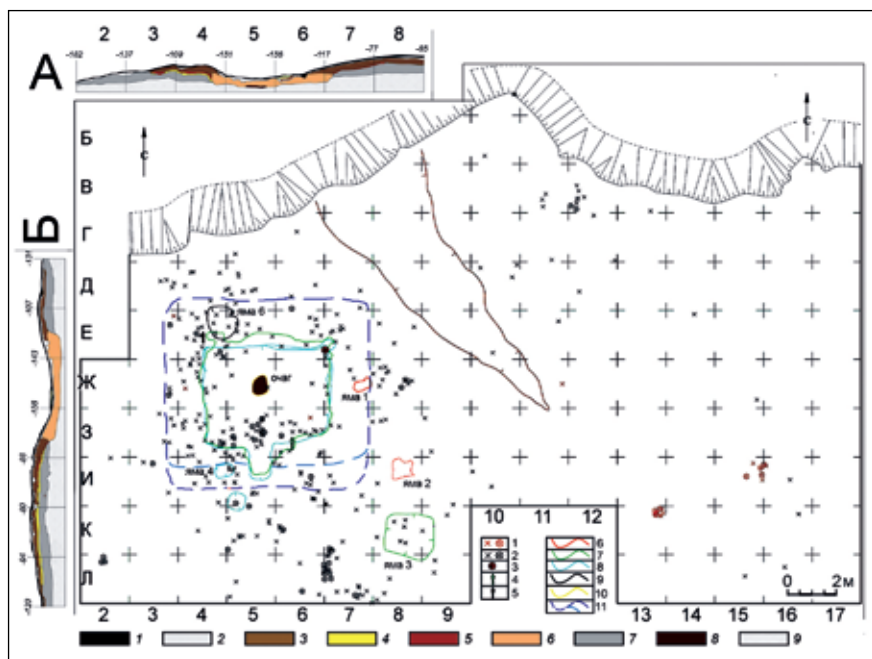

Ил. 2. Поселение Ахтымья 1. План

(ил. 2, 3). С северной стороны площадка раскопа ограничена обрывом. Для фиксации стратиграфии были оставлены две взаимно перпендикулярные бровки шириной 0,5 м, разделившие котлован на 4 сектора. Ещё одна бровка проходила с севера на юг по линии 13.

Выборка слоя в раскопе производилась тонкими горизонтальными срезами с выведением участков на одну глубину. Через каждые 5–10 см снятого слоя проводилась зачистка поверхности раскопанной площади. За условный ноль был принят временный репер, установленный на

Ил. 3. Поселение Ахтымья 1. План раскопа.

Условные обозначения: 1 — фрагменты и скопления кульминской керамики; 2 — фрагменты и скопления кулайской керамики; 3 — изделие из сланца; 4 — бронзовый наконечник стрелы; 5 — железный наконечник стрелы; 6 — фиксации на гл. —130 см; 7 — фиксации на гл. —150 см; 8 — фиксации на гл. —160 см; 9 — фиксации на гл. —170 см; 10 — фиксации на гл. —190 см; 11 — реконструированные границы наземной части жилища. А — профиль северной стенки уч. 3/2–8; Б — профиль западной стенки уч. Д–Л/6. Стратиграфия: 1 — лесная подстилка; 2 — бело-серая супесь (подзол); 3 — жёлто-бурая ожелезнённая супесь (выкид из котлована); 4 — белая супесь (погребённый подзол); 5 — коричневая ожелезнённая супесь (погребённая почва); 6 — серо-розовая ожелезнённая супесь (заполнение котлована); 7 — серо-белая оподзоленная супесь (культурный слой); 8 — бурая супесь (очажный слой); 9 — желто-белая супесь с прослойками ожелезнения (материк)

сосне, от которого осуществлялся отсчёт нивелировочных отметок поверхности и глубин. Поэтому все они имеют отрицательные значения. Фиксация очертаний археологических сооружений в плане проводилась через 10 см (при необходимости — через 5 см), поквратно, с использованием цифрового фотоаппарата (так же, как и фиксация профилей или стратиграфии). Полученные фотографии в дальнейшем обрабатывались компьютерной программой, и на их основании составлялись планы и разрезы сооружений. Верхний уровень фиксации находился на глубине —120 см от условного 0, нижний — на глубине —190 см. Таким образом, в процессе работ были составлены планы на 8 условных горизонтах. При работах в 2004 г. была проведена полная замена системы фиксации планиграфии и стратиграфии сооружений, планиграфии находок, проводившейся до того вручную с занесением на миллиметровку, — на новую, с использованием совмещённой с теодолитом электронной рулетки, фотоаппарата и компьютерных технологий. Это резко сократило трудозатраты и позволило выполнить запланированный объём работ при индивидуальной фиксации находок, число которых составило 4848 экземпляров.

Уровень дневной поверхности вокруг котлована составлял примерно —120 см от условного 0. Обваловка достигала высоты 0,4 м, а дно впадины находилось на отметке —164 см, то есть глубина этого объекта составляла ок. 44—45 см от уровня окружающей поверхности.

После снятия дёрна и оподзоленного горизонта на площадке раскопа хорошо прослеживались углубленные очертания археологических сооружений и ям. Центральную часть раскопа в направлении с юго-востока на северо-запад пересекала современная сильно размытая бульдозерная траншея шириной до 5 м. В северной части она доходила до обрыва. Культурный слой прослеживался практически по всей площади раскопа, однако его мощность уменьшалась от 0,4 м в северо-западной части до нескольких сантиметров в южной и восточной частях раскопа. По цветности он мало отличался от жёлто-серой материковой супеси. Кроме того, в верхних горизонтах культурный слой был сильно оподзолён, а в иллювиальном горизонте ожелезнён. К сожалению, погребённый подзол и наземная часть жилища в плане не были зафиксированы. Более чётко наблюдались очертания котлована археологического сооружения и ямы, имевшие в заполнении тёмно-серый и коричнево-жёлтый слой.

Котлован жилища, выявленный в участках Е—И/4—7, имел подпрямоугольную форму, размеры ок. 5,0х4,3 (в придонной части

4,7х4,2—4,0) м и был ориентирован длинной стороной по оси запад — восток (ил. 3—5). Он был заполнен коричнево-жёлтой супесью, хорошо фиксировавшейся на фоне жёлто-серой материковой супеси. С южной стороны котлована наблюдался коридорообразный выход длиной 1,5 м и шириной до 1,0 м, заполненный серой супесью (уч. З—И/5). Верхние границы впадины, образовавшейся на месте котлована, были зафиксированы практически под дёрном, на отметках от —110 до —120 см. Вокруг них слой был оподзолен. На глубине от —113 до —118 см (с западной стороны) современный подзол сменился жёлто-бурой ожелезнённой супесью — выкидом из котлована жилища, перекрывавшим древний подзол, залегавший на серо-белой оподзоленной супеси на уровнях от —100 (с южной стороны) до —147 см (с западной). С восточной и северной сторон погребённый подзол отсутствовал. В первом случае его заменяла прослойка коричневой ожелезнённой супеси (древняя почва), во втором выкид из котлована лежал сразу на серо-белой оподзоленной супеси — культурном слое эпохи бронзы. Учитывая, что вокруг котлована, в основном выше серо-белой супеси, на погребённой почве (подзоле) обнаружено большое количество черепков от кулайских сосудов эпохи раннего железа, аналогичных фрагментам керамики из заполнения и со дна котлована, логично

Ил. 4. Поселение Ахтымья 1. Раскоп и котлован жилища на гл. —150 см. Сн. с юго-востока

предположить, что они находились в неуглубленной части постройки и что стены жилища отстояли от границ котлована примерно на 2 (с западной и южной сторон) — 2—3 м (с северной и восточной). В этом случае размер жилища был примерно 8,5—10,0х7,5—9,0 м. Однако абсолютизировать эту ситуацию нельзя, так как развалы кулайских сосудов расчищены и в 3—6 м к востоку, югу и юго-западу и в 11 м к востоку — северо-востоку от котлована. Возможно, стены постройки были наклонными, а сам дом имел форму усечённой пирамиды. При разрушении жилища выкид из котлована, формировавший обваловку стен с внешней стороны, перекрыл наземную часть постройки, в том числе нары. Коридорообразный выход либо не выдавался за пределы стен, либо выступал незначительно.

Последние фиксации очертаний котлована выполнены на уровне —190 см, а пол находился на отметках от —200 до —205 см. Таким образом, глубина котлована составляла 0,55—0,95 м от уровня погребённой почвы. Пол жилища плавно понижался к центру, где на глубине от —194 до —204 см зафиксирована овальная линза

Ил. 5. Поселение Ахтымья 1. Котлован жилища на гл. —170 см. Сн. с севера — северо-запада

бурого цвета размером 0,6х0,8 м, толщиной 0,06—0,07 м, ориентированная по оси север — юг — остатки очага (уч. Ж/5). Она содержала мелкие угольки и кальцинированные косточки животных. Следов конструкций стен и перекрытия котлована не зафиксировано.

В кв. И/4—5 на глубине от —150 до —160 см, в 0,6 м к западу от входа в жилище зафиксированы очертания овальной ямы 4 (ил. 3, 4). Её размеры 0,8х0,5 м, глубина до 0,25 м, ориентация с востока — северо-востока на запад — юго-запад. Заполнение — темно-серая супесь. На этой же глубине, в 0,7 м к югу от нее, на уч. И—К/5, выявлены очертания ямы 5 овальной формы, размером 0,7х0,6 м, глубиной до 0,2 м. Яма ориентирована по оси север — юг, в заполнении её северной части коричнево-серая супесь с углем, в южной — серая супесь. Не исключено, что обе ямы связаны с конструкцией жилища (входа).

В раскопе также зафиксированы очертания 17 ямок от столбов (?). Наибольшее их скопление наблюдалось в кв. Е/7, Е/8, Ж/7—8, к востоку от очертаний котлована и к северо-западу от ямы 1. Ямки округлой формы, диаметром от 0,06 до 0,30 м, глубиной от 0,05 до 0,20 м, в их заполнении — серая супесь.

Постройки, подобные раскопанной на Ахтымье 1, характерны для кулайских поселений. В большом количестве они зафиксированы в Сургутском Приобье, в том числе на Барсовой горе⁵. Но, в отличие от сургутских жилищ, сооружение на Ахтымье не было окружено внешними ямами. По-видимому, грунта, вынутого из котлована, хватило для утепления постройки (создания внешней обваловки). Близкие жилища выявлены и в Нарымском Приобье, в том числе на Степановских городище и поселении, на поселении Малгет⁶, а также в Барабинской лесостепи⁷.

С северной стороны котлован частично прорезал яму 6, очертания которой прослеживались с глубины —150 см (уч. Д—Е/4—5). Яма округлой формы, диаметром 1,5 м в верхней части и ок. 1,0 м в придонной, глубиной до 0,4 м (ил. 3, 5). На дне найден череп собаки (или волка), кости других животных, а также развалы нескольких лозьвинских сосудов.

На уч. Ж/7 в 1 м к востоку от котлована жилища на глубине от —130 до —140 см зафиксированы очертания ямы 1 подпрямоугольной формы, ориентированной по оси северо-восток — юго-запад, размером 0,7х1,3 м, глубиной до 0,3 м. В её заполнении — серая супесь. В кв. 3—И/8 в 2,5 м к югу от ямы 1, на глубине от —130 до —140 см выявлены очертания ямы 2. Она имела аморфную форму, размеры 0,5х0,6 м,

глубину до 0,2 м; в заполнении — тёмно-коричневая углистая супесь. Обе ямы, очевидно, не имеют отношения к жилищу.

В кв. К/8—9 в 1,8 м к югу от ямы 2 отмечены очертания ямы 3, углубление от которой прослеживалось ещё на поверхности (ил. 3). На уровне —150 см её очертания приобрели подпрямоугольную форму, размер 1,5—1,9х2 м. Яма ориентирована по оси запад — восток, её глубина — до 0,4 м, заполнение — коричневая ожелезнённая супесь. В верхней части заполнения найдены обломки лозьвинских и кулайских сосудов. Последние залегали ниже и в большем количестве, зато лозьвинские значительно преобладали вокруг ямы, куда попали, по-видимому, при оплывании её стенок. Поэтому яму 3 следует датировать кулайским периодом.

Судя по материалу, главным образом керамике, впадина осталась от жилища кулайской археологической культуры. Но вокруг котлована, чуть ниже уровня залегания кулайской керамики и под погребённым подзолом, была собрана представительная коллекция лозьвинской керамики (по шейкам выделено более 150 сосудов)⁸. Есть все основания полагать, что кулайская постройка была сооружена либо на месте наземного лозьвинского жилища, либо (что более вероятно) на месте котлована слегка углубленного дома, разрушив его остатки. Границ последнего зафиксировать не удалось, однако по легкому прогибу основания серо-белой оподзоленной супеси и по концентрации лозьвинской керамики можно предположить, что размер лозьвинской постройки был примерно 11,7—12,0х10,0 м, и она была углублена на 0,1—0,2 м от уровня древней поверхности. Следует отметить также наличие в коллекции этого памятника немногочисленных обломков энеолитических сосудов и горшков кульминского типа раннего железного века, однако каких-либо объектов, связанных с ними, выявить не удалось.

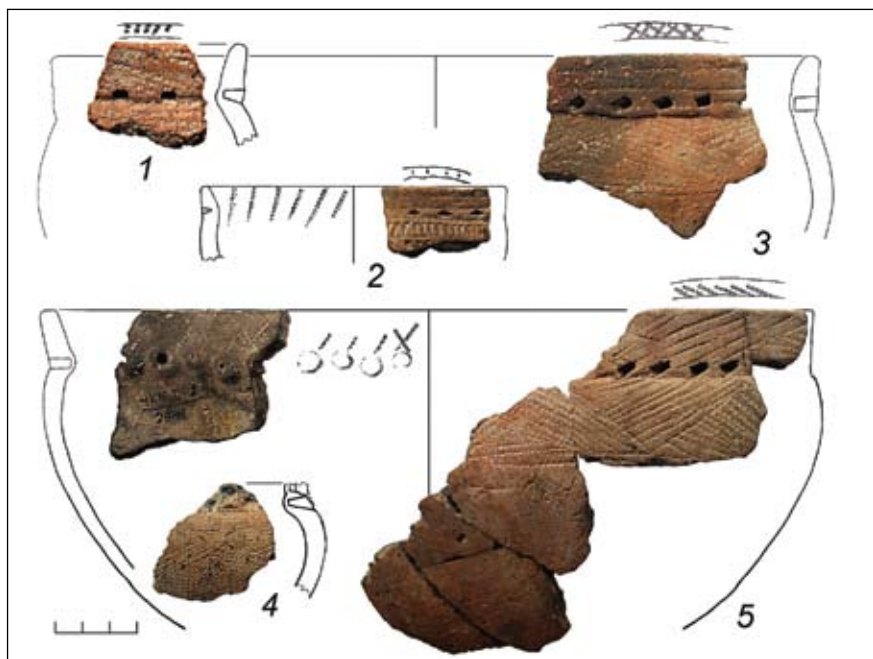
Керамическая коллекция эпохи раннего железа представлена двумя культурными типами. К раннему (белоярско-васюганскому) этапу относятся 96 фрагментов от 5 сосудов кульминского типа (ил. 6). В раскопе они концентрируются в кв. И/15 и К/13 двумя компактными скоплениями. Сосуды представляют собой котловидные круглодонные ёмкости с короткой вертикальной или слабо отогнутой наружу шейкой и ярко выраженными плечиками. Венчики уплощенные или округлые. Толщина стенок 6,5—7,0 мм, и только у одного сосуда до 8,2 мм. Поверхность их хорошо заглажена (возможно, тканью). С внешней стороны она замята так, что выступают зерна примеси, затрудняя прочтение орнамента. В глине примесь шамота и мелкого песка. У четырёх

сосудов изнутри сохранился пригар. Орнамент наносился мелким гребенчатым штампом в технике прокатывания, по одному случаю — коротким гладким штампом и мелким косым крестом. Украшались венчики, шейки и плечики, нижняя часть ёмкостей не орнаментировалась. Узоры на венчиках представлены наклонными оттисками штампа или косой сеткой. Шейки орнаментировались горизонтальными линиями или зонами из взаимопроникающих заштрихованных треугольников. В основании шеек всегда присутствует разделительный поясok из одинарных или сдвоенных ямок, преимущественно подпрямоугольных (в одном случае — вытянуто-эллипсоидных или семечковидных). Плечики украшены зонами из взаимопроникающих заштрихованных треугольников, горизонтальными линиями и поясками из вертикальных оттисков гладкого или гребенчатого штампа.

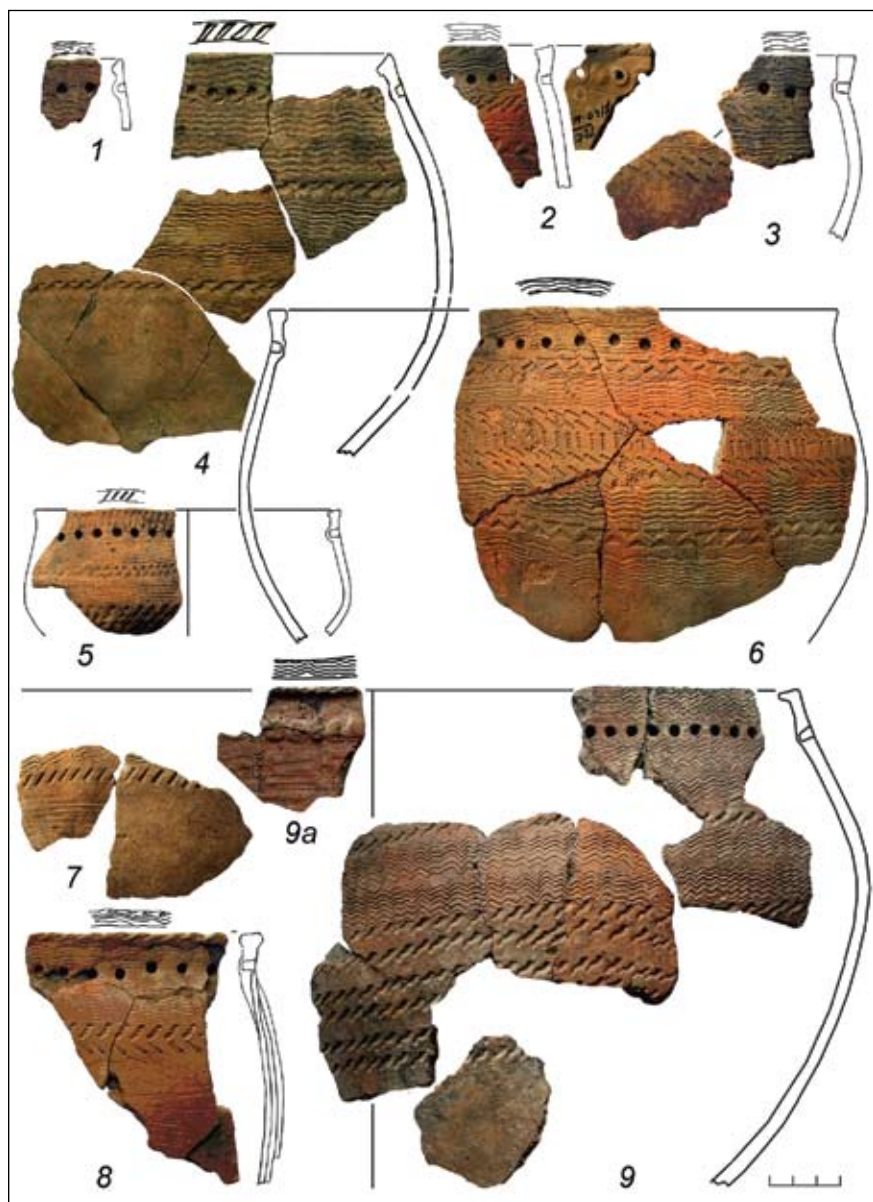
Судя по локальной концентрации и малому числу сосудов, они отражают непродолжительную стоянку небольшого промыслового кульминского коллектива.

Верхние части минимум от 77 сосудов датируются кулайским этапом раннего железного века (ил. 7 — 14). Ещё ок. 30 сосудов представлены

Ил. 6. Поселение Ахтымья 1. Керамика кульминского типа

Ил. 7. Поселение Ахтымья 1. Кулайская керамика, 1-я орнаментальная группа, подгруппа 1а

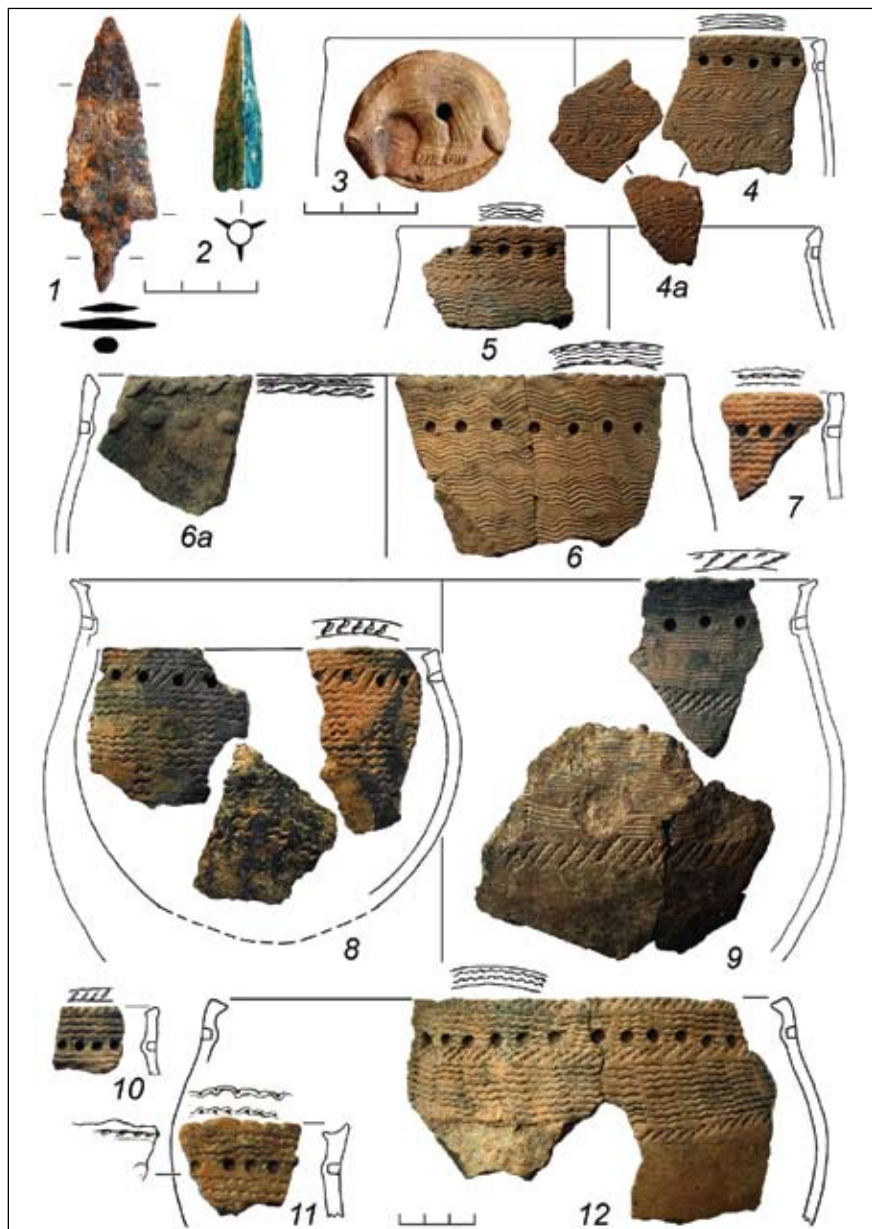

орнаментированными стенками. Это круглодонные ёмкости котловидной и горшковидной (с короткой шейкой) формы. Поддоны отсутствуют. Венчики преимущественно скошены внутрь, иногда с ярко выраженными карнизиками (52 экз. = 70,3 %). Реже встречаются уплощенные (16 экз. = 21,6%) и единично — приострѐнные, закруглѐнные и скошенные наружу. Толщина стенок 4,0—8,5 мм (в зависимости от размеров ёмкостей), в среднем же 5,0—6,0 мм. Зона под орнаментом часто тщательно заглаживалась, на остальной поверхности — как снаружи, так и изнутри — заметны штрихи и расчёсы от щепы или гребенчатого штампа. В глине преобладает примесь песка (в основном мелкозернистого). Нередки включения мелких галечек размером до 6,0х4,0х3,5 мм, изредка отмечены зѐрна шамота. На стенках многих сосудов присутствует нагар и пригар.

Орнамент на посуде зональный; состоит в основном из горизонтальных поясков разнонаклонных оттисков штампов, а также многорядовой проташенной гребенки. Применялись разные варианты гребенчатого штампа (короткий, средний, с прямыми или косыми мелкими или крупными зубцами); орнаменты в виде уточки, птички (редко), змейки; в двух случаях отмечены мелкие треугольные штампы. Часто для орнаментации одного сосуда использовались 2 штампа. Украшались венчики и верхняя часть ёмкостей (шейки и плечики). Иногда узор переходил на верхнюю часть тулова. Есть горшки без орнамента. Обязательным элементом являлся разделительный пояс из горизонтального ряда округлых ямок, расположенный на переходе от шейки к плечу, под венчиком сосудов. Ямки глубокие, образующие «жемчужины» с внутренней стороны. Иногда эти «жемчужины» чуть сплющивались, в нескольких случаях на них сохранились отпечатки пальцев. Единичны случаи, когда ямки располагались в два ряда — в шахматном порядке или в виде треугольных фигур. Также редки «жемчужины» с внешней стороны, при этом они могли быть перечѐркнуты насечками или ногтевыми вдавлениями. Венчики обычно украшались наклонными (реже вертикальными / поперечными) оттисками гребенчатого, гладкого, уточковидного или змейкообразного штампов, продольной многорядовой волной.

В целом единый керамический комплекс можно разделить на несколько групп, положив в основу этого деления использовавшиеся орнаменты:

- 1-я группа — ёмкости, украшенные фигурными штампами;
- 2-я группа — ёмкости, для декорирования которых использованы только гребенчатые штампы;
- 3-я группа — сосуды лишь с рядом ямок по верху.

Ил. 8. Поселение Ахтымья 1. Вещи: 1, 2 — наконечники стрел; 3 — сланцевая модель (?). Кулайская керамика, 1-я орнаментальная группа: 4—6, 9 — подгруппа 1а; 7, 8, 10—12 — подгруппа 1б.

1 — железо, 2 — бронза, 3 — камень, остальное — глина

Условность такого деления очевидна уже потому, что многие сосуды украшались двумя и даже тремя инструментами. Тем не менее эти группы облегчают сравнение данного комплекса с коллекциями других памятников. В 1-й группе, исходя из применявшихся штампов, можно различить три подгруппы.

— Подгруппа 1а — сосуды, украшенные многорядовыми волнистыми поясками, выполненными протасенной гребённой (примерно 14 сосудов, ил. 7; 8 — 4–6, 9). Эти пояски часто сочетаются с рядами оттисков гребенчатого штампа, реже штампа в виде уточки и единично — в виде птички и змейки. У двух сосудов в композицию включены пояски из взаимопроникающих оттисков треугольного штампа с зубчатым оформлением края (ил. 7 — 2, 6).

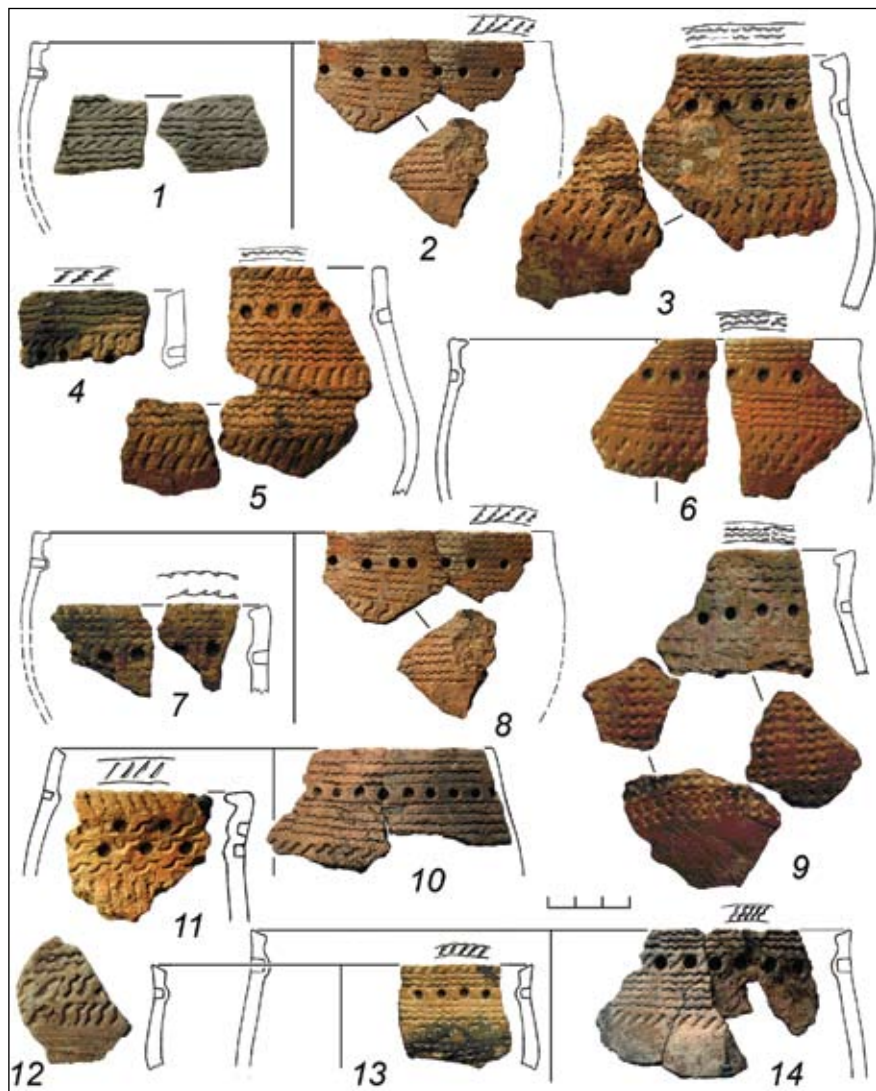
— Подгруппа 1б — сосуды, украшенные штампом в виде змейки или птички, также нередко сочетающимися с гребенчатым и чеканами в виде уточки (около 30 экземпляров, ил. 8 — 7, 8, 10–12; 9 — 1–10, 12–14; 10 — 1–3, 5–10).

— Подгруппа 1в — примерно 15 сосудов, узоры на которых нанесены штампом в виде уточки (ил. 9 — 11; 10 — 4, 11–15; 12 — 4–5). Но и здесь в орнаментальных композициях нередко присутствуют оттиски гребенчатого штампа.

Посуда, украшенная преимущественно гребенчатым штампом, образует группу 2 — ок. 25 экз. (ил. 11; 12 — 2–3, 6; 13 — 2–4, 8). Как правило, гребенчатые чеканы короткие, из 4–5 зубцов, но есть и более длинные. Сюда же вошли фрагменты, орнаментированные мелкоструйчатым и гладким штампами (ил. 11 — 3, 13). Иллюзию мелкоструйчатого создает и косо поставленный гребенчатый штамп (ил. 11 — 8).

В группу 3 объединены обломки примерно 10 ёмкостей, декорированных лишь рядом ямок на переходе от шейки к плечу (ил. 12 — 1; 13 — 1, 5–7, 9–11).

В данную статистику включены и сосуды, сравнимые с синдейскими (ил. 12 — 7–9; 14). Среди них 2 фрагмента, украшенные оттисками шнура. Это шейка, орнаментированная жемчужинами и подковообразными оттисками, и небольшой обломок стенки, узор на котором состоит из волнистых и двойных параллельных линий (ил. 14 — 2–3). Шнуровой орнамент встречается на посуде синдейских памятников, в первую очередь из бассейна Конды и Нижней Оби. Синдейскими можно признать сосуды с высокой хорошо профилированной шейкой, а также с короткой дуговидной шейкой и скошенным внутрь венчиком. Они украшены преимущественно гребенчатым штампом, жемчужины в разделительном пояске иногда перечеркнуты ногтевыми вдавлениями,

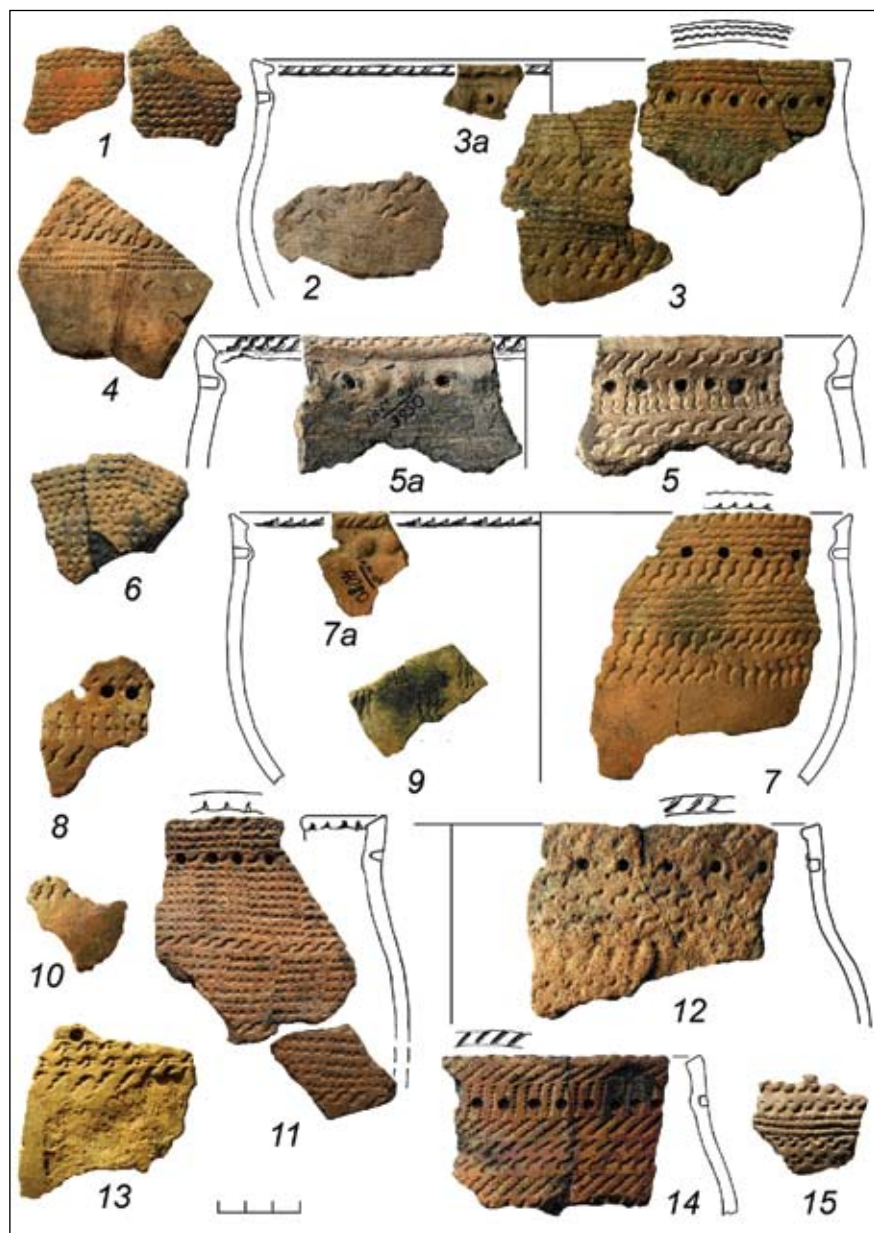
Ил. 9. Поселение Ахтымья 1. Кулайская керамика, 1-я орнаментальная группа: 1–3, 5–9, 12–14 – подгруппа 1б; 4, 10, 11 – подгруппа 1в

оттисками гладкого или гребенчатого штампа (ил. 12 — 7–8; 14 — 1, 8, 12). Похожие горшки найдены при раскопках на городище Большая Умытья 36⁹ и Ендырском VIII поселении¹⁰. Несколько сосудов с высокой профилированной шейкой, украшенные гребенчатым штампом, близки кашинским (ил. 12 — 2–3, 6, 9). Они встречаются и в синдейских комплексах, что свидетельствует, по мнению В.Д. Викторовой, о кашинском участии в их генезисе. Анализ распределения синдейских сосудов на Ахтымье 1 показывает, что они залегали вместе с кулайскими как внутри постройки, так и за её пределами.

Культурный тип ряда ёмкостей трудно определить — они не выглядят чужеродными ни в кулайских, ни в синдейских, ни в кашинских комплексах (ил. 12 — 2–3, 6, 9; 13 — 8). Возникает вопрос: появление их в жилище — результат контактов с синдейским населением или свидетельство формирования местного варианта кулайской археологической культуры на синдейской основе? У меня пока нет ответа на него. Присутствие синдейской керамики на кулайских памятниках и наоборот неоднократно фиксировалось в Кондинском крае и Нижнем Приобье. Сегодня наиболее изученным поселенческим памятником синдейского типа можно считать Ендырское VIII в Нижнем Приобье, где А.П. Зыковым и С.Ф. Кокшаровым раскопан поселок из 7 наземных и слегка углубленных построек. Авторы отмечают наличие в коллекции кулайских (саровских) и ярсалинских сосудов¹¹. На городище Неушья 1.1 зафиксированы остатки жилища 2 кулайской культуры, разрушившего котлован постройки 3 с синдейскими материалами¹², то есть более позднее стратиграфическое положение кулайских древностей.

Наиболее близки кулайскому керамическому комплексу Ахтымья 1 коллекции селищ Барсова Гора I/21, Барсова Гора IV/3, Мильтон-Ягун 5, городищ Барсов Городок I/4, Барсов Городок I/5, Нёухьяун 2¹³. Они относятся к поздней стадии одноименной культуры Сургутского Приобья, синхронной саровскому этапу кулайской археологической культуры Нарымского Приобья¹⁴. Значительную близость ахтымьинским демонстрируют и сосуды сперановского этапа Барабы, в первую очередь, групп I и III¹⁵. К сожалению, отсутствие полных публикаций керамических коллекций большинства кулайских памятников не даёт возможности детального сравнения кондинских находок с материалами из других регионов. Сегодня в ареале кулайской культурно-исторической общности выделены нарымский, сургутский, томский и новосибирский варианты культуры, сперановский этап потчевашской культуры (= среднеиртышской культуре), фоминская и усть-полуйская

Ил. 10. Поселение Ахтымья 1. Кулайская керамика, 1-я орнаментальная группа: 1–3, 5–10 — подгруппа 1б; 4, 11–15 — подгруппа 1в

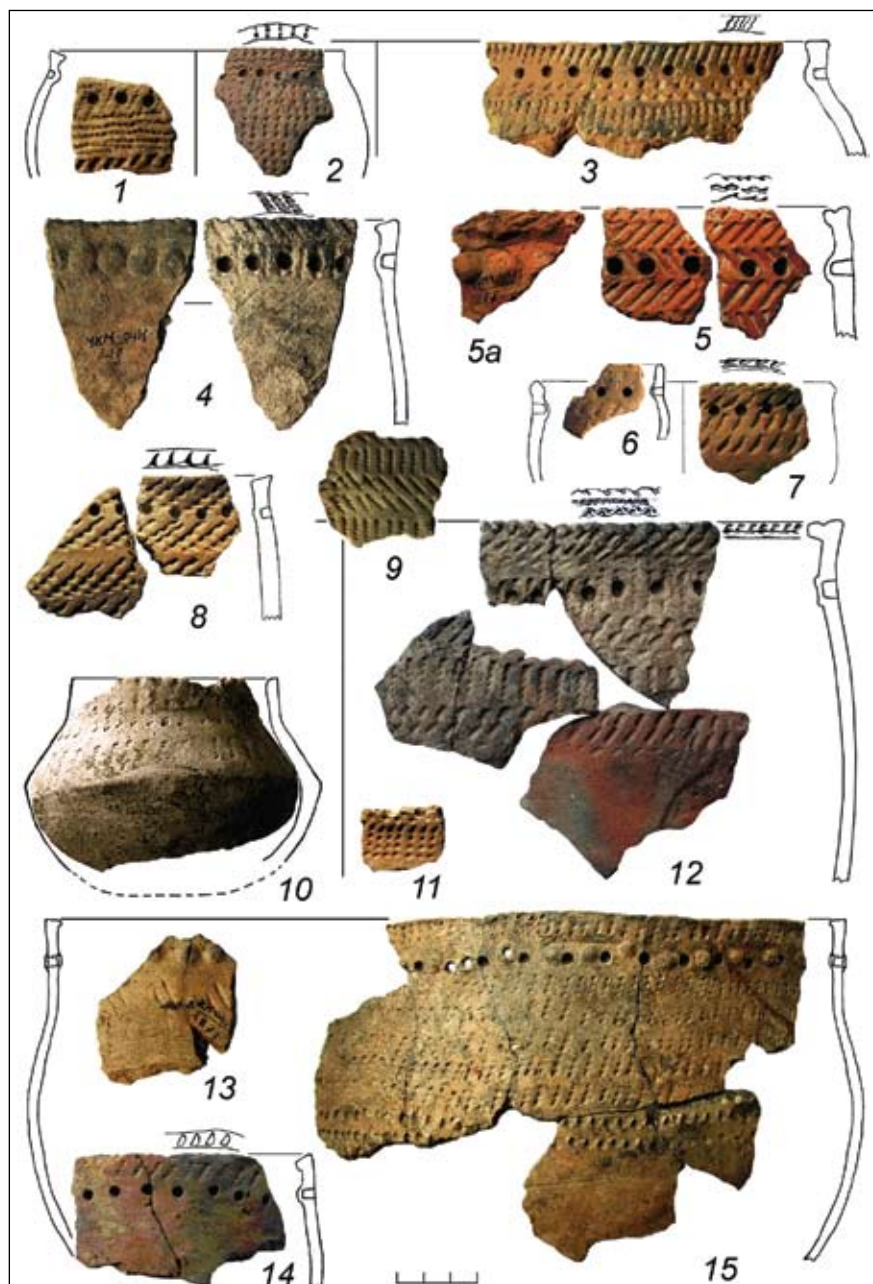
культуры. Полагаю, что локальные варианты (по крайней мере, часть из них) в действительности представляют собой самостоятельные культуры, аналогично тому, как сегодня выделяются отдельные культуры в границах древнеямной, катакомбной, андроновской и других культурно-исторических общностей. Не исключено, что кулайские древности в бассейне р. Конды также являются особой культурой, во многом близкой сургутской кулайской культуре, но имеющей местное происхождение. Основания для такой гипотезы есть, однако подтвердить или опровергнуть её могут только дальнейшие раскопки, а также публикация уже исследованных в регионе кулайских и предкулайских (кульминских и синдейских) памятников. Подобную точку зрения, кроме автора, высказывали А.В. Расторопов и Ю.В. Кениг, правда без особых доказательств¹⁶. Оригинальными чертами керамики Ахтымья 1 представляются использование оттисков шнура и некоторое сходство с синдейской посудой¹⁷, что, возможно, связано с участием синдейского населения в генезисе кулайской культуры в бассейне Конды.

В материалах поселения Ахтымья 1 также присутствуют два изделия из металла.

1. *Наконечник стрелы, бронза, литьё* (ил. 8 – 2). Высота наконечника 4,6 см, внешний диаметр насада 0,7 см, внутренний — 0,6 см, ширина лопасти 0,5 см. Наконечник трёхлопастной, втульчатый. Перо башнеобразной формы. Лопасты симметрично расположены друг к другу под углом 120° и плавно закругляются к основанию. Втулка скрытая, на ней — литейная пура. Относится, по Л.А. Чиндиной, к варианту «В» группы 2 кулайских наконечников, существовавших в основном в промежутке с IV по II в. до н. э.¹⁸ Однако новые находки показывают, что они бытовали дольше.

Близкий по форме наконечник обнаружен на селище Зеленая Горка в Нижнем Приобье. Оно содержало разновременный материал, но, по мнению В.Н. Чернецова, наконечник залегал в слое с усть-полуйской керамикой¹⁹. В.Н. Чернецов отнёс его к ключевскому («лесостепному или, по крайней мере, южнолесному») типу. Похожий наконечник, но меньших размеров найден на поселении Кедровая 2, предварительно датированном I-й стадией кулайской культуры в Сургутском Приобье (III—I вв. до н. э.). Из объекта 3 этого памятника получена радиоуглеродная дата — 2100±150 BP (SPb-336)²⁰.

2. *Наконечник стрелы, железо,ковка* (ил. 8 – 1). Наконечник плоский, черешковый, с упором (уступом) для древка, с пером треугольной формы и прямыми плечиками. Его общая высота 7,2 см,

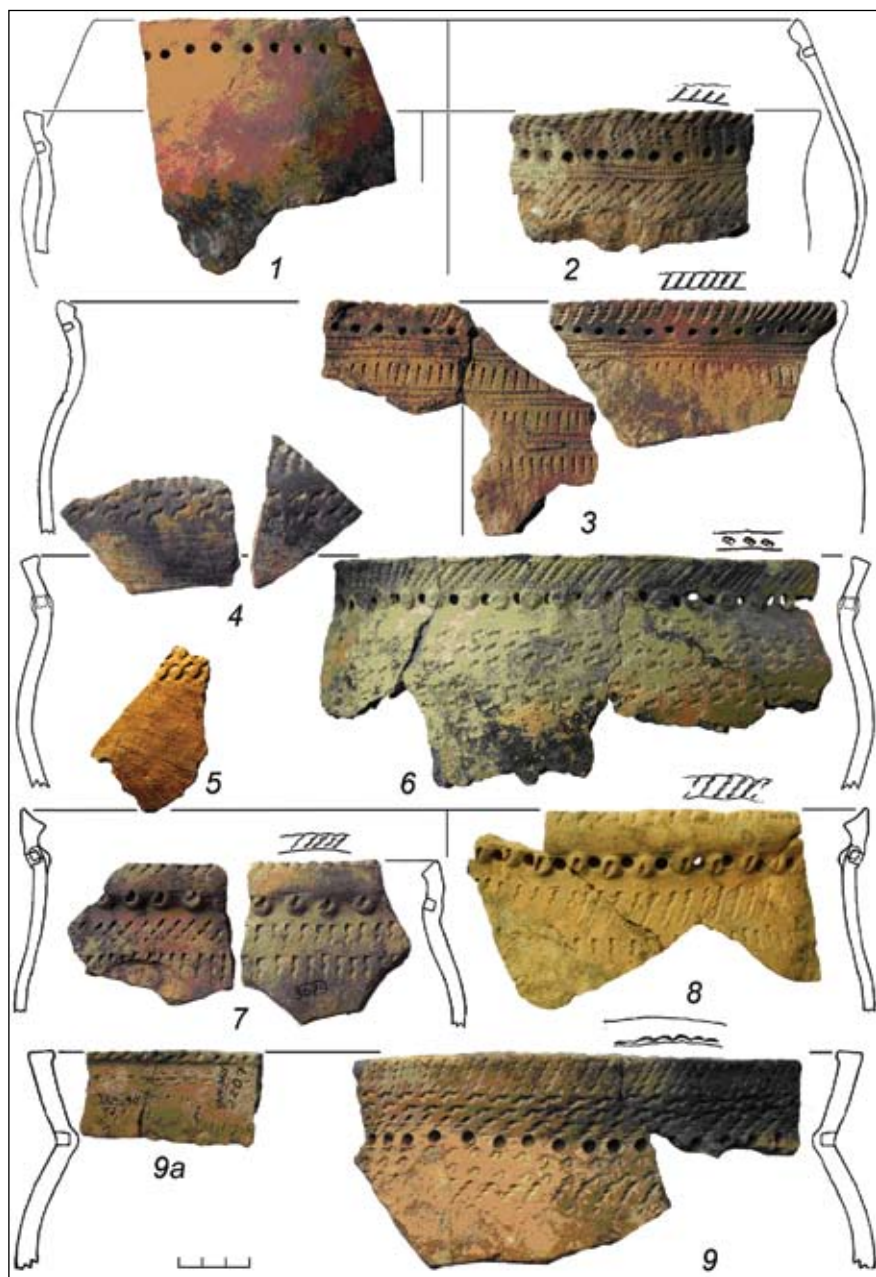

Ил. 11. Поселение Ахтымья 1. Кулайская керамика, 2-я орнаментальная группа

высота пера 5,2 см, высота насада 2 см. Железных наконечников в кулайской культуре известно немного. Близкими, но не аналогичными, являются находка на территории Шеркалинского могильника и некоторые наконечники из Парабельского культового места²¹. Последние имеют слегка опущенные плечики (подромбическую форму пера), и у них отсутствует уступ на переходе к черешку. Ещё ближе ему наконечник из Айдашинской пещеры²², отличающийся более коротким пером и длинным черешком²³. Аналогичные, но более крупные наконечники (длиной до 10 см) входят в состав коллекции П.Э. фон Баэра со Средней Печоры, представляющей, по мнению Г.М. Бурова, урьинский хронологический горизонт — кон. VIII—IX в.²⁴ Возможно, с этим же собранием связана и коллекция в Историческом музее Эстонии, датированная ломоватовским временем²⁵. В этой связи следует отметить, что культовое литьё из данного собрания находит некоторые параллели среди приуральской и северо-западносибирской металлопластики не только раннего Средневековья, но и конца эпохи раннего железа (перв. трети I тыс. н. э.). Так, трёхрогие антропоморфные личины и фигуры, сравнимые с печорскими, известны в кулайской и усть-полуйской культурах²⁶. Таким образом, предлагаемая Г.М. Буровым дата далеко не однозначна — в ней могут находиться и более ранние вещи; к тому же нам осталось неизвестным, собрана коллекция на одном месте или сформирована из разных памятников (к сожалению, ни первоисточник, на который ссылается Г.М. Буров²⁷, ни сама коллекция нам оказались недоступны). По форме пера, прямым плечикам и уступу на переходе к черешку наконечник стрелы из Ахтымья можно рассматривать как прототип наконечников «с трёхлопастным пером удлинённо-треугольного контура, трёхлопастной шейкой и круглым в сечении черешком» из Холмогорского клада, датируемого III—IV вв.²⁸

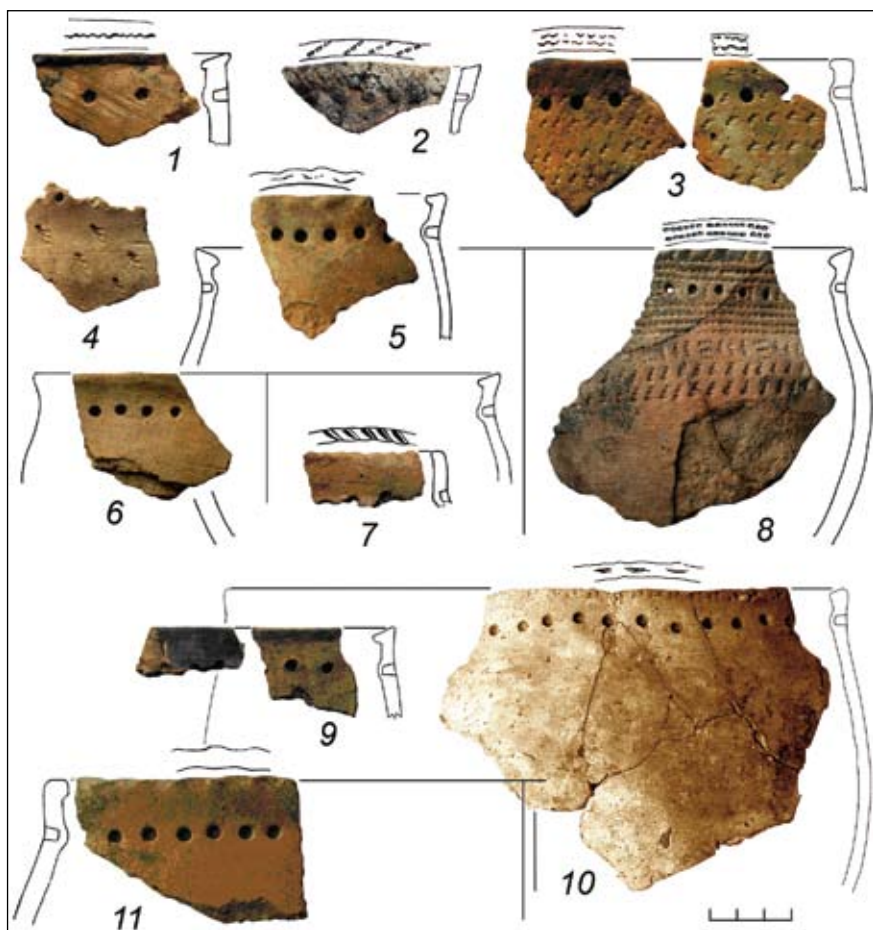
В коллекции присутствует оригинальное изделие, имеющее полусферическую форму и изготовленное из глинистого сланца с применением металлических орудий (ил. 8 — 3; 15 — 2). Плоская лицевая сторона имеет форму овала размером 4,5х3,8 см. На ней вырезан барельеф зверька (возможно, соболя). В центре поделки — отверстие диаметром 4 мм. Назначение предмета неизвестно. Изделие было найдено в придонной части заполнения жилища, соотносимого с кулайским комплексом, и, вероятно, также относится к эпохе раннего железа. Этому не противоречит датировка аналогий. Изображение сопоставимо со скульптуркой на бронзовых ножнах — случайной находке из Яр-Сале (Ямал), датируемой II—III вв. (ил. 15 — 14)²⁹. Известна серия бронзовых

Ил. 12. Поселение Ахтымья 1. Керамика кулайского (?) (1–5) и синдейского (6–9) типов

прямоугольных пластин-накладок, аналогичных «медвежьим», но с изображениями кунных (ил. 15 — 1, 3–13). Одна из них происходит из Усть-Абинского могильника фоминской культуры, датируемой III–IV вв. (ил. 15 — 12)³⁰. Близкую дату имеет пластина из Ишимской коллекции (ил. 15 — 11)³¹. Остальные являются случайными находками. Накладка, найденная в Пермском крае у с. Филатово (Белошейка) Ильинского р-на, датирована В.А. Обориным VIII–IX вв. (ил. 15 — 1)³². Эта дата, основанная, вероятно, на сходстве пластины с так называемыми медвежьими пластинами (с изображениями головы медведя между лап, в ритуальной позе) из Прикамья, кажется завышенной. Ещё 9 накладок

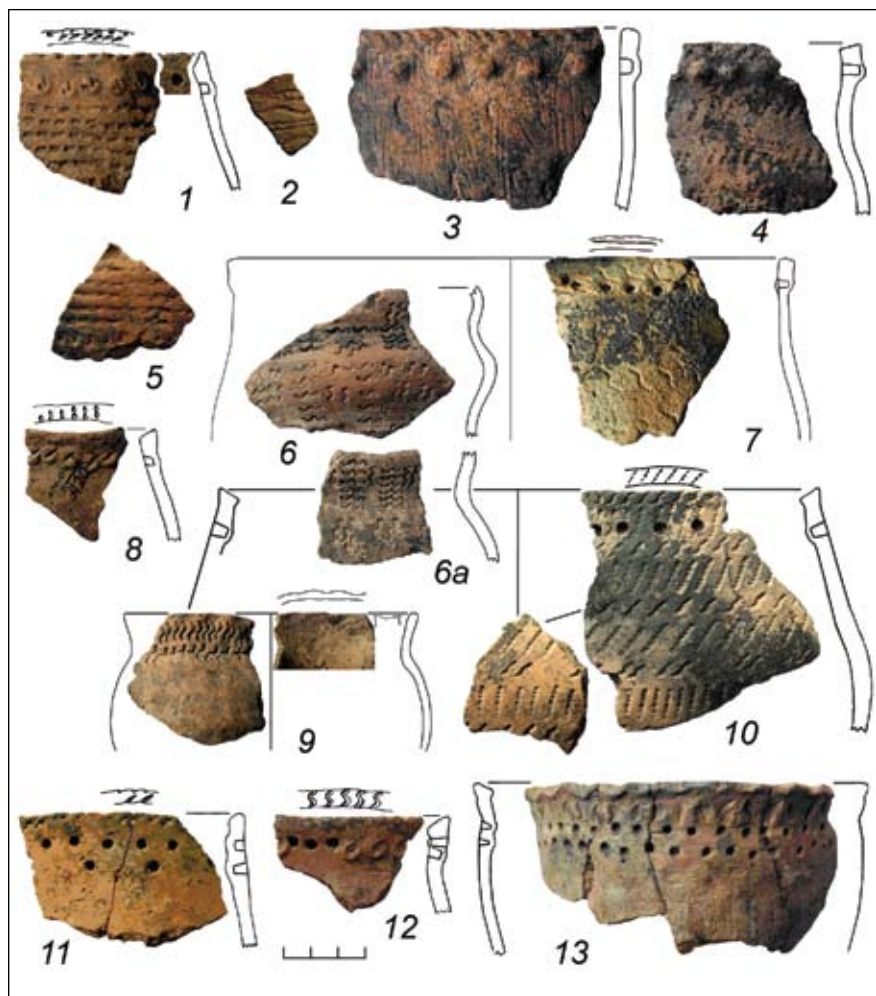

Ил. 13. Поселение Ахтымья 1. Кулайская керамика: 2–4, 8 — 2-я орнаментальная группа; 1, 5–7, 9–11 — 3-я орнаментальная группа

происходят из грабительских раскопок последнего десятилетия на севере Свердловской области и в ХМАО — Югре. Предположительно, одна из них найдена на кулайском святилище рубежа эр — нач. I тыс. на Барсовой горе (ил. 15 — 6).

Различаются две основные иконографии кунных — с головой в профиль и с головой в фас, обе с двумя вариантами. В одном варианте голова и ноги зверей направлены под небольшим углом вперед, в другом — назад. Практически на всех предметах у зверьков в основании лап обозначены «браслеты». Вдоль длинных сторон ишимской

Ил. 14. Поселение Ахтымья 1. Керамика синдейского типа

Ил. 15. Образ соболя в пластике раннего железного века Урала и Западной Сибири: 1 — д. Филатово (Белошейка) на территории современного Пермского края; 2 — поселение Ахтымья 1; 3 — север Свердловской обл.; 4, 9 — р. Вагиль в Свердловской обл.; 5, 7, 8, 10, 13 — ХМАО (?); 6 — святилище Барсов Городок I/9 (?); 11 — Ишимский клад; 12 — Усть-Абинский могильник; 14 — находка из Яр-Сале.

2 — сланец; остальное — бронза.

1 — по В.А. Оборину, Г.Н. Чагину; 4, 9 — по Б.А. Эренбургу; 3, 5–8, 10, 13 — с кладоискательских сайтов; 11 — по А.П. Ермолаеву; 12 — по Ю.В. Ширину

пластины проходит меандр; 6 накладок окаймлены псевдошнуром, у 5 — гладкое оформление края.

Допустимо функциональное тождество ахтымьинского изделия с моделями из глинистого сланца, найденными на городище-святилище Усть-Полуй³³. Эти модели, предположительно, служили для изготовления глиняных литейных форм³⁴, хотя есть и другие гипотезы.

Таким образом, наиболее вероятно, что кулайское поселение Ахтымья I представляло собой одиночное жилище с хозяйственными постройками (уничтоженными до начала раскопок и представленными рядом ям), подобное «посёлку из одного двора», раскопанному на Барсовой горе³⁵. Его предварительная датировка — перв. треть I тыс., то есть он характеризует начало последнего этапа развития кулайской культуры в Кондинском крае. Хронологически близко ему городище Старый Катыш, датированное А.В. Растороповым сер. II — I в. до н. э.³⁶ Однако и облик керамики, и найденные на памятнике вещи характерны для древностей нач. I тыс. н. э., а аргумент, что «к I в. до н. э. бронзовые наконечники стрел выходят из употребления»³⁷, сегодня представляется устаревшим. Судя по отчётам и публикации, указанному автору не удалось выявить конфигурацию и размеры объектов (зафиксированы лишь «углистые пятна», связанные с ними), его внутреннюю стратиграфию и хронологию (в частности, соотношение слоёв городища и святилища).

Заключительную же фазу кулайского этапа раннего железного века на Конде представляют древности с керамикой ярсалинского типа, сменяющиеся карымскими памятниками. И те, и другие известны в бассейне р. Конды. Ранняя стадия кулайского этапа представлена такими поселениями, как Новый Катыш IVa и Новый Катыш IVb³⁸.

Что касается кульминских материалов, обнаруженных на поселении Ахтымья I, то они, вероятно, отражают кратковременную стоянку охотников и рыболовов в начале эпохи железа. В бассейне Конды кульминская керамика известна в материалах более 70 поселений и местонахождений и характеризует первый этап раннего железного века в регионе³⁹. Кульминские древности во многом близки памятникам белоярской культуры в Сургутском Приобье, генетически связанным с сургутским вариантом кулайской культуры (сургутской кулайской культуры)⁴⁰. Это ещё один аргумент в пользу того, что в Кондинском крае мог сложиться местный вариант кулайской культуры. Материалы Ахтымья I будут способствовать решению этой проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор признателен А.Е. Цеменкову и ответственному исполнителю работ Е.М. Беспрозованному за предоставленную возможность опубликовать неизданные материалы.

² Бессмертных А.Н. Отчёт о НИР: Историко-культурная экспертиза (натурное обследование) историко-культурных объектов на участках строительства автодороги «Ст. Устье-Аха — г. Урай» (2002 г.). — Екатеринбург, 2002. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». Инв. № 4292. Д. 177.

³ Цеменков А.Е. Отчёт о НИР: Проведение спасательных археологических работ на поселении Ахтымья 1 в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — Екатеринбург, 2006. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Ф. 1. Оп. 3. Д. 67.

⁴ Обзор «О состоянии окружающей природной среды Ханты-Мансийского автономного округа в 1999 году». — Ханты-Мансийск: НПЦ «Мониторинг», 2000. — С. 30—31; Москвина Н.Н., Козин В.В. Ландшафтное районирование Ханты-Мансийского автономного округа. — Ханты-Мансийск, 2001. — С. 25—26.

⁵ Чемякин Ю.П. Поселения и постройки раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. — Кн. 1. — С. 288—290; Он же. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 80—81. Рис. 71—72.

⁶ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. — Рис. 4—6.

⁷ Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н. э. — Новосибирск: Наука, 1991. — С. 38—43.

⁸ Чемякин Ю.П. Лозьвинская керамика (по материалам поселения Ахтымья 1) // Игорь Геннадиевич Глушков: Сб. науч. ст. — Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2012. — Ч. 3. — С. 97—101.

⁹ Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Рекогносцировочные раскопки городища Большая Умытья 36 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. ст. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2006. — Вып. 3. — Ил. 4 — 3, 4, 10.

¹⁰ Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. ст. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2006. — Вып. 3. — Ил. 4 — 6, 7.

¹¹ Зыков А.П. Раскопки комплекса памятников в большой излучине р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. ст. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 332—335.

¹² Беспрозованный Е.М. Отчёт о НИР: Проведение раскопок поселения Неушья 1 в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра на территории Мортымья-Тетеревского месторождения нефти в 2005 году. — Екатеринбург, 2006. — Т. 1. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Ф. 1. Оп. 3. Д. 69.

¹³ Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии ... — Рис. 76, 77, 82 — 5—7; Борзунов В.А., Стефанова Н.К. Кулайский «посёлок из одного двора» на Барсовой горе и некоторые проблемы изучения кулайской общности // Материалы по археологии Обь-Иртышья: Сб. науч. тр. — Сургут: РИО Сургутского гос. пед. ин-та, 2001. — С. 96—109; Погодин А.А. Аварийные раскопки на р. Мильтоньяун в Сургутском районе ХМАО — Югры // Археологические открытия 2008 года. — М.: ИА РАН, 2011. —

С. 470—471; Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Береговые кулайские городища на Барсовой горе // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга): Сб. науч. тр. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. — С. 201—230; Карачаров К.Г., Морозов В.М., Шатунов Н.В. О натурных экспертных работах 2003 г. в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. ст. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2004. — Вып. 2. — Ил. 2.

¹⁴ Чиндина Л.А. Древняя история... — С. 88—94. Рис. 43—45; Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии... — С. 92. Рис. 77.

¹⁵ Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. ... — Рис. 23—27, 30—31.

¹⁶ Расторопов А.В. Нижнее и Среднее Прииртышье в середине и второй половине I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ИА РАН. — М., 1992. — С. 6; Кениг Ю.В. Специфика памятников раннего железного века низовой Конды // Культурногенетические процессы в Западной Сибири: Тез. докл. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993. — С. 20—21.

¹⁷ Викторова В.Д. Туманское I поселение, святилище, костыще // Охранные археологические исследования на Среднем Урале: Сб. ст. — Екатеринбург: БКИ, 1999. — Вып. 3. — С. 131, 136; Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. ... — С. 124—126. Отмечу, что представления о синдейской керамике, впервые выделенной В.Д. Викторовой, складываются из кратких описаний и малочисленных рисунков.

¹⁸ Чиндина Л.А. Древняя история... — С. 34—35.

¹⁹ Чернецов В.Н. Зеленая горка близ Салехарда // Краткие сообщения ИИМК. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — Вып. XXV. — С. 67—74; Он же. Бронза усть-полуйского времени // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 148. Табл. IX — 2.

²⁰ Чарусова И.С., Баранов М.Ю. Аварийно-спасательные раскопки поселения Кедровая 2 на Приобском месторождении в ХМАО — Югре в 2010 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. ст. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 465.

²¹ Чиндина Л.А. Древняя история... — С. 64. Рис. 22 — 12, 30 — 3, 5.

²² Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 80. Табл. LVIII — 10.

²³ Автор благодарит с.н.с. Института истории и археологии УрО РАН, канд. ист. наук А.П. Зыкова за консультацию.

²⁴ Буров Г.М. Бронзовые культовые плакетки западносибирского стиля на европейском Северо-Востоке // Западная Сибирь в эпоху средневековья: Сб. ст. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. — С. 43. Рис. 2 — 15, 18.

²⁵ Розенфельдт Р.Л. Забытая коллекция бронзовых антропоморфных изображений // Сов. археология. — М., 1974. — № 3. — С. 193. Рис. 2 — 2.

²⁶ Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. — С. 124—125, 197—198; Он же. Художественная металлопластика железного века Западной Сибири и Урала (из фондов Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске). Каталог. — Ханты-Мансийск, 2007. — С. 34—49.

²⁷ Tallgren A.M. Die «altpermissche» Pelzwarenperiode an der Pecora. — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. — Finska Fornminnesföreningens Tidskrift. — Helsinki, 1934. — V. XL. — P. 152—181.

²⁸ Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад: коллекция древностей III—IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. — Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. — С. 122, № 63.

²⁹ Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — № 58: Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири. — С. 155—156. Табл. VII — 2. Существуют и более поздние датировки этой рукояти.

³⁰ Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. — С. 114. Табл. LXXXVI — 68.

³¹ Ширин Ю.В. Верхнее Приобье... — С. 115; Ермолаев А.П. Ишимская коллекция / Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. — Красноярск, 1914. — Вып. 1. — Табл. V — 3.

³² Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. — Пермь: Пермское кн. изд-во, 1988. (Сер. «Искусство Прикамья»). — С. 88, 162. № 59.

³³ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... — Табл. VIII; Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири // Свод археологических источников. — М.: Наука, 1965. — Вып. ДЗ-8. — Табл. 16; Усть-Полуй: I век до н. э. Каталог выставки. — Салехард; СПб., 2003. — С. 27—32.

³⁴ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... — С. 143; Симонов Д.А. Назначение и использование сланцевых моделей из Усть-Полуя // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Мат-лы Всерос. конф. (г. Тюмень, 24—26 марта 2009 г.). — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. — Вып. I. — С. 94—97.

³⁵ Борзунов В.А., Стефанова Н.К. Кулайский «посёлок из одного двора»... — С. 96—109.

³⁶ Расторопов А.В. Исследование комплекса археологических памятников в бассейне Конды у села Старый Катыш // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Мат-лы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», посвящённой 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14—16 мая 2014 г.). — Екатеринбург: Магеллан, 2014. — С. 249.

³⁷ Расторопов А.В. Исследование комплекса археологических памятников... — С. 249.

³⁸ Чемякин Ю.П. Поселения и постройки раннего железного века ... — С. 294.

³⁹ Чемякин Ю.П. Кульминский тип археологических памятников // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. — Ханты-Мансийск, 2005. — Т. 4 (дополнительный): А—Я. — С. 159.

⁴⁰ Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 62—63, 90.

Комплекс раннего железного века селища Нёх-Урий 5.1 в бассейне р. Агана

Е.Н. Данилова

г. Екатеринбург

ООО «НАЦ «АВ КОМ—Наследие»

В настоящей работе публикуются материалы раннего железного века, полученные при раскопках селища Нёх-Урий 5.1 в 2010–2011 гг.¹ Раскопки проводились в рамках программы по сохранению исторического и культурного наследия в зоне хозяйственной деятельности ТПП «Покачёвнефтегаз» ОАО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь» (принята в 2004 г.).

Селище Нёх-Урий 5.1 — многослойный памятник, содержащий в себе культурные слои эпох бронзы и раннего железа. Материалы бронзового века уже представлены в печати². Комплекс раннего железного века также вызывает интерес, поскольку относится к сер. I тыс. до н. э. — периоду, наименее изученному современными исследователями.

Основная цель предлагаемой работы состоит в максимально полном представлении керамического комплекса и отдельных предметов из раскопок селища, несмотря на то, что некоторые данные могут показаться противоречивыми с точки зрения укоренившихся научных концепций.

Краткая характеристика памятника

Селище Нёх-Урий 5.1 расположено в центральной части Западно-Сибирской равнины, на северо-востоке Среднеобской низменности, в соответствии с административным делением оно находится в Нижневартовском р-не ХМАО — Югры, в 7 км к юго-западу от зоны застройки г. Покачи.

Памятник занимает западную часть одной из песчаных глив в долине правого берега р. Агана и является частью расположенного здесь обширного комплекса объектов археологического наследия. Высота гряды составляет 1,5–2,0 м над уровнем окружающих заболоченных

Ил. 1. Селище Нёх-Урий 5.1. Схема расположения раскопа

стариц, на ней произрастает сосновый лес с редким подлеском и лишайниковым напочвенным покровом.

Ориентировочная площадь селища 1,1 га. До начала раскопок на его территории были зафиксированы остатки 5 построек — впадин с обваловками разных размеров и форм. Три (№ 1—3) из них тяготели к мысовой части гривы, две (№ 4—5) — к центральной (ил. 1). Остатки последних были вскрыты при проведении работ по сохранению объекта археологического наследия. Кроме того, при раскопках были выявлены и изучены остатки ещё 7 построек (№ 6—13), которые не фиксировались на поверхности.

Археологизированные постройки № 4—6 и 11 имели вид углубленных впадин подпрямоугольной формы. У двух из них зафиксирован коридорообразный вход. Постройки № 8—10, 12—13 были неуглубленными, овальной формы, с внешними ямами по периметру. Постройка № 7 состояла из двух площадок, окружённых ямами, и, возможно, являлась остатками укрепления.

Из всех раскопанных сооружений семь содержали датирующий материал раннего железного века. Ещё две отнесены к этому же периоду, поскольку по конфигурации напоминали один из датированных объектов и вместе с ним располагались в одну линию вдоль края террасы (ил. 1). Вероятнее всего, все постройки являлись частью одного поселения, либо разделявший их временной интервал мог быть минимальным, археологически не улавливаемым. На одновременность их функционирования указывает также тот факт, что фрагменты одних и тех же либо очень похожих керамических сосудов встречались в большинстве этих объектов.

Характеристика инвентаря

Самый массовый материал в коллекции — фрагменты керамических сосудов. Достоверно к изучаемому комплексу отнесено около 1100 ед. — как очень мелких, так и крупных, в том числе один небольшой целый сосуд. К раннему железному веку также отнесены предметы, свидетельствующие об активном занятии жителей поселения металлообработкой, — целые и фрагментированные тигли и отходы литья (бронзовые корольки). Среди металлических предметов присутствуют 3 фрагмента бронзовых изделий, бронзовый наконечник стрелы, железный кованый нож, 2 железных наконечника стрелы. В коллекции представлена довольно редкая находка для поселений — стеклянная бусина.

Каменные предметы, обнаруженные в слоях раннего железного века, сложно однозначно связывать именно с этим временем. Большинство предметов не имеют видимых следов обработки или сработанности, а те, которые имеют, представлены несколькими абразивами и могли также использоваться в эпоху бронзы.

В керамическом комплексе выделяется не менее 112 сосудов (ил. 2—14). У четырёх из них удалось реконструировать полную форму. Один — слабозакрытая банка с уплощенным дном (ил. 11—3), три других — закрытые круглодонные чаши (ил. 4—1; 9—5; 11—1). У всех четырёх сосудов максимальный диаметр заметно превышает общую высоту. Судя по обломочному материалу, остальные сосуды были подобны этим. Однако среди фрагментов днищ, кроме округлых и уплощенных, встречаются приотсёрненные и днища на ножке (ил. 15).

Венчики³ сосудов прямые или слегка отогнуты наружу. Срезы прямые либо слегка скошены внутрь, большинство из них орнаментированы. Переход от венчика к плечу отмечен пояском округлых наколов с внутренней и/или с внешней стороны. Наколы с противоположной стороны всегда образуют «жемчужины». Переход от плеча к тулову у большинства сосудов плавный, слабо выраженный, однако встречаются ёмкости с ребром на переходе от плеча к тулову.

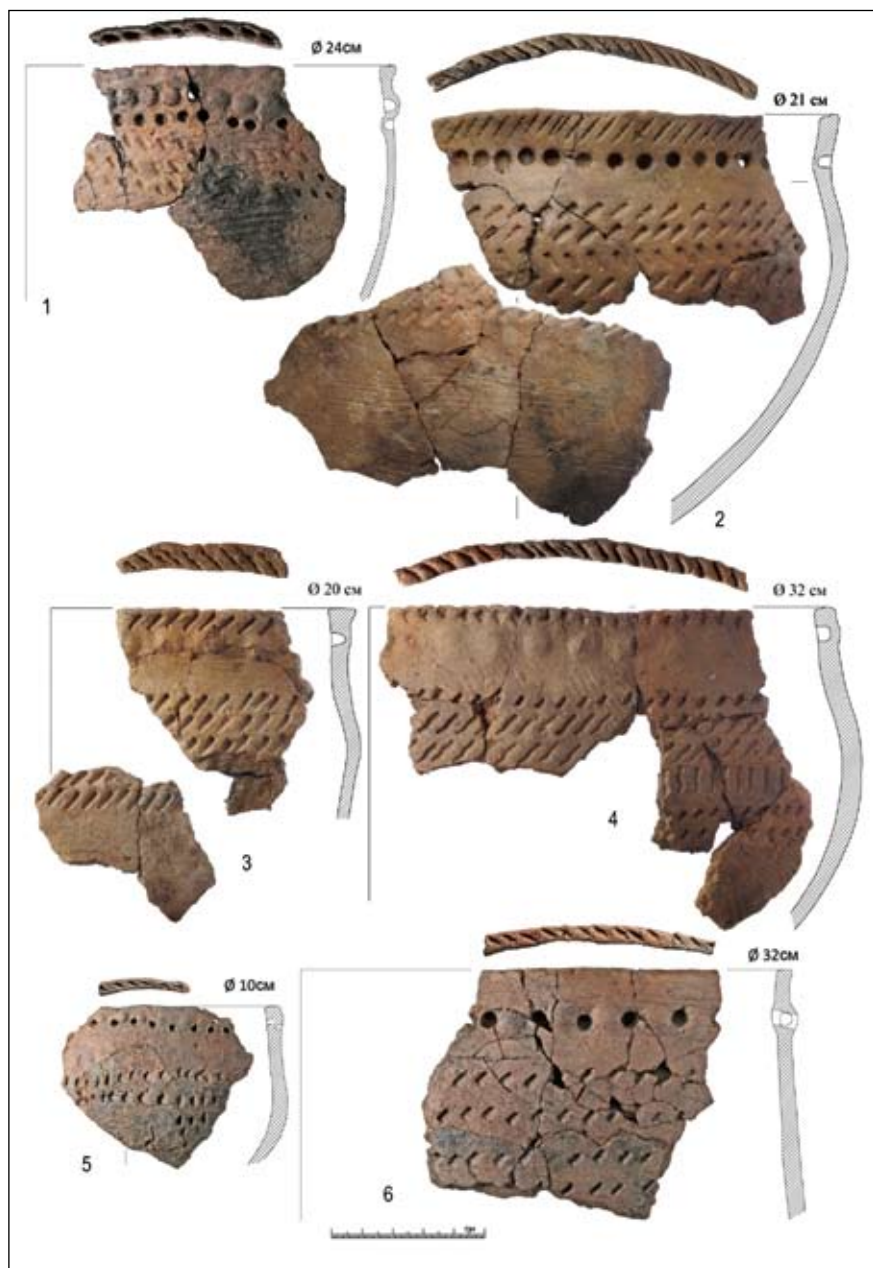
В коллекции присутствуют как крупные сосуды, так и сосуды небольших размеров, у 49 ёмкостей удалось достоверно установить диаметр устья. Полученные данные распределились следующим образом:

- 11,5 см и менее — 6 ед.;
- от 13 до 19 см — 9 ед.;
- от 20 до 27 см — 23 ед.;
- от 29 до 37 см — 11 ед.

Толщина стенок маломерных ёмкостей 0,35—0,45 см, у остальных — от 0,5 до 0,8 см. В составе керамического теста визуально фиксируется примесь мелкого шамота и песка. Внешняя поверхность сосудов в верхней части зачастую хорошо заглажена, ниже узоров и с внутренней стороны она обработана инструментом, оставившим широкие параллельные бороздки. На многих черепках видны отпечатки пальцев с хорошо читаемым папиллярным узором.

В подавляющем большинстве декор имеется только в верхней трети ёмкости, очень редко он опускается ниже. Орнамент также зафиксирован на некоторых фрагментах ножек сосудов.

По стилю орнаментации в керамическом комплексе раннего железного века можно выделить две основные группы.

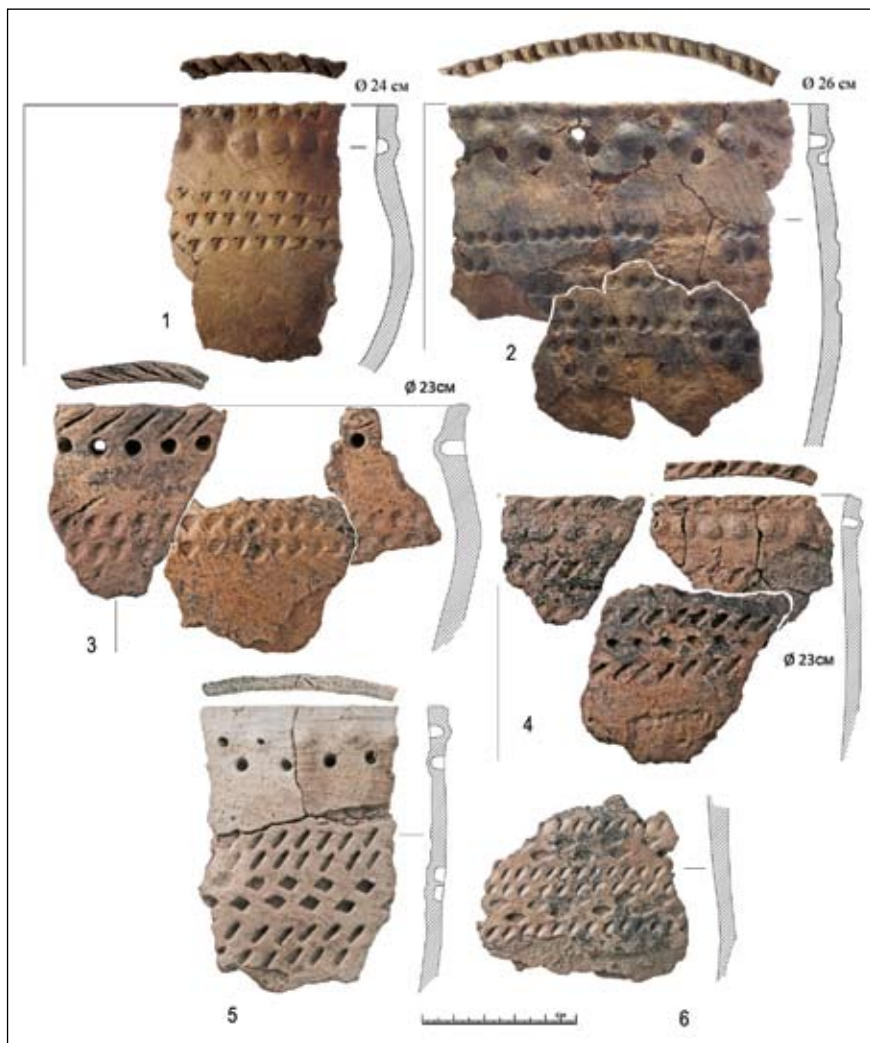

Ил. 2. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Фрагменты сосудов первой группы

Группа 1 (ил. 2–7) — наиболее многочисленная, включает в себя сосуды, в композиции декора которых выделяются нижеуказанные горизонтальные зоны:

А) Зона, расположенная сразу под срезом до линии наколов. Эта зона либо свободна от орнамента, либо по ней проходят 1–2 ряда вертикальных или наклонных оттисков штампов, как вариант — зигзаг.

Ил. 3. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Фрагменты сосудов первой группы

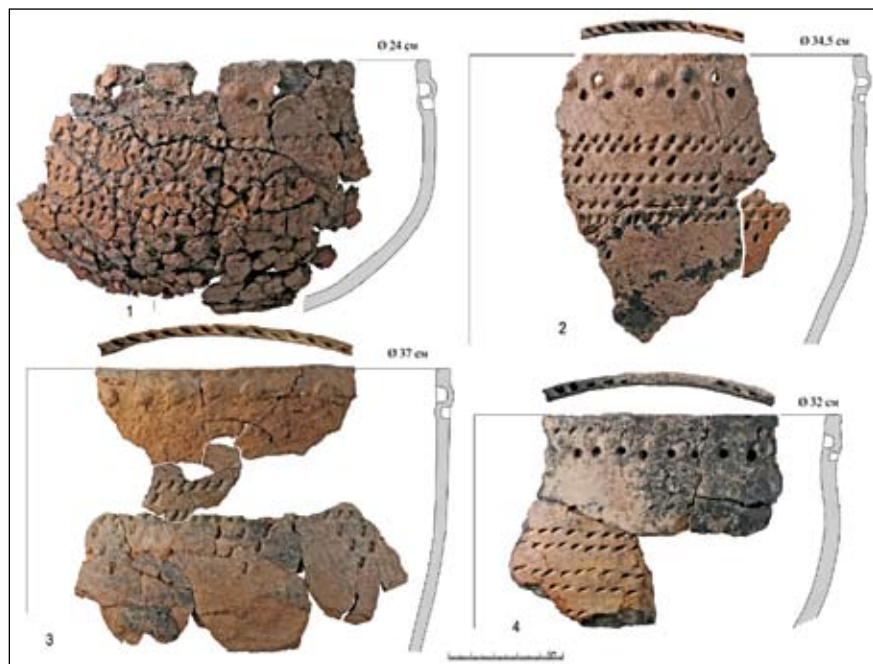

Б) «Пустая зона» — это зона, свободная от орнамента; она занимает, как правило, полосу на переходе от венчика к плечу и нередко само плечо либо его часть.

В) Орнаментальная зона верхней / средней части тулова — это зона, заполненная оттисками штампов, среди которых встречается короткий гладкий, гребенчатый с двумя и более зубцами штамп в виде ромба. Штампы ставились вертикально, горизонтально и наклонно, часто встречаются оттиски, сделанные углом гладкого или гребенчатого штампов.

В нижней орнаментальной зоне сосудов первой группы встречаются три основных варианта:

- непрерывные ряды вертикальных или наклонных оттисков штампов (ил. 2; 3—1, 3—6);
- непрерывные ряды вертикальных или наклонных оттисков штампов, разделённые полосой; в последней на значительном расстоянии друг от друга нанесены обычно сгруппированные по два наклонных или вертикальных оттиска (ил. 3—2; 4; 5);
- непрерывные ряды вертикальных или наклонных оттисков штампов, чередующиеся с горизонтальными ломаными линиями (ил. 6). Ряды вертикальных или наклонных оттисков иногда заменены прямыми горизонтальными линиями, выполненными гребенчатым штампом (ил. 7).

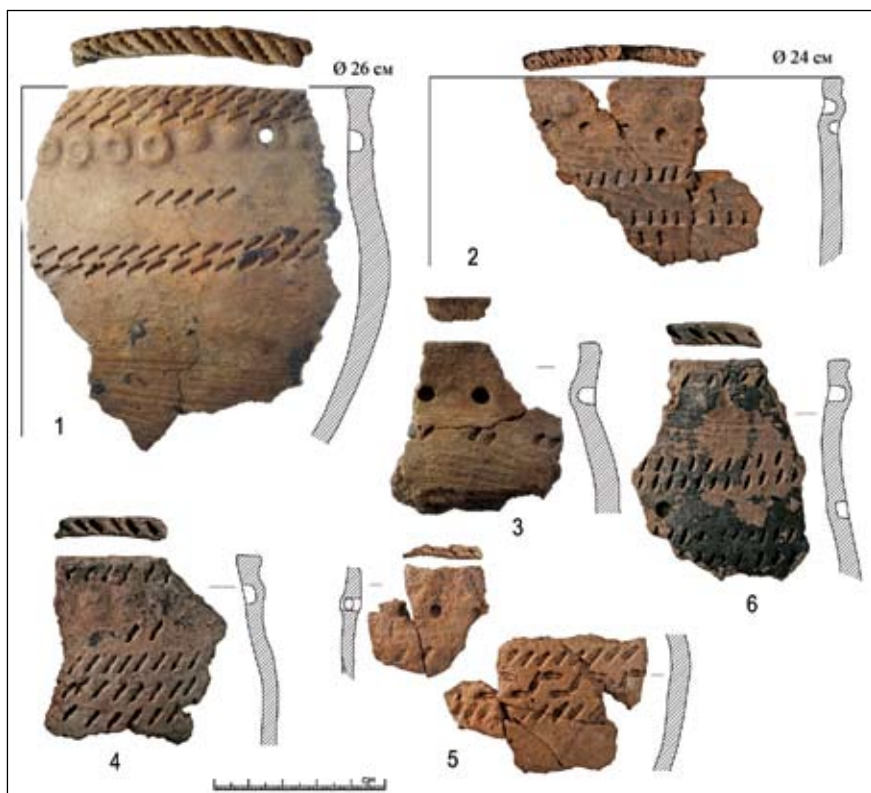
Ил. 4. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Фрагменты сосудов первой группы

Иногда в нижней части декор сосудов завершался фестонами (ил. 2—5; 3—2; 4—2—3; 6—3, 5; 7—6).

Ещё одна характерная особенность этой группы сосудов заключается в том, что в большинстве случаев наколы в приустьеовой зоне сделаны как с внешней, так и с внутренней стороны; при этом ямки и «жемчужины» чередуются в одной линии либо располагаются в шахматном порядке.

Первая группа сосудов по стилю орнамента наиболее близка к посуде калинкинской археологической культуры из материалов некоторых памятников Сургутского Приобья⁴. В сургутском варианте калинкинской археологической культуры большую часть составляют сосуды, в орнаменте которых оттиски нанесены в шахматном порядке. В рассматриваемой коллекции таких сосудов всего два, и для их декорирования использован ромбический штамп.

Ил. 5. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Фрагменты сосудов первой группы

Представляемая группа сосудов с большой долей вероятности может быть отнесена либо к локальному варианту калинкинской археологической культуры, либо к самостоятельному культурному явлению, ей одновременному. Ю.П. Чемякин полагает, что «наиболее вероятной датой существования калинкинских памятников в Сургутском Приобье следует считать VI–IV вв. до н. э.»⁵.

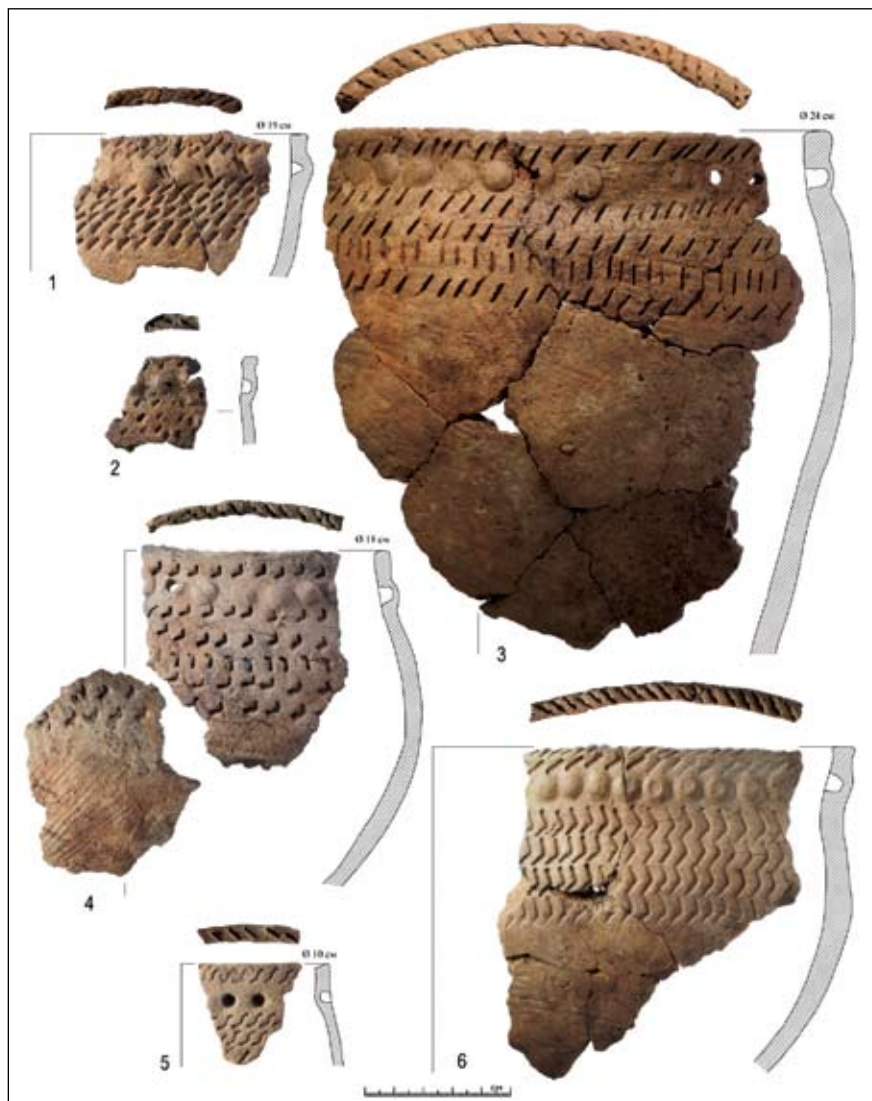
Группа 2 (ил. 8–10) включает в себя сосуды, у которых декор, как правило, начинается сразу под срезом и, в отличие от сосудов

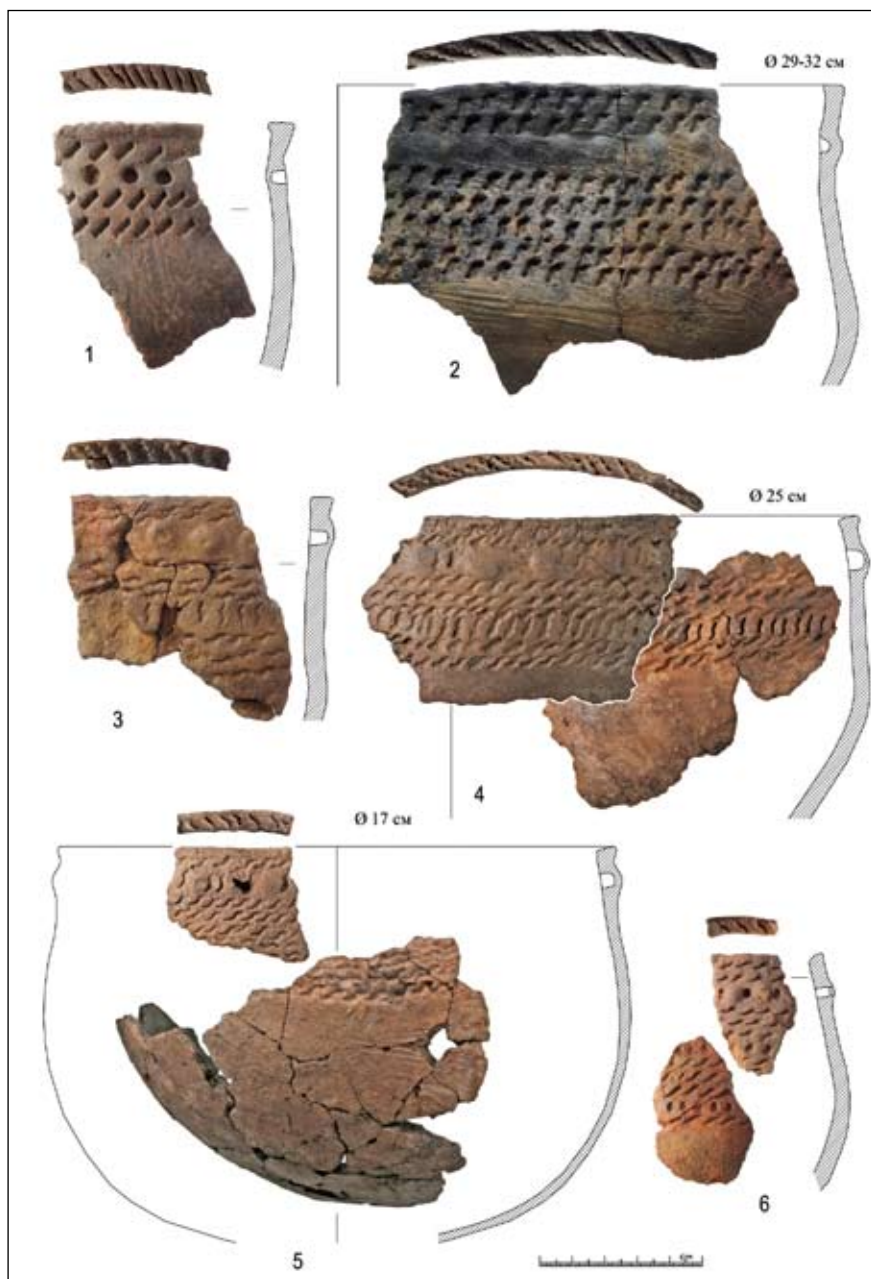
Ил. 7. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Фрагменты сосудов первой группы

первой группы, более плотно покрывает поверхность изделия. Даже зона, заполненная наколами и «жемчужинами», у некоторых сосудов тоже украшена (ил. 8—1; 9—4—5). Ещё одним важным отличием этой группы сосудов является появление S-видного штампа. Гребенчатый штамп используется только при орнаментации срезов.

Ил. 8. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Фрагменты сосудов второй группы

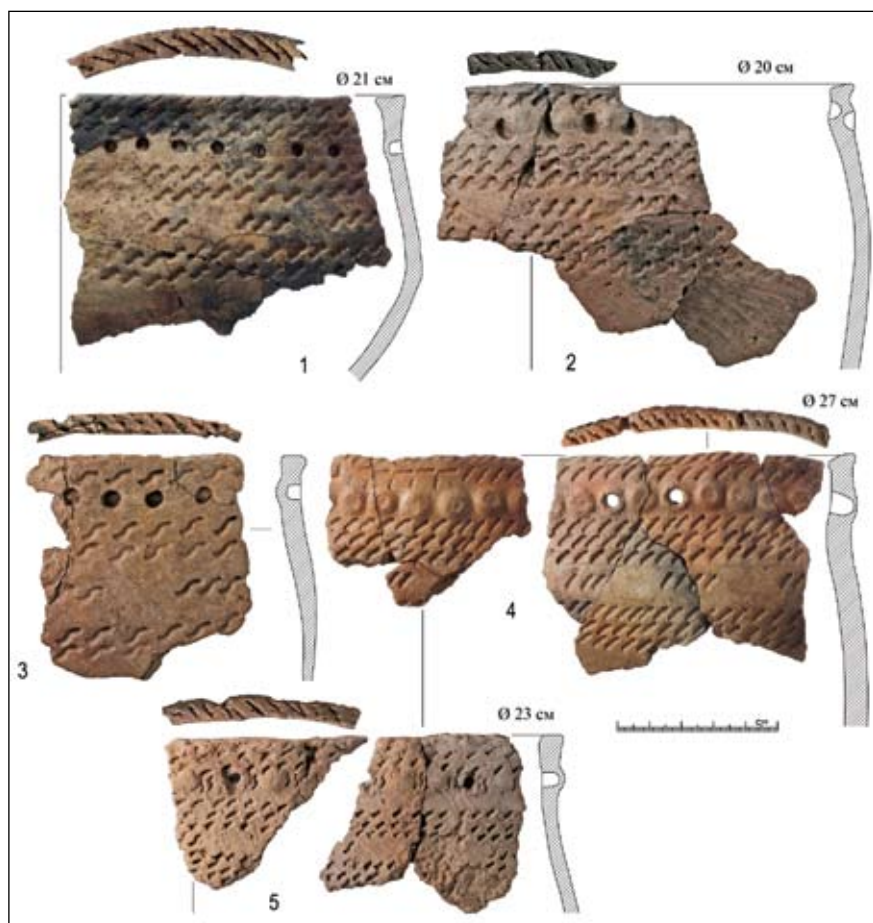

Ил. 9. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Фрагменты сосудов второй группы

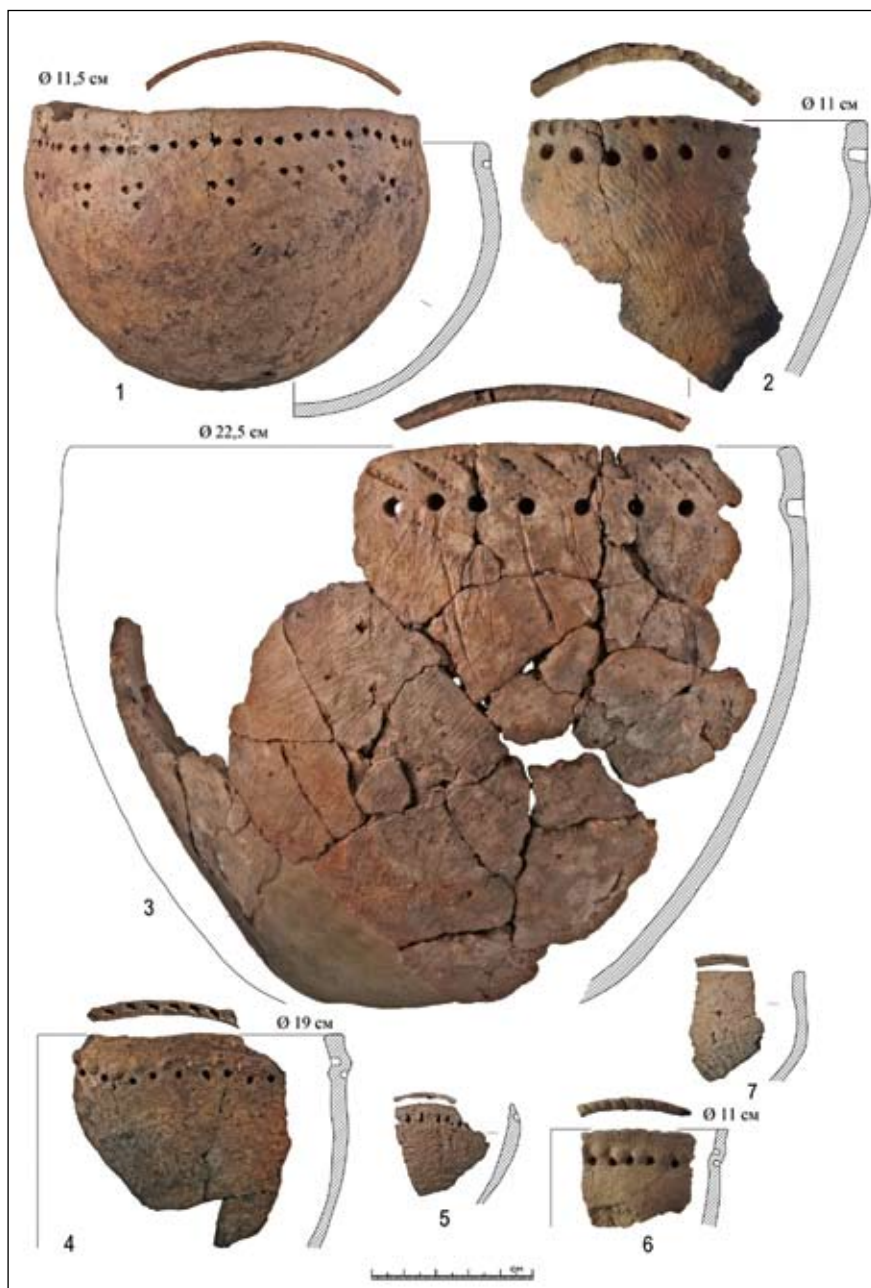
Декор сосудов обычно состоит из рядов вертикальных или наклонных оттисков штампов (ил. 8—9), в пяти случаях эти ряды разбиты полосой, в которой на значительном расстоянии друг от друга нанесены сгруппированные по 3—4 оттиски того же штампа (ил. 10). Фестоны на сосудах второй группы не встречены.

Что касается зоны наколов и «жемчужин», то у этой группы сосудов наколы в основном нанесены только с одной стороны, причём чаще — с внутренней.

Вторая группа сосудов раннего железного века по стилю орнаментации имеет сходство с керамикой 5-й группы, выделенной Л.А. Чин-

Ил. 10. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Фрагменты сосудов второй группы

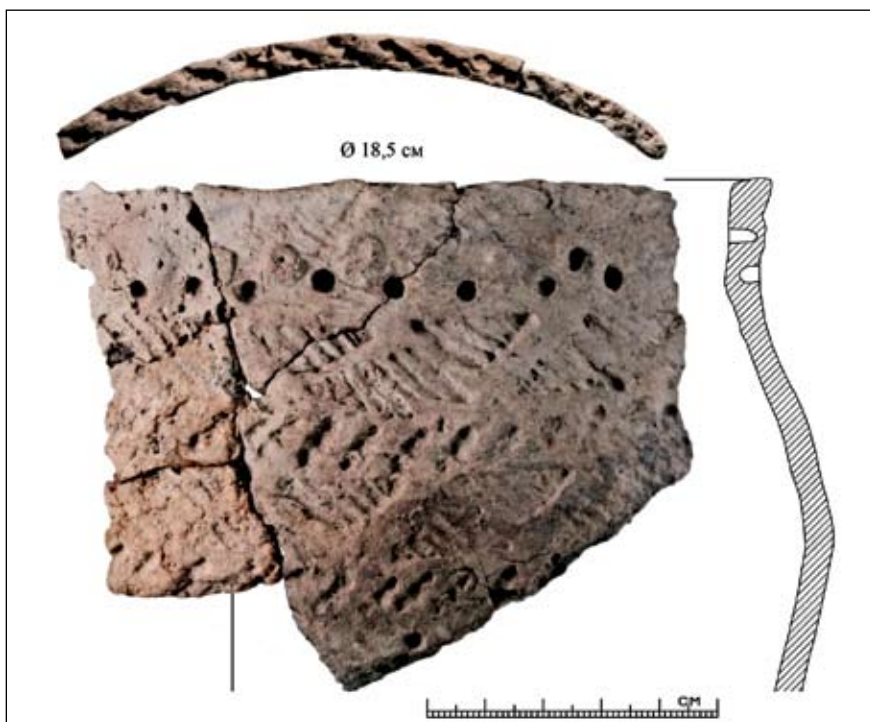

Ил. 11. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Керамика:
1 — сосуд; 2—7 — фрагменты сосудов

диной для васюганского этапа кулайской археологической культуры на материалах Томско-Нарымского Приобья и датированной периодом от рубежа V—IV вв. до н. э. до II в. до н. э.⁶

В комплексе есть также ряд сосудов, которые сложно отнести к какой-либо группе. Во-первых, это неорнаментированная или слабо орнаментированная посуда (ил. 11). Во-вторых, это сосуды, стиль декора которых несколько выбивается из общей массы. Так, в украшении одного из сосудов использованы полосы, состоящие из двух взаимопроникающих рядов заштрихованных треугольников; в одном ряду треугольники обращены вершинами вверх, в другом — вниз (сетчатый треугольный раппорт) (ил. 12). Другой сосуд с узором из отисков крупного S-видного штампа, который не встречается ни в одной из групп, имеет профилированный срез с карнизом с внешней стороны (ил. 13). Ещё один сосуд с ребром на тулове орнаментирован тремя полосами, каждая из которых состоит из двух рядов отисков штампов (ил. 14).

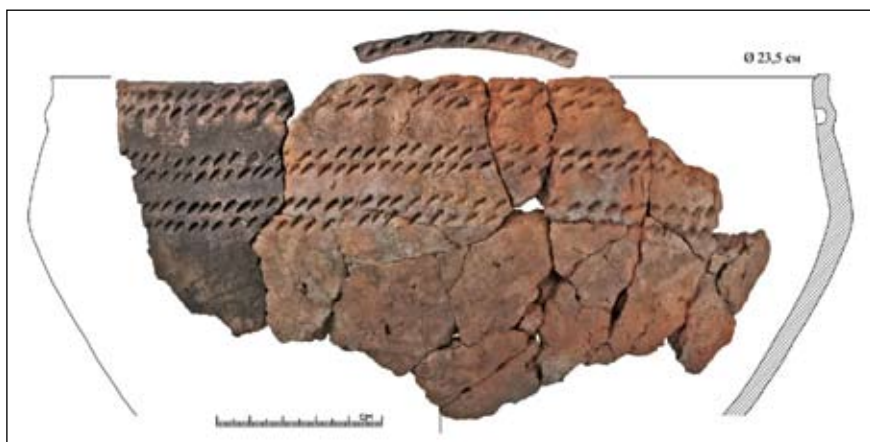
Ил. 12. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Фрагмент сосуда

Нельзя исключать, что выделенные группы посуды раннего железного века в коллекции селища Нёх-Урий 5.1 относятся к различным хронологическим периодам. Однако фрагменты сосудов из разных групп залежали в раскопе вместе. Возможно, эти группы являлись локальными или субкультурными вариантами и сосуществовали в рамках одной общности. Кроме того, различия в декоре посуды могли свидетельствовать об инновациях внутри общности, явившихся результатом

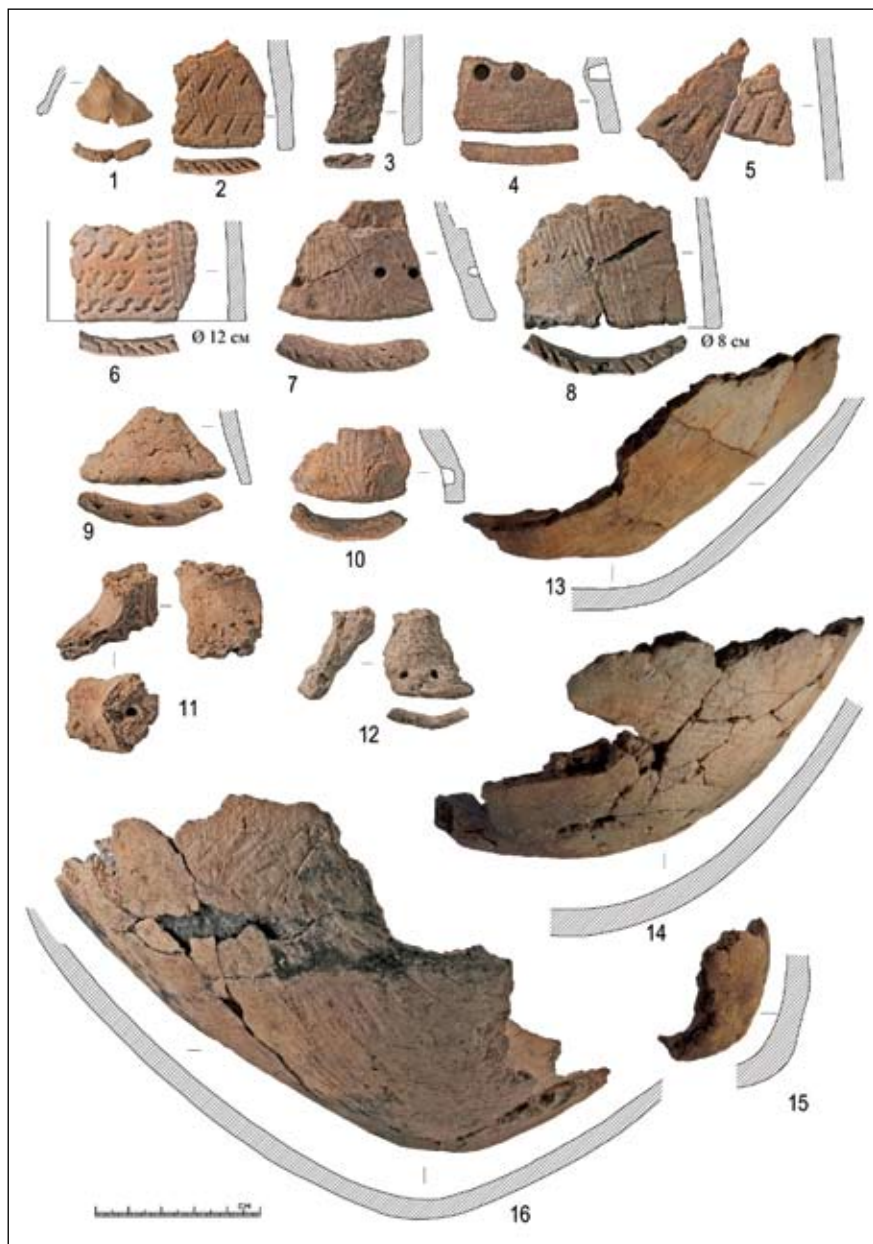

Ил. 13. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Фрагмент сосуда

Ил. 14. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Фрагмент сосуда

Ил. 15. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Фрагменты сосудов

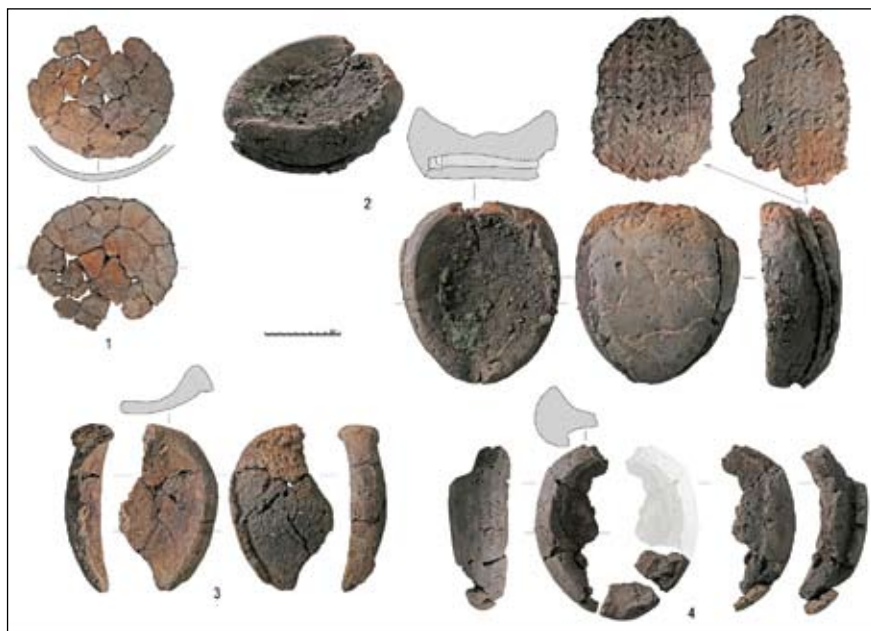
внутреннего развития или воздействия извне. Не вдаваясь в дискуссию, уместно говорить о типе (стиле) керамики, локализованном в среднем течении р. Аган и имеющем как схожие черты с «калинкинским» и «васюганским», так и заметные отличия от них.

Металлообработка на поселении представлена фрагментами тиглей и отходами литья (бронзовыми корольками), обнаруженными в постройках № 4, 5, 7, 8, 10, 11.

В коллекции насчитывается не менее 38 ед. тиглей; многие из них сильно фрагментированы, но имеются и целые. Тесто, из которого делались тигли, разнообразно по цвету и плотности: от светло-коричневого, с большим содержанием песка, до почти чёрного, плотного, с небольшим количеством песка. В некоторых тиглях в качестве примеси использованы кальцинированные кости. Все тигли были в употреблении: на некоторых из них остались капли бронзы, продукты коррозии металла; у части сильно ошлакованы края, имеются трещины от сильного термического воздействия.

По способу изготовления тигли можно поделить на две группы.

Группа 1. 3 ед. Изделия сделаны путём налёпа бортиков на обломок сосуда (ил. 16). Они плоскодонные, миндалевидной формы, с

Ил. 16. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Тигли

округлым сливом. Тигли этой группы крупные, широкие. У одного из них черепок, на котором он был сформирован, по стилю орнаментации относится к первой группе сосудов, описанной выше (ил. 16—2). Частью аналогичного тигля, скорее всего, являлся ошлакованный неорнаментированный черепок (скорее всего, фрагмент дна сосуда)

Ил. 17. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Тигли

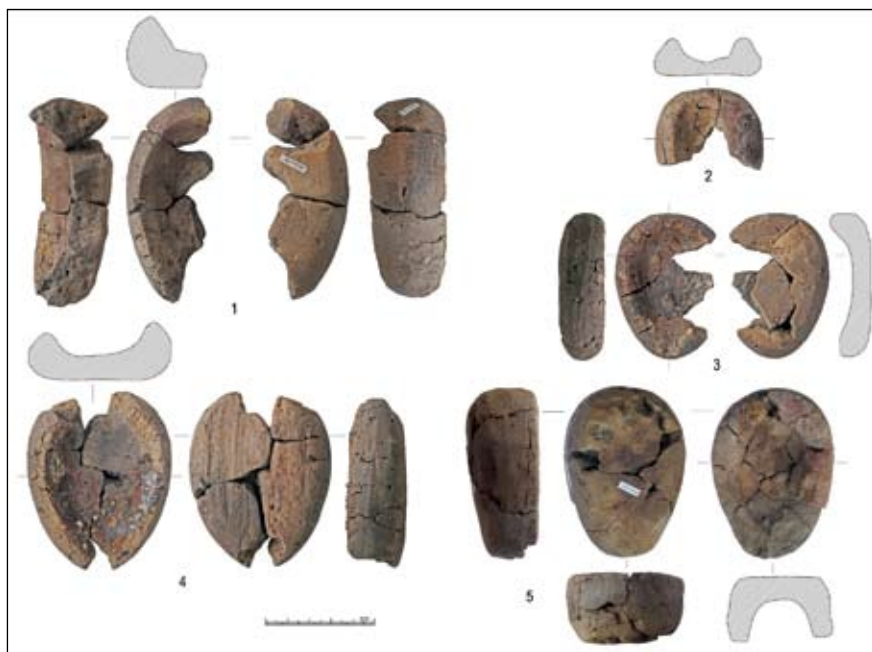

с аккуратно обработанными краями. Черепку была придана форма, характерная для «составных» тиглей (ил. 16—1).

Похожие тигли нередко встречаются на памятниках раннего железного века. Так, например, в коллекции из раскопок селища Кучиминское XXII (Сургутский р-н ХМАО — Югры) есть тигель, выполненный на фрагменте сосуда калинкинской археологической культуры⁷. Два аналогичных тигля найдены на селищах Барсова Гора III/49 и Вачим 7 (Сургутский р-н ХМАО — Югры) и датированы белоярским временем⁸.

Группа 2. Выполнены путём лепки из цельного куска глины (ил. 17—18). Они невысокие, плоскодонные, миндалевидные в плане. Стенки слегка изогнуты, литок дугообразный в вытянутой торцевой стенке. Самый большой тигель, который удалось графически реконструировать, имел размеры 12,8 и 9,0 см (ил. 17—1), самый маленький 6,6 и 4,4 см (ил. 18—3). Такие тигли часто встречаются на памятниках раннего железного века⁹.

Бронзовых корольков (дефектов металлической отливки) в коллекции 133 ед. В раскопах они залегали в местах скопления обломков тиглей. У трёх образцов был определен химический состав с целью установ-

Ил. 18. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Тигли

ления возможных вариантов рецептур и местонахождения исходного рудного источника (табл. 1)¹⁰.

Таблица 1

Селище Нёх-Урий 5.1. Химический состав отходов литья

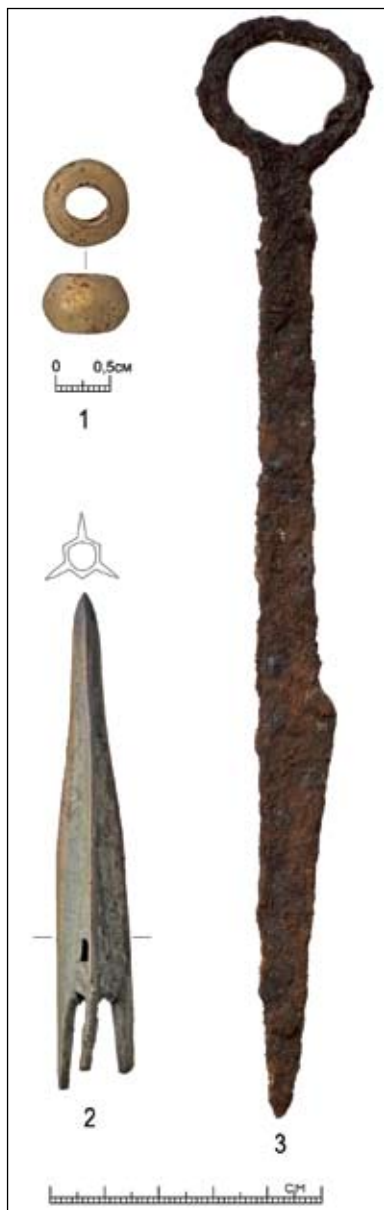
№ образца	Шифр НВ1001	Химические элементы								
		Медь Cu	Олово Sn	Свинец Pb	Серебро Ag	Железо Fe	Никель Ni	Алюминий Al	Фосфор P	Кремний Si
1	149	48,4	12,3	0,7	0,4	2,7	—	3,8	—	2,5
2	1821	98,5	0,6	0,2	—	0,1	0,1	—	—	0,1
3	2203	63,5	0,3	2,2	—	2,5	—	1,5	0,8	1,3

В двух образцах количественный состав сплава не дал в сумме 100%, так как анализировались продукты коррозии.

Во всех образцах основой сплава является медь. Выделяется как минимум два типа сплава: «чистая» медь и оловянная бронза. Так, образцы № 2 и 3 являются «чистой» медью, поскольку незначительные примеси не могут претендовать на роль искусственных лигатур и, вероятнее всего, попали в металл случайно. В литературе встречается мнение, что «чистой» медью следует считать сплав, содержащий менее 0,7% олова¹¹. Образец № 1 содержит 12,3 % олова, что, естественно, не является случайным: этот химический элемент был добавлен в сплав преднамеренно для изменения качественных характеристик металла. Ряд исследователей полагает, что на территории Западной Сибири «чистая» медь шла на изготовление орудий и оружия, а оловянные бронзы больше использовались для изготовления украшений и предметов культового характера¹². Однако данный факт может быть оспорен, так как в реальности анализу подвергалась лишь малая часть предметов с указанной территории.

Бассейн р. Агана удалён от основных горно-металлургических центров, таких как Урал, Казахстан, Средняя Азия, Саяно-Алтай. Вопрос установления источника поставки металла на данном этапе исследования может быть решён только на основе сопоставления химического состава образцов с данными из других памятников. Так, образцы с похожим химическим составом, содержащие олово и свинец, исследователи чаще всего связывают с Саяно-Алтайским горно-металлургическим центром¹³.

В коллекции из раскопок селища Нёх-Урий 5.1 имеются единичные бронзовые и железные предметы. Наибольший интерес представляют бронзовый наконечник стрелы и железный кованый нож.

Ил. 19. Селище Нёх-Урий 5.1. Комплекс раннего железного века. Инвентарь: 1 — стеклянная бусина, 2 — бронзовый наконечник стрелы, 3 — железный нож

Бронзовый наконечник стрелы (ил. 19—2) размерами 9,18 и 1,6 см был обнаружен во внешней яме постройки № 8. Он имеет три лопасти с длинными шипами. Втульчатый насад скрытый, оформлен в виде конуса длиной 2,18 см и максимальным диаметром 0,67 см. Шипы выступают на 1,6 см от среза насада. Наконечник является классическим типом кулайских «ракетообразных» стрел; по Л.А. Чиндиной, он относится к группе 2, варианту В, который датируется в пределах IV—II вв. до н. э.¹⁴

Железный кованый нож с треугольным клинком и кольцевидным навершием (ил. 19—3) был найден в заполнении постройки № 4 (вход в жилище). Его основные размеры составляют 20,2 и 3,25 см. Длина рукояти ножа в полтора раза превышает длину клинка; спинка прямая; сечение клинка треугольное. Железные ножи с кольчатым навершием непрерывно существовали в Южной Сибири со втор. пол. VII по II в. до н. э. Они повторяли форму предшествовавших им бронзовых ножей, а на некоторых территориях существовали синхронно с ними. Наиболее близкие аналогии найденному ножу находятся в позднем этапе пазырыкской культуры, который датируется IV—III вв. до н. э.¹⁵

Стеклянная бусина тоже отнесена к комплексу раннего железного века (ил. 19—1). Она найдена в верхних переотложенных (разрушенных тех-

ной) слоях постройки № 8. Диаметр бусины — 0,817 см, высота — 0,52 см. Она сделана из бесцветного прозрачного стекла с внутренней золотой прокладкой. Бусина имеет усеченно-биконическую форму с нечётким ребром. Расположение канала отверстия — поперечное, идущее по центру сечения. Канал отверстия — цилиндрический, широкий. Отверстия — овальной формы, простые, без дополнительных деталей, диаметрами 0,47 и 0,42 см.

В пределах среднеобского региона подобные бусины из прозрачного стекла с внутренней прокладкой золотой или серебряной фольгой были найдены в могильниках кулайской культуры:

- погребение 1 могильника Барсовский III (I — нач. III в.)¹⁶;
- погребения 3, 4, 5 могильника Сырой Аган 13 (III в. до н. э. — III в.)¹⁷

Известно, что изготовление бус с внутренней золотой прокладкой началось в IV в. до н. э. в Египте. Со временем эта техника получила широкое распространение. Не позднее III в. до н. э. бусы появились в Северном Причерноморье и бытовали до III в. н. э. По классификации Е.М. Алексеевой, подобные бусины относятся к типу 8¹⁸.

Датировка комплекса

Учитывая предлагаемую датировку двух культурных образований, в которых удалось найти наиболее близкие аналогии сосудам рассматриваемого комплекса из селища Нёх-Урий 5.1, последний может быть отнесён к широкому периоду времени — от VI до II в. до н. э. Кроме этого, в комплексе обнаружены датирующие предметы (представлены выше): наконечник стрелы (IV—II вв. до н. э.); железный нож (IV—III вв. до н. э.); бусина (IV в. до н. э. — III в. н. э.). Не противоречат этому и результаты радиоуглеродного анализа образцов угля из построек¹⁹ (табл. 2).

Таблица 2

Селище Нёх-Урий 5.1. Датировка по C¹⁴ образцов угля из построек

Место забора образца	№ образца	Возраст по C ¹⁴	Калиброванные даты (68,2%)
Постройка № 7 (яма 8)	СОАН-8234	2325±40	480–260 гг. до н. э.
Постройка № 7 (яма 9)	СОАН-8231	2385±35	510–390 гг. до н. э.
Постройка № 8	СОАН-8233	2190±25	360–190 гг. до н. э.
Постройка № 10 (яма 24)	СОАН-8232	2255±50	400–210 гг. до н. э.

Исходя из вышеизложенного, наиболее вероятными временными рамками, в которые укладывается датировка рассмотренного комплекса, представляется период с кон. V до кон. III в. до н. э.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данилова Е.Н. Отчёт о НИР: Аварийно-спасательные раскопки селища Нёх-Урий 5.1 на Покачёвском месторождении нефти в Нижневартовском районе ХМАО — Югры в 2010 г.: В 6 кн. / ООО «НПО «Северная археология — 1»; рук. К.Г. Карачаров; отв. исп. Е.Н. Данилова; исп. Е.А. Данилов, П.С. Бахарев, Л.В. Карачарова. — Нефтеюганск, 2010. — Архив АСА. — Ф. 1. Д. 265—270; Данилов Е.А. Отчёт о НИР: Аварийно-спасательные раскопки на археологическом комплексе Нёх-Урий 5 (селище Нёх-Урий 5.1; селище Нёх-Урий 5.2) на Покачёвском месторождении нефти в Нижневартовском районе ХМАО — Югры в 2011 г.: В 7 кн. / ООО «НПО «Северная археология — 1»; рук. К.Г. Карачаров; отв. исп. Е.А. Данилов; исп. Е.Н. Данилова, В.В. Завалин, П.С. Бахарев, Л.В. Карачарова. — Нефтеюганск, 2011. — Архив АСА. — Ф. 1. Д. 294—300. Коллекции из раскопок переданы в Сургутский краеведческий музей.

² Стефанов В.И., Данилова Е.Н. Кульёганские древности среднего Агана // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2013. — Вып. 11. — С. 84—96.

³ Под венчиком здесь и далее понимается верхняя часть сосуда от среза до перегиба шейки.

⁴ Чемакин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 76—77. Рис. 64—67.

⁵ Чемакин Ю.П. Барсова Гора... — С. 78.

⁶ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. — Томск: Изд-во Томского ун-та. — С. 87, 103. Рис. 41.

⁷ Карачаров К.Г. Отчёт о НИР: Археологические исследования на могильнике Сайгатинский VI и селище Кучиминское XXII в 2004 г.: В 2 кн. — Сургут, 2005. — Кн. 1. — С. 32. Рис. 28; 32—2. — Архив АСА. — Ф. 1. Д. 175.

⁸ Чемакин Ю.П. Барсова Гора... — С. 70. Рис. 58—30, 32.

⁹ Чемакин Ю.П. Барсова Гора... — С. 164. Рис. 58—27, 29. С. 173. Рис. 67—11. С. 184. Рис. 78; Чиндина Л.А. Древняя история... — С. 214. Рис. 9—8—9.

¹⁰ Рентгеновский микроанализ был проведен сотрудником Института физики металлов УрО РАН В.В. Федоренко.

¹¹ Троицкая Т.Н., Галибин В.А. Результаты количественного спектрального анализа предметов эпохи раннего железа Новосибирского Приобья // Древние горняки и металлурги Сибири: Межвузовский сб. науч. ст. — Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1983. — С. 40.

¹² Троицкая Т.Н., Галибин В.А. Результаты количественного спектрального анализа... — С. 37; Кузьминых С.В. Цветной металл холмогорской коллекции // Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III—IV веков из собрания Сургутского художественного музея. — Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. — Приложение 3. — С. 147.

¹³ Кузьминых С.В. Евразийская металлургическая провинция и цветная металлообработка раннего железного века: проблема соотношения // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. — Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1993. — С. 122; Кузьминых С.В. Цветной металл холмогорской коллекции... — С. 148; Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М.: Наука, 1989. — С. 165—175.

¹⁴ Чиндина Л.А. Древняя история... — С. 35.

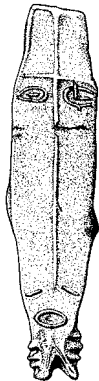
¹⁵ Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). — Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007. — С. 30, 57—58. Рис. 61.

¹⁶ Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. — Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. — С. 106.

¹⁷ Баранов М.Ю. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 13 в Сургутском Приобье // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 237. Рис. 16—4, 9, 16.

¹⁸ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Г1-12. — М.: Наука, 1975, 1978, 1982 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pirushki.com/Alexeeva/AlexFirst.htm>.

¹⁹ Анализ проведён Л.А. Орловой в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН. Определение остаточной активности углерода выполнено на QUANTULUS-1220 (Liquid Scintillation Counters).

Новые материалы о бытовавших на Севере Западной Сибири металлических изделиях, изготовленных с конца XVIII до второй половины XIX в.

А.В. Бауло

г. Новосибирск

Учреждение РАН «Институт археологии
и этнографии Сибирского отделения РАН»

Известно, что традиция завоза на Север Западной Сибири металлических изделий в виде сосудов, чаш, блюдец и использование их в виде культовых атрибутов обских угров имеет многовековую историю и достаточно подробно описана в литературе. Тем не менее появляющиеся время от времени источники позволяют уточнять и корректировать наши знания. Статья посвящена двум небольшим сюжетам, связанным с русским и английским «импортом».

С кон. XVIII и, как минимум, до сер. XIX в. на северные сибирские рынки активно завозили продукцию тобольских сереброделательных мастерских: блюда, овальные и прямоугольные пластины с охотничьими сценами на лицевой стороне... В обрядовой практике манси и хантов они использовались для оформления фигур духов-покровителей, в качестве сосуда для жертвенной крови или пищи, как подношение божествам с магической целью, как атрибут медвежьего праздника¹.

Одним из немногих известных нам тобольских мастеров был Пётр Тимофеевич Брюханов: он записан в делах Тобольского архива по Тобольской ремесленной управе в 1788 г. в возрасте 30 лет и упоминается вплоть до 1819 г.²

В ходе многолетних экспедиционных исследований Приполярного этнографического отряда ИАЭт СО РАН в Нижнем Приобье удалось обнаружить 14 изделий, вышедших из мастерской Брюханова в 1797—1822 гг.: 4 блюда с полным набором клейм (т.е. клеймами города, года выпуска, пробирера и мастера)³, 5 блюдец⁴, 3 пластины⁵ и 2 «солдатики» с клеймом мастера⁶. Кроме того, по версии автора, к мастерской Брюханова относятся два известных блюда из собрания МАЭ РАН с сюжетами из книг И.Г. Георги⁷.

В данной статье приводится материал ещё об одном изделии мастерской Брюханова — серебряной тарелочке из фондов Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского (г. Салехард) (ил. 1). Края тарелочки загнуты, её размеры 10х10 см. На лицевой стороне выбиты клейма: *герб Тобольска* (пирамида на пьедестале, с воинской арматурой, знамёнами, барабаном и алебардами); ...93 — пробирера (в это время им был М. Богданов; прочитывается верхушка буквы Б); *П·Б в прямоугольной рамке* — мастера Петра Тимофеевича Брюханова. В центре тарелочки в круглой рамке изображен скачущий вправо олень, сзади него — дерево. Следует отметить, что брюхановские изделия подобной, прямоугольной, формы до этого не встречались; музейная тарелочка — самая ранняя из известных на сегодняшний день из его мастерской. К сожалению, информация о том, откуда поступила тарелочка в музей, как и где она использовалась, отсутствует.

Второй сюжет статьи связан с группой жестяных блюдец, которые завозили на Сибирский Север во втор. пол. XIX в. Серия этих блюдец имеет характерный признак — буквы латинского алфавита по краю изделий.

В 1876 г. О. Финш и А. Брэм на остяцком святилище у п. Веспугол на Нижней Оби описали «связку... в виде мумии, обвернутой в красное тряпье с лентами». «Связка» содержала жертвенные дары «восседающему на верху духу Орту», над ней были укреплены четыре металлические

Ил. 1. Серебряная тарелочка с изображением скачущего оленя. МВК им. И.С. Шемановского

тарелки. Две из них путешественники определили как оловянные, «европейского происхождения», которые, «по-видимому, служили в Англии детскими игрушками. На обеих по краям была английская азбука, на одной сверх того поясной портрет Виктории и Альберта, а на другой Оскара и Жозефины, с подобающими надписями»⁸.

В 1930-х гг. на мансийском священном месте *Йипыг ойки* «Филина-старика» около п. Халпауль в амбарчике в куске шёлковой ткани хранились две штампованные жестяные тарелочки: одна — с изображением джонки и японских вееров, другая — с портретом королевы Виктории (последняя, скорее всего, несла также портрет второго венценосного супруга — Альберта, но он мог быть скрыт платком, в которое было

Ил. 2. Жестяное блюдце с изображением Альберта и Виктории. Диаметр 16 см. Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭт СО РАН

завернуто блюдец. — *Авт.*). По сведениям В.Н. Чернецова, эти тарелочки являлись изображениями духов-покровителей⁹.

Несколько жестяных блюдец удалось обнаружить и нам. В составе атрибутов домашнего святилища Сайнаховых в д. Щекурья Березовского р-на ХМАО — Югры находилось завернутое в красный платок жестяное блюдо (1999 г.). На его лицевой стороне прочеканены поясные портреты английской царствующей четы — Виктории и Альберта, с надписью поверх голов «Albert & Victoria»; по краю нанесены буквы латинского алфавита (ил. 2). В д. Ямгорт Шурышкарского р-на ЯНАО в семье З.С. Куртямовой хранится фигура семейного духа-покровителя, оставшаяся «от дедов». Её основу составляет жестяное блюдо с портретами Альберта и Виктории, поверх которого надеты халаты (2001 г.).

Ил. 3. Жестяное блюдо с изображением птицы. Диаметр 16 см. Музей культур, Хельсинки, Финляндия

Жестяное блюдо с портретами Альберта и Виктории обнаружено и под полом разрушенного временем священного амбарчика недалеко от д. Нимвожгорт Шурышкарского р-на ЯНАО (2007 г.); оно передано в МВК им. И.С. Шемановского.

К этой же группе торевтики «с азбукой» относится блюдо из коллекции Т. Лехтисало, собранной у самоедов (1911–1914 гг., хранится в Музее культур в Хельсинки, VK 4899:113)¹⁰ (ил. 3). В его центре изображен воробей, по кругу надпись: «The Sparrow with my bow and arrow, who killed cock Robin» — «Воробей со своими луком и стрелами, который убил Петуха Робина» (строчка из известного стихотворения, впервые опубликованного в сер. XVIII в. в Англии в сборнике Матушки Гусыни).

Рис. 4. Жестяное блюдо с изображением птицы. Диаметр $7 \frac{3}{4}$ дюйма (19,7см)

До недавнего времени у меня было сомнение относительно английского происхождения блюдец с «азбукой»; я был более склонен видеть в них жестяные копии, выполненные в России с английских образцов. Поскольку Виктория была английской королевой в период с 1837 по 1901 г., то датировка блюдец предполагалась втор. пол. XIX — нач. XX в. Ряд обращений в музеи Великобритании не принесли какой-либо информации, однако весной 2014 г. один из хранителей Victoria and Albert Museum в Лондоне любезно обратил мое внимание на выставленные на известном аукционе eBay (<http://www.ebay.com/>) жестяные блюда.

Все изделия были представлены на продажу с торговых площадок США (Tecumseh, Michigan; Chester, New Jersey; Villa Park, Illinois), что

Рис. 5. Жестяное блюдо с изображением уэльской четы. Диаметр $4\frac{1}{4}$ дюйма (10,8 см)

позволяет предполагать их сбыт потомками английских переселенцев в Америку. Сюжеты блюдец самые разные, объединяет их полоска по краю с буквами латинского алфавита.

Одно из них практически копирует приведенное выше блюдо из сборов Т. Лехтисало: в центре мы видим изображение птицы, вокруг которой надпись «Who killed cock Robin — I killed cock Robin — I said the sparrow with my bow & arrow» (ил. 4).

Другое блюдо продолжает «королевскую» серию — на ней портреты уэльской четы (ил. 5). Надпись вокруг портретов — «The Prince and Princess of Wales». Продавец датировал блюдо 1870—1880 гг.

Блюдец диаметром 4,25 дюйма (10,8 см) украшено фигурой Sir Colin Cambell на коне (датировано 1870—1880 гг.) (ил. 6).

Рис. 6. Жестяное блюдо с изображением сэра Колина Кэмпбелла. Диаметр 4 $\frac{1}{4}$ дюйма (10,8 см)

На небольшом блюдце диаметром 3 дюйма (7,6 см) изображены две девочки с обручами (датировка та же) (ил. 7).

К сожалению, остальные фотографии невысокого качества, а их малый размер не позволил сделать прорисовку. Тем не менее упомяну выполненные на них сюжеты:

- две вышивающие женщины со словом «Свобода» над ними; датировано 1890-ми гг., диаметр чуть больше 5 дюймов (12,7 см);
- два медведя, один из которых играет на виолончели, над ними корова;
- промышленное здание, надпись «Выставка 1851 года».

Таким образом, выставленные на аукционе жестяные блюда «с азбукой» фактически убирают какие-либо сомнения в том, что найденные в Нижнем Приобье подобные изделия действительно имеют английское

Рис. 7. Жестяное блюдо с изображением девочек с обручами. Диаметр 3 дюйма (7,6 см)

происхождение. Следует упомянуть в этом контексте и обнаруженное в составе культовой атрибутики манси в д. Хошлог оловянное блюдо британского производства, которое было преподнесено семейному духу-покровителю в составе богатого набора, состоявшего также из мельхиоровых ложки и рюмки и оловянного перстня¹¹.

Каким образом английские изделия оказались на севере Сибири — безусловно, тема для дальнейших поисков историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бауло А.В. «Тобольское серебро» в обрядах вогулов и остяков. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. — 176 с.

² Сухорукова Н.В. Серебряное дело в Тобольске. Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник // Тобольское серебро с XVIII в. до наших дней. — 2009. — С. 186—205.

³ Бауло А.В. «Тобольское серебро»... — Каталог Б 2—5.

⁴ Бауло А.В. «Тобольское серебро»... — Каталог Б 19—23.

⁵ Бауло А.В. «Тобольское серебро»... — Каталог ПП 4, 7—8.

⁶ Бауло А.В. «Тобольское серебро»... — С. 59.

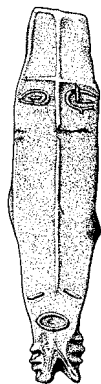
⁷ Бауло А.В. «Тобольское серебро»... — Каталог Б 17—18.

⁸ Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. — М., 1882. — С. 436—437.

⁹ Источники по этнографии Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. — С. 206.

¹⁰ Выражаю признательность И. Лехтинен (Музей культур, Хельсинки, Финляндия) за указание на данное блюдо.

¹¹ Бауло А.В. «Тобольское серебро»... — Каталог Б 55.

**Объект деревянного зодчества в бывшем
с. Самарово (г. Ханты-Мансийск):
исследования и создание
информационной модели***

Я.А. Яковлев

г. Ханты-Мансийск

Служба государственной охраны объектов
культурного наследия Ханты-Мансийского
автономного округа — Югры

Г.И. Монич, О.Г. Литвинова

г. Томск

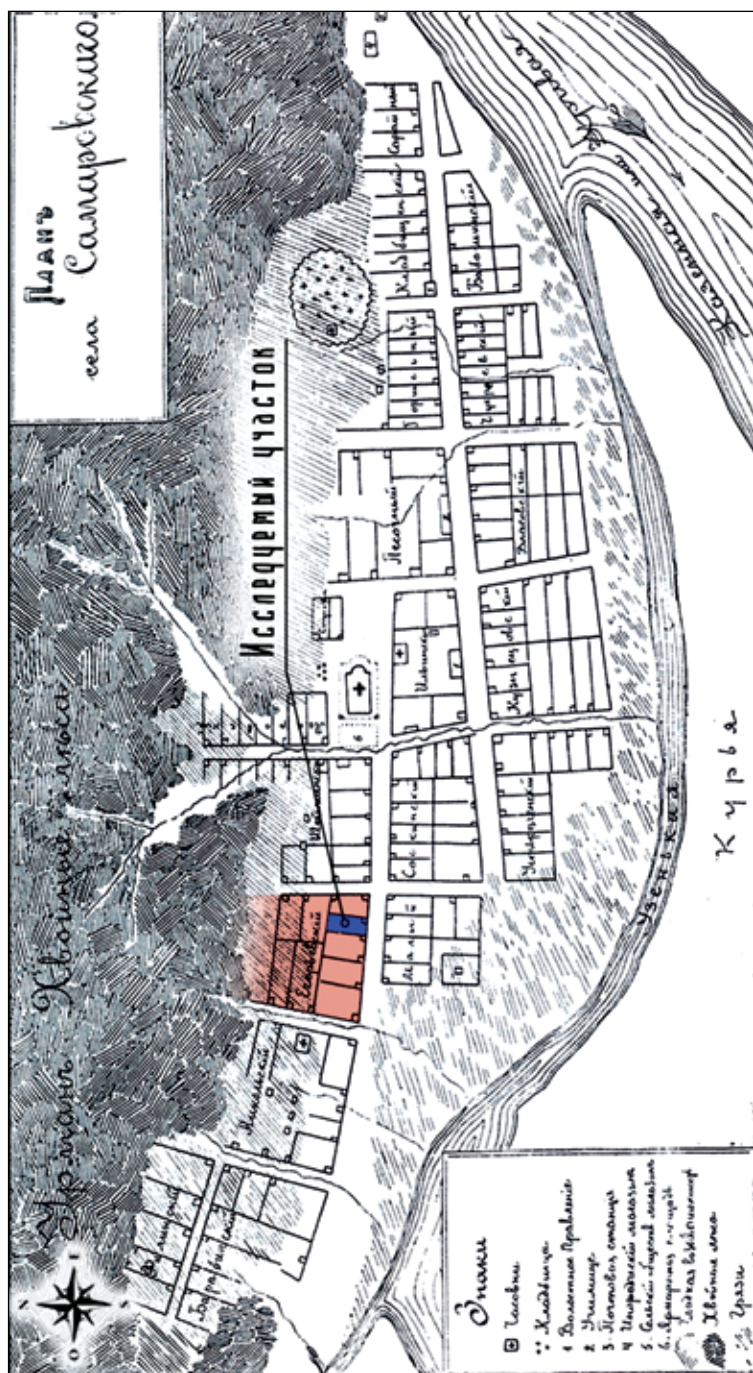
Томский государственный
архитектурно-строительный университет

**Проблема сохранения одного из объектов архитектуры
в г. Ханты-Мансийске**

В настоящее время проблема выявления и, главное, сохранения объектов архитектурного наследия бывшего села Самарова (ныне историческая часть г. Ханты-Мансийска) остаётся очень острой. Физический износ построек и активная застройка этой части города создают реальную угрозу полного исчезновения исторической застройки, как это уже случилось в другом историческом поселении Югры — Сургуте.

В последние годы СМИ, общественность, уполномоченные органы и лица в ХМАО — Югре много говорят о проблеме сохранения, охраны и использования архитектурного наследия своей столицы. Разработана «Концепция сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия бывшего села Самарова (исторической части города Ханты-Мансийска)»¹. Однако реальных решений и действий в данном направлении нет. И с сожалением приходится констатировать,

* Публикация вводит в научный оборот результаты проекта, который был реализован на средства, выделенные в качестве субсидии в соответствии с постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 09.10.2013 № 427-п «О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Развитие культуры и туризма в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2014–2020 годы».

Ил. 1. План с. Самаровского, 1896 г. Из: Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — С. 91

что заявления о многовековой истории Ханты-Мансийска и его многочисленные феерические юбилеи протекают на фоне медленного, но верного исчезновения расположенных в городе объектов культурного наследия — документальных, а не умозрительных свидетельств почётно и достойного места нынешней столицы в югорской истории.

Одним из интересных с точки зрения традиционной сибирской архитектуры, важных с позиции сохранения культурного наследия русского старожильского населения и необходимых для транслирования исторической застройки столицы Югры в будущее является жилой дом по адресу: г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, 22 (ил. 7–12, 28–31). Возведённая в восточной части волостного села в кон. XIX в. (ил. 1–6), эта изысканная по стилю и оригинальная по форме постройка, мимо которой большинство самаровских обитателей ходило в Покровскую церковь (ил. 3), была подлинным украшением Самарова и со временем превратилась в живой символ исторической преемственности нынешней столицы округа со старожильской культурой Югры и местной историей вообще.

Вот как она описана архитектором Е.М. Козловой-Афанасьевой в 2009 г.: *«Рубленый дом-пятистенок по своему масштабу, типологии и декору характерен для купеческих жилых домов Тобольской губернии. В соответствии с местными традициями планировочная структура имеет план «глаголем», образованный прирубом двухэтажных сеней. При сравнительной простоте объёма фасады дома выделяются насыщенным нарядным убранством. Обшитые «ленточным», плотно подогнанным тёсом фасады имеют большой профилированный карниз, тонкий междуэтажный пояс, угловые и рядовые пилястры, наличники, украшенные резьбой. Особенно привлекателен и строен главный трёхосный фасад. В оформлении оконных наличников использована строгая композиция с развитыми составными элементами: высокое очелье, завершённое профилированным карнизом-сандриком, большая подоконная часть, ограниченная прямоугольным профилем, вертикальные связи со ставнями. По чёткости членений такие наличники восходят к классицистическим прототипам, но декоративная разработка относит их к произведениям народных мастеров. Наличники верхних окон украшены рельефно моделированными резными деталями стилизованного рисунка. В очелье, на среднем поле — это растительная, «плетёная» розетка с трилистниками-кринами, на подоконной части — тот же мотив, в циркульной «плетёнке».*

Ил. 2. С. Самаровское. Застройка. 1906—1909 гг. Фото: А.И. Галкин

Ил. 3. С. Самаровское, ул. Церковная (ныне — г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова). На заднем плане — храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. 1906—1909 гг. Фото: А.И. Галкин

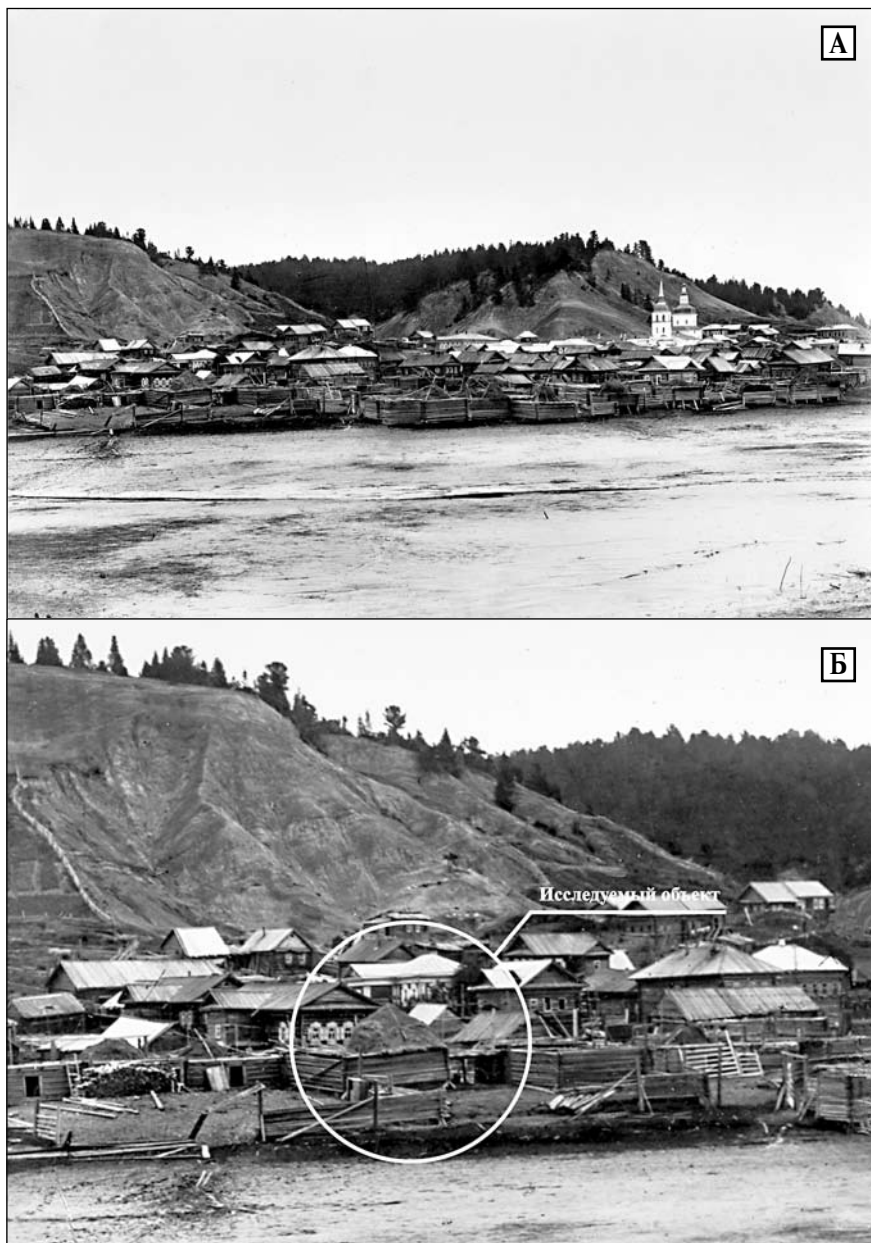

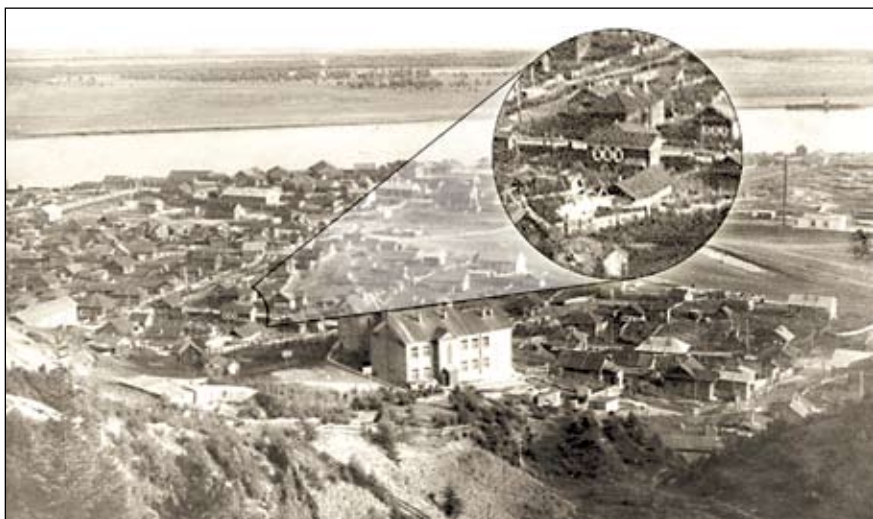
С очертаниями орнамента перекликаются фигурные филенки на ставнях. Помещённые над карнизом очелья плавно изогнутые наверху и лёгкие точеные балясинки подчеркивают вертикализм окон. Аналогичными наличниками оформлены окна первого, более приземистого этажа. Некоторые отличия присутствуют в деталях орнамента. Очелья здесь украшены стилизованной розеттой с широкими листьями, а подоконная часть - линейно-геометрическим орнаментом, ставни простые, без филёнок. Почти соприкасаясь друг с другом, наличники первого и второго этажей с развернутыми ставнями практически укрывают фасад, сообщая ему декоративную плотность. Кроме того, значительный художественный эффект в декор фасадов вносят резные пилястры. Их плоскости украшены вьющимся линейно-растительным орнаментом, крупным, выразительным, с завитками, листьями, трилистниками и пальметтами. Орнамент выполнен в технике рельефно моделированной накладной резьбы, достаточно редко встречающейся в домах северных уездов Тобольской губернии, мотивы же орнамента, характер трактовки относятся к древнерусским и классицистическим источникам. Те же элементы убранства имеются на всех остальных фасадах (разница — в количестве окон, степени сохранности). Прируб сеней декорирован в соответствии с общим решением — тёсом, резными пилястрами, завершён профилированным карнизом и треугольным фронтоном чёткой строгой прорисовки. В верхнем этаже имеется небольшое окно для освещения лестницы. В настоящее время сени с двух сторон имеют поздние дощатые обстройки. С одного из боковых фасадов сеней просматриваются следы от входной двери и навеса-козырька.

Планировка дома, образованная капитальными стенами, сохранилась. Как показывает обследование, жилые комнаты первого этажа лишены декоративного убранства. Однако в интерьере имеются внутренняя лестница с точёными балясинами, филёнчатые двери. Основное помещение второго этажа — гостиная. В ней уцелели: потолочная круглая розетка несложного профиля, филенчатые двери. В сенях отмечены винтовая лестница, обшитая простыми и филенчатыми панелями, филенчатые двери»².

Историческая и художественная ценность представленной постройки была обоснована в 2007 г. в ходе изыскательских работ по проекту «Выявление и архитектурные обмеры построек русского старожильческого населения в г. Ханты-Мансийске» (программа Ханты-Мансийского

Ил. 4. С. Самаровское. Панорама с р. Иртыша (А) и фрагмент панорамы с постройкой — современным объектом культурного наследия (южный фасад) (Б). 1906—1909 гг. Фото: А.И. Галкин

Ил. 5. Г. Ханты-Мансийск. Панорама с террасы и фрагмент панорамы с постройкой — современным объектом культурного наследия (северный фасад). 1953 г.

Ил. 6. Г. Ханты-Мансийск. Панорама с террасы и фрагмент панорамы с постройкой — современным объектом культурного наследия (северный фасад). 2014 г. Фото: Е.А. Чернов

автономного округа — Югры «Культура Югры на 2006—2008 годы», подпрограмма «Историко-культурное наследие»). Руководила работами архитектор М.Н. Пальянова (ООО «НПО «Северная археология — 1», г. Нефтеюганск)³. Было определено удовлетворительное техническое состояние постройки, проведены черновые архитектурные обмеры, сделаны подробные фотографии, зарисованы фасады, подготовлено текстовое описание (ил. 11)⁴. Материалы были доведены до широкой общественности в форме научной публикации⁵.

Началом процесса введения выявленной исторической постройки в правовое поле культурного наследия стало подготовленное в 2009 г. искусствоведом Е.М. Козловой-Афанасьевой заключение об его историко-культурной ценности (приложение 1)⁶. Почти полностью оно приведено выше.

Позже она же уточнила и расширила предмет охраны, ещё раз подчеркнув высокое историко-культурное значение объекта (приложение 2)⁷.

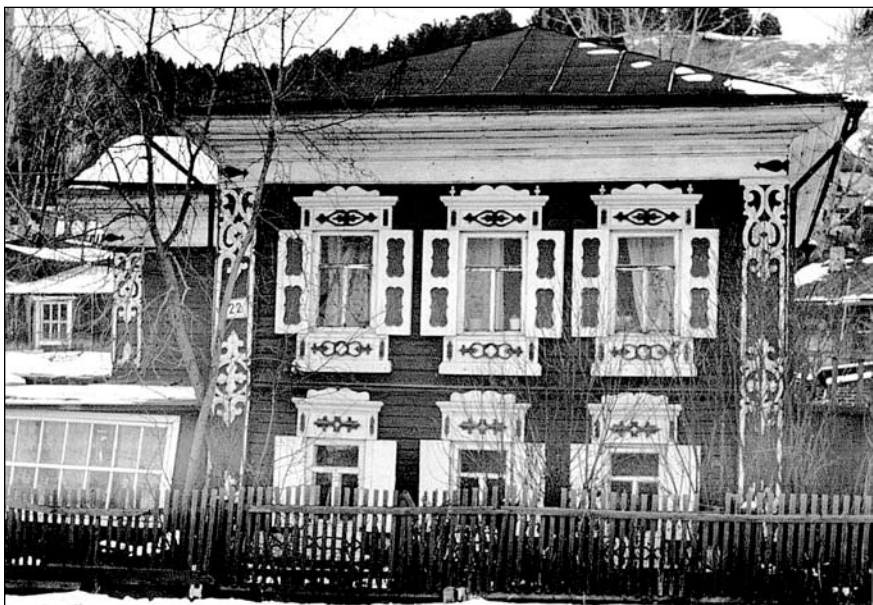
Следующим шагом стал акт государственной историко-культурной экспертизы от 15.11.2012. В нём эксперт подтвердил *«наличие историко-культурной ценности объекта, его особенностей, подлежащих обязательному сохранению»*, а также соответствие *«требованиям, предъявляемым к объектам культурного наследия и их*

Ил. 7. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Южный и западный фасады. 1965 г. *Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск).* ХМ 8192/211

Ил. 8. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Южный и восточный фасады. 1970-е гг.

Ил. 9. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Южный фасад. Втор. пол. XX в. — Государственный архив ХМАО — Югры. — Ф. Фото. Оп. 5. Д. 382. Л. 1

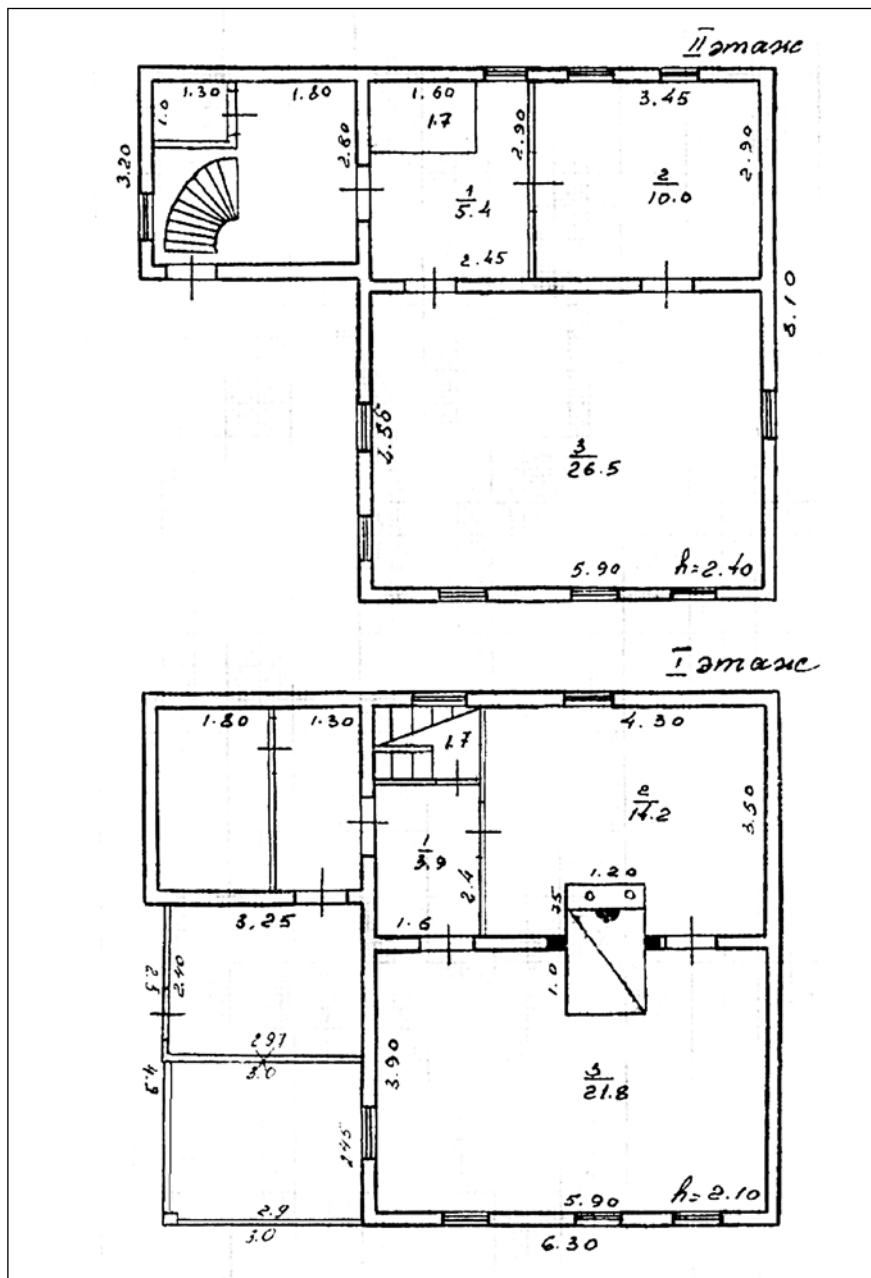

Ил. 10. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Южный фасад. Ок. 2000 г. А – Государственный архив ХМАО – Югры. – Ф. Фото. Оп. 1. Д. 875. Л. 1

Ил. 11. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). А — южный фасад, Б — западный фасад. 2007 г. Фото: М.Н. Пальянова

Ил. 12. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Поэтажные планы из технического паспорта по состоянию на 20.08.1971

Ил. 13. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Южный фасад. Сразу после пожара. 2013 г. Фото: Д.О. Стародумов

Ил. 14. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Западный фасад. После пожара. 2014 г. Фото: Г.И. Монич

Ил. 15. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Прируб западного фасада. После пожара. 2014 г. Фото: Г.И. Мониц

Ил. 16. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Северный фасад. После пожара. 2014 г. Фото: Г.И. Мониц

Ил. 17. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Второй этаж южного фасада. Сразу после пожара. 2013 г. Фото: Д.О. Стародумов

историко-культурной ценности». Был сделан следующий вывод: «Экспертиза считает обоснованным включение объекта... в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия (памятника) регионального значения со следующим наименованием «Жилой дом» и датой создания «1890-е гг.»⁸.

Однако до включения в госреестр дело не дошло — 2 марта 2013 г. в доме произошёл пожар⁹. Его следствием стало, если продолжать высказанное выше экспертное мнение, исчезновение важнейшего элемента «формирования своеобразия исторической части Самарова» (ил. 13–23, 25–27).

В результате историческая постройка пришла в аварийное состояние. К такой оценке 26 ноября 2013 г. пришла компетентная комиссия, осмотревшая пожарище и давшая заключение о техническом состоянии дома (табл. 1).

Таблица 1

**Техническое состояние
выявленного объекта культурного наследия Жилой дом
(г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22) на 26.11.2013¹⁰**
ВНЕШНИЕ АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕКОРАТИВНЫЕ
ЭЛЕМЕНТЫ:

Общее состояние	—	Аварийное
Фундаменты	—	Ограниченно-работоспособное
Стены	—	Работоспособное
Крыша	—	Аварийное
Крыльцо	—	Утрачено
Внешнее декоративное убранство	—	Аварийное

**ВНУТРЕННИЕ АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕКОРАТИВНЫЕ
ЭЛЕМЕНТЫ:**

Общее состояние	—	Аварийное
Перекрытие	—	Аварийное
Стены	—	Аварийное
Полы	—	Ограниченно-работоспособное
Двери и окна	—	Аварийное
Лестницы	—	Аварийное
Декоративные украшения	—	Неудовлетворительное
Инженерное обеспечение (газоснабжение, электроснабжение)	—	Аварийное

В оформленном тогда же акте утрат потери первоначального облика постройки оценены в 71,5 %

Таблица 2

**Утраты первоначального облика
выявленного объекта культурного наследия Жилой дом
(г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22) на 26.11.2013 ¹¹**

Наименование	Единица измерения	Утраты (%)	Удельный вес в облике памятника (%)
Физический объём	Куб. м	5	10
Планировка	Куб. м	10	10
Конструктивная схема		80	25
Декор фасадов		80	25
Внутренняя отделка помещений		100	10
Архитектурно-конструктивные элементы (лестницы, заполнение проёмов)		100	15
Внутреннее убранство		100	5
Общий процент утрат:			
– здание памятника		71,5	
– территория		0	
– малые архитектурные формы		100	

Ил. 18. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Первый этаж. Интерьер. Сразу после пожара. 2013 г. Фото: Д.О. Стародумов

Ил. 19. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Второй этаж. Интерьер. Сразу после пожара. 2013 г. Фото: Д.О. Стародумов

Ил. 20. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Второй этаж. Потолочная розетка. После пожара. 2014 г. Фото: Г.И. Монич

Ил. 21. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Межэтажная лестница. Сразу после пожара. 2013 г. Фото: Д.О. Стародумов

Ил. 22. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Межэтажная лестница. После пожара и после расчистки. 2014 г. Фото: О.Г. Литвинова

Ил. 23. Жилой дом
(г. Ханты-Мансийск,
ул. Кирова, д. 22).
Балясины межэтаж-
ной лестницы. По-
сле пожара. 2014 г.
Фото: Г.И. Мониц

Ил. 24. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Западный фасад. Декоративная отделка пилястров в технике рельефно моделированной накладной резьбы. До пожара. Государственный архив ХМАО – Югры. – Ф. Фото. Оп. 2. Д. 528. Л. 1

Ил. 25. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Южный фасад. Декоративная отделка пилястров в технике рельефно моделированной накладной резьбы. После пожара. 2014 г. Фото: Г.И. Мониц

Ил. 26. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Восточный фасад. Оконный проём, наличник. После пожара. 2014 г. Фото: Г.И. Мониц

Помимо общей оценки состояния памятника архитектуры и списка утрат, был предложен и перечень противоаварийных работ для сохранения памятника: *«Выполнить... разборку пристроев-новоделов, очистку помещений и территории от мусора, усилить перекрытия и лестницу, устроить временную кровлю и заделку проёмов.*

Выполнить комплексные научные исследования и эскизный проект реставрации.

Выполнить рабочий проект реставрации.

Выполнить комплексные реставрационные работы.

Выполнить благоустройство территории с восстановлением малых архитектурных форм¹².

Представленные мероприятия названы «первоочередными» и оптимистично расписаны до 2018 г. Реалистичный взгляд на сложившуюся проблему показывает, что указанные сроки — не более чем благие пожелания. За прошедшее после пожара уже достаточно длительное время для сохранения пострадавшего объекта культурного наследия не сделано ничего. Скорее наоборот, состояние пустующего здания с повреждённой кровлей и открытыми дверными и оконными проёмами активно ухудшается, а посещающие и временно обретающиеся в нём бродяги создают реальную угрозу его полной гибели в пожаре.

Ил. 27. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Восточный фасад. Шурф до кладки цоколя. 2014 г. Фото: Г.И. Мониц

И вряд ли что-то изменится к лучшему, поскольку нынешнее российское законодательство всё бремя содержания, сохранения и ремонта исторических построек возлагает на собственника, а провести в полном объёме чрезвычайно дорогостоящие работы по проектированию и реставрации указанного объекта его нынешний владелец просто не в состоянии. Включить же эти работы в иной бюджет — окружной, городской, ведомственный — нет достаточных правовых оснований. Такой вот правовой тупик, вследствие которого погибают и самаровский особнячок, и ещё огромное число объектов архитектурного наследия в России.

И здесь со всей очевидностью встаёт острейшая проблема, с которой уже столкнулись многие города с исторической деревянной застройкой на своей селитебной площади, — это пожары в зоне новостроек. Земельные участки городской застройки столь привлекательны для строительного бизнеса, что и морально-этические, и правовые ограничения оказываются бессильными и не могут сохранить расположенные на этом участке объекты архитектурного наследия. Например, уже много лет в результате «пожаров техногенно-бытового характера» безвозвратно исчезают объекты архитектуры в Томске: сгорели десятки построек, погибли люди. В 2012 г. депутаты городской думы даже проводили специальное депутатское расследование по этому поводу¹³. Занимавшиеся этой же злободневной общественной проблемой томские учёные признали пожары главной причиной утрат объектов культурного наследия в современном обществе¹⁴. Горят объекты деревянного зодчества в Иркутске, Красноярске, Барнауле... За четыре последних года пожары укоротили и без того недлинный список объектов архитектуры в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре — полностью сгорела церковь Преображения Господня в с. Малом Атлыме и значительно пострадала церковь в честь Нерукотворного Образа Христа Спасителя в с. Шеркалы. И в этой связи надо честно признать: начало реализации застройки микрорайона «Иртыш» на исторической территории бывшего с. Самарова, проект которого прошёл общественное слушание 22 января 2014 г., неминуемо приведёт к утрате остатков исторической застройки, в том числе и в результате пресловутых «пожаров техногенно-бытового характера». Дом по ул. Кирова, 22 — первая, но не последняя жертва этого процесса.

В сложившихся условиях реальной угрозы утраты объекта культурного наследия важной задачей становится сохранение максимально полных данных об его архитектурном облике (включая все, даже

мельчайшие детали конструкции и декора), использованных строительных приёмах и материалах — всех признаков и характеристик, которые в состоянии стать основой для воссоздания постройки хотя бы в будущем.

Историческая справка об объекте культурного наследия

Несмотря на предпринятые усилия по выявлению истории указанной постройки, сведений собрано немного.

Обследовавшая её в 2007 г. архитектор М.Н. Пальянова указала временем возведения 1890-е гг.¹⁵ Источник информации при этом представлен не был.

Подготовившая экспертное заключение об историко-культурной ценности объекта искусствовед Е.М. Козлова-Афанасьева сначала соотнесла дату возведения с более широкими хронологическими рамками кон. XIX — нач. XX в. (текстовое приложение 1)¹⁶, а позже тоже остановилась на последнем десятилетии позапрошлого века (текстовое приложение 2)¹⁷. Основанием к сужению датировки послужил опубликованный Х.М. Лопаревым план с. Самаровского 1896 г. с обозначением усадьбы (ил. 1)¹⁸.

Однако план усадьбы ещё не указывает на наличие именно этой постройки, как и постройки вообще. Указанного дома на усадьбе могло ещё и не быть.

Однако — пусть и косвенные, — сведения о дате постройки и первом владельце дома, что под номером 22 стоит сейчас по ул. Кирова, всё же есть.

По информации самаровского краеведа В.К. Белобородова, строителем либо одним из первых хозяев этого дома мог быть **Адриан Епимахович Корепанов**. Об этом в 1971 г. ему уверенно говорил ещё один представитель старожильческого рода Корепановых и уроженец с. Самарова Ефим Гаврилович Корепанов.

Сопоставление известных — пусть небольших и косвенных — исторических сведений подтверждает предположение В.К. Белобородова. Известно, что крестьянин А.К. Корепанов (ок. 1859 — 07.07.1913.) был заметной фигурой в местной жизни — занимался рыбодобычей и рыбороторгией, был активистом местного крестьянского общества, избирался церковным старостой¹⁹. В частности, уже упомянутый информатор Е.Г. Корепанов дал своему однофамильцу такую характеристику: *«Хотя торговли у него не было, жил он очень зажиточно. У*

него было четыре амбара под железом на одной ограде и всего было полно, так как, чтобы содержать две наёмных артели рыбаков из 30 человек в течение двух месяцев, много нужно было продовольствия, одежды, кожаных бродней, брезента. Кроме того, к двум неводам был запас мережи, варовины, кибасов, наплавов, смолы и пр. Вот этим и были забиты его амбары. Жил он только вдвоём с женой, с ними жили годовая прислуга и работник»²⁰. А в своих письменных воспоминаниях Е.Г. Корепанов, кроме таких же сведений о жизни Адриана Епимаховича, что он изложил устно, указал на немаловажную для атрибуции интересующей нас постройки деталь — двухэтажность: «К 1910 г. в Самарово было 215 дворов... Были и такие зажиточные хозяйства, которые, хотя своих магазинов не имели, но содержали свои стрелевые невода на песках и наёмных рабочих на летний период. Это ...Корепанов Адриан Епиманович²¹ вдвоём с женой... Жили они исправно, имели запас всего не на один год. Жили в больших двухэтажных домах, была у них купеческая обстановка...»²².

Про наличие двухэтажного дома у А.Е. Корепанова сказано и в наиболее полной истории с. Самаровского — в книге Х.М. Лопарева: «Дома, в старину по большей части одноэтажные, исключительно деревянные, из толстого кедрового дерева, за два последних десятилетия стали строиться обыкновенно в два этажа; у богатых они обшиты тёсом и обтянуты обоями, у остальных просто изнутри отёсаны и подстроганы... В последнее время появились ещё красивые дома А.Е. Корепанова, Ф.К. Соскина, К.А. Ершова и других»²³.

Учитывая дату выхода указанного краеведческого издания — 1896 г., можно уверенно отнести дату постройки корепановского дома к рубежу 1880—1890-х гг. Очевидно, обустройство усадьбы и благоустройство окружающей территории, как это водится, продолжалось ещё какое-то время и после сооружения дома. По крайней мере, сохранилось письмо 1902 г. из Самарова с информацией, что за изготовление новых ворот к своему дому Адриан Епимахович уплатил 50 руб.²⁴ Сумма по тем временам немалая, но и ворота, судя по воспоминаниям самаровских старожилов и изображению на единственной известной нам фотографии (ил. 7), были куда с добром — двойные (отдельно для конных подвод и для пешеходов), высокие, массивные, тесовые, с декоративным оформлением верха.

Ещё одним косвенным подтверждением может служить концептуальная публикация 2000 г. «Проект создания музейного комплекса

Ханты-Мансийска». В ней авторы в музейную сеть югорской столицы предлагают включить Музей истории Самарова и разместить последний... в «купеческой усадьбе Корепановых (ул. Кирова, 22)»²⁵. Ссылка на источник, к сожалению, отсутствует, но ведь какой-то посыл для такой формулировки был.

Кстати говоря, А.Е. Корепанов, помимо собственного дома для жилья, в 1909 г. на свои средства построил в Самарово ещё один дом — для священника. Из-за организационной неразберихи между церковным приходом и Тобольской епархией в нём какое-то время размещалось двухклассное училище²⁶. Однако вряд ли то здание можно отождествить с интересующей нас постройкой на нынешней ул. Кирова, которое своей архитектурой и планировкой мало соответствует задачам образовательного учреждения. А вот служить жилым домом А.К. Корепанову она вполне могла.

Все эти доводы — косвенные. Однако фамилия А.Е. Корепанова может служить вектором дальнейших изысканий к биографии исторической постройки — уже архивных.

А вот самый ранний из известных ныне документальных источников о существовании указанного дома относится к 1906—1909 гг. В это время в Самарово отбывал ссылку А.И. Галкин, оставивший несколько десятков фотографий на местную тему, в том числе панораму иртышского берега, где виден и нынешний объект культурного наследия (ил. 4).

После революции и прихода к власти советов эта богатая постройка не могла избежать участи себе подобных — она наверняка была национализирована. Судить об этом можно по воспоминаниям Владимира Петровича Арефьева — сына **Ольги Владимировны Арефьевой** (заслуженной учительницы РСФСР и весьма заметной фигуры в Самарово 1930—1950-х гг., чьим именем названа одна из улиц г. Ханты-Мансийска). Он писал: *«В нач. 1930-х гг. наша семья... приехала в с. Самарово осенью. Нам дали однокомнатную квартиру в раскулаченном двухэтажном доме. Нижний этаж...»*²⁷.

Оказывается, примерно в те же 1920-е — нач. 1930-х гг. в этом доме проживал ещё один герой югорской истории — **Платон Ильич Лопарев** (*«организатор, командир и член военного совета отряда красных партизан Обского Севера ...начальник оперативного отдела Тобольской армии, а затем командир северного экспедиционного добровольческого отряда на Обском Севере»*²⁸). Вообще-то название «Лопаревский дом» имела другая постройка, которая когда-то стояла

на той же улице Самарова, чуть дальше на запад, на пересечении с пер. Некрасовским. Однако дочь красного героя Диана Платоновна Лопарева в своём личном альбоме фотографию постройки по ул. Кирова, 22 сопровождала подписью «Дом, где мы жили. 1. Ул. Кирова» (ил. 7), а другую фотографию — подписью: «Дом Лопаревых (родительский)»²⁹.

Позже общежитие было расселено. По словам ханты-мансийского старожила Нины Константиновны Нагибиной, к 1970 г. весь дом занимала семья Арефьевых. О долгом времени проживания в доме писал и В.П. Арефьев, который отмечал, что здесь выросли все его братья и сёстры, а улицу Кирова в народе звали Арефьевской³⁰.

Приведённая информация противоречит другим сведениям, тоже устным, о том, что в сер. XX в. домом владели **Бабкины**. По словам ныне здравствующего Валерия Константиновича Бабкина, который в ту пору был ещё ребёнком, его отец со стороны северного фасада пристроил к прирубу баню, а со стороны западного — летнюю веранду. А в 1960-х гг. эти же хозяева провели реконструкцию здания:

- вынули нижние окладные венцы,
- дополнили стены железобетонной обвязкой,
- укрепили систему чердачного перекрытия.

Позже была проведена система водяного отопления.

Колористическое решение фасадов здания, со слов В.К. Бабкина, было следующим:

- горизонтальная деревянная обшивка и декоративные накладные элементы наличников — зелёного цвета,
- наличники, карниз, фриз и резной декор лопаток — белого цвета.

Фотографий здания в семейном архиве Бабкиных не нашлось.

Архитектурное обследование объекта культурного наследия в 2014 г.

В 2014 г. на средства, выделенные в качестве субсидии в соответствии с постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 09.10.2013 № 427-п «О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Развитие культуры и туризма в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2014—2020 годы», был разработан и реализован проект «Самарово: реставрация, отодвинутая во времени (создание информационной модели утраченного объекта архитектуры для его последующего физического воссоздания)».

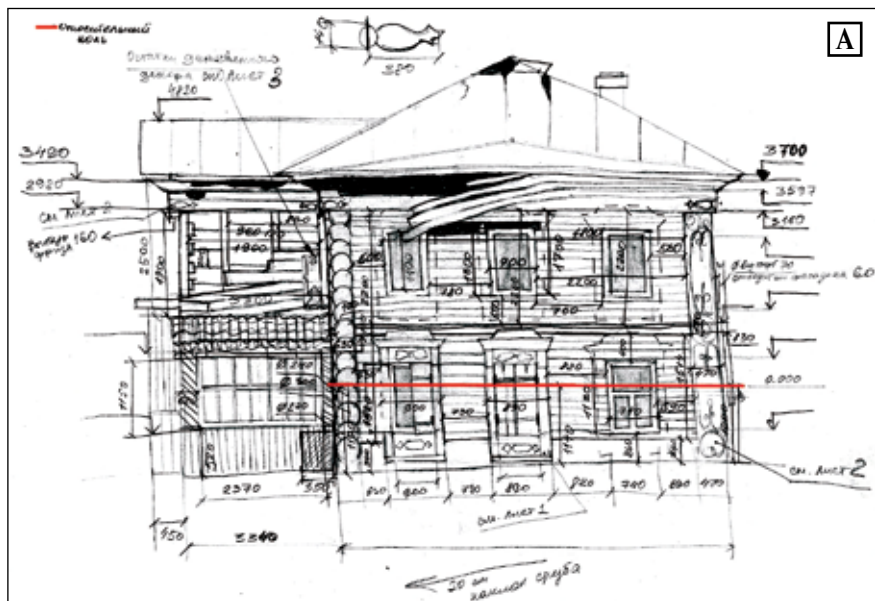

Идея и разработка проекта принадлежат Я.А. Яковлеву. Им же подготовлены историческая справка о постройке и хронология исследования последней. Архитектурные обмеры объекта выполнены группой сотрудников кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия Томского государственного архитектурно-строительного университета, в которую входили О.Г. Литвинова и Г.И. Монич, а также студент Е.А. Чернов³¹. Информационные модели внешнего вида и интерьеров дома на момент постройки в кон. XIX в. выполнены Г.И. Монич с участием Я.А. Яковлева (в поиске и подборе визуальных образов предметов интерьера, актуальных для указанного времени).

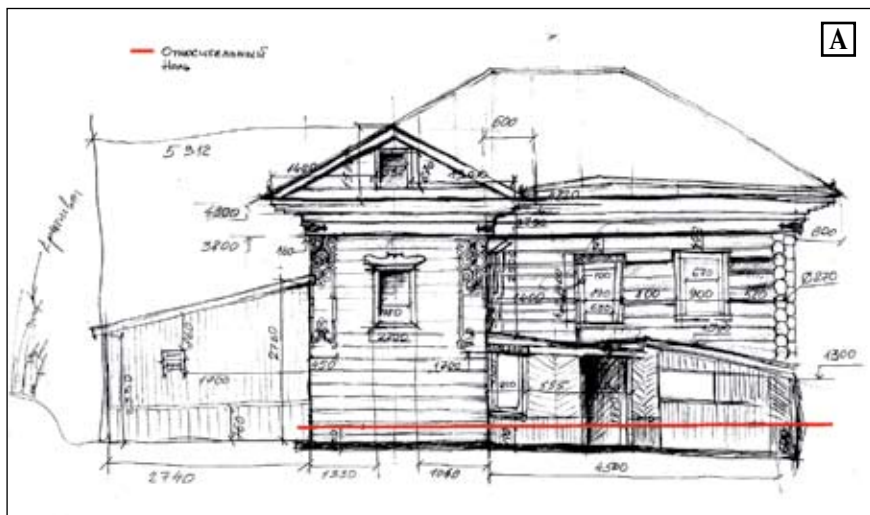
Кратко цель проекта можно сформулировать следующим образом: виртуальное воссоздание информационной модели одного из утраченных объектов деревянного зодчества бывшего села Самарова, которая не только позволит получить аутентичное представление об оригинале в целом и всех его элементах в частности, но и может стать полноценной основой для физического воссоздания исторической постройки в будущем.

Для достижения поставленной цели на исторической постройке были выполнены такие работы:

1. Расчистка постройки от сгоревших деталей, элементов интерьера и вещей в местах работы (ил. 14, 22).
2. Визуальный осмотр, фотофиксация природного и исторического ландшафта восточной части бывшего с. Самарова, постройки, деталей постройки (ил. 6, 14–16, 20, 22, 23, 25, 26).
3. Архитектурные обмеры и зарисовки постройки:
 - выполнение подготовительных черновых эскизов, схем и зарисовок планов, фасадов, разрезов и деталей здания;
 - снятие натуральных размеров с нанесением их на эскизы (28-А, 29-А, 30-А, 31-А, 35-А, 36-А, 39);
 - выполнение обмерных чертежей с помощью программного обеспечения (ил. 28-Б, 29-Б, 30-Б, 31-Б, 32–34, 35-Б, 36-Б, 37, 38, 40–44).
4. Исследования:
 - зондаж в чердачном перекрытии для определения состояния несущих элементов;
 - шурф для определения глубины заложения и конструкций фундамента и цоколя, определения их технического состояния, а также первоначальной отметки земли (ил. 27).
5. Создание информационной модели памятника архитектуры в 3D технике
 - визуализация внешнего вида дома (ил. 45–48).
6. Создание информационной модели памятника архитектуры в интерактивной форме — визуализация интерьеров дома.

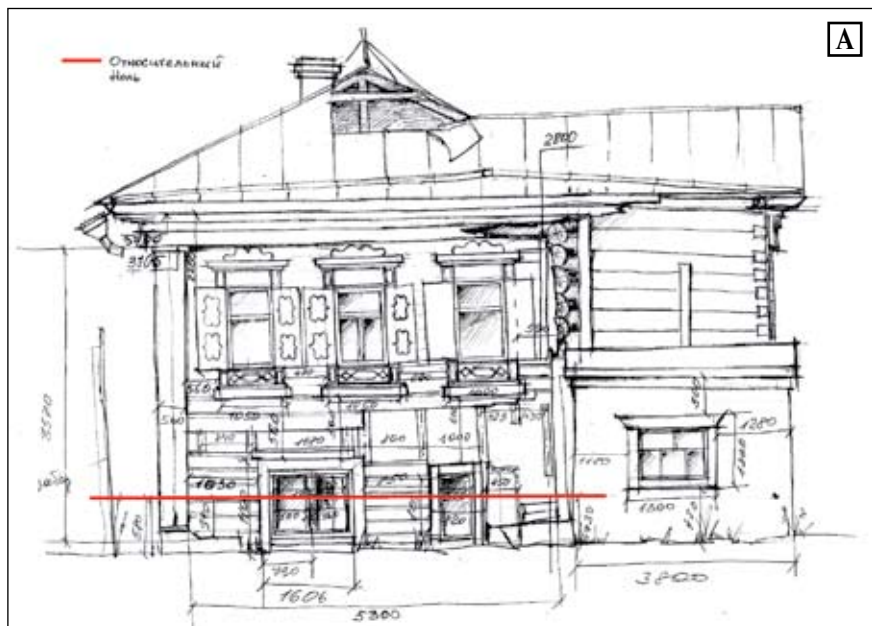

Ил. 28. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Южный (уличный) фасад: А — кроки, Б — реставрация

Ил. 29. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Западный (дворовый) фасад: А — кроки, Б — реставрация

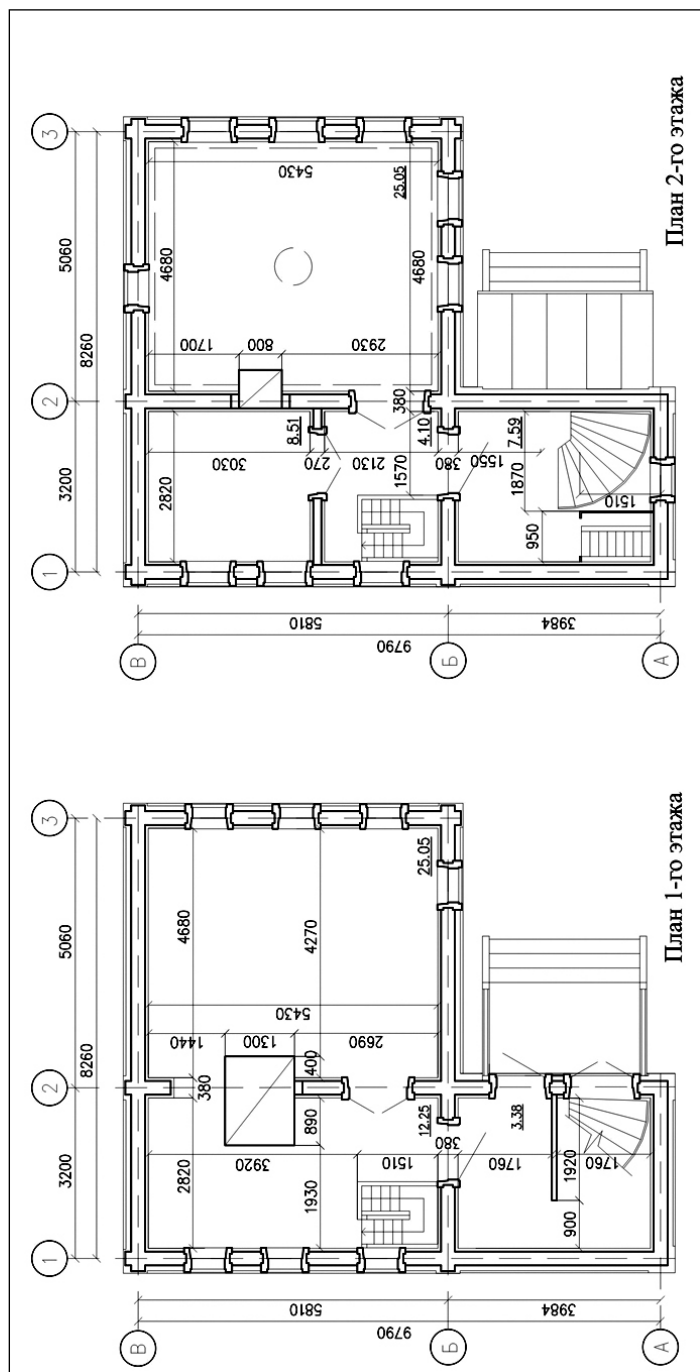

Ил. 30. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Северный (дворовый) фасад: А — кроки, Б — реставрация

Ил. 31. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Восточный (дворовый) фасад: А — кроки, Б — реставрация

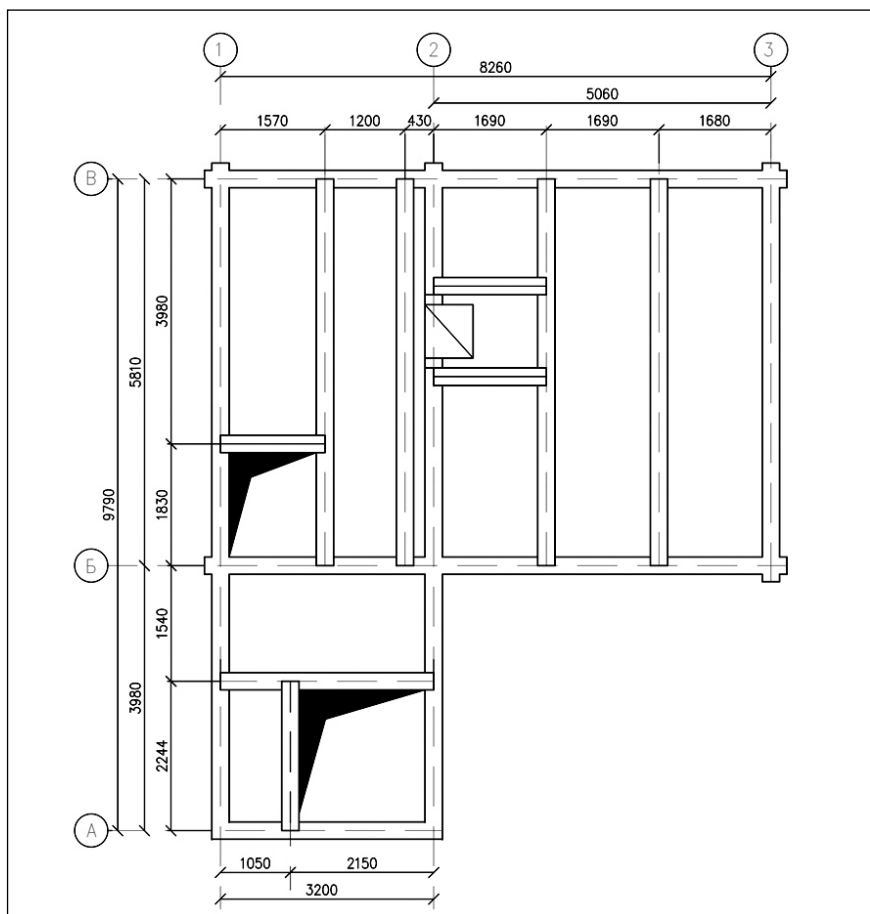

Ил. 32. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). План 1-го этажа. План 2-го этажа. Реставрация

В результате натурного обследования постройки, опроса её бывших владельцев, а также жителей соседних домов были выявлены следующие изменения.

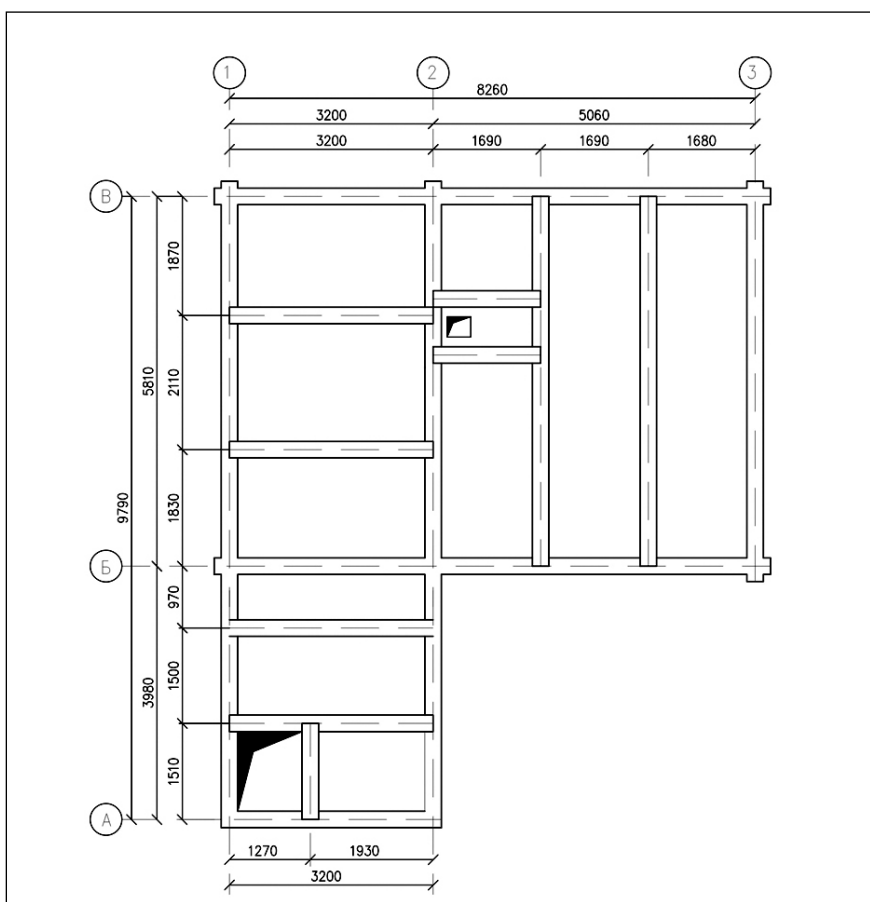
1. В 1960-х гг. после пожара, следы которого зафиксированы на срубе под поздней обшивкой, постройка была подвергнута капитальному ремонту:
 - заменена обшивка на первом этаже восточного фасада (кухня);
 - расширено окно 1-го этажа на северном фасаде;
 - частично отремонтирован декор наличников.
2. Из-за увеличения культурного слоя нижние окладные венцы были вынуты, а стены дополнены железобетонной обвязкой.

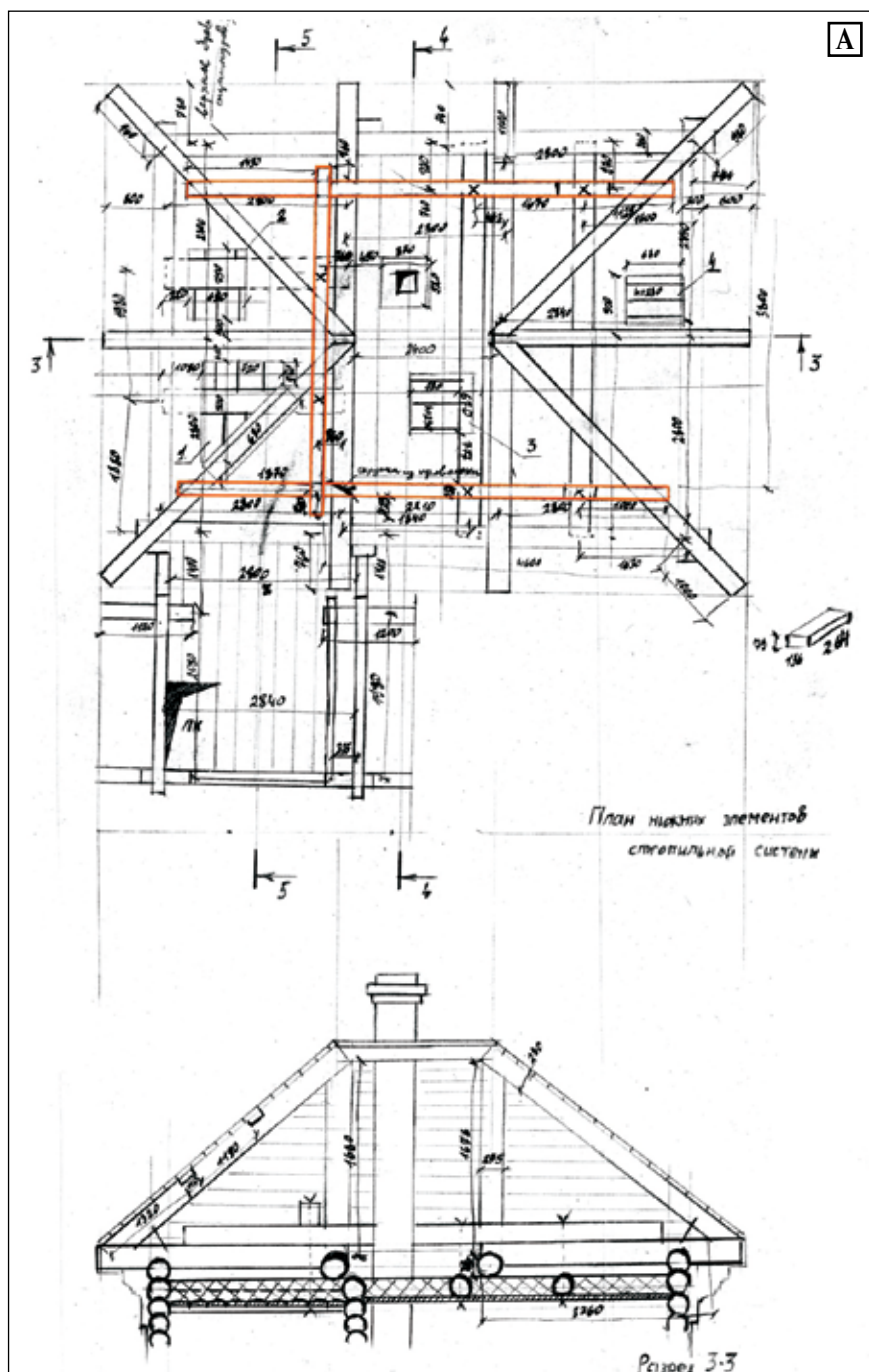
Ил. 33. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). План перекрытия 1-го этажа. Реставрация

3. В процессе вычинки окладных венцов была организована система укрепления чердачного перекрытия и сруба.
4. Была проведена реконструкция печи для устройства водяного отопления, нарушение целостности конструкций печи повлекло за собой деформацию средней балки перекрытия.
5. В покрытии наружных стен под наслоениями поздних покрасок был обнаружен нижний слой красно-коричневого цвета (сурик).
6. В местах примыкания накладного декора к наличникам были обнаружены следы краски белого и молочного цвета. Предположительно наличники были окрашены в молочный цвет, а накладные декоративные элементы на них были белыми.

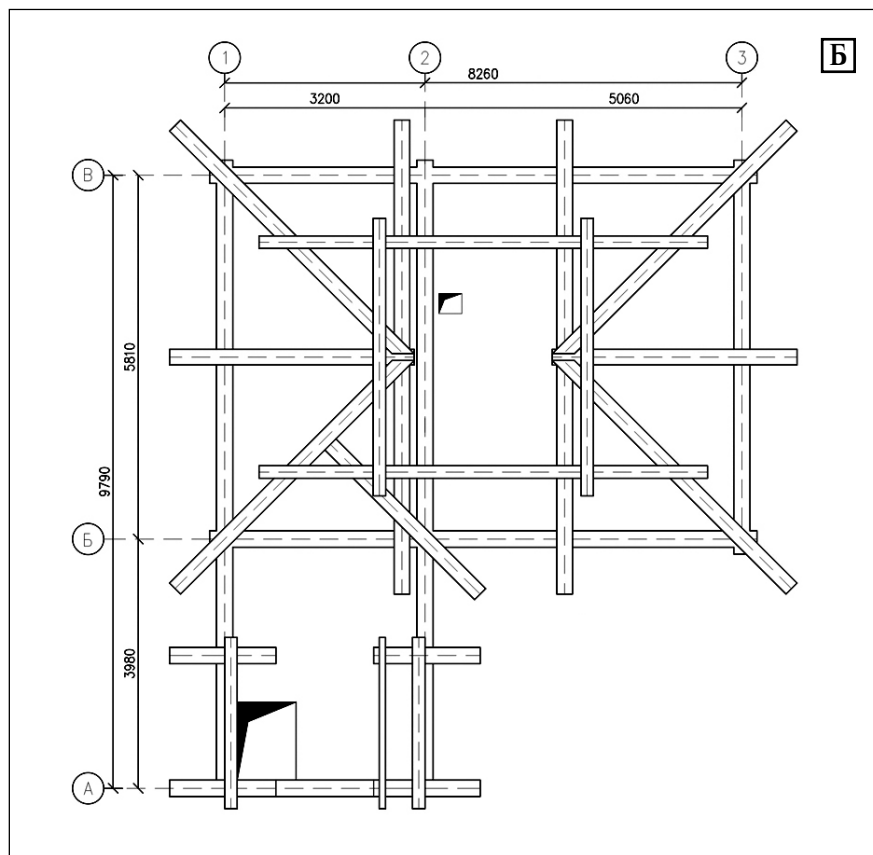
Ил. 34. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). План перекрытия 2-го этажа. Реставрация

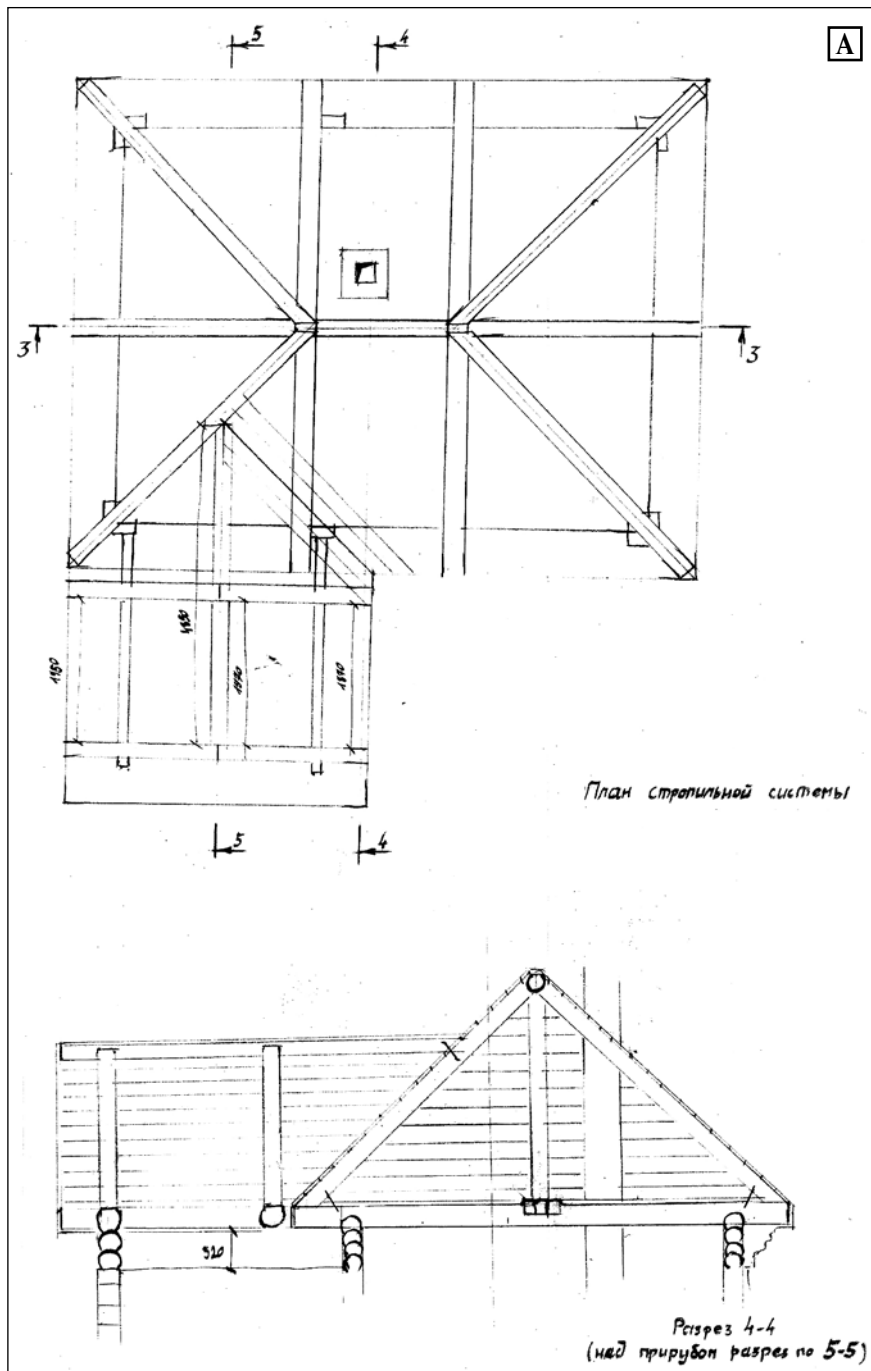

7. В результате возгорания 2013 г. частично разрушилась перевязка нижнего пояса стропильной системы.

Установить вид и материал конструкции фундамента не удалось. Был заложен шурф, но из-за сильной обводнённости грунтов ниже верхней отметки цоколя углубиться не удалось (ил. 27). Со слов В.К. Бабкина, дом стоял на накате из лиственничных брёвен. Для уточнения данной информации необходимо провести более детальное обследование конструкций основания здания.

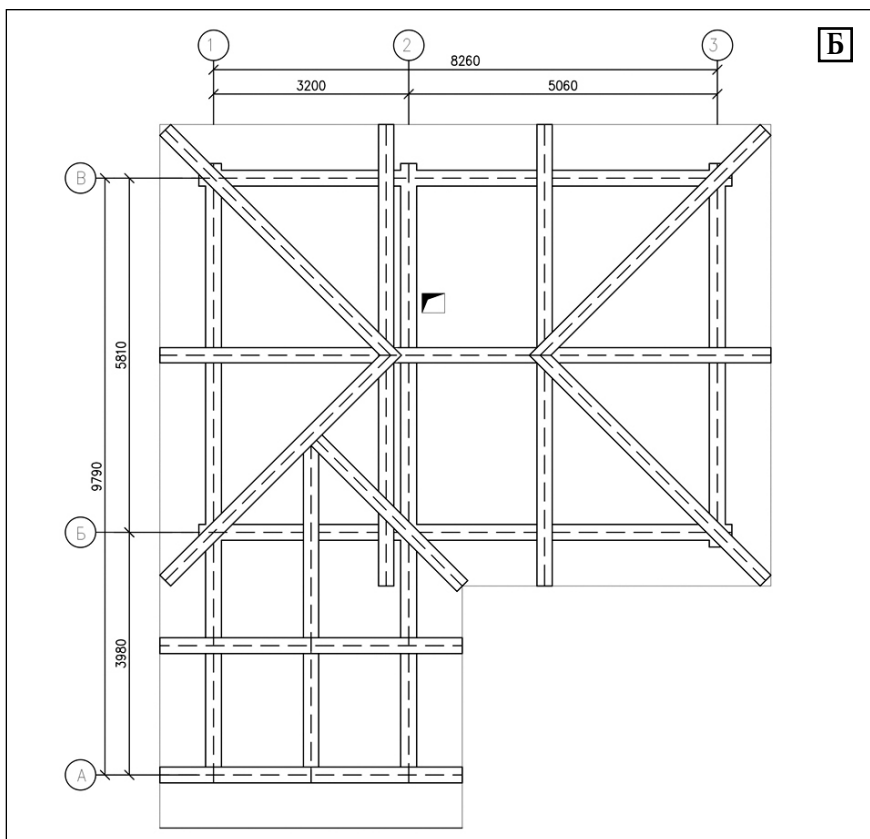

Ил. 35. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). План нижних элементов стропильной системы: А — кроки, Б — реставрация

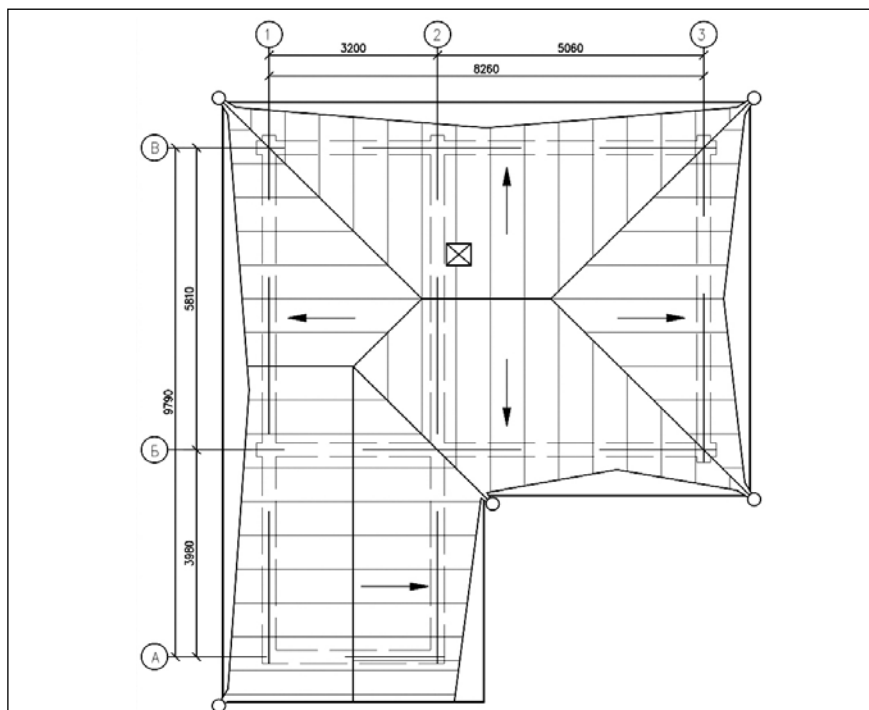

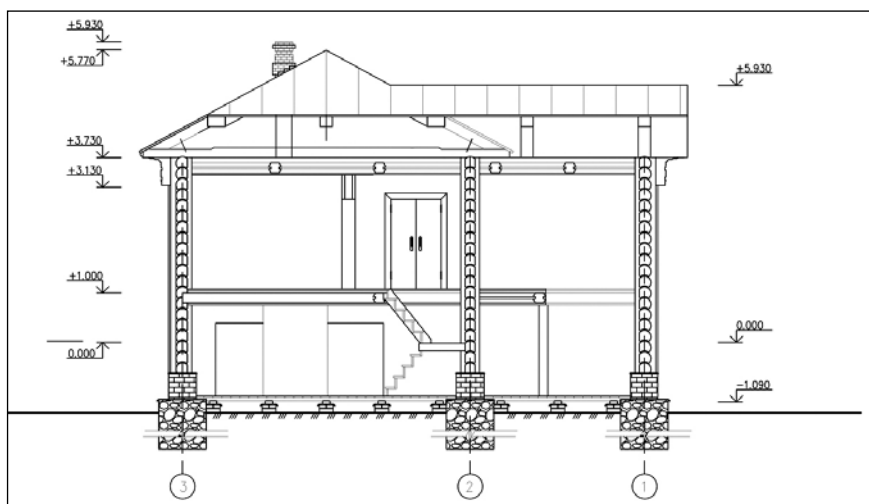
Для определения технического состояния здания была применена методика экспресс-обследования, разработанная в 2009 г. в результате сотрудничества кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия Томского государственного архитектурно-строительного университета со специалистами университета г. Карлсруэ (Германия). До работ в г. Ханты-Мансийске эта методика была апробирована на 24 объектах в Татарской слободе г. Томска, а в 2010 г. внедрена в работу коммунальных служб муниципальных районов г. Томска.

Ил. 36. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). План стропильной системы: А — кроки, Б — реставрация

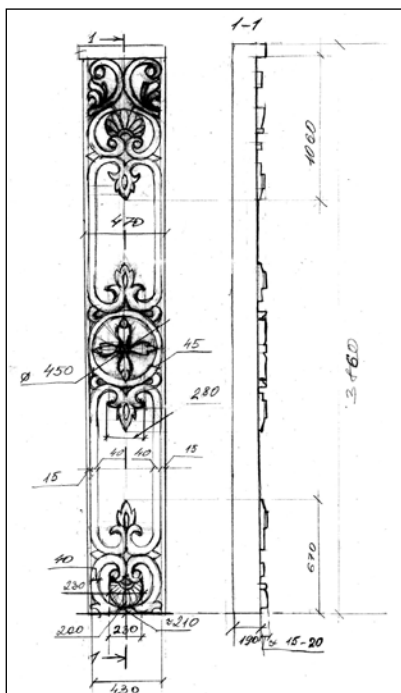

Ил. 37. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). План крыши. Реставрация

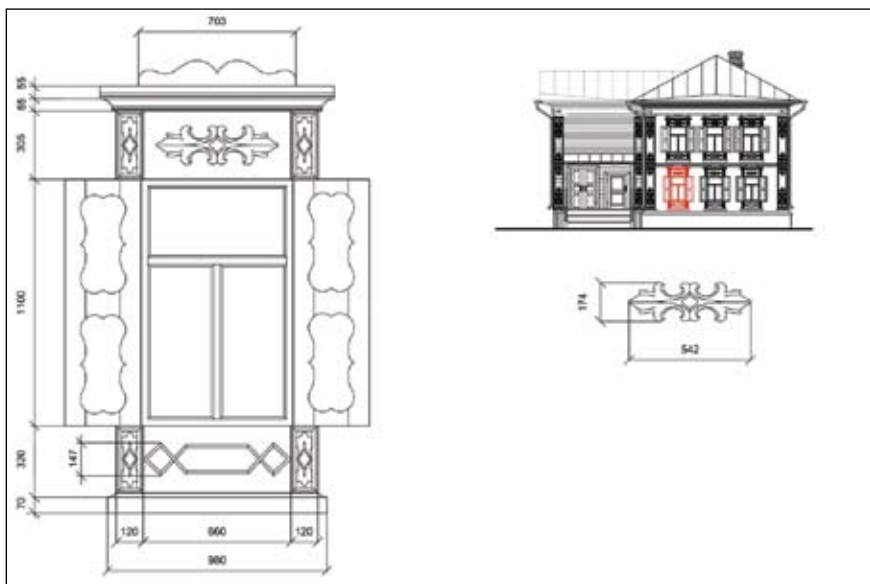

Ил. 38. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Разрез 1—1. Реставрация

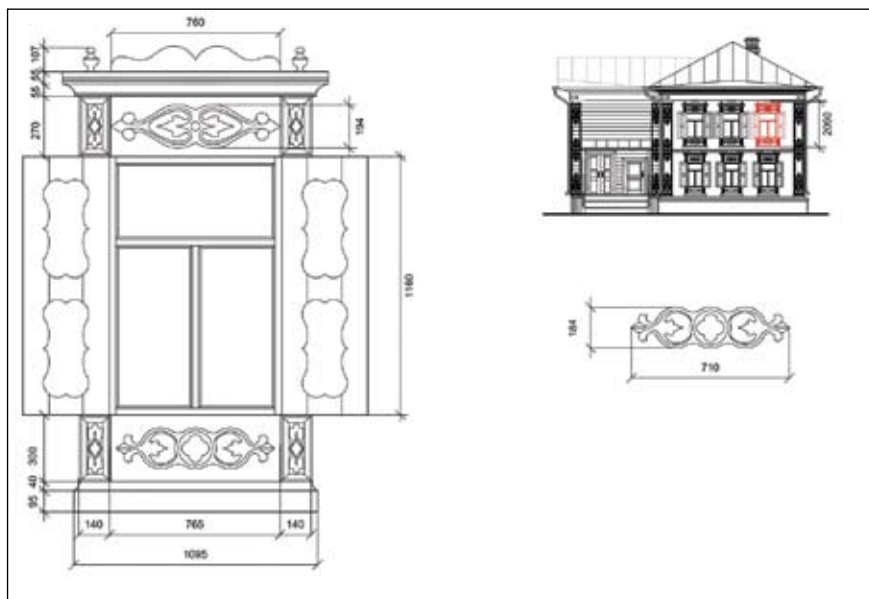

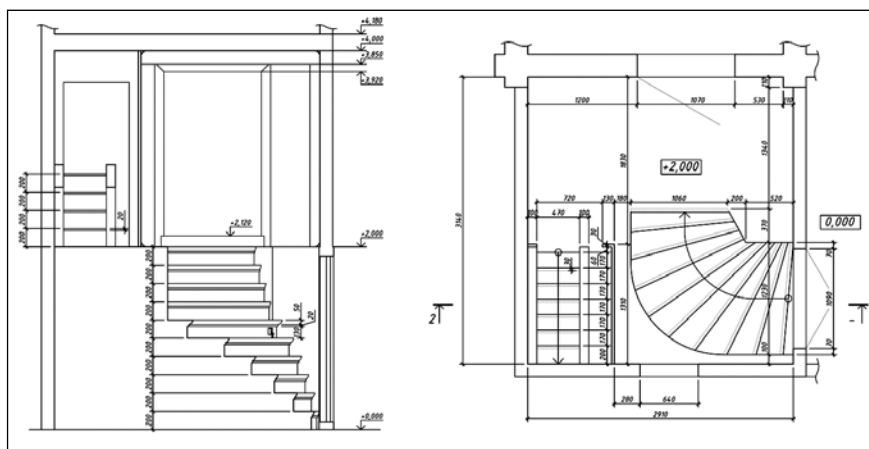
Ил. 39. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Южный фасад. Деревянный декор лопаток. Кроки

Ил. 40. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Наличник 1-го этажа. Реставрация

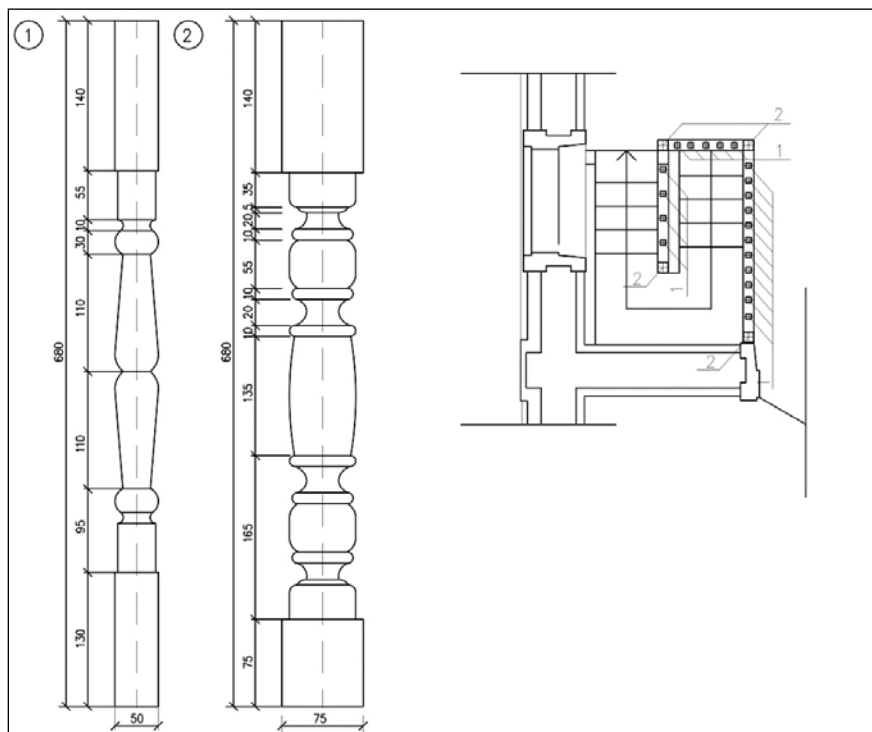

Ил. 41. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Наличник 2-го этажа. Реставрация

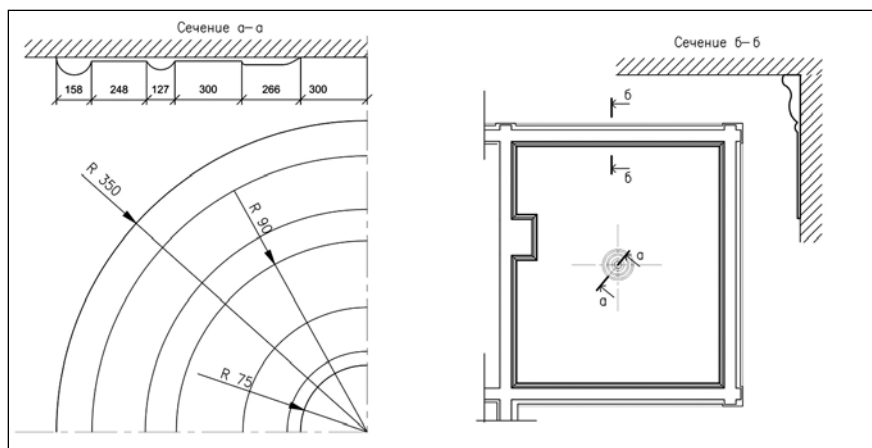

Ил. 42. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Винтовая лестница. Реставрация

Ил. 43. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Балясины лестницы северного фасада. Реставрация

Ил. 44. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Лепной декор помещения 2-го этажа. Потолочная розетка. Реставрация

Ил. 45. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Общий вид.
Реконструкция. Визуализация

Ил. 46. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Южный фасад.
Реконструкция. Визуализация

Ил. 47. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Северный фасад. Реконструкция. Визуализация

Ил. 48. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). Восточный и южный фасады. Реконструкция. Визуализация

Результаты архитектурного обследования объекта культурного наследия³²

Историко-культурная ценность

1. Здание построено в стилистике классицизма. За время эксплуатации его объёмно-пространственные и архитектурно-художественные характеристики претерпели незначительные изменения.

2. Из результатов обследования окружающей застройки исторического района Самарово, на территории которого располагается выявленный объект культурного наследия, следует, что это единственное историческое здание, сохранившее архитектурно-художественный облик и объёмно-планировочное решение втор. пол. XIX — нач. XX в. в целостном виде. Художественный и эстетический облик здания относится к значимому периоду истории архитектуры жилой застройки г. Ханты-Мансийска, который выражался в застройке усадебного типа по образцовым проектам в стиле классицизма. Здание является градостроительным и архитектурным акцентом в панораме исторической улицы Кирова (ранее — Церковной).

3. В настоящее время деревянные постройки в стилистике классицизма являются наиболее редкими сохранившимися объектами деревянного зодчества Сибири.

4. Сохранение объекта и его архитектурно-художественного облика имеет важное значение для формирования историко-культурного своеобразия бывшего села Самарово — исторической части нынешнего г. Ханты-Мансийска.

Техническое состояние

1. Средняя оценка технического состояния постройки, согласно указанной выше методике экспресс-обследования, составляет 3,3 балла. Это соответствует 40 % повреждений.

2. Видимые деформации остова здания (отклонения по горизонтали и вертикали) отсутствуют.

3. В целом несущие конструкции здания не утратили устойчивость. Стены, балки перекрытий, висячая стропильная система, фундамент и лестницы находятся в работоспособном состоянии. Общее состояние здания следует признать работоспособным.

За прошедший после представленного обследования год состояние объекта культурного наследия значительно ухудшилось. Это видно

Ил. 49. Жилой дом (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22). 14.05.2015. Фото: Д.М. Шакиров

даже по фотографии (ил. 49). Сейчас, когда пишутся эти строки, он выставлен на продажу. Совершенно очевидно, что потребительскую ценность имеет усадьба под застройку, а не полусгоревший дом. Нужны чудо или воля заинтересованных сторон и ответственных лиц, чтобы он сохранился, а Ханты-Мансийск не сделал ещё один шаг к облику эстетически непривлекательного и психологически некомфортного города.

Список приложений

Приложение 1. Козлова-Афанасьева Е.М. Экспертное заключение об историко-культурной ценности объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия. 25.09.2009.

Приложение 2. Козлова-Афанасьева Е.М. Уточнение предмета охраны выявленного объекта культурного наследия.

Приложение 3. Анкета здания (объект культурного наследия Жилой дом, расположенного по адресу: г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, 22). Внешняя часть. Внутренняя часть. 17.07.2014.

Приложение 4. Предварительное заключение по результатам натурного обследования выявленного объекта культурного наследия Жилой дом, расположенного по адресу: г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, 22. 24.07.2014.

Приложения

Приложение I

Экспертное заключение об историко-культурной ценности объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия

Объект: Дом купца

Адрес: Тюменская обл., ХМАО-Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарово, ул. Кирова, 22

Деревянный дом, расположенный в восточной части Самарово, наиболее интересный и выразительный среди сохранившейся старой застройки села. По свидетельству местных жителей, дом принадлежал зажиточному купцу, однако имя владельца не установлено. Особенности архитектурно-декоративного решения позволяют отнести время строительства здания к кон. XIX — нач. XX в.

Рубленый дом-пятистенник по своему масштабу, типологии и декору характерен для купеческих жилых домов Тобольской губернии. В соответствии с местными традициями планировочная структура имеет план «глаголем», образованный прирубом двухэтажных сеней. При сравнительной простоте объёма фасады дома выделяются насыщенным нарядным убранством. Обшитые «ленточным», плотно подогнанным тесом фасады имеют большой профилированный карниз, тонкий междуэтажный поясок, угловые и рядовые пилястры, наличники, украшенные резьбой. Особенно привлекателен и строен главный трёхосный фасад. В оформлении оконных наличников использована строгая композиция с развитыми составными элементами: высокое очелье, завершённое профилированным карнизом-сандриком, большая подоконная часть, ограниченная прямоугольным профилем, вертикальные связи со ставнями. По чёткости членений такие наличники восходят к классическим прототипам, но декоративная разработка относит их к произведениям народных мастеров. Наличники верхних окон украшены рельефно моделированными резными деталями стилизованного рисунка. В очелье, на среднем поле — это растительная, «плетёная» розетка с трилистниками-кринами, на подоконной части — тот же мотив, в циркульной «плетёнке». С очертаниями орнамента перекликаются фигурные филёнки на ставнях. Помещённые над карнизом очелья плавно изогнутые наверху и лёгкие точёные балясинки подчёркивают

вертикализм окон. Аналогичными наличниками оформлены окна первого, более приземистого этажа. Некоторые отличия присутствуют в деталях орнамента. Очелья здесь украшены стилизованной розеттой с широкими листьями, а подоконная часть — линейно-геометрическим орнаментом, ставни простые, без филёнок. Почти соприкасаясь друг с другом, наличники первого и второго этажей с развернутыми ставнями практически укрывают фасад, сообщая ему декоративную плотность. Кроме того, значительный художественный эффект в декор фасадов вносят резные пилястры. Их плоскости украшены выющимся линейно-растительным орнаментом, крупным, выразительным, с завитками, листьями, трилистниками и пальметтами. Орнамент выполнен в технике рельефно моделированной накладной резьбы, достаточно редко встречающейся в домах северных уездов Тобольской губернии, мотивы же орнамента, характер трактовки относятся к древнерусским и классицистическим источникам. Те же элементы убранства имеются на всех остальных фасадах (разница — в количестве окон, степени сохранности). Прируб сеней декорирован в соответствии с общим решением — тёсом, резными пилястрами, завершён профилированным карнизом и треугольным фронтоном чёткой строгой прорисовки. В верхнем этаже имеется небольшое окно для освещения лестницы. В настоящее время сени с двух сторон имеют поздние дощатые обстройки. С одного из боковых фасадов сеней просматриваются следы от входной двери и навеса-козырька.

Планировка дома, образованная капитальными стенами, сохранилась. Как показывает обследование, жилые комнаты первого этажа лишены декоративного убранства. Однако в интерьере имеются внутренняя лестница с точеными балясинами, филёнчатые двери. Основное помещение второго этажа — гостиная. В ней уцелели: потолочная круглая розетка несложного профиля, филёнчатые двери. В сенях отмечены винтовая лестница, обшитая простыми и филёнчатыми панелями, филёнчатые двери.

Состояние конструкций на сегодняшний день признано удовлетворительным.

Выводы. Дом обладает несомненным ценностным характером внешнего облика, играет важную роль в формировании своеобразия исторической части Самарово, служит хорошим образцом русского сибирского деревянного жилого зодчества кон. XIX — нач. XX в., архитектура которого представляет сплав стилевых форм с народными истоками и местными, тоже народными в своей основе, приёмами.

Исходя из этого, в качестве предмета охраны рекомендуется объект в части его внешней объёмно-пространственной, планировочной композиции, включая решение пристроя сених (без поздних обстроек), внешних конструктивных приёмов, включая водосточные трубы, а также декоративной отделки фасадов (обшивка, карнизы, особенно резные пилястры, наличники, исключая лишь цветное оформление фасадов, которое можно варьировать). Внутренняя планировка также представляет типологический, архитектурный и, кроме того, этнографический интерес с точки зрения организации купеческого быта, однако включать её в предмет охраны представляется целесообразным только при условии музеефикации здания. К предмету охраны можно отнести элементы отделки — архитектурно-декоративное решение лестниц, филёнчатые двери, потолочный плафон, тянутые карнизы на втором этаже.

Рекомендуемое наименование объекта — Дом жилой

Рекомендуемый вид объекта — памятник архитектуры и градостроительства

Рекомендуемая категория историко-культурного значения — региональная

Искусствовед

ООО «СибСпецСтройРеставрация»,

кандидат искусствоведения

Е.М. Козлова-Афанасьева

25.09.2009.

Уточнение предмета охраны выявленного объекта культурного наследия

Объект: Жилой дом

Адрес: ХМАО — Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22

Результатами натурных, историко-архитектурных исследований исторической части г. Ханты-Мансийска, района бывшего села Самарова, проведённых в 2007 г. и подтверждённых заключением об историко-культурной ценности объектов в 2009 г., деревянный дом по ул. Кирова, 22 был отнесён к наиболее интересным и выразительным образцам русского деревянного зодчества среди сохранившейся исторической застройки кон. XIX — нач. XX в. старого поселения (в настоящее время почти полностью утрачена). В местные источники здание первоначально вошло с наименованием «Дом купца»: точное имя владельца не установлено. По опросам местных жителей, дом принадлежал зажиточному купцу, являлся частью усадьбы, располагавшейся на главной Церковной улице, в т. н. Егорьевском квартале, между каменной Покровской церковью и деревянной Никольской часовней. Строительство дома датируется 1890-ми гг. Схема усадьбы отражена на плане села Самаровского 1896 г. [ил. 1], а само здание запечатлено на известной панораме Самарова (вид с Иртыша) — фотографии А.И. Галкина 1906—1910 гг. [ил. 4].

Исследования объекта выявили следующие его особенности.

Типологические. Рубленый в форме «глаголя» двухэтажный с пониженным первым этажом, обшитый тёсом, дом-пятистенок по своему масштабу и типологии характерен для жилых домов Тобольской губернии втор. пол. XIX в. — нач. XX в. Как свидетельствуют архивные, изобразительные материалы, дома такого типа строились не только в селениях, обеспечивая нужды зажиточного крестьянства, купечества, но и в городах — для мещан, чиновников. Показателен в этом отношении чертёж 1871 г. из фонда Тобольского губернского строительного отделения — проект деревянного двухэтажного дома в нагорной центральной части Тобольска для губернской секретарши Е. Русаковой (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 353. Оп. 1. Д. 135...). В основе подобных зданий — традиционные в народном зодчестве формы и приёмы рубленого жилья в сочетании с типовыми разра-

ботками жилых домов сер. XIX в., отмеченными влиянием позднего классицизма.

Композиционные. Общая глаголеобразная композиция дома создана основным объёмом — двухэтажным срубом-пятистенком прямоугольной формы, ориентированным короткой южной стороной в три оконных оси вдоль улицы Кирова, и пристроенным к нему с северо-западного угла двухэтажным объёмом дворовых сеней с лестницей и кладовыми. По традиции стены дома сложены из брёвен с остатком «в обло», прируб сеней — из бруса, с соединением углов «в лапу». Дощатые пристройки по сторонам сеней — позднего происхождения. Первоначально с южной стороны могло находиться крытое крыльцо.

Декоративные. При сравнительной простоте построения дом выделяется нарядным убранством. Обшитые «ленточным», плотно подогнанным тёсом фасады имеют большой профилированный карниз, тонкий междуэтажный пояс, пилястры, наличники, украшенные резьбой. В оформлении оконных наличников главного и дворовых фасадов использована строгая композиция с развитыми составными элементами: высокое очелье, завершённое профилированным карнизом-сандриком и фигурным навершием; подоконная часть, ограниченная прямоугольным профилем; вертикальные связи со ставнями. На главном уличном фасаде наличники парадного верхнего этажа украшены накладными рельефно моделированными резными деталями стилизованного рисунка. В очелье, на среднем поле — это растительная, «плетёная» розетка с трилистниками-кринами, на подоконной части — тот же мотив, в циркульной «плетёнке». С очертаниями орнамента перекликаются фигурные филёнки на ставнях. Помещённые над карнизом очелья плавно изогнутые навершия и легкие точёные балясинки подчеркивают вертикализм окон. Аналогичными наличниками оформлены окна первого, более приземистого этажа. Некоторые отличия присутствуют в деталях орнамента. Очелья здесь украшены стилизованной розеткой с широкими листьями, а подоконная часть — линейно-геометрическим орнаментом, ставни простые, без филёнок. В наличниках верхнего этажа дворового северного фасада также использованы линейно-геометрический орнамент и филёнчатые ставни. Окна первого этажа переделаны.

Значительный художественный эффект в декор фасадов вносят резные пилястры. Их плоскости украшены вьющимся линейно-растительным орнаментом, крупным, выразительным, с завитками, листьями, трилистниками и пальметтами. Орнамент выполнен в технике рельефно моделированной накладной резьбы, достаточно редко

встречающейся в домах северных уездов Тобольской губернии, мотивы же орнамента, характер трактовки относятся к древнерусским и классическим источникам.

Прируб сеней декорирован в соответствии с общим решением — тёсом, резными деталями, аналогичными пилястрам на главном фасаде, наложенными по углам и на стыке объёмов, завершён профилированным карнизом и треугольным фронтоном чёткой строгой прорисовки. В верхнем этаже имеется небольшое окно для освещения лестницы.

Планировочные. Убранство интерьеров. Историческая планировка основного прямоугольного объёма-пятистенка образована в каждом этаже членением пятой бревенчатой стеной на две неравные половины, из которых большая — с лицевой стороны дома, и меньшая — со двора, почти в ширину прируба сеней, в ней выделена прихожая часть. На первом этаже помещались кухня с русской печью и жилая комната, на втором парадном этаже — гостиная и жилая комната. Из сеней через винтовую лестницу можно было попасть на второй этаж, минуя первый. Этажи сообщались внутренней двухмаршевой лестницей, украшенной точёными балясинами. В главном помещении второго этажа — гостиной — отмечались тянутые карнизы потолков, круглая розетка, двустворные двери с филёнками. В других внутренних проемах и на входе — также филёнчатые двери.

В марте 2013 г. рассматриваемый дом пострадал от пожара. Несмотря на повреждения конструкций и утрату отдельных элементов убранства, здание сохраняет основные параметры исторической объёмно-пространственной композиции, исторической планировки, определяющих архитектурно-художественных форм исторического фасадного декора, деталей внутреннего убранства. Степень сохранности оригинального облика здания дает возможность его реабилитации в исторической среде Самарова.

На основании ценностных характеристик памятника предметом его охраны являются:

- местоположение здания в планировочной структуре города, его градостроительная роль как характерного для исторической среды Самарова кон. XIX — нач. XX в. объекта, акцентирующего линию исторической застройки старого квартала по ул. Кирова и создающего образно-стилистический фон восприятия Покровской церкви;
- объёмно-пространственная композиция и габариты двухэтажного с пониженным первым этажом, в плане глаголеобразного, здания кон. XIX в., состоящего из основного прямоугольного дома-пятистенка, ориентированного в глубину двора, и прямоугольного прируба дворовых сеней; высотные отметки по венчающим карнизам и конькам крыш;

- форма, силуэт крыш (основного объёма — четырёхскатная вальмовая, сеней — двускатная);
- конструкция, материал капитальных стен и перекрытий;
- композиционное решение и архитектурно-художественное оформление фасадов здания на кон. XIX в., в том числе — местоположение, форма, размеры окон (включая исторический рисунок столярных заполнений оконных проемов); композиция, пропорции, оформление оконных наличников (включая художественно-технические приёмы, мотивы и рисунок резьбы, конструкцию и оформление ставен); обшивка стен горизонтально направленным тесом (включая ширину и профиль доски); расположение и оформление пилястр, углов прируба (включая художественно-технические приёмы, мотивы и рисунок резного орнамента); карнизная часть с гладким подшивным фризом (включая ширину и профиль доски, угловые резные детали, треугольный фронтон прируба сеней); местоположение, форма, размеры, исторических входов (включая сохранившиеся филёнчатые двери); местоположение, оформление водосточных труб;
- пространственно-планировочная структура интерьеров в пределах капитальных стен, отдельных перегородок и перекрытий на кон. XIX в.;
- местоположение, материал, конструкция, оформление входной винтовой лестницы в прирубе сеней; местоположение, оформление (точёные резные балясины) внутренней лестницы;
- историческая взаимосвязь помещений, форма, размеры дверных проёмов;
- сохранившиеся элементы исторической архитектурно-декоративной отделки помещений: филёнчатые двери, тянутый карниз и круглый профилированный плафон штукатурной работы в комнате (гостиной) второго этажа, обрамления окон, характер оформления полов;
- печь.

Рекомендуемое наименование объекта — Жилой дом, 1890-е гг.

Вид объекта — памятник, общая видовая принадлежность — памятник градостроительства и архитектуры.

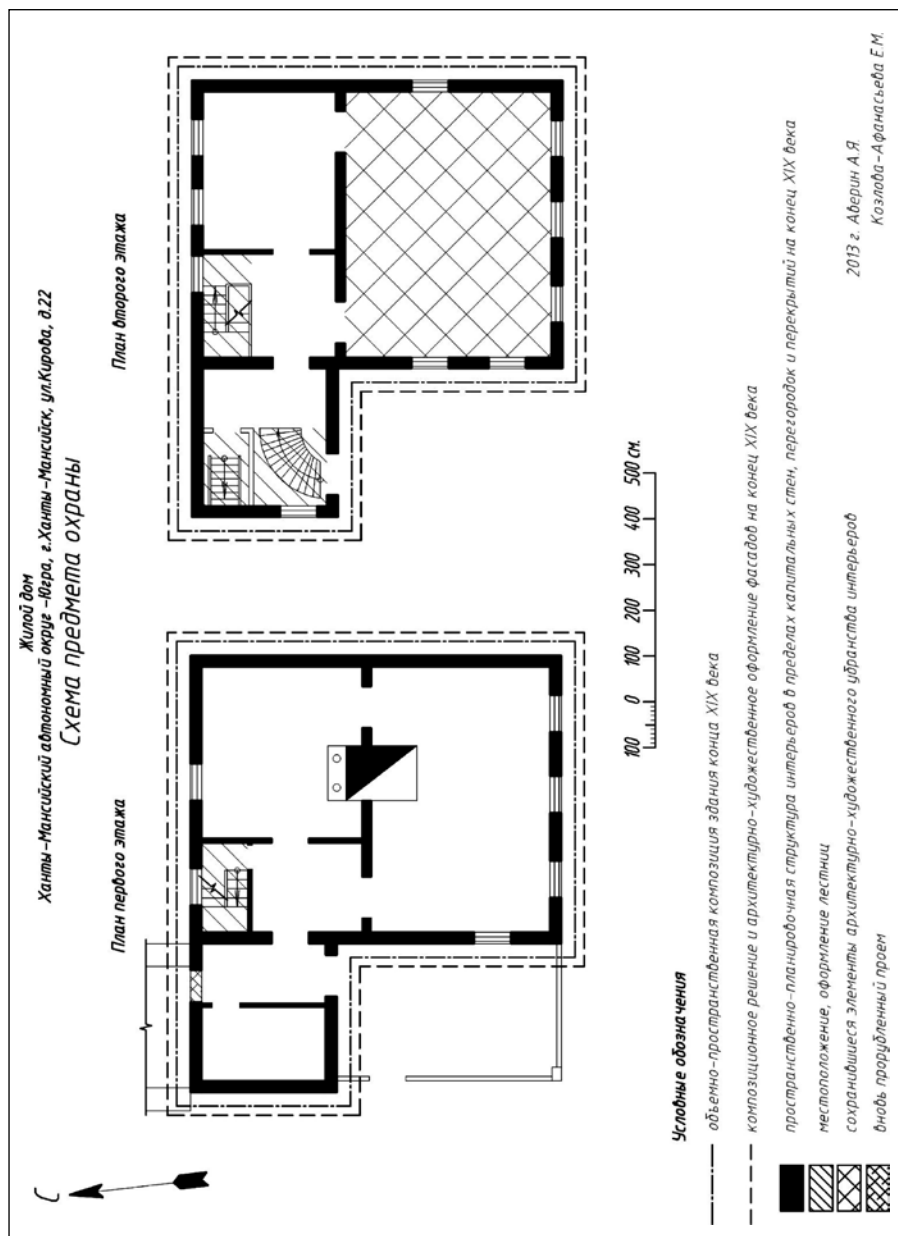
Рекомендуемая категория историко-культурного значения — региональная.

Схема предмета охраны прилагается.

Искусствовед

ООО «СибСпецСтройРеставрация»,
кандидат искусствоведения

Е.М. Козлова-Афанасьева

2013 г. Аверин А.Я.
Козлова-Афанасьева Е.М.

АНКЕТА ЗДАНИЯ, Внешняя часть		Выполняет:	Дата: 17.07.2014		
Наименование объекта / Адрес:		Жилой дом ул. Кирова №22			
Жилец:					
Владелец:		Частная собственность			
Надпись, датировки:		Отсутствуют			
Видимые фазы реставрации:		подземные пристройки			
Первая оценка ремонта					
Историческое использование		Жилой дом			
Современное использование		Жилой дом			
Возможности использования		Возможно использование под новую функцию			
Сдаваемые в наем площади в кв. М					
Затраты на строительство					
Архивные источники:		присутствуют	автор	дата	
Разрешение на строительство		+			
Описание здания					
Фотографии					
Художественное изображение					
Лазерное сканирование					
Чертежи		Ситуац. План	Поэт. планы	Разрезы	Фасады
Чертежи, дилит. точечная графика		+			
Чертежи, дилит. векторная графика					
Pos.	КОНСТРУКТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ / СТРОИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД / МАТЕРИАЛ / КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ	СОСТОЯНИЕ + = хоро. = 0 - 33% 0 = сред. = 33 - 66% - = плох. = 66 - 100% ? = неизвестн. x = отсутст.	ПОВРЕЖ. 0% - 20% = 0 20% - 40% = 1 40% - 60% = 2 60% - 80% = 3 80% - 100% = 4	ВМЕШАТЕЛ. x = требует + = сред. - = дилетантск. k = не треб. выполн. заключен.	ЗАМЕЧАНИЯ
A - 1	Внешние сети, благоустройство: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ	покрытие проездов железобетонные плиты, детские площадки отсутствуют, озеленение: на участке устроен огород			
1	Разница высот, улица / участок	Глубина ок.м.	Высота ок. ± 1,2 М		
2	Ограждение	-	3		
3	Ворота	-	3		
4	Подъезд, доступ к дому	+	5		
5	Терраса	x	1		
6	Стоянка для машин, гаражи	+	5		
7	Крыльцо, внеш. лестница	x	1	m	два входа в здание, но один вход на веранду
8	Место для мусора	+	5	k	центральное
9	Озеленение, газоны	+	5		огород
10	Сады, перголы, зимние сады	-	3	m	
A - 2	Наружные стены подвальный этаж и первый этаж (вид + материал) КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ	деревянные стены на кирпичном цоколе. Стены обшиты. Частично залиты в бетон.			
1	Устойчивость стен	+	5		
2	Поверхность стен, внеш.	0	4	m	
3	Водосточные трубы, водосток	x	1	s	
4	Элементы декора: Карниз и т. д.	+	5	m	
5	Балконы, зимние сады, навесы	x	1		
A - 3	Наружные стены 2 этаж и мансардн. этаж: (вид + материал) КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ	Деревянные стены + обшивка.			
1	Устойчивость стен	+	5		
2	Поверхность стен, внеш.	0	4	m	вставки
3	Водосточные трубы, водосток	x	1	s	
4	Элементы декора: Карниз и т.д.	x	1		
5	Балконы, зимние сады, навесы	x	1		

АНКЕТА ЗДАНИЯ, Внутренняя часть

Выполнил:

Дата: 17.07.2014

Наименование объекта / Адрес:

Жилой дом ул. Кирова №22

Жилец:

Владелец: -

Частная собственность

Надписи, датировки:	Отсутствуют
Установленные фазы отделки	разобран. Заброшен. После пожара.

Pos.	КОНСТРУКТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ / СТРОИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД / МАТЕРИАЛ / КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ	СОСТОЯНИЕ + = 0 - 100% + = 100% + 10 - 100% + = 100% + 20 - 100% + = 100% + 30 - 100% + = 100% + 40 - 100% + = 100% + 50 - 100% + = 100% + 60 - 100% + = 100% + 70 - 100% + = 100% + 80 - 100% + = 100% + 90 - 100% + = 100% + 100 - 100%	ПОВРЕЖ. 0% - 100% 10% - 20% 20% - 40% 40% - 60% 60% - 80% 80% - 100% 100% - 100% 100% - 100% 100% - 100% 100% - 100% 100% - 100%	ВМЕШАТЕЛЬ. + = 100% + = 100% + = 100% + = 100% + = 100% + = 100% + = 100% + = 100% + = 100% + = 100% + = 100% + = 100%	ЗАМЕЧАНИЯ
1 - 1	Стропила, чердак: (вид + материал) КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ	4-х окатная, висячая стропильная система. Два пояса.			
1	Устойчивость конструкции	+	0	m	
2	Деревянные части конструкции, повреждения	0	4	m	
3	Гидроизоляция под покрытием	0	4	s	
4	Теплоизоляция кровли	+	0	l	
5	Пол чердака	+	0	l	
6	Лестницы	-	1	s	
7	Внутренняя отделка: штукатурка, деревянная обшивка	0	4	s	
8	Камни, печи	0	4	m	
1 - 2	Лестницы, лестничная клетка: (вид + материал) КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ	две лестничные клетки, каркасная, дерево. Главная-циркуляная.			
1	Устойчивость	+	0	m	
2	Деревянные части конструкции, повреждения	0	4	m	
3	Стабильность перил	0	4	m	
4	Подъем, уклон лестницы	+	0		
5	Высота проступи и ширина	+	0		
6	Огнезащита деревянных лестниц	x	1	s	
7	Отделка нижней части конструкции	x	1	s	
8	Покрытие пола площадок, входной прихожей	-	3	m	
9	Отделка поверхности стен на лест. клетке	-	3	s	
10	Особенности: расположение двери, открывание	+	0		открытие наружу
11	Звукоизоляция лестничной клетки	x	1		
12	Огнезащита лестничной клетки	x	1	s	
1 - 3	Межэтажное перекрытие: (вид + материал) КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ	Голы по деревянным балкам			
1	Устойчивость	0	4	s	
2	Деревянные части конструкции, повреждения	0	4	m	
3	Горизонтальное положение перекрытия	0	4	s	провисание сред.
4	Механическая звукоизоляция	x	1	s	
5	Звукоизоляция	-	3		
6	Теплоизоляция низк. и верхн. перекрытия	-	3		
7	Пол в жилых помещениях	-	3	m	
8	Пол во влажных помещениях	-	3		
9	Плинтус	0	4	m	
10	Подшивка потолка	0	4	s	
11	Декор: карнизы, роспись и т.д.	0	4	s	

Стропи ла Чердак	Кровля	Лестн ица	Стены Наружн ые 1/2 эт.	Стены внутре шние	Перекры тия	Фундаме нт Цоколь	Подвал	Окна/ двери	Внеш ние комму никации	Инженери ые сети
4	3,2	3,2	4	4	3,4	3,2	2	3	3,1	2

Средняя оценка технического состояния в результате экспресс-обследования — 3,3 (соответствует 40 % повреждений).

Общее состояние — работоспособное.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
"ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ" (ТГАСУ)

пл. Соляная, 2, г. Томск, 634003, телефон [3822] 65-32-61, факс [3822] 65-24-22, e-mail: canc@tsuab.ru
ОКПО 02069295, ОГРН 1027000882886 ИНН/КПП 7020000080/701701001

Кафедра «Реставрация и реконструкция архитектурного наследия»
(РиРАН)

**Предварительное заключение по результатам натурного обследования выявленного
объекта культурного наследия «Жилой дом», расположенного по адресу: г. Ханты-
Мансийск, ул. Кирова, 22:**

Выявленный объект культурного наследия деревянный «Жилой дом», расположенный по адресу: г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, 22 был обследован сотрудниками кафедры «Реставрация и реконструкция архитектурного наследия» Томского государственного архитектурно-строительного университета с 15.07.2014 г. по 20.07.2014 г. Выполнены: визуальный осмотр, архитектурно-археологические обмеры и составлена программа исследования. В результате визуального осмотра было установлено:

1. Здание построено во второй половине XIX века в стилистике классицизма. За время эксплуатации объемно-пространственные и архитектурно-художественные характеристики объекта претерпели незначительные изменения.
2. Отсутствие видимых деформаций остова здания (отклонений по горизонтали и вертикали).
3. На здании в 1960-х годах проводился капитальный ремонт. Нижние окладные венцы были заменены железобетонной обвязкой, заменена обшивка, частично отремонтирован декор наличников, проведено укрепление чердачного перекрытия.
4. В 2013 г. в здании произошло возгорание, в результате частично разрушилась перевязка нижнего пояса стропильной системы.

В целом несущие конструкции здания не утратили устойчивость, стены, балки перекрытий, висячая стропильная система, фундамент и лестницы находятся в работоспособном состоянии.

В программу исследования были заложены: зондажи в чердачном перекрытии для определения состояния несущих элементов; шурф, для определения глубины заложения и конструкций фундамента и цоколя, определения их технического состояния, а так же первоначальной отметки земли. В результате общее техническое состояние здания, следует охарактеризовать как работоспособное.

По результатам обследования окружающей застройки исторического района «Самарово», на территории которого располагается выявленный объект культурного наследия (ул. Кирова 22) следует отметить, что это единственное историческое здание, сохранившее архитектурно-художественный облик и объемно планировочное решение второй половины XIX века в целостном виде. Художественный и эстетический облик здания относится к значимому периоду истории архитектуры жилой застройки г. Ханты-Мансийска, который выражался в застройке усадебного типа по образцовым проектам в

стиле классицизм. Здание является градостроительным и архитектурным акцентом в панораме исторической улицы Кирова (ранее улицы Царской).

В настоящее время представители деревянного классицизма являются наиболее редкими сохранившимися объектами деревянного зодчества Сибири.

В связи с этим сохранение объекта и его архитектурно-художественного облика имеет важное значение, для формирования историко-культурного своеобразия исторического поселения «Самарово», основанного в начале XVII столетия.

Зав. кафедрой РиРАН, канд. арх., доцент,
советник РААСН, член ТРО СА России,
эксперт по проведению государственной
историко-культурной экспертизы

Л. С. Романова

24.07.14

Исполнитель: старший преподаватель
Литвинова Ольга Геннадьевна
Тел. 8 906 948 83 09
e-mail: litvinovaolga1982@gmail.com

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Концепция сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия бывшего села Самарова — исторической части города Ханты-Мансийска // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2013. — Вып. 11. — С. 17—78; То же. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://iknugra.ru/upload/deyatelnost/kontseptsii/kontseptsiya-samarovo.pdf>

² Козлова-Афанасьева Е.М. Экспертное заключение об историко-культурной ценности объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, от 25.09.2009. — Архив Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Без №. См. приложение 1 к статье.

³ Государственные контракты № 395 от 22.12.2006 и № 568 от 28.05.2007, заключённые между Департаментом культуры и искусства ХМАО — Югры и ООО «НПО «Северная археология 1».

⁴ Пальянова М.Н. Отчёт о НИР: Выявление и архитектурные обмеры построек русского старожильского населения в г. Ханты-Мансийске (Самарово). — Нефтеюганск, 2007. — Кн. 1: Текст. Текстовые приложения. Кн. 2: Фотоприложения. Кн. 3: Графические приложения.

⁵ Пальянова М.Н. Историко-архитектурные исследования в Самарове в 2007 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: РИФ «КоЛеСо», 2008. — Вып. 6. — С. 214. Ил. 5.

⁶ Договор № 36 от 14.09.2009, заключённый между Службой государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры и ООО «НППО «СибСпецСтройРеставрация».

⁷ Козлова-Афанасьева Е.М. Уточнение предмета охраны выявленного объекта культурного наследия. — Архив Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Без №. См. приложение 2 к статье.

⁸ Акт государственной историко-культурной экспертизы документов, обосновывающих включение объекта... «Жилой дом»... в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и об определении категории его историко-культурного значения. — Архив Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Без №.

⁹ Яковлев Я.А. В югорской столице под угрозой исчезновения оказался ещё один объект культурного наследия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nasledie.admhmao.ru/wps/portal/cltr/home/vse_novosti/new/65e1c2fb-4be8-4232-b262-282300883e1a

¹⁰ Акт технического состояния объекта культурного наследия и определение плана работ от 26.11.2013. — Архив Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Без №.

¹¹ Акт утрат первоначального облика выявленного объекта культурного наследия «Жилой дом», расположенного по адресу: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22 от 26.11.2013. Приложение к акту технического состояния объекта культурного наследия и определение плана работ от 26.11.2013. — Архив Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Без №.

¹² Акт технического состояния объекта культурного наследия и определение плана работ 26.11.2013...

¹³ Проведение депутатского расследования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: smileher.livejournal.com/187737.html

¹⁴ Овсянникова Т.Ю., Скуридина Ю.Б., Котова О.В. Оценка рисков утраты недвижимых объектов культурного наследия общества // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. — № 3. — С. 61—70.

¹⁵ Пальянова М.Н. Историко-архитектурные исследования в Самарове в 2007 г.... — С. 214.

¹⁶ Козлова-Афанасьева Е.М. Экспертное заключение об историко-культурной ценности объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия...

¹⁷ Козлова-Афанасьева Е.М. Уточнение предмета охраны выявленного объекта культурного наследия...

¹⁸ Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — С. 91.

¹⁹ Самаровский петербуржец: письма земляков к Х.М. Лопареву. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. — С. 272.

²⁰ Белобородов В. По улицам старинного села // Краевед: прилож. к газ. «Новости Югры». — Ханты-Мансийск, 1997. — 13 сент. — № 10. — С. 6. В этой публикации упомянуто, что дом А.Е. Корепанова стоит сейчас по ул. Кирова под номером 28; однако её автор 04.11.2014 в разговоре с Я.А. Яковлевым настаивал: и информатор устно, и лично он (автор газетной статьи В.К. Белобородов) письменно указывали номер дома 22, а ошибка вкралась уже в газетном наборе.

²¹ Ошибка в написании отчества. Видимо, в такой форме оно использовалось самаровцами в разговорной речи.

²² Белобородов В. По улицам старинного села... — С. 4. Полный текст воспоминаний см.: Корепанов Е.Г. Краткое описание из истории села Самарово. 1900—1960. Рукопись. — Архив Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск).

²³ Лопарев Х.М. Самарово... — С. 117.

²⁴ Самаровский петербуржец... — С. 120.

²⁵ Головнёв А.В., Перевалова Е.В., Южанинова М.В. Проект создания музейного комплекса Ханты-Мансийска // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея, 1999. — Тюмень, 2000. — С. 154.

²⁶ Самаровский петербуржец... — С. 205, 208.

²⁷ Воспоминания Арефьева Владимира Петровича, сына заслуженной учительницы РСФСР Арефьевой Ольги Владимировны, о трудовой деятельности матери в Самаровской начальной школе, депутатской деятельности в Ханты-Мансийском районе и Ханты-Мансийском округе // Государственный архив ХМАО — Югры. — Ф. 506. Оп. 8. Д. 9. Л. 9.

²⁸ Белобородов В.К. Лопарев Платон Ильич // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. — Ханты-Мансийск, 2000. — Т. 2: К—П. — С. 149.

²⁹ Фонды Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск). ХМ 8192/211.

³⁰ Воспоминания Арефьева Владимира Петровича... — Л. 8—9.

³¹ Тузова-Щёкина С. Спасение — в 3D // Аргументы и факты — Югра. — Ханты-Мансийск, 2014. — 30 июля — 5 августа. — № 31. — С. 1 регионального приложения

³² Текстовые приложения 3 и 4.

Последний полевой сезон:
2014 г.

Результаты полевых археологических работ на местонахождении Луговском в 2014 г.

С.С. Макаров

А.С. Резвый

г. Ханты-Мансийск

Музей природы и человека

В сентябре 2014 г. сотрудниками Ханты-Мансийской палеолитической экспедиции БУ ХМАО — Югры «Музей природы и человека» проведены археологические исследования на местонахождении Луговском (ил. 1)¹.

Проведенные работы, прежде всего, были направлены на выявление культурного слоя стоянки *in situ*. Для достижения намеченной цели и в соответствии с ранее разработанным планом, археологические полевые работы были сконцентрированы на участке террасовидной поверхности (I надпойменная левобережная терраса Обь-Иртышского междуречья), примыкающей к правому (восточному) борту Мамонтового лога (ил. 2).

До начала земляных работ сотрудниками экспедиции осуществлялась проверка существующей на стоянке системы реперов. Все рабочие репера, установленные в прошлые годы, остались на своем месте, корректировка системы координат не потребовалась. Одновременно с проверкой реперов были осмотрены поверхности Мамонтового лога и I надпойменной левобережной террасы, примыкающей к логу с востока и запада. Каких-либо изменений современной дневной поверхности на территории стоянки и прилегающей территории не выявлено, новых обнажений или промоин не обнаружено. В ходе осмотра лога Мамонтового лога на поверхности вязких глинистых отложениях была обнаружена одна пластина. В надежде выявления нового участка высокой концентрации подъемного материала в месте обнаружения пластины (нижняя часть русла Мамонтового ручья) было решено провести промывку грунта донных отложений Мамонтового лога на участке промывки № 4 (нижняя часть русла Мамонтового ручья). После

промывки грунта с площади примерно 1,0х1,0 м и на глубину до 0,2 м были обнаружены только два мелких каменных осколка и несколько мелких неопределимых фрагментов костей и зубов.

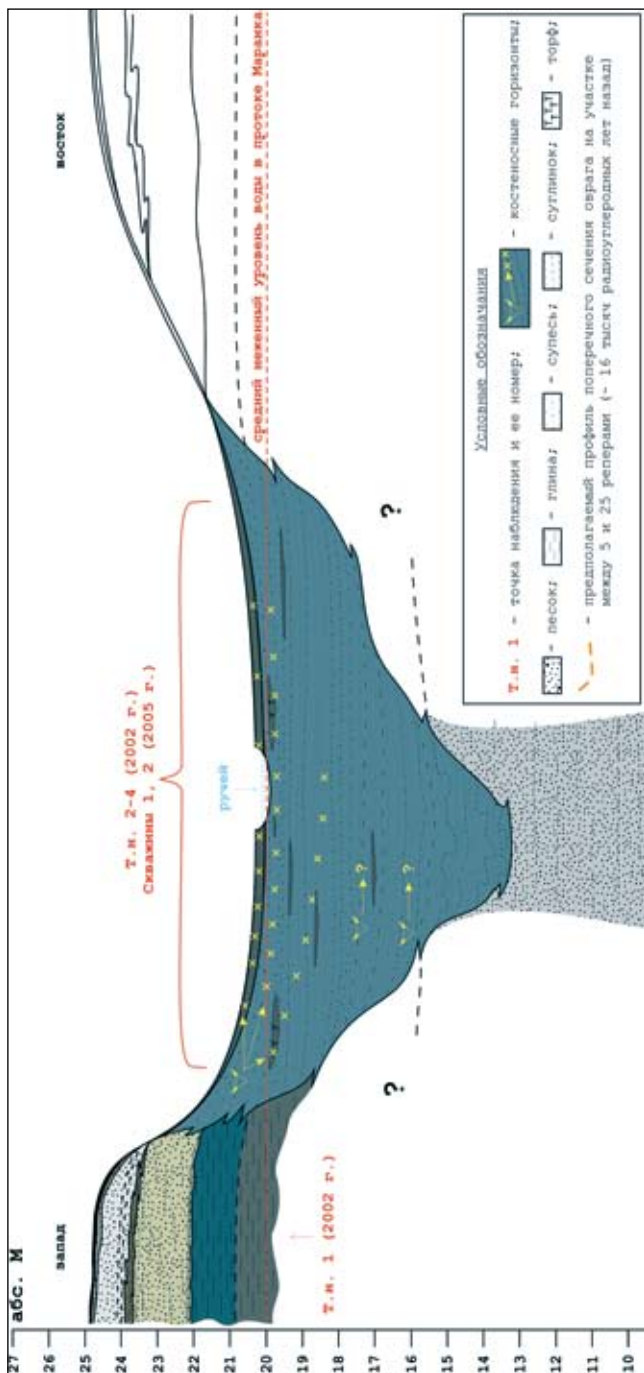
Учитывая налаженный процесс промывки для увеличения количества находок, было решено осуществить промывку грунта с участка № 1 (средняя часть русла Мамонтового ручья). На этом участке с площади 1,0х1,0 м и на глубину до 0,2 м было получено 40 находок каменного инвентаря, 6 из которых являются орудиями. Всего в результате промывки верхней части донных отложений Мамонтового лога в 2014 г. обнаружено 42 экз. каменного инвентаря:

- орудия — 6 экз. (пластинка с ретушью — 2, скребок на ретушированном сколе — 1, микропластинка с ретушью — 1, усечённая ретушью пластина — 1, фрагмент галечки со следами пикетажа — 1);
- отщепы — 3 экз.;
- микропластинка — 1 экз.;
- осколки и обломки — 23 экз.;
- чешуйки — 8 экз.;
- галечка — 1 экз.

Среди находок необходимо отметить пластину с ретушью, которая выделяется своими размерами — более 5 см в длину, что почти не встречается в материале местонахождения Луговского (ил. 3–12). Микропластинка с ретушью, а также усечённая ретушью пластина также

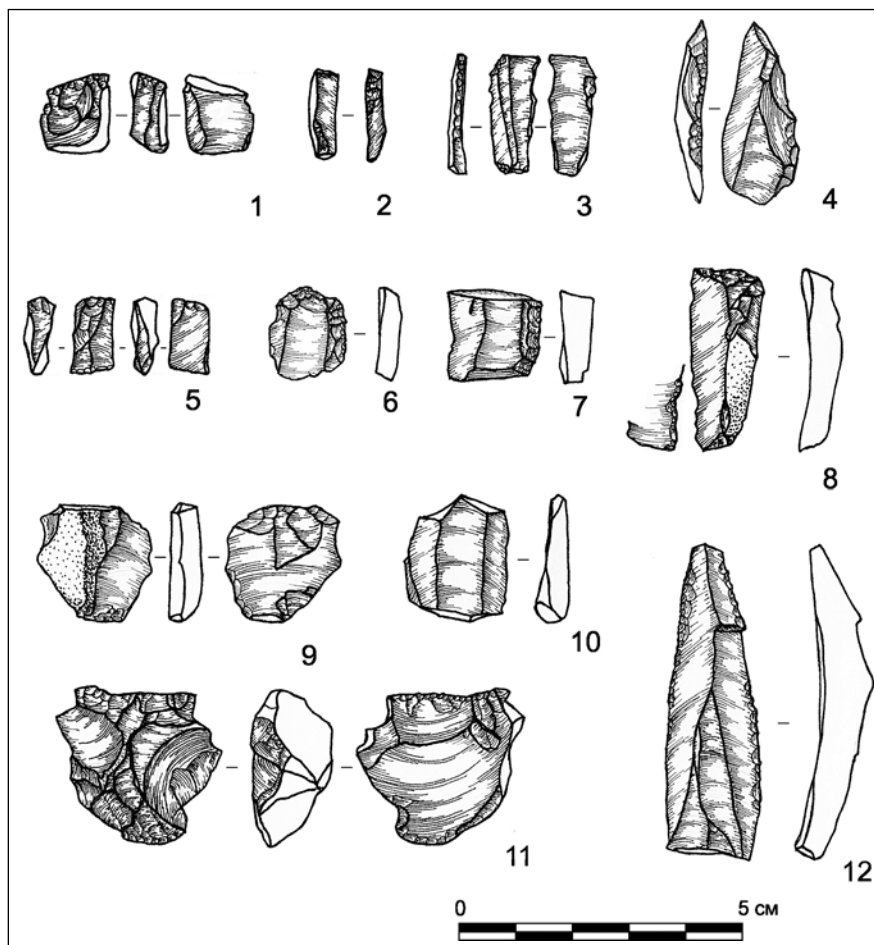

Ил. 1. Местонахождение Луговское. Место расположения: 1 — местонахождение Луговское; 2 — автомобильная дорога Ханты-Мансийск — Нягань

Ил. 2. Местонахождение Луговское. Стратиграфический разрез Мамонтова лога по линии запад — восток. Из: Левицкий С.В. Отчёт о научно-исследовательской работе «Комплексное палеонтолого-стратиграфическое изучение керна скажин местонахождения мамонтовой фауны Луговское». — Томск, 2006. — Архив Музея природы и человека. — Оп. 1. Д. 277а. Л. 157

заслуживают особого внимания, поскольку на этих орудиях ретушью выделены углы сколов (ил. 3—3, 8). Результаты проведённых ранее трасологических исследований пластинчатых сколов из Луговского свидетельствуют о расположении наиболее выраженного утилитарного износа на их углах. Расположение рабочей кромки на углу, а также специфика морфологии пластин позволяют задуматься о выделении особого специфического типа орудия, работа которым производилась

Ил. 3. Местонахождение Луговское. Каменный инвентарь: 1 — резец много-фасеточный; 2 — резцовый отщепок; 3 — микропластинка с ретушью; 4, 10, 12 — пластина с ретушью; 5, 9, 11 — долотовидное орудие; 6 — скребок овальный; 7 — фрагмент пластинки с ретушью; 8 — усечённая ретушью пластинка

Ил. 4. Местонахождение Луговское. Часть раскопа № 2, шурфы №13 и 14 после завершения работ в 2013 г. Общий вид. Снято с севера. Фото: С.С. Макаров

углом между стороной усечения и стороной латерали пластины. Отдельно можно отметить скребок почти овальной формы — тип орудия, который ранее на стоянке не встречался (ил. 3—6).

Несмотря на то, что с участка № 1 в 2002 и 2008 гг. уже было получено около 400 находок, он всё также остаётся наиболее интенсивно насыщенным находками. Вероятнее всего, большая часть археологического материала, обнаруженного в донных отложениях Мамонтового лога, была перемещена с более высоких гипсометрических уровней, а высокая концентрация находок на небольшом участке (участок промывки № 1) свидетельствует об одном из источников их переноса.

В 2012—2014 гг. напротив участка промывки № 1 на террасовидной поверхности, примыкающей с востока к Мамонтовому логу, в 2 м от его бровки был исследован небольшой (примерно 7,0х7,0 м) участок, который предварительно рассматривался как место кратковременного лагеря первобытного человека, откуда археологический материал и был перемещён в ложе Мамонтового лога.

В 2012 и 2013 гг. исследована южная часть этого участка (раскоп № 2 — 3,0х4,0 м), получен разнообразный в типолого-технологическом отношении археологический материал, а также обнаружена и извлечена несколькими монолитными фрагментами линза углистого заполнения очага. Однако расположение находок в культурном слое и, что наиболее важно, приуроченность самого культурного слоя к заполнению протаявшей морозобойной трещины свидетельствовали об отсутствии на исследованной площади культурного слоя *in situ* (ил. 4).

После завершения работ на южном участке центр внимания был перенесён на северный. Надежду на выявление культурного слоя *in situ* на этом месте подогрели результаты исследований шурфа № 14 в 2013 г., когда было зафиксировано выполаживание культурного слоя, а также уникальные находки фрагментов обожжённой глиняной массы, являвшиеся, вероятно, обмазкой очага (ил. 5). Таким образом, в 2014 г. археологические работы были сконцентрированы на исследовании северной части перспективного участка, где был заложен раскоп № 3 (3,0х3,0 м, всего 9 кв. м).

Методика работ практически не отличалась от общепринятой для палеолитических памятников, за исключением организации специальных участков складирования дёрна и грунта. Эти участки были застелены полиэтиленом для минимизации урона современной дневной поверхности на территории вокруг раскопа. Площадь раскопа исследовалась по квадратам и по условным горизонтам тонкими срезами лопаты

Ил. 5. Местонахождение Луговское. Шурф № 14. Фрагменты обожжённой глиняной массы, обнаруженные в 2013 г.

Ил. 6. Местонахождение Луговское. Раскоп № 3. Общий вид после завершения работ. Снято с запада. Фото: С.С. Макаров

мощностью 8—10 см с последующей зачисткой основания каждого условного горизонта. Начиная с 3-го условного горизонта, весь грунт промывался на сите с ячейёй 3х3 мм. Все обнаруженные после промывки находки складывались в отдельные пакеты с этикетками, на которых указывались раскоп — квадрат — условный уровень — название геологического слоя.

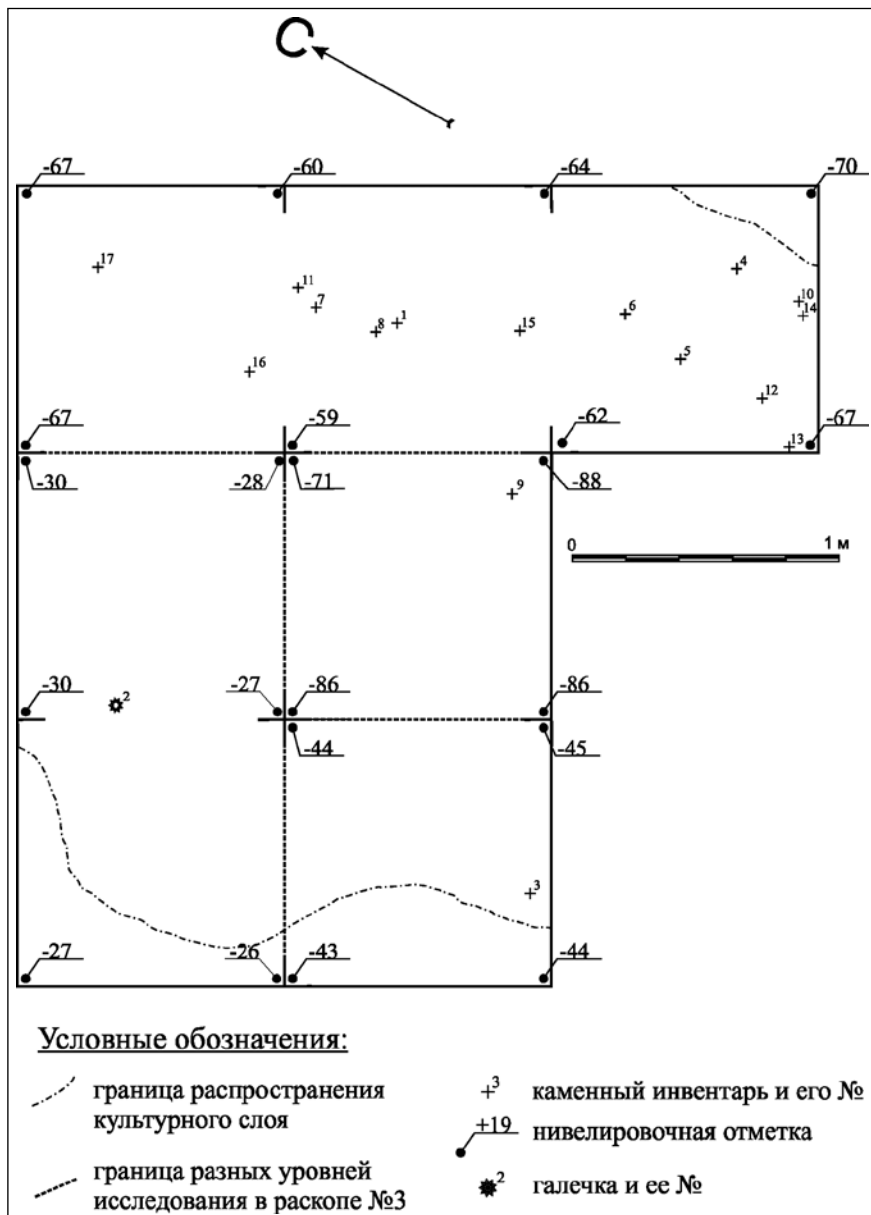
Разные квадраты исследованы на разную глубину в зависимости от глубины залегания культурного слоя (ил. 6):

- квадраты 4 и 6 — до уровня подошвы 5-го уровня исследования (на глубину 0,83 м от современной дневной поверхности);
- квадрат 7 — до уровня подошвы 6-го уровня (на глубину 1,15 м от современной дневной поверхности);
- квадраты 1—3 — до уровня подошвы 8-го уровня (на глубину 1,52 м от современной дневной поверхности);
- квадрат 5 — до уровня подошвы 9-го уровня исследования (на глубину 1,58 м от современной дневной поверхности) (ил. 7).

Наибольшая глубина находки, обнаруженной в раскопе № 3, составляет —141 см от современной дневной поверхности (—68 от репера 0). Максимальная исследованная мощность культурного слоя в раскопе № 3 составила 86 см. В квадратах 1—3 культурный слой исследован не полностью. После завершения земляных работ раскоп был законсервирован до следующего полевого сезона.

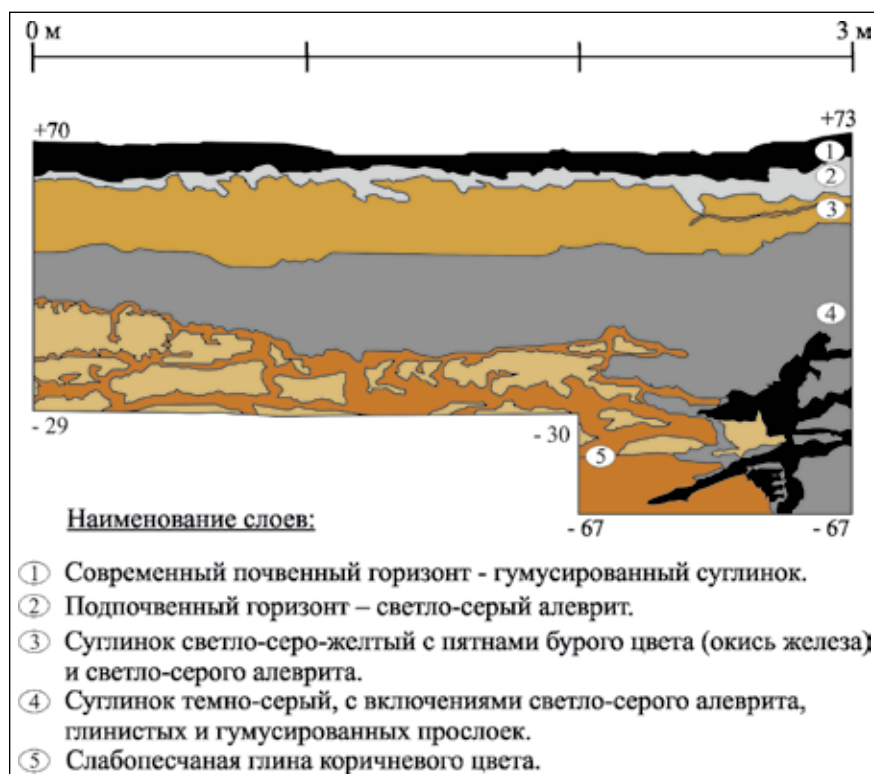
Стратиграфия раскопа № 3 не отличается как от стратиграфии ранее исследованных шурфов, так и от стратиграфии раскопа № 2. Не вдаваясь в её подробное описание, можно отметить, что характер падения культурного слоя, несогласованность его залегания, слойчатость и наличие линзовидных гумусированных и глинистых прослоек указывают на его переотложение в результате аллювиальных и делювиальных процессов (ил. 8). Наиболее вероятным фактором переотложения культурного слоя является его перенос в ложе протаивавшей мерзлотной жилы. По стратиграфическим разрезам и планам чётко видно, что с увеличением глубины площадь распространения культурного слоя уменьшается. Находки археологического материала сопровождаются признаками переотложения: несогласованность и наклонный характер залегания культуросодержащих отложений, залегание находок каменного инвентаря в различном положении (горизонтально, вертикально, на ребре).

В результате стратиграфических наблюдений и отдельной промывки грунта из разных слоёв и прослоек было установлено, что археологические материалы встречаются только в слое 4 (в основном

Ил. 7. Местонахождение Луговское. Раскоп № 3. План находок

в тёмно-сером суглинке), и только две находки были обнаружены в гумусированных прослойках (ил. 8). Культурный слой в той или иной степени был подвержен процессам переотложения и почти полностью может быть соотнесён с заполнением крупной морозобойной жилы. Необходимо добавить, что ниже культурного слоя, в слое 5 также проявляются признаки морозобойного растрескивания, но меньшей интенсивности. Таким образом, нужно признать, что появление культурного слоя предшествовало периоду интенсивного морозобойного растрескивания, но следовало после периодов морозобойного растрескивания малой интенсивности. Следовательно, время формирования культурного слоя можно отнести либо к начальному периоду ньяпанской стадии (15–13 тыс. лет назад), либо к начальному периоду норильской стадии (11,5–10,4 тыс. лет назад) сартанского оледенения². Дата, полученная по фрагменту угля из гумусированной прослойки

Ил. 8. Местонахождение Луговское. Раскоп № 3. Стратиграфия северной стенки

раскопа № 1 ($13,270 \pm 60$ лет назад — Ка-14852)³, свидетельствует в пользу ньяпанской стадии оледенения. Между тем образцы древесного угля, извлечённые из культурного слоя в шурфе № 12, указывают на начальный этап норильской стадии: $10\ 310 \pm 50$ (МТС-16876).

В настоящее время все археологические материалы, обнаруженные в ходе земляных работ, необходимо относить к одному культурному слою. Никаких оснований для выделения двух культурных слоёв нет. Однако полностью исключать возможность наличия нескольких культурных слоёв все-таки нельзя, и это необходимо учитывать при дальнейших полевых работах.

Находки, обнаруженные в раскопе № 3, представлены каменным инвентарем — 82 экз.:

- орудия — 8 экз. (долотовидные орудия — 2, пластины с ретушью — 2, резец — 1, резцовый отщеп с ретушью — 1, отщеп с ретушью утилизации — 1, обломок с ретушью утилизации — 1);
- отщепы — 8 экз.;
- микропластинки — 1 экз.;
- реберчатый скол — 1 экз.;
- чешуйки — 39 экз.;
- осколки и обломки — 24 экз.;
- галечка — 1 экз.

Также были обнаружены фрагменты обожжённой глиняной массы и обожжённой кости.

Концентрация находок *in situ* небольшая — всего 17 экз., из которых 4 экз. — орудия. Всего, с учётом промывки, в раскопе было обнаружено 82 экз. каменного инвентаря, из которых 8 орудий. Среди обнаруженных в раскопе находок нужно выделить резец многофасеточный (ил. 3—1), который по морфологии очень близок к торцовым микронуклеусам. Немалый интерес представляет резцовый отщеп с ретушью, который, вероятнее всего, является результатом переоформления обушка орудия с помощью плоского резцового скола (ил. 3—2). Вполне уверенно можно считать, что на стоянке активно использовались приёмы подправки рабочих краев орудий и приёмы переоформления орудий. Необходимо отметить, что среди каменного инвентаря два осколка и одна чешуйка обладают выраженным гляцевым блеском, что свидетельствует о тепловой обработке каменного сырья перед расщеплением.

Выделить преобладание каких-либо категорий орудий невозможно, поскольку орудий слишком мало, но можно отметить, что, как и в предшествующие полевые сезоны, представлены долотовидные орудия,

пластины с ретушью и неформальные орудия. Все орудия созданы на сколах мелких размеров — менее 5 см в длину.

Первичное расщепление на стоянке было представлено, но не значительно — сколы с галечной коркой в коллекции представлены только 4 экз. (5,5 % от общего количества сколов). Вероятнее всего, сырьё на стоянку приносили уже в виде преформ, сколов и готовых орудий. Безусловно, преобладала ударная техника, но, кроме неё, также была представлена и контрударная техника, которая использовалась не только для кварцитовых, но и для кремнённых пород. Весьма вероятно, что на стоянке использовали и отжимную технику. Прямые, параллельные края, прямой профиль на микропластинках свидетельствуют о применении отжимной техники для их получения. Индекс точечных ударных площадок составляет — 0,07 (7 %).

Материалы 2014 г. свидетельствуют о том, что основной категорией скола-заготовки является пластина — 15 %. На пластинах изготовлен 31 % орудий, на неопределимых сколах — 8 % орудий, на отщепах — 8 %, на осколках и обломках — 4 %. При этом все орудия, изготовленные на пластинах, являются формальными, когда среди других категорий сколов-заготовок от половины до 100 % представлены неформальными орудиями (орудия с ретушью утилизации). Выявленное планиграфическое различие в преобладании орудий на пластинах с северо-западной стороны от промоины подтвердилось и в этом году. Весьма вероятно, что концентрация орудий на пластинах на территории северного участка объясняется его функциональной спецификой — здесь располагалось место, на котором изготавливали или переоформляли орудия на пластинах.

Среди приёмов вторичной обработки преобладает дорсальная краевая однорядная, крутая ретушь слабой степени модификации, что объясняется мелкими размерами орудий. Кроме ретуши, на сколах также зафиксированы ретушное усечение и резцовый скол.

В раскопе № 3 был обнаружен мелкий фрагмент обожжённой глиняной массы, который в результате просушки развалился на ещё более мелкие фрагменты. Принимая во внимание, что в шурфах № 12—14 и в раскопах № 2 и 3 все фрагменты керамики обнаружены в одних стратиграфических условиях совместно с каменным инвентарём, необходимо признать: они должны быть датированы тем же возрастом, что и каменный инвентарь, — позднесартанским временем. В целом, обнаруженный археологический материал полностью укладывается в облик каменного инвентаря, полученного на местонахождении Луговском в предшествующие годы⁴.

Крупных скоплений древесного или костного угля в 2014 г. не выявлено. Боле того, мелкие фрагменты кальцинированных костей почти не встречались. В промывке грунта были зафиксированы только единичные фрагменты обожжённых костей. Эта особенность ещё раз подтверждает предположение о происхождении ранее обнаруживаемых в большом количестве при промывке культурного слоя мелких фрагментов обожжённых кальцинированных костей из заполнения очага, зафиксированного в раскопе 2 и расположенного по другую сторону борта морозобойной трещины.

Весь выявленный в раскопе № 3 археологический материал относится к одному комплексу каменного инвентаря и к одному культурному слою. Жилищ, хозяйственных ям, иных западин, скоплений каменного инвентаря или иных структур антропогенного происхождения не выявлено. В настоящее время весь археологический материал, обнаруженный в ходе исследований 2014 г., находится на временном хранении в БУ ХМАО — Югры «Музей природы и человека».

Наиболее перспективным участком для дальнейших исследований остаётся правый берег Мамонтового лога. Учитывая значительное уменьшение количества каменного инвентаря по сравнению с предшествующими годами, необходимо сконцентрироваться на обследовании иных участков территории памятника. Ещё одним необходимым направлением дальнейших исследований является обследование территории, примыкающей к раскопу № 2 с юга, поскольку расположенный в 4 м от раскопа № 2 шурф № 7, исследованный в 2007 г., позволил предположить наличие двух культурных слоёв на территории памятника.

Археологический материал, обнаруженный на местонахождении Луговском, отражает уникальный образ культурных традиций человеческого коллектива, сформировавшего памятник, аналогии которому трудно подобрать в настоящее время. По одним характеристикам каменный инвентарь местонахождения Луговского демонстрирует сходство с комплексом стоянки Черноозерье 2 (Омская область)⁵, по другим — с комплексом стоянки Шестаково (Кемеровская обл.)⁶. Решение вопросов о родстве вышеуказанных комплексов и о культурно-хронологическом месте местонахождения Луговского невозможно без детального сравнения коллекций этих памятников.

На сегодняшний день можно утверждать, что местонахождение Луговское является кратковременной стоянкой, возможно, неоднократно посещавшейся людьми, поскольку ни жилищ, ни хозяйственных ям, ни скоплений пищевых остатков на стоянке не обнаружено. Материа-

лы памятника уникальны: они являются результатом специфической деятельности по сбору и первичной обработке костных материалов и поэтому отражают лишь часть культурного своеобразия посещавших стоянку людей эпохи палеолита. Именно поэтому выявление новых палеолитических памятников, свидетельствующих о других сторонах жизни человека той поры, является одной из важнейших исследовательских задач в данном регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы выражают глубокую признательность всему коллективу экспедиции за самоотверженный труд, и в особенности С.Н. Телегиной за великолепную организацию жизни лагеря, помощь в описании стратиграфии и анализе каменного инвентаря, а также О.И. Приступе за помощь в техническом оснащении экспедиции.

² **Кинд Н.В.** Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. — М.: Наука, 1974. — 243 с.

³ **Макаров С.С., Даи К.** Проблема датирования стоянки древнего человека на территории местонахождения пезднеплейстоценовой фауны «Луговское» // III Северный археологический конгресс. Тез. докл. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010. — С. 39–40.

⁴ **Зенин В.Н., Лещинский С.В., Золотарёв К.В., Грутес П.М., Надо М.-Х.** Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск, 2006. — № 1. — С. 41–53; **Макаров С.С., Резвый А.С.** Освоение территории центра Западной Сибири в позднем плейстоцене (по материалам стоянки Луговское) // Уфимский археологический вестник. — Уфа: Гелем АН РБ, 2009. — Вып. 9. — С. 22–27.

⁵ **Петрин В.Т.** Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 47–60.

⁶ **Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н.** Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. — С. 107–109.

Разведочные археологические работы в Сургутском и Нижневартовском районах ХМАО – Югры

А.В. Гордиенко

г. Тюмень

ООО «Тюменская землеустроительная компания»

В 2014 г. были проведены работы по обследованию технического состояния и установлению границ территорий некоторых объектов археологического наследия, расположенных в Сургутском и Нижневартовском р-нах ХМАО – Югры – в частности, на Барсовой горе и в окрестностях бывшей д. Ермаково.

Барсова гора

В ходе полевых археологических работ на Барсовой горе было обследовано 79 объектов археологического наследия (селища и городища), расположенных на второй и третьей надпойменных террасах. Установлено, что 68 памятников находятся в неудовлетворительном состоянии – абсолютно все археологизированные постройки (элементы фортификации, жилищные и хозяйственные конструкции) имеют антропогенные разрушения: от небольших вкопов при применении металлодетектора до котлованов от механизированной выборки грунта, места отдыха, грунтовые дороги и пр. Зафиксировано, что 10 селищ полностью утратили визуальные признаки на уровне современной дневной поверхности и могут быть прослежены только по наличию культурного слоя в заложенных шурфах и зачистках. Один памятник – селище Барцевка 1 – уничтожен полностью: рельефных признаков не зафиксировано, в сделанных зачистках культурный слой не прослежен. По территории памятника проходит асфальтовая дорога и расположен завод.

В целом можно сказать: основной фактор разрушения объектов археологического наследия на Барсовой горе – антропогенный, главная причина разрушения памятников – хозяйственная деятельность жителей и организаций п. Барсово, а также несанкционированные (грабительские) раскопки с применением металлодетектора.

При обследовании ряда памятников на Барсовой горе были сделаны археологические находки, на которых остановимся подробнее.

Городище Барсов Городок I/4. Тюменская обл., ХМАО — Югра, Сургутский р-н, ок. 0,20 км к юго-западу от п. Барсово, около 9,45 км к западу от г. Сургута, ок. 0,45 км к востоку от федеральной автодороги Тюмень — Ханты-Мансийск (Р-404), ок. 0,40 км к востоку от железной дороги Тюмень — Сургут, ок. 1,7 км к северу от р. Оби. Приурочено к краю северного коренного берега обской старицы — протоки Утоплой.

Городище расположено на участке второй надпойменной террасы. Расстояние между границей памятника и руслом протоки составляет ок. 25 м. Превышение городищенской площадки над уровнем поймы — 19—21 м. В верхнем ярусе растительность представлена редким высокоствольным сосновым лесом, в среднем — густым смешанным подлеском (сосна, берёза, осина), в нижнем — папоротниковидными и разнотравьем (осоковые, можжевельник, багульник). Пойма заросла берёзой и тальником. Почвы подзолистые иллювиально-железистые, сложены супесью.

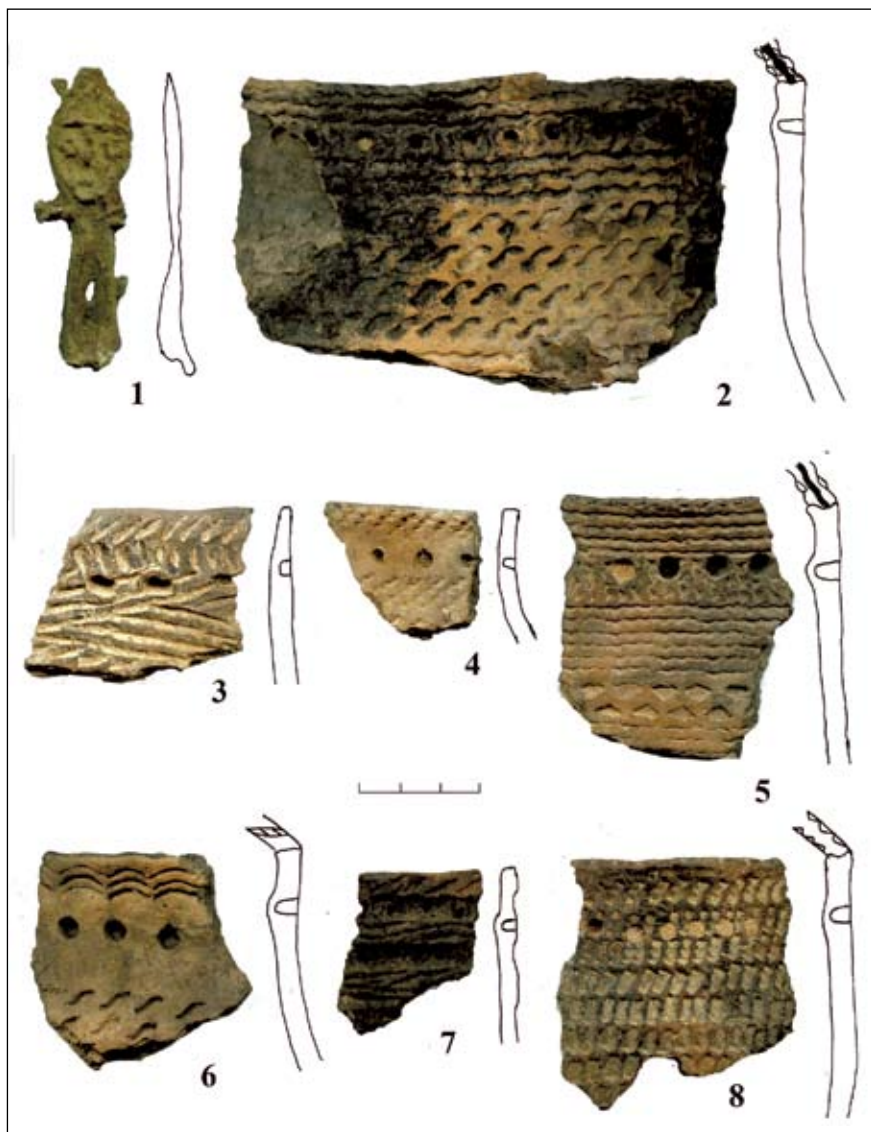
Городище имеет подпрямоугольную форму с выступом на западной границе. Площадь — 1100 кв. м, размеры — 52х20 м. Оно защищено валом шириной 3,0—4,0 м, высотой до 1,0—1,5 м и рвом шириной 2,5—8,0 м, глубиной 1,5—2,0 м. Почти посередине северной стороны фортификационной линии имеется хорошо выраженный выход в виде перемычки оборонительной системы.

На закрытом участке в настоящее время зафиксирована одна западина размерами 9,0х11,0 м и глубиной 0,6 м. Ранее рядом с ней располагались ещё две западины, которые были раскопаны в 1972 г. В.М. Морозовым (раскоп площадью 54 кв. м в западной части городища) и в 1973 г. Ю.П. Чемякиным (раскоп 216 кв. м). В 1978 г. В.И. Семёнова заложила траншею через оборонительную систему. На городище хорошо заметен раскоп крестообразной формы, который ещё в 1891 г. был заложен Ф.Р. Мартином¹.

Также на жилищной площадке были зафиксированы 5 крупных выворотней сосен, 3 современные ямы. Памятник разрушается жителями п. Барсово и туристами.

Заложено три шурфа, в одном из них обнаружен культурный слой мощностью до 0,4 м, содержащий археологический материал.

Последний представлен венчиком керамического сосуда, орнаментированным штампами в виде «уточки» и «змейки» (ил. 1 — 2). Подобная

Ил. 1. Находки с археологических памятников на Барсовой горе: 1 — антропоморфная бронзовая фигурка, 2—8 — фрагменты керамических сосудов.
1 — городище Барсов Городок I/33; 2 — городище Барсов Городок I/4;
3—4 — городище Барсов Городок I/31; 5, 7, 8 — городище Барсов Городок I/32; 6 — городище Барсов Городок I/6

посуда характерна для кулайской археологической культуры (IV—III вв. до н. э. — I—III вв. н. э.) и подтверждает уже имеющуюся в литературе культурно-хронологическую атрибуцию памятника: ранний железный век (кулайская археологическая культура); поздний железный век (карымский этап нижеобской археологической культуры)².

Городище Барсов Городок I/6. Находится в 150 м восточнее городища Барсов Городок I/4, также на краю коренного берега протоки Утоплой.

Имеет овальную форму, вытянутую перпендикулярно берегу. Площадь — ок. 2600 кв. м, размеры — 65х54 м. Защитная линия представлена внутренним валом шириной ок. 3,0 м, высотой до 0,3 м и внешним рвом шириной до 2,0—2,5 м, глубиной 0,3—0,6 м от окружающей поверхности. На закрытой площадке фиксируется одна западина, хотя ранее были «семь объектов в виде площадок с невысокой обваловкой или без неё, средними размерами 4—6х3—4 м. Среди них выделялась самая южная площадка подквадратной формы с закругленными углами размерами 13х12 м и высотой 0,3—0,4 м от окружающей поверхности»³. Памятник многократно раскапывался: в 1972 г. — В.М. Морозовым (5,4 кв. м), в 1973—1974, 1978 гг. — Ю.П. Чемякиным (356 кв. м), в 1976 г. — Н.В. Фёдоровой (108 кв. м). Таким образом, общая вскрытая площадь достигла примерно 470 кв. м. К настоящему времени раскопана большая часть жилищной площадки. Сохранилась только одна западина размерами 8,0х5,0 м и глубиной 0,2 м.

Было заложено три стратиграфических шурфа. В шурфе № 1 обнаружен культурный слой мощностью до 0,6 м и археологический материал.

Венчик керамического сосуда, орнаментированный штампом в виде «уточки» (ил. 1 — б) характерен для кулайской археологической культуры (IV—III вв. до н. э. — I—III вв. н. э.). Эта датировка не противоречит имеющейся в литературе культурно-хронологической атрибуции городища: ранний железный век — белоярская, калинкинская, кулайская археологические культуры⁴.

Городище Барсов Городок I/31. Находится в 10 м северо-западнее городища Барсов Городок I/4, в 50 м от края коренного берега протоки Утоплой.

При открытии памятника в 1925 г. городище имело овальную форму, размеры 76х57 м, площадь 3750 кв. м. «Было образовано глубоким внешним рвом и валом. Ширина рва до 13 м, глубина 2—3 м (со стороны оврага — ещё больше); ширина вала 5—8 м, высота более

1 м. С западной стороны ров соединяется с оврагом. С внешней стороны рва с северной и восточной сторон отмечен выброс, образующий невысокую обваловку шириной до 4 м. Выход, возможно, находился с юго-восточной стороны памятника. Внутри городища фиксировалось около восьми впадин»⁵.

В настоящее время большая часть городища разрушена, сохранившийся участок составляет ок. 1/5 от первоначальной территории городища. По форме представляет сегментовидную фигуру, вытянутую по линии восток — запад, размерами 30х15 м, площадью 450 кв. м. Сохранившаяся фортификация представлена отрезком вала и рва длиной 30 м. Ширина рва 13,0 м, глубина 2,0—3,0 м, ширина вала 5,0—8,0 м, высота 1,0 м. На жилищной площадке зафиксировано 5 современных ям. Большая часть городища раскопана — как регламентированными археологическими экспедициями, так и грабителями, жителями п. Барсово (по устной информации самих жителей). Здесь же проходит грунтовая дорога.

Заложено три стратиграфических разреза, все с культурным слоем. В одном обнаружен археологический материал.

Это два фрагмента венчиков керамических сосудов. Один из них (ил. 1 — 3) относится к вожпайской археологической культуре IX — X вв., второй (ил. 1 — 4) может быть датирован в широком хронологическом диапазоне от раннего железного века (кон. I тыс. до н. э. — нач. I тыс. н. э.) до эпохи Средневековья (нач. I — нач. II тыс. н. э.). Приведённые датировки не противоречат имеющейся в литературе культурно-хронологической атрибуции городища: ранний железный век (кулайская археологическая культура); поздний железный век — карымский, кучиминский, кинтусовский, сайгатинский этапы нижнеобской археологической культуры⁶.

Городище Барсов Городок I/32. Находится в 10 м западнее городища Барсов Городок I/4, на краю коренного берега протоки Утоплой.

При открытии памятника в 1925 г. городище имело форму, близкую к овальной, размеры 50х40—45 м, площадь 2300 кв. м. «Было образовано глубоким внешним рвом и валом. Ширина рва до 5—7 м, глубина 2 м (со стороны оврага — больше); ширина вала 5—8 м, высота более 1 м. С западной стороны ров соединяется с оврагом. Выход, возможно, находился с восточной стороны памятника. Внутри городища фиксировалось около семи впадин и старые траншеи»⁷. Таким образом, к сегодняшнему дню большая часть городища оказалась изученной раскопками и поэтому не имеет на поверхности видимых

признаков археологизированных сооружений. Памятник разрушается жителями п. Барсово, которые осуществляют здесь самовольные раскопки (по устной информации самих жителей).

Заложено три стратиграфических разреза, все с культурным слоем. В шурфе № 1 обнаружен археологический материал.

Он представлен тремя фрагментами венчиков керамических сосудов. Один венчик (ил. 1 — 5) относится к кулайской археологической культуре (VIII—VII вв. до н. э. — III—IV вв. н. э.), второй (ил. 1 — 8) — к карымскому (IV—VI вв.), третий (ил. 1 — 5) — к кучиминскому (VIII—IX вв.) этапам нижнеобской археологической культуры. Приведённые датировки не противоречат имеющейся в литературе культурно-хронологической атрибуции городища: ранний железный век (кулайская археологическая культура); поздний железный век — карымский, кучиминский, кинтусовский этапы нижнеобской археологической культуры, сайгатинский этап обь-иртышской культурно-исторической общности⁸.

Городище Барсов Городок I/33. Находится в 200 м восточнее городища Барсов Городок I/6, на краю коренного берега протоки Утоплой.

Сохранившаяся часть городища имеет подтреугольную форму, площадь 60 кв. м, размеры 17х8 м. Ширина образующего городище рва 1 м, глубина 0,3—0,5 м. Вал не прослеживается. Признаки археологизированных построек на сохранившейся части площадки не обнаружены. Городище практически полностью разрушено эрозией береговой кромки (оползем). Сохранился лишь угол оборонительной системы.

Заложено три стратиграфических разреза. При зачистке стенки одной из грабительских ям в 15 м западнее городища обнаружен культурный слой до 0,35 м и предмет археологической металлопластики.

Последняя представляет собою бронзовую антропоморфную фигуру, изображающую человека в полный рост в фас (ил. 1 — 1). Лицо на крупной голове овальное, линия носа переходит в лобную часть и брови. Глаза и рот переданы кружками. От короткого туловища в верхней части отходят две короткие двухпалые руки. Слабо оформленные нижние конечности имеют отверстие посередине. Обратная сторона плоская, непроработанная. Подобные фигурки представлены в белоярских и кулайских древностях VIII—VII вв. до н. э. — I—III вв. н. э.⁹ Эта датировка не противоречит имеющейся в литературе культурно-хронологической атрибуции городища — железный век¹⁰.

Окрестности бывшей д. Ермаково

В результате обследования 9 городищ и 12 селищ, расположенных близ бывшей д. Ермаково на двух мысовидных останцах (прибрежных гривах р. Тромъёган и Эгутъягун), также было установлено их неудовлетворительное состояние. На всех памятниках фиксируются небольшие грабительские ямки от применения металлодетектора, по некоторым проходят грунтовые дороги, кое-где расположены места для отдыха, вырыты мусорные ямы. Следует отметить зафиксированные рядом с селищем Ермаково 27, расположенным на южной оконечности прибрежной гривы р. Тромъёган («Шаман-гора»), грабительские ямы прямоугольной формы (длиной до 1 м, глубиной до 0,5 м). Они расположены параллельными рядами и, скорее всего, фиксируют ограбление неизвестного археологам грунтового могильника.

Нижневартовский район

В результате проведения натурных археологических исследований на земельных участках, отводимых под объект «Перевооружение ДНС-12 Северо-Поточного месторождения (факельной системы со средствами автоматизации)», объектов археологического наследия не обнаружено.

А вот при проведении натурных археологических исследований на территории, отводимой под объект «Расширение куста № 179 Урьевского месторождения», обнаружено поселение Лангепас 4.

Поселение Лангепас 4. Находится в 20,0 км северо — северо-западнее г. Лангепас, в 15,0 км юго-восточнее п. Аган, в 3,5 км северо-западнее р. Урьевский ёган, в 0,7 км южнее объекта «Куст № 179 Урьевского месторождения», в северо-западной части невысокой (1,0—1,5 м) грядообразной возвышенности. В 0,15 км севернее поселения проходит ЛЭП и грунтовая дорога, соединяющая кусты № 175, 177, 178, 179, 180, 328 Урьевского месторождения нефти (ил. 2).

Ярус древостоя представлен хвойным лесом (сосна, ель); ярус кустарников отсутствует; травяной ярус образуют брусничник, папоротниковидные. В морфологическом облике почв выделяется горизонт подстилки из хвои, кусочков коры, мелких веточек, зеленомошников, беломошников и лишайников; второй горизонт — более разложившийся опад. Почвы подзолистые иллювиально-железистые, сложены супесью.

Поселение состоит из 10 приподнятых площадок от жилищ наземного типа диаметром 8,0—10,0 м и высотой 0,2—0,3 м, расположенных

цепочкой вдоль северной и северо-восточной кромок гривообразной возвышенности. В центральной части поселения заложено два шурфа: мощность культурного слоя — до 0,34 м. Рельефно выраженные объекты занимают площадь в 2000 кв. м. Состояние объекта археологического наследия — удовлетворительное. Культурная и хронологическая принадлежность памятника не определена.

Наименование памятник получил в продолжение выявленных в окрестностях г. Лангепаса объектов археологического наследия:

- городище *Лангепас 1* обнаружено в 1979 г. В.И. Семёновой; в 2002 и 2004 гг. оно раскапывалось (при участии автора)¹¹;
- поселение *Лангепас 2* и городище *Лангепас 3* открыты в 2004 г. А.Н. Дробышевым¹².

Все эти памятники отнесены к зеленогорскому этапу нижнеобской культуры, датирующемуся VI—VII вв.¹³

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004. — С. 15–16.

² Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 15–16.

³ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 17.

⁴ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 17.

⁵ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 35.

⁶ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 35.

⁷ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 35.

⁸ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 35.

⁹ Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 164, рис. 58 — 19; С. 185, рис. 79 — 22.

¹⁰ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 36.

¹¹ Семёнова В.И. Раскопки городища Лангепас I в Нижневартовском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2003. — Вып. 1. — С. 256–257.

¹² Дробышев А.Н. Отчёт о разведке в окрестностях г. Лангепас Нижневартовского района Тюменской области. — Лангепас, 2004. — 98 с. / Архив Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий.

¹³ Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1991. — Вып. 20. — С. 133–135.

Результаты разведочных археологических полевых работ на территории Нефтеюганского и Сургутского районов ХМАО – Югры в 2014 г.

А.А. Лукиных, М.С. Никулин
г. Нефтеюганск
ООО «НПО «Северная археология – 1»

Задачей полевого сезона 2014 г. являлись поиск новых и обследование уже известных объектов археологического наследия в Нефтеюганском и Сургутском р-нах ХМАО – Югры:

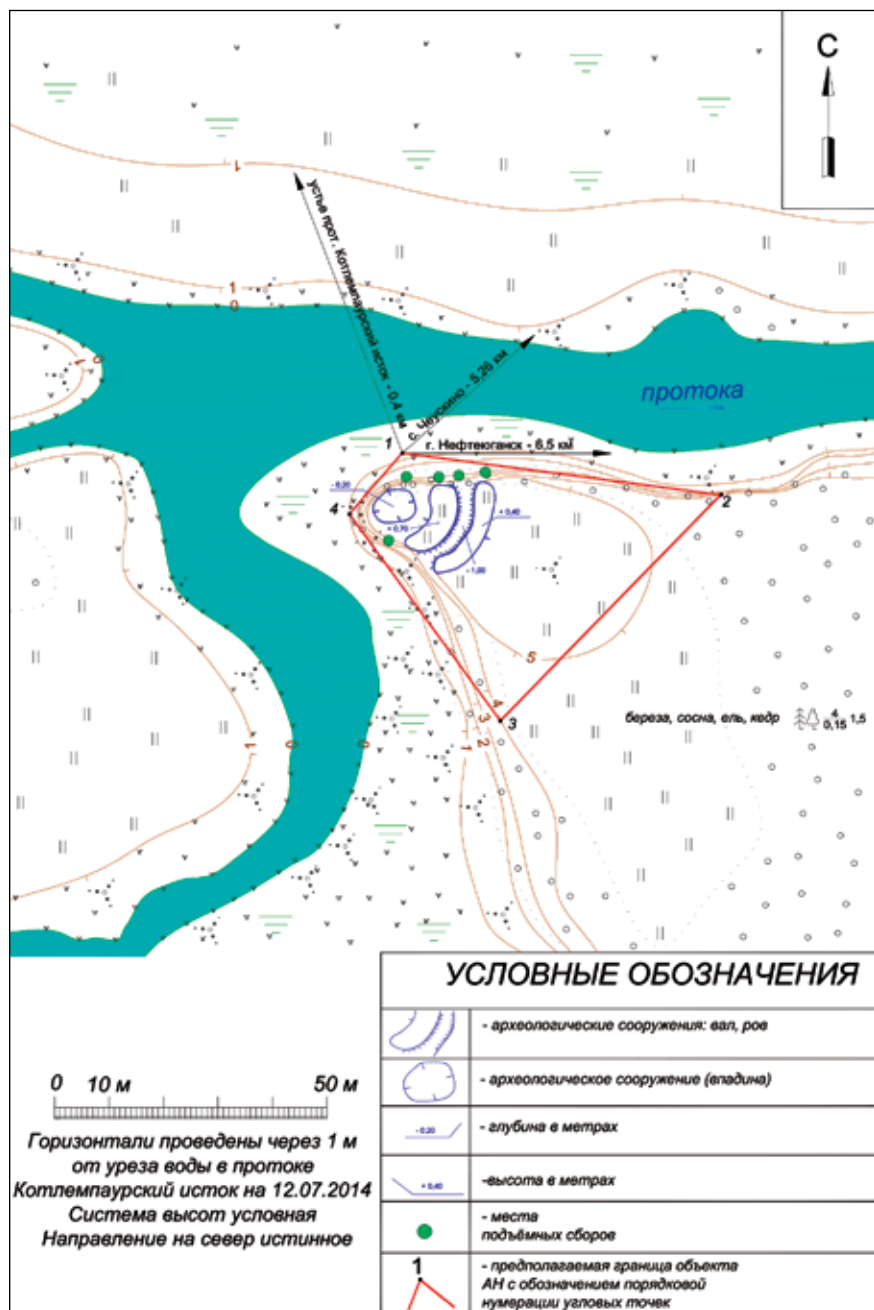
- в пойменной части среднего течения р. Оби (урочище Котлемпаурский Остров в окрестностях г. Нефтеюганска);
- в среднем течении р. Большого Салыма (окрестности п. Салыма);
- в среднем течении р. Большого Югана (старица Ампельурий);
- в левобережье р. Угутки (окрестности с. Угут).

Полевым работам предшествовали архивно-библиографические изыскания, в ходе которых была установлена разная степень изученности намеченных районов исследований. И именно она определила тактику полевых работ: на территориях, которые ранее не исследовались (урочище Котлемпаурский Остров), производилось сплошное разведочное обследование, а в районах с высокой концентрацией археологических объектов осуществлялись локальные исследования в наиболее перспективных местах.

Городище Котлемпаурский Остров 1 (ил. 1 – 4)

При обследовании урочища Котлемпаурский Остров в пойме р. Оби (левобережье протоки Юганской Оби, территория Усть-Балыкского лицензионного участка, 6,60 км к западу от г. Нефтеюганска, 5,26 км к юго-западу от с. Чеускино) было выявлено городище. Оно расположено в западной части урочища, на мысу правобережной террасы левого безымянного притока протоки Котлемпаурский Исток, в 0,4 км юго-восточнее её устья.

Высота террасы в этом месте достигает 5 м от уреза воды, её склоны крутые и обрывистые. Край террасы хорошо выражен. Поверхность

Ил. 1. Городище Котлемпаурский Остров 1. План

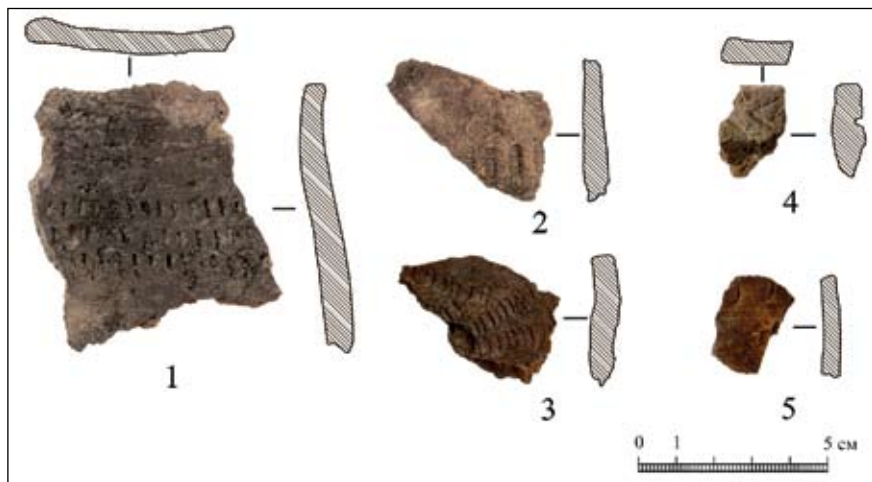

Ил. 2. Городище Котлемпаурский Остров 1. Внутренняя площадка. Снято с юго-востока

Ил. 3. Городище Котлемпаурский Остров 1. Фортификационные сооружения. Снято с севера

Ил. 4. Городище Котлемпаурский Остров 1. Сборы. Фрагменты керамических сосудов

относительно ровная, имеет небольшой уклон в направлении северо-запад — юго-восток. В северной части памятника, по краю обрывистого берега произрастает смешанный берёзово-сосново-еловый лес. Остальная часть городища и территория к югу от его предполагаемой границы представляют открытое пространство небольшого луга, заросшего высокой (ок. 1 м) травой в составе осоково-вейниковых трав и гигрофильных злаков. В целом, растительность на территории урочища является вторичной.

По словам местного жителя, «на острове» до 1940-х гг. произрастал сосново-кедровый лес. Во время Великой Отечественной войны высокоствольный лес спилили на нужды фронта.

Городище — мысовое, с одной линией обороны. Фортификационные сооружения серповидной формы представлены рвом, а также внутренним и внешним валами. Ров: глубина — 1,0 м, ширина — 3,0 м. Внутренний вал: высота — 0,7 м, ширина — 4,5 м. Внешний вал: высота — 0,4 м, ширина — 3,0 м. В укрепленной части фиксируется овальное углубление размерами 5,0х7,0 м и глубиной 0,2 м. Визуально выраженных объектов в напольной части городища не зафиксировано.

В осыпях обрывистой части берега обнаружено 5 орнаментированных и 4 неорнаментированных обломка керамических сосудов, кусок обожженной глины (вероятно, нижняя часть литейной формы). Аналогичная орнаментация на керамической посуде встречается на памятни-

ках, которые датированы кучиминским (VIII—IX вв.) и кинтусовским (IX—XI вв.) этапами нижеобской археологической культуры¹.

Ориентировочная площадь памятника составляет 1700 кв. м.

В настоящее время городище находится в аварийном состоянии. На всей его территории имеются небольшие «покопы», возникшие, со слов местных жителей, во время охоты на барсуков. Особую опасность представляют геоморфологические процессы. С северной и юго-западной сторон обрывистая часть берега активно осыпается, что может привести к полному уничтожению культурного слоя.

Группа ловчих ям Большой Салым 5 (ил. 5)

Группа ловчих ям была выявлена на правом берегу р. Большого Салыма, в 128,7 км к югу—юго-западу от г. Нефтеюганска, в 6,7 км к востоку—юго-востоку от п. Салыма. Они находятся на краю правобережной надпойменной террасы р. Большого Салыма высотой ок. 4 м от уреза воды, в 0,7 км к востоку—северо-востоку от устья р. Тарсап, в 3,7 км юго-восточнее устья р. Вандрас.

Склон террасы крутой, покрыт древесной растительностью. Её край хорошо выражен. Поверхность относительно ровная, имеет небольшой уклон в направлении восток — запад. На территории памятника произрастает урманый лес в составе ели, берёзы, осины, кедра с кустами рябины и шиповника. В почвенном покрове преобладает травянистая растительность. К востоку от памятника находятся участки верховой заболоченности. У подножья террасы берег зарос ивовыми кустарниками и высокой влаголюбивой травянистой растительностью. Вдоль края террасы через впадины № 1 и 2 проходит звериная тропа.

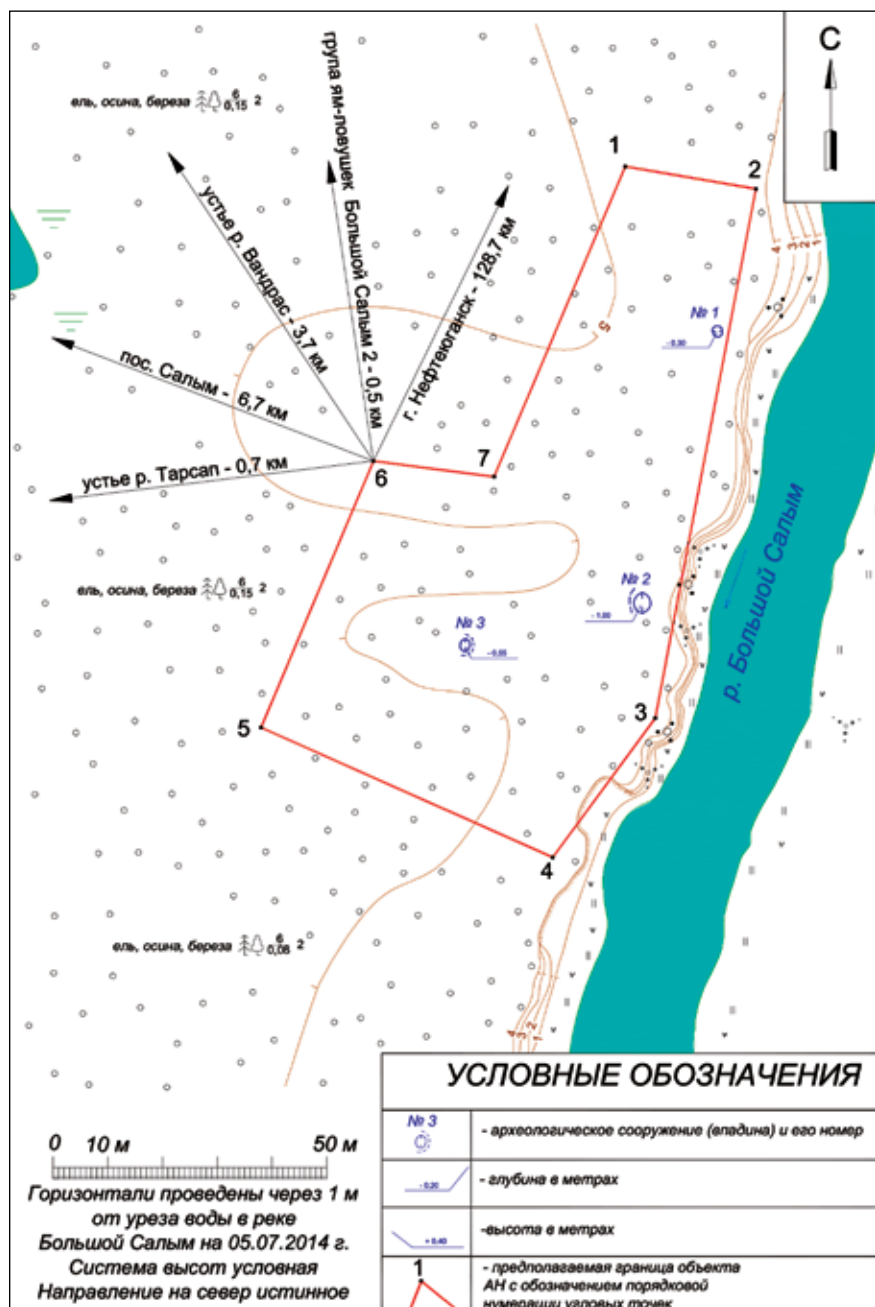
На поверхности объекта археологического наследия фиксируются три археологизированных сооружения в виде впадин, ориентированных по линии север—северо-восток — юг—юго-запад:

- сооружение № 1 — впадина овальной формы; ориентирована с севера—северо-запада на юг—юго-восток; обваловка не фиксируется; размеры — 1,8х2,0 м, глубина — 0,3 м;
- сооружение № 2 — впадина овальной формы, ориентирована по линии север — юг; размеры — 3,1х3,7 м, глубина — 1,0 м;
- сооружение № 3 — впадина овальной формы; ориентирована по линии север — юг; размеры — 1,8х2,3 м, глубина — 0,5 м.

Датировка памятника не определена.

Ориентировочная площадь объекта археологического наследия составляет 5630 кв. м.

Состояние удовлетворительное.

Ил. 5. Группа ловчих ям Большой Салым 5. План

Группа ловчих ям Атмпельурий 18 (ил. 6, 7)

Находится в среднем течении р. Большого Югана, на территории Средне-Угутского лицензионного участка, на правом берегу старицы Атмпельурий, в 3,25 км к северу—северо-востоку от устья р. Нёгусьях, в 9,50 км к югу от с. Угут.

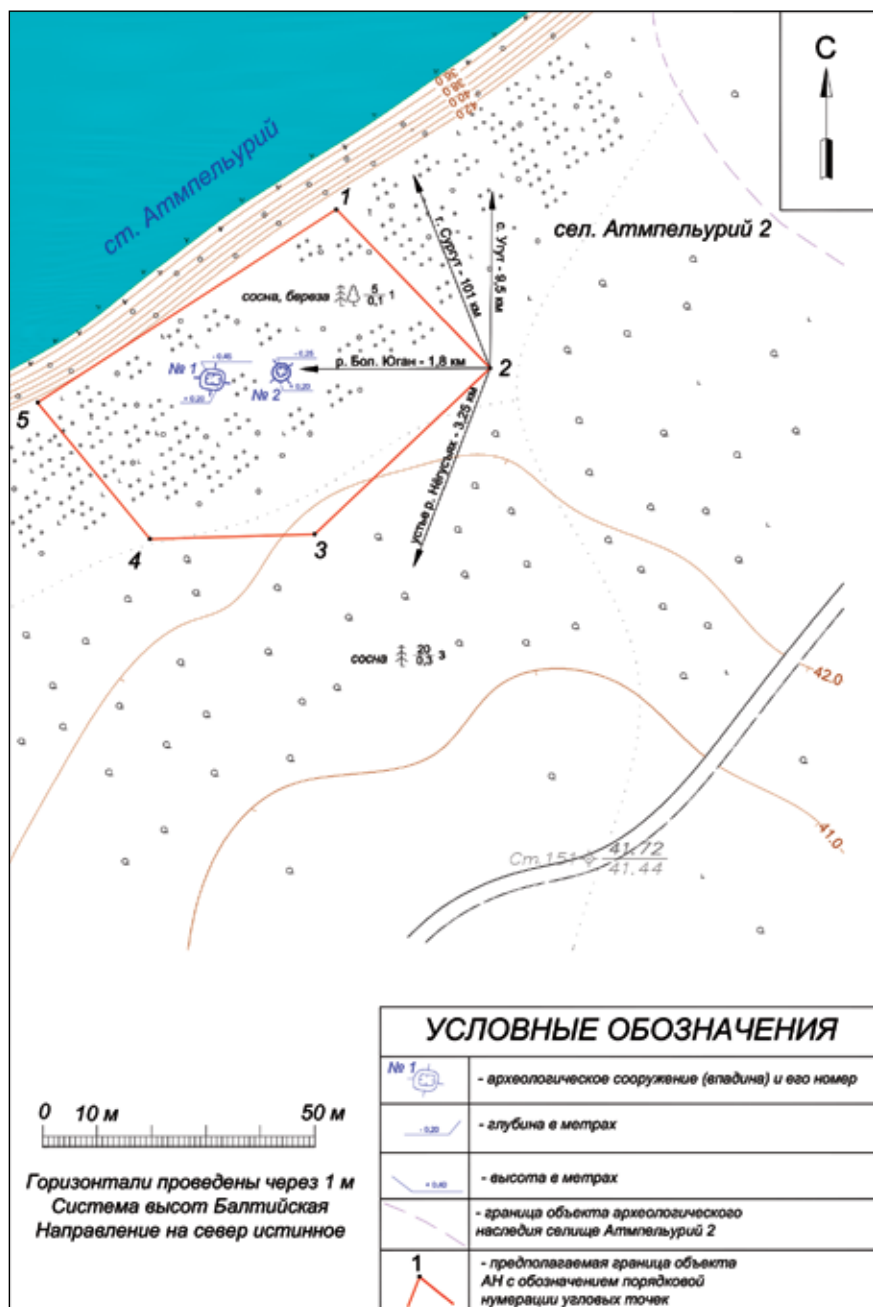
Объект археологического наследия расположен на краю правобережной коренной террасы р. Большого Югана, на правом берегу старицы Атмпельурий высотой до 6 м от уреза воды. Край террасы хорошо выражен, поверхность ровная. Береговой склон очень крутой, покрыт древесной растительностью. Памятник находится в прореженном пожаром и частично вырубленном высокоствольном сосновом лесу, заросшем густой, молодой, труднопроходимой порослью сосняка с примесью берёзы и осины. В напочвенном покрове преобладает кустарничковая и моховая растительность.

На поверхности фиксируются два археологизированных сооружения в виде впадин, ориентированных по линии юго-запад — северо-восток вдоль берега ст. Атмпельурий:

- сооружение № 1 — впадина овальной формы; ориентирована по линии запад — восток; размеры — 1,80х2,50 м, глубина — 0,45 м; имеется обваловка шириной 0,5—1,0 м и высотой 0,1—0,2 м;

Ил. 6. Группа ловчих ям Атмпельурий 18. Впадина № 1. Снято с северо-запада

Ил. 7. Группа ловчих ям Ампельурий 18. План

— сооружение № 2 — впадина овальной формы; ориентирована по линии юго-запад — северо-восток; размеры — 1,80х1,80 м, глубина — 0,25 м; имеется обваловка шириной 0,4—0,8 м и высотой 0,1—0,2 м.

Датировка памятника не определена.

Предполагаемая площадь группы ловчих ям Атмпельурий 18 составляет 2864 кв. м.

В настоящее время памятник находится в удовлетворительном состоянии.

Селище Угутское Левобережное 1 (ил. 8)

В окрестностях с. Угут были повторно обследованы 4 объекта археологического наследия — селища Угутское Левобережное 1, Угутское Левобережное 2, Угутское Левобережное 3 и Угутское Левобережное 4. Они были выявлены в 2007 г.² Поводом для нового обследования послужила информация, полученная от сотрудников заповедника «Юганский» о масштабных санитарных вырубках леса к югу и юго-востоку от с. Угут.

Селище Угутское Левобережное 1 расположено в 76,2 км юго-восточнее г. Пыть-Ях, в 2,25 км к юго-востоку от с. Угут, в северо-западной части левобережной террасы р. Угутки, обращённой в сторону поймы р. Большого Югана.

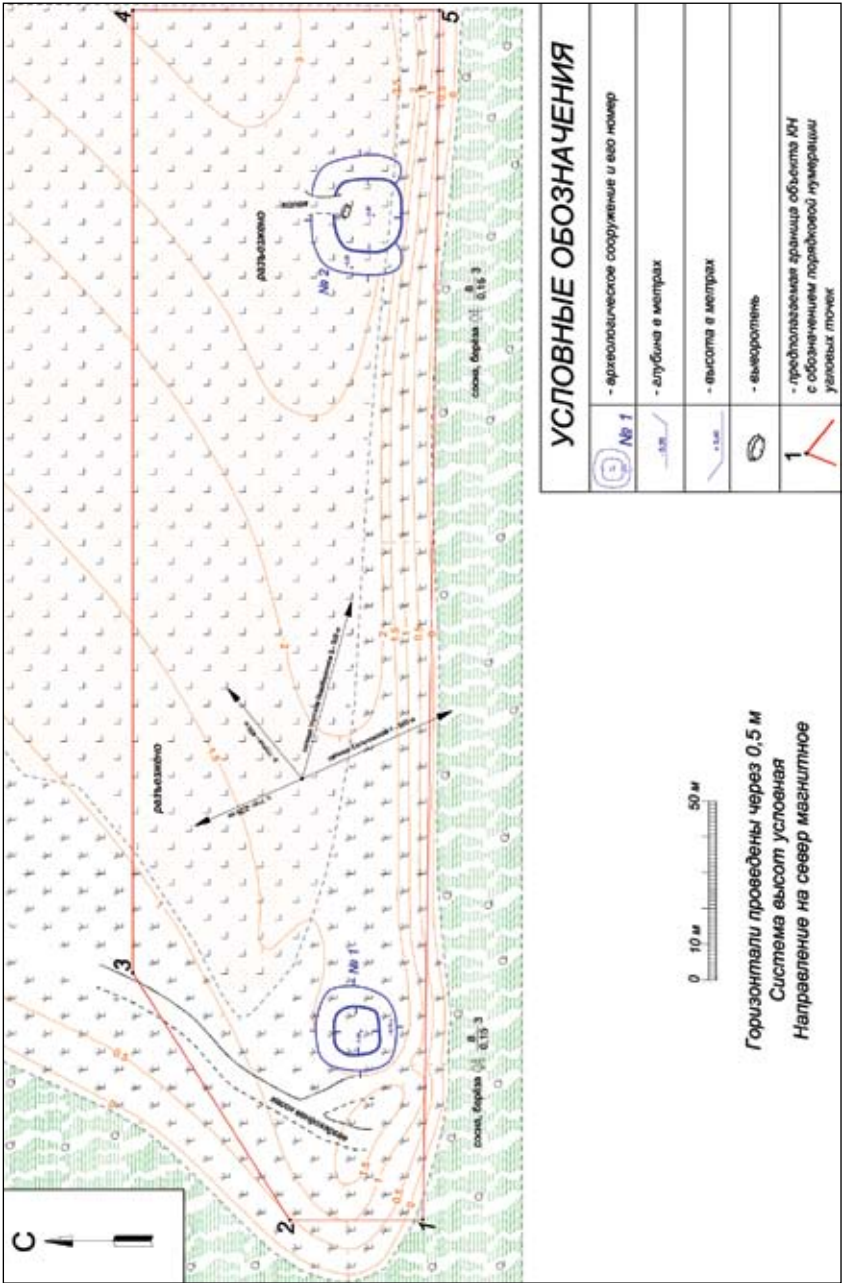
Склоны террасы, достигающей на этом отрезке высоты 1,5—2,5 м от уровня болота, покатые и покрыты древесной растительностью. Край террасы хорошо выражен. Поверхность относительно ровная, имеет небольшой уклон в направлении запад—северо-запад. Западную часть территории археологического объекта покрывает смешанный лес, поражённый пожаром. Напочвенный покров представлен травянистой растительностью.

В современном рельефе селище представлено двумя впадинами, удалёнными друг от друга на 90—100 м. Имеют подквадратную форму, глубину 0,8—1,2 м, обваловку высотой 0,15—0,3 м по краю.

Учитывая месторасположение и морфологические характеристики сооружений, можно предположить, что селище возникло и функционировало в неолите — энеолите.

Предполагаемая площадь памятника 1 составляет 4886 кв. м.

Территория объекта археологического наследия испытала единовременное антропогенное воздействие — санитарную рубку и раскорчёвку. В значительной степени пострадали северный, центральный и восточный участки памятника. В районе сооружения № 1

Ил. 8. Селище Угутское Левобережное 1. План

санитарная вырубка не осуществлялась. Однако в 4 м к западу от края обваловки сооружения зафиксирована вездеходная колея. В районе сооружения № 2 горелый лес вырублен и временно складирован внутри объекта, северная часть обваловки частично нарушена колеёй. Кроме того, внутренняя часть повреждена множеством выворотней различной формы и глубины.

Селище Угутское Левобережное 2 (ил. 9, 10)

Расположено в 76,8 км к юго-востоку от г. Пыть-Ях и в 2,2 км в том же направлении от с. Угут, в северной части левобережной надпойменной террасы р. Угутки, обращённой в сторону поймы р. Большого Югана.

Склон террасы высотой до 1 м от уровня болота крутой. Древесная растительность вырублена вплоть до заболоченной территории. Край террасы хорошо выражен. Поверхность относительно ровная, имеет небольшой уклон в направлении восток—северо-восток — запад—юго-запад. Ок. 80—85 % естественного ландшафта разрушено полностью. В настоящее время 2/3 площади памятника занимают валы корчевания. В центральной и южной части селища сохранился небольшой островок, который покрывает, поражённый пожаром сосновый лес.

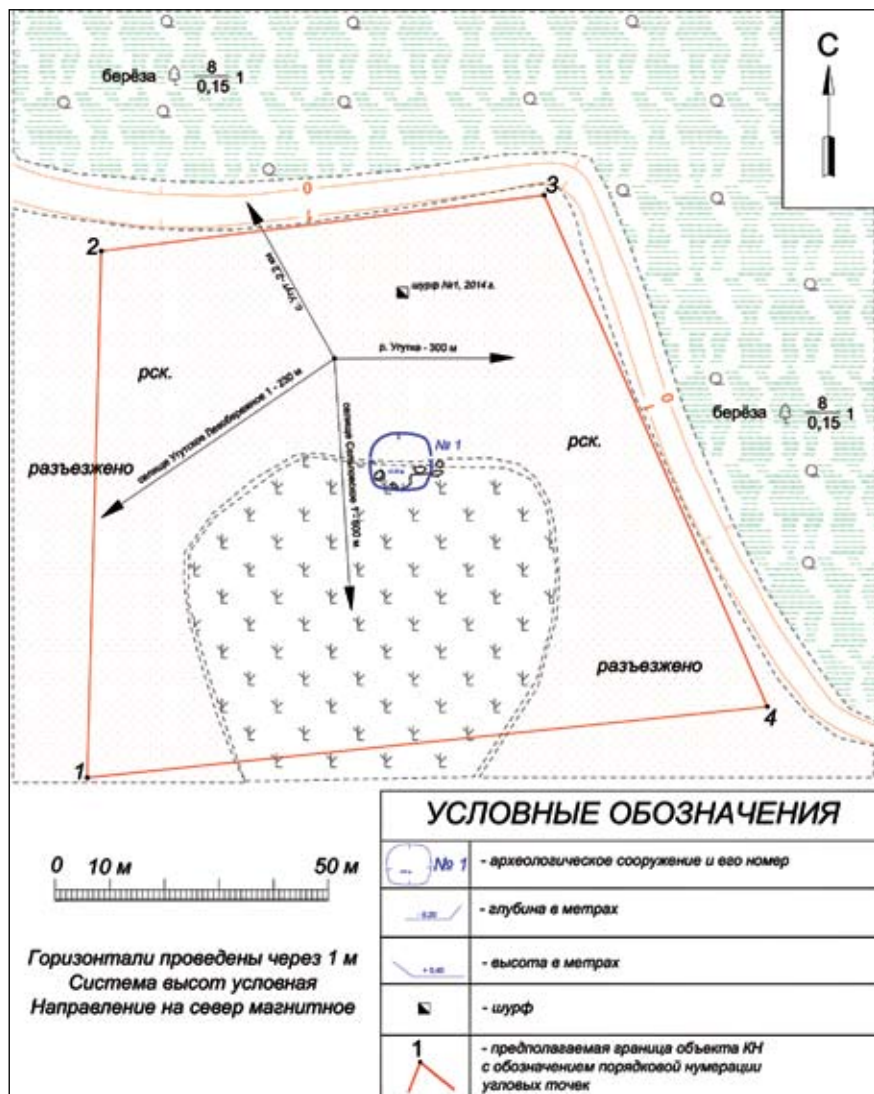
На момент выявления селище состояло из трёх сооружений, которые были расположены достаточно компактно и образовывали треугольник. В ходе обследования 2014 г. была зафиксирована лишь южная часть сооружения № 1, которое длинной стороной было ориентировано по линии запад — восток. Остатки объекта представляют собой яму подквадратной формы, без обваловки. Её глубина — ок. 0,5 м.

В ходе полевых исследований 2014 г. в северной части селища, в месте предполагаемого расположения сооружения № 2, на разрушениях естественного почвенного покрова с целью выявления состояния культурного слоя был заложен шурф. При его выборке обнаружены керамические изделия.

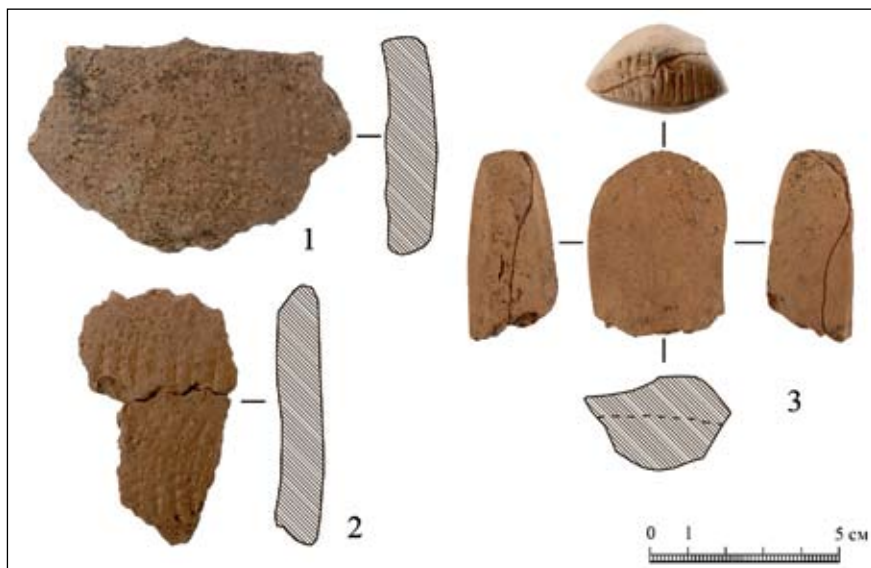
— Двенадцать фрагментов стенок керамического сосуда различной формы и размеров, цвет черепков преимущественно жёлто-коричневый, на изломе — серо-жёлтый. Поверхность сильно затёрта, но на большинстве фрагментов прослеживаются отиски «шагающей» гребёнки. Гребенчатый штамп длинный (7—8 зубцов). Некоторые отиски гребёнки имеют косую нарезку. Однако реконструировать форму сосуда, его размеры и орнаментальную композицию в настоящее время не представляется возможным. Аналогичная орнаментация на керамической посуде характерна для до-волно продолжительно периода: энеолит — ранняя бронза³.

— Один фрагмент изделия из обожжённой глины. Тесто плотное, с небольшой примесью толчёного полимиктового песчаника чёрного цвета. Обжиг равномерный. Размеры — 4,5х3,4х2,1 см. Поверхность хорошо зашлифована. В профиле изделие имеет форму шестигранника. Чётко фиксируются лишь 5 граней. Одна из граней, по всей видимости, подвергалась длительному механическому воздействию, в результате которого была сильно деформирована. Учитывая, наличие в тесте мелкозернистого

Ил. 9. Селище Угутское Левобережное 2. План

Ил. 10. Селище Угутское Левобережное 2. Шурф № 1. Находки: № 1—2 — фрагменты керамического сосуда, № 3 — изделие из обожжённой глины

компонента, следует предположить, что предмет использовался как абразив или лощило. Торец изделия имеет треугольную форму. На поверхность до обжига нанесено 10 параллельных резных линий (насечек), глубиной 0,10–0,15 мм, которые предназначались для нанесения гладкого штампа техникой прокатывания.

Ориентировочная площадь памятника составляет 3000 кв. м.

В настоящее время памятник находится в аварийном состоянии.

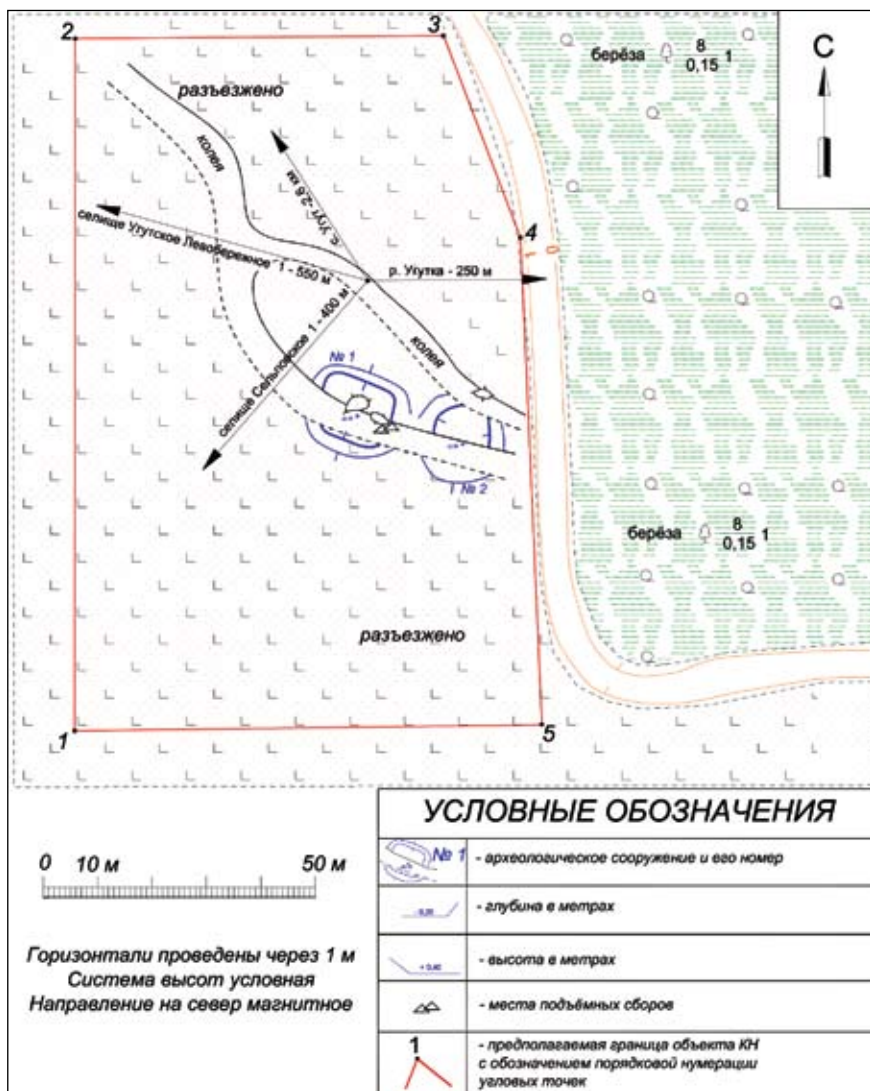
Селище Угутское Левобережное 3 (ил. 11, 12)

Селище расположено в 77,2 км к юго-востоку от г. Пыть-Ях и в 2,6 км в том же направлении от с. Угут, в 0,25 км к западу от русла р. Угутки, в юго-восточной части левобережной надпойменной террасы этого водотока.

Склон террасы, которая в этом месте превышает уровень болота на 1 м, крутой, древесная растительность вырублена вплоть до заболоченной территории. Край террасы хорошо выражен. Поверхность относительно ровная, имеет небольшой уклон в направлении запад–северо-запад. В месте расположения объекта археологического наследия естественный ландшафт не сохранился. Поверхностные слои почвы нарушены в результате корчевания пней и разъезжены тяжёлой техникой.

Селище состоит из двух плотно примыкающих друг к другу впадин:
 — сооружение № 1 — впадина подпрямоугольной формы; ориентирована по линии северо-запад — юго-восток; без обваловки; размеры — 9,0х8,0 м, глубина — 0,7 м;
 — сооружение № 2 — впадина округлой формы; без обваловки; размеры — 8,0х7,5 м, глубина — 0,7 м.

Ил. 11. Селище Угутское Левобережное 3. План

Ил. 12. Селище Угутское Левобережное 3. Впадины № 1 и 2. Общий вид. Снято с юга

На момент обследования центральный и южный участки обваловок этих сооружений повреждены колеёй.

При осмотре почвенных обнажений обнаружено 2 керамических фрагмента от разных сосудов. На одном из них присутствует часть орнамента, выполненная гладким штампом. Поверхность сильно затёрта.

Определение культурно-хронологической принадлежности селища на данном этапе затруднительно.

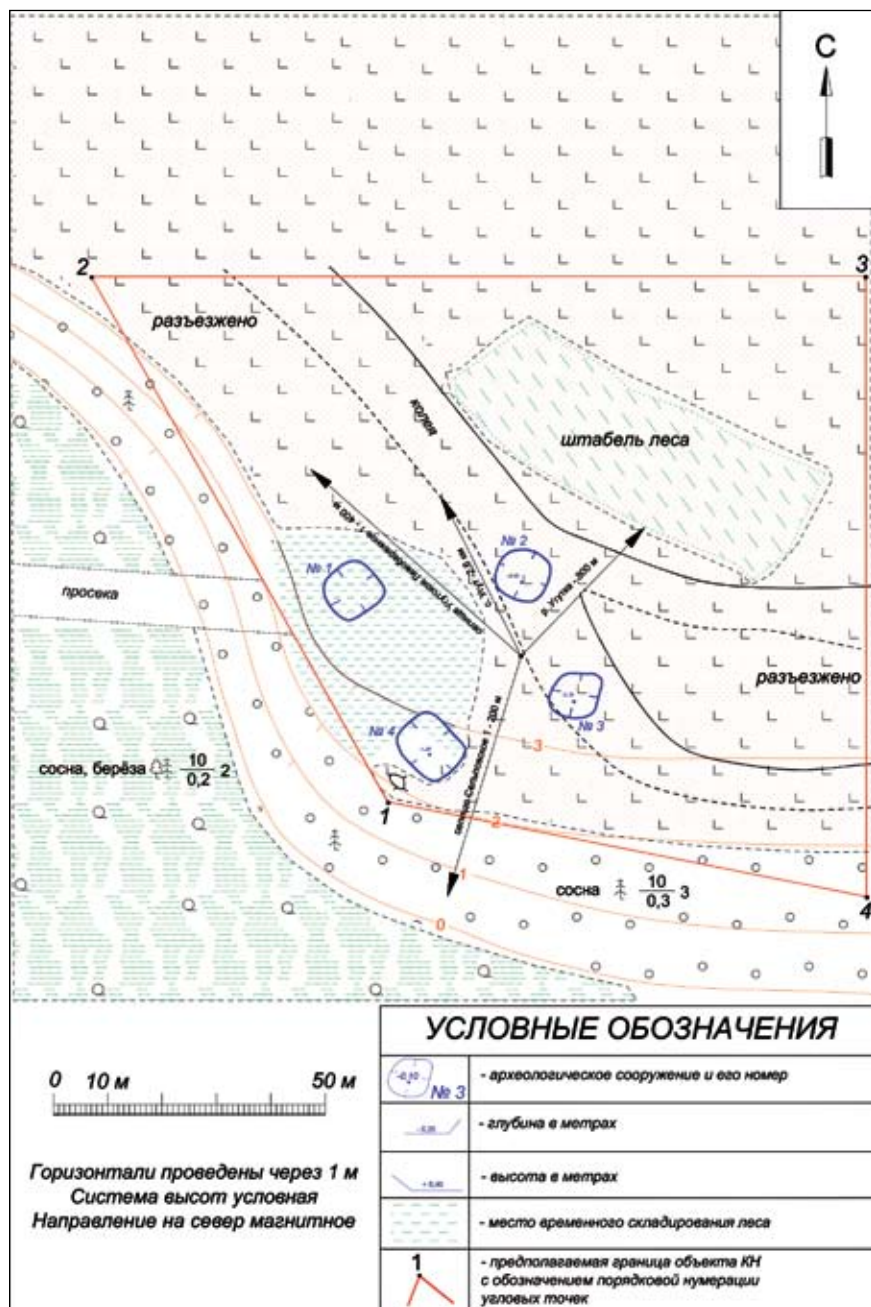
Предварительно площадь памятника составляет 2520 кв. м.

В настоящее время селище находится в аварийном состоянии.

Селище Угутское Левобережное 4 (ил. 13)

Селище расположено в 77,3 км юго-восточнее г. Пыть-Ях и в 2,6 км в том же направлении от с. Угут, в южной части левобережной надпойменной террасы р. Угутки, обращённой в сторону поймы р. Большой Юган.

Склоны террасы, которая здесь на 2—3 м превышает уровень болота, покатые и покрыты древесной растительностью. Край террасы хорошо выражен. Поверхность относительно ровная, имеет небольшой

Ил. 13. Селище Угутское Левобережное 4. План

уклон в направлении север—северо-восток — юг—юго-запад. На территории объекта археологического наследия естественный ландшафт не сохранился.

Селище состоит из четырёх достаточно компактно расположенных (до 10 м друг от друга) археологизированных сооружений в виде впадин:

- сооружение № 1 — впадина предположительно округлой формы; без обваловки; диаметр — 1,8–2,0 м;
- сооружение № 2 — впадина округлой формы; без обваловки; диаметр — 5,0 м, глубина — 0,05 м;
- сооружение № 3 — впадина подквадратной формы; обваловка не фиксируется; размеры — 4,5х4,2 м, глубина — 0,1 м;
- сооружение № 4 — впадина подпрямоугольной формы; ориентировано по линии северо-запад — юго-восток; обваловка не фиксируется; размеры — 5,7х4,8 м, глубина — 1,2 м.

Впадина № 1 и северо-западная часть впадины № 4 завалены спиленным лесом. Кроме того, внутренняя часть впадины № 4 повреждена множеством выворотней различной формы и глубины. Ок. 85–90 % естественного почвенного покрова на территории селища разрушено полностью. Сооружения № 2 и 3 частично сnivelированы. По ним проходит лесовозная колея. В 6–7 м к северо-востоку от впадины № 2 располагается штабель леса. На склоне террасы и заболоченной территории в направлении запад—северо-запад — восток—юго-восток прорублена визирная просека шириной 3–5 м.

Время возникновения и функционирования селища не установлено.

Ориентировочная площадь памятника составляет 2940 кв. м.

В настоящее время селище находится в аварийном состоянии.

Непосредственной угрозой для четырёх последних объектов археологического наследия, расположенных в окрестностях с. Угут, является продолжение работ по санитарной вырубке и раскорчёвке леса с его дальнейшей вывозкой. Не исключено, что на данной территории в ближайшее время будет проведён комплекс лесовосстановительных мероприятий, в ходе которых поверхность будет полностью распланирована тяжёлой техникой, что приведёт к частичному или полному уничтожению объектов археологического наследия.

Результатом проведённых в 2014 г. археологических исследований стало выявление трёх и новое обследование четырёх объектов археологического наследия. Собранная коллекция археологических предметов позволяет достаточно точно датировать городище Котлемпаурский

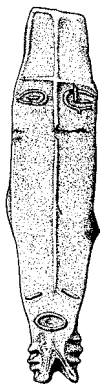
Остров 1 и селище Угутское Левобережное 2. Разведочный характер проведённых работ не позволил установить точные границы объектов археологии, эту работу необходимо выполнить в самое ближайшее время. И проводить её надо в комплексе мероприятий по сохранению и изучению представленных выше объектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зыков А.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и Новое время. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. — С. 188—190, 197—199.

² Коноваленко М.В. Отчёт о НИР: Археологическая разведка в бассейне реки Большой Юган в Сургутском районе ХМАО — Югры, проведённая летом 2007 г. — Нефтеюганск, 2008. — 112 с. — Архив «НПО «Северная археология — 1». — Ф. 1. Д. 238. Л. 28—31.

³ Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. — С. 125, 128, 133.

Археологические исследования в Октябрьском районе ХМАО — Югры в 2014 г.

А.В. Соколов, Н.Г. Комова

г. Ханты-Мансийск

АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»

В июне — октябре 2014 г. в рамках выполнения своего государственного задания АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» провело полевые работы по выявлению объектов археологического наследия на территории Октябрьского р-на ХМАО — Югры.

Территория обследования включила в себя береговые участки течения р. Оби и более мелких водотоков этого бассейна (р. Унсоим, Нум-Вотсоим, Хугот).

Целью работы является сбор материалов для составления археологической карты указанного административного района, а также для его использования при документационном оформлении регламентации хозяйственной природопреобразующей деятельности на данной территории.

В ходе обследования были выявлены неизвестные ранее объекты археологического наследия (поселения Унсоим 8 и Унсоим 9), уточнены характеристики (прежде всего место расположения) уже известных памятников (поселений Унсоим 2, Унсоим 3, Хугот 2, Хугот 3 и Хугот 4; городищ Унсоим 4¹ и Хугот 1).

На указанных памятниках археологии были проведены следующие работы:

- инструментальная съёмка планов;
- определение границ территории археологических объектов;
- закладка стратиграфических разрезов;
- фотофиксация объектов и стратиграфических разрезов;
- сбор подъёмного материала;
- уточнение сведений о культурно-хронологической принадлежности памятников;
- привязка памятников в системе WGS 84.

Весь собранный археологический материал передан на хранение в Государственный музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск).

История археологических исследований на правобережье Оби в районе п. Андры Октябрьского района ХМАО — Югры

Первыми задокументированными археологическими работами на указанной территории можно считать работы Обь-Иртышской экспедиции, проведённые в 1948 г. под руководством В.Н. Чернецова. Тогда в окрестностях юрт Низямских, на берегах р. Низямки и Оби были обнаружены 3 городища и 2 местонахождения, а также этнографические объекты (жертвенные места)².

В 1982 г. исследование памятников в Октябрьском р-не возобновилось Северным отрядом Уральской археологической экспедиции под руководством В.М. Морозова. Работы проводились по маршруту запланированных трасс газопроводов «Надым — Пунга — Ивдель» и «Уренгой — Новопсков». Были проведены раскопки поселений Перегрёбного 4 и Перегрёбного 11, а также начато изучение поселения Нангакорка и городища Низямы 2. Кроме стационарных работ, были проведены археологические разведки и выявлены 5 городищ, 7 поселений, 1 могильник и 3 местонахождения, подъёмный материал с которых датируется широкими рамками — от раннего железного века до позднего Средневековья. В.М. Морозов отмечал плотность расположения археологических памятников близ д. Низямы и предполагал наличие невыявленных объектов³.

В 1983 г. Северным отрядом УАЭ были продолжены изучение Низямского куста памятников и исследования по трассе газопровода «Уренгой — Новопсков». Первый из указанных участков был приурочен к месту стационарных работ у д. Низямы вблизи Октябрьской компрессорной станции. Всего было выявлено 8 памятников — 5 поселений и 3 местонахождения. Также были продолжены раскопки городищ Низямы 2, Низямы 4 и Низямы 5⁴.

В следующем году отряд В.М. Морозова продолжил раскопки городищ Низямы 4 и Низямы 5, поселений Низямы 3, Триречье и Нангорка⁵. А разведкой по трассе газопровода в районе Бобровской компрессорной станции и р. Лыхма были обнаружены 2 памятника. Группа студентки Т.Ю. Сухановой, работавшая тогда в составе отряда, на отрезке обского берега от устья р. Низямки до Алёшкинского зимовья выявила памятники в местах впадения р. Унсоим и Нум-Вутсоим⁶.

В 1985 г. всё тот же Северный отряд УАЭ вновь работал на той же территории по трассе газопровода «Уренгой — Помары — Ужгород». На этот раз стационарные раскопки были проведены на поселениях Низямы 8 и Низямы 11⁷.

В 1987 г. изучение археологических памятников близ д. Низямы было продолжено путём археологических раскопок. Работы велись на трёх объектах — городище Низямы 4, укреплённом поселении Низямы 5, поселении Низямы 9⁸.

Археологические исследования на правобережье Оби в районе п. Андры Октябрьского района ХМАО — Югры в 2014 г.

В 2014 г. были проведены уточняющие археологические работы на выявленных в 1984 г. Т.Ю. Сухановой объектах культурного наследия на правом берегу р. Оби в районе впадения р. Унсоим и Нум-Вотсоим (ил. 1, 2). Результаты этих работ изложены ниже.

Поселение Унсоим 2. Располагается северо-восточнее пгт. Приобье, на правом берегу р. Оби, на коренной террасе высотой 29,2 м по Балтийской системе высот (далее — БСВ). Высота берега от уровня поймы составляет 8,0–10,0 м. Территория поселения занята преимущественно хвойным лесом (ель), подлесок практически отсутствует, дерновый слой представлен хвойным и листовым опадом.

На территории памятника рельефно выраженные объекты, относящиеся ко времени функционирования поселения, не отмечены.

Для определения мощности культурного слоя на поселении были сделаны зачистки осыпи коренного берега. Мощность культурного слоя составляет ок. 25–28 см.

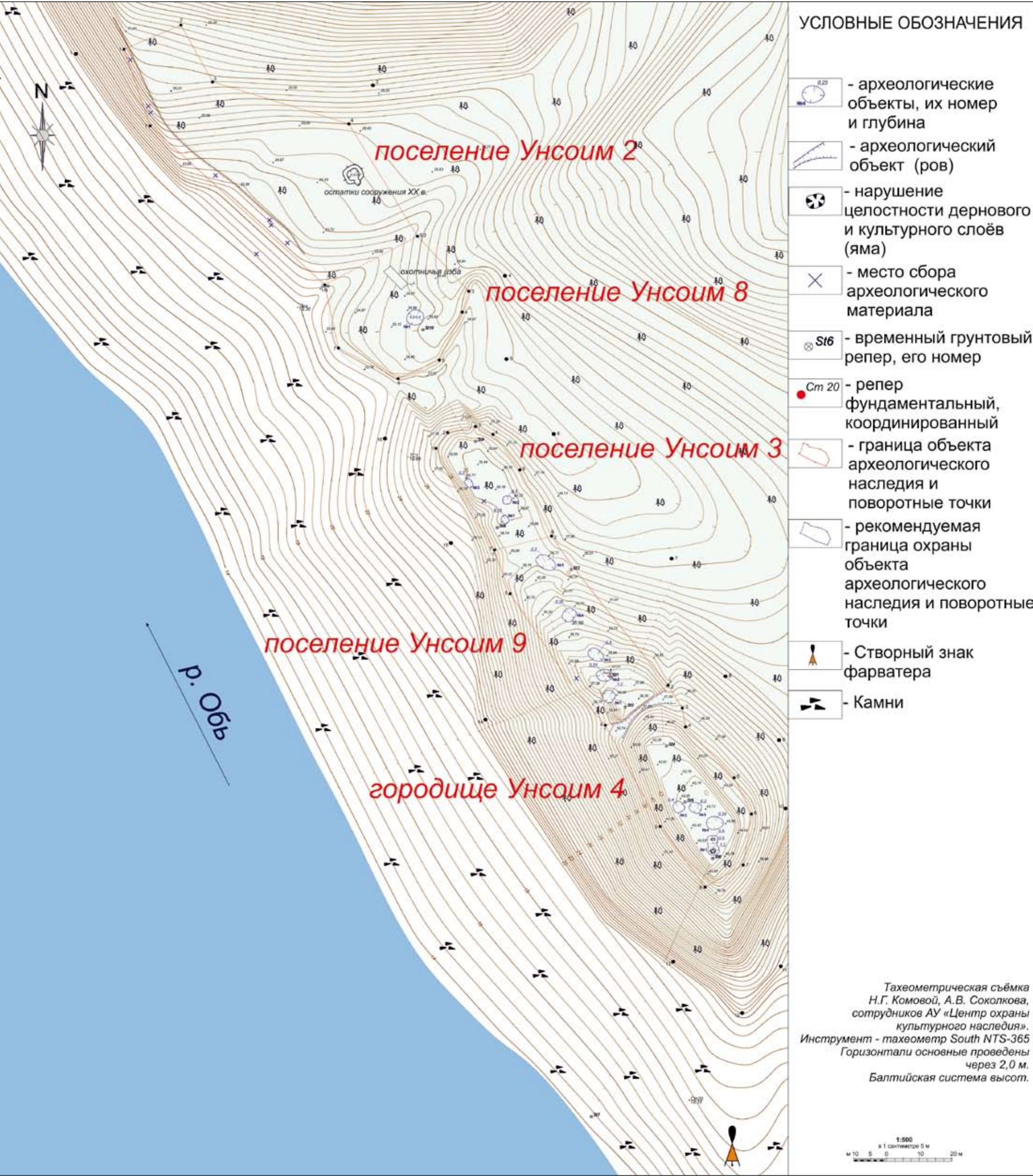
У западной границы поселения в осыпи коренной террасы был собран подъёмный материал раннего железного века (II в. до н. э. — III в.).

Площадь выявленного объекта археологического наследия поселение Унсоим 2 в границах, определённых полевыми работами 2014 г., составляет ок. 2757 кв. м.

Сохранность — удовлетворительная, без активного разрушения культурного слоя. Однако западная часть памятника обнажена и в перспективе будет подвержена разрушениям.

Поселение Унсоим 3. Находится северо-восточнее пгт. Приобье, на правом коренном берегу р. Оби высотой 30,0–31,0 м по БСВ и 5,0–8,0 м от уровня поймы. Участок берега, на котором локализуется поселение, занят преимущественно хвойными деревьями (ель) с редкой примесью лиственных (берёза, осина). Подлесок практически отсутствует, но ок. 60 % территории поселения засорено упавшими деревьями. Дерновый слой представлен хвойным и листовым опадом.

Берег в месте расположения поселений Унсоим 3, Унсоим 9 и городища Унсоим 4 представляет собой часть коренной террасы р. Оби,

Ил. 1. Местоположение археологических памятников на правом берегу Оби между устьями р. Унсоим и Нум-Вутсоим

которая вследствие геологических процессов обособилась и образовала небольшой останец; место отделения на сегодняшний момент оформилось в виде лога.

На территории памятника фиксируются три западины — остатки археологизированных углубленных построек.

Таблица 1

Поселение Унсоим 3.

Визуально выраженные объекты. Метрические характеристики

№	Котлован археологизированной постройки			Обваловка	
	Размеры (м)	Глубина от совр. уровня (м)	Предвходовой тамбур (м)	Ширина (м)	Высота (м)
1	3,0х3,3	0,15	—	—	—
2	3,5х3,3	0,1	—	—	—
3	3,4х3,1	0,2–0,3	—	—	—

Площадь выявленного объекта археологического наследия поселение Унсоим 3 в границах, определённых полевыми работами 2014 г., составляет ок. 887,1 кв. м.

Для определения мощности культурного слоя на западной окраине памятника была сделана зачистка осыпи коренного берега, которая зафиксировала культурный слой мощностью 40–43 см.

Ил. 2. Местоположение археологических памятников на правом берегу Оби в устье р. Унсоим

В процессе зачистки были собран подъёмный материал, позволивший датировать памятник эпохой раннего железного века — Средневековьем.

На момент осмотра сохранность объекта археологии определена как удовлетворительная без активного разрушения культурного слоя.

Городище Унсоим 4. Располагается северо-восточнее пгт. Приобье на правом коренном берегу р. Оби высотой 42,0—43,0 м по БСВ и 23,0—24,0 м от уровня поймы. Участок берега, на котором локализуется городище, зарос смешанным лесом (ель, сосна, берёза, осина); второй ярус растительности представлен мелким кустарником; дерновый слой — листовым и хвойным опадом, корневой системой деревьев и кустарников.

Городище располагается на относительно ровной поверхности террасы, которая в северо-западной части имеет резкое понижение (с 42,3 м до 38,0—39,0 м по БСВ), после чего переходит в территорию поселения Унсоим 9. Подобная разница в рельефе интерпретирована исследователями, как конструктивная особенность защитной системы, что позволило внести изменение в типологию ранее выявленного памятника с «поселения» на «городище». Таким образом, территория городища Унсоим 4 со всех сторон обособлена естественными и искусственными понижениями рельефа.

На территории памятника фиксируются четыре западины — остатки археологизированных углубленных построек. Объект № 1 определён как двухкамерный, поскольку состоит из двух небольших западин с невысоким валом между ними. В 1,7 м к северу от него располагается объект № 4, а на расстоянии 0,5 м к северо-западу от него — объекты № 2 и 3.

Таблица 2

Городище Унсоим 4.
Визуально выраженные объекты. Метрические характеристики

№	Котлован археологизированной постройки			Обваловка	
	Размеры (м)	Глубина от совр. уровня (м)	Предвходовой тамбур (м)	Ширина (м)	Высота (м)
1	1-я камера — 4,2х3,4; 2-я камера — 3,7х2,6	1-я камера — 1,2 2-я камера — 0,8	—	—	—
2	4,4х4,4	0,4	—	—	—
3	4,5х3,7	0,2	—	—	—
4	5,2х4,5	0,3	—	—	—

Площадь выявленного объекта археологического наследия городище Унсоим 4 в границах, определённых полевыми работами 2014 г., ок. 2166 кв. м.

Для определения мощности культурного слоя на городище была сделана зачистка осыпи коренного берега. Мощность составляет 55,0 см.

В обеих камерах объекта № 1 располагаются грабительские ямы глубиной до 1,2 м от уровня современной поверхности, которые нарушили дерновый и культурный слои. Стенки и днища ям слабо задернованы, покрыты мхом.

Городище датируется эпохой Средневековья.

Его сохранность определена как удовлетворительная без активного разрушения культурного слоя.

Поселение Унсоим 8. Находится северо-восточнее пгт. Приобье, на правом берегу р. Оби, который в данном месте представлен небольшим всхолмлением высотой до 25,0–26,0 м по БСВ между двумя высокими берегами, достигающими отметок 32,0–45,0 м по БСВ. Превышение этого отрезка берега над близлежащей поймой составляет 4,0–6,0 м.

Территория поселения занята преимущественно хвойными деревьями (ель, сосна), редко встречаются лиственные (осина, берёза). Второй ярус растительности представлен подрастающим молодняком хвойных деревьев, кустарником. Дерновый слой состоит из листовного и хвойного опада, корней деревьев.

На территории памятника фиксируется одна археологическая впадина. В 1,8 м к северо-западу от неё обустроена новая охотничья избушка.

Таблица 3

Поселение Унсоим 8.

Визуально выраженный объект. Метрические характеристики

№	Котлован археологизированной постройки			Обваловка	
	Размер (м)	Глубина от совр. уровня (м)	Предвходовой тамбур (м)	Ширина (м)	Высота (м)
1	5,1х4,9	0,2–0,4	–	–	–

Площадь памятника составляет 1440,0 кв. м.

В зачистке одной из стенок рекогносцировочного шурфа 1984 г. зафиксирован культурный слой мощностью 14–17 см.

Обнаруженный в ходе зачистки фрагмент керамики культурно и хронологически не идентифицируется.

На территории объекта археологии выявлены следующие постройки и сооружения, нарушающие целостность дернового и культурного слоёв:

- охотничья избушка в северо-восточной части;
- обустроенная санитарная зона (мусорная яма, туалет) в юго-восточной части;
- нерекультивированный рекогносцировочный шурф 1984 г. в восточной части.

В связи с этим сохранность памятника определена как неудовлетворительная. Продолжение хозяйственной деятельности промысловиков может привести к ухудшению состояния объекта археологии.

Поселение Унсоим 9. Расположено северо-восточнее пгт. Приобье, на правом коренном берегу р. Оби высотой 29,5—39,0 м по БСВ и 9,5—15,0 м от уровня затопляемого берега. Участок берега, на котором располагается поселение, занят преимущественно лиственным лесом (берёза, осина); в северной и южной частях, смежных с границами поселения Унсоим 3 и городища Унсоим 4, изредка встречаются хвойные деревья (ель).

На территории памятника зафиксированы пять западин, отнесённых к археологизированным котлованам построек.

Таблица 4

**Поселение Унсоим 9.
Визуально выраженные объекты. Метрические характеристики**

№	Котлован археологизированной постройки			Обваловка	
	Размер (м)	Глубина от совр. уровня (м)	Предвходовой тамбур (м)	Ширина (м)	Высота (м)
1	4,5x4,6	1,2	—	—	—
2	5,1x4,3	0,2	—	—	—
3	4,9x4,5	0,3	—	—	—
4	4,7x4,6	0,4	—	—	—
5	6,0x4,9	0,2	—	—	—

Площадь выявленного объекта археологического наследия поселение Унсоим 9 в границах, определённых на основании полевых работ 2014 г., составляет ок. 1224 кв. м.

На западной границе памятника была сделана зачистка осыпи коренного берега. В результате зафиксированы слои серой супеси с включениями органики; тёмно-серой супеси с включением органики и углей. В общей сложности культурные напластования составляют 58—60 см.

Учитывая, что поселение, скорее всего, образует единый комплекс с городищем, время его существования по аналогии можно отнести к эпохе Средневековья.

Сохранность объекта культурного наследия определена как удовлетворительная без активного разрушения культурного слоя.

Археологические исследования на р. Хугот

В нач. 2014 г. была получена информация из музея г. Нягани о сдаче в фонды местными жителями фрагментов керамической посуды, обнаруженных на р. Хугот в Октябрьском р-не ХМАО — Югры. Место обнаружения информаторы определили очень приблизительно — в пределах среднего течения реки.

Учитывая это сообщение и принимая во внимание факт активной хозяйственной деятельности на указанной территории, в июне 2014 г. была сформирована группа для поиска объекта археологии на р. Хугот. Это было необходимо ещё и потому, что в указанном районе полевые археологические работы прежде не проводились. Начало маршрута — мостовой переход через р. Хугот автодороги «Нягань — Ханты-Мансийск» (21-й км), конец маршрута — мостовой переход через р. Хугот автодороги «Нягань — п. Сосновый (неж.)».

Р. Хугот соединяется с системой проток в пойме р. Оби.

В результате разведочных работ были обнаружены 4 объекта археологического наследия — городище Хугот 1, поселения Хугот 2, Хугот 3 и Хугот 4.

Городище Хугот 1 (ил. 3 — 7). Расположено на левой террасе р. Хугот, на увалистой территории, в 2,3 км выше по течению от устья р. Чульчамка. Диапазон высот — 57,0—137,0 м по БСВ.

Территория в месте расположения объекта культурного наследия представлена смешанным лесом (ель, сосна, берёза) с подавляющим преобладанием хвойных пород. Городище располагается на возвышенном до 45 м от уреза воды участке террасы р. Хугот. Возвышенность, на которой расположено городище, значительно отличается по высоте от остального берега и, по всей видимости, является останцом, образовавшимся в результате меандрирования реки.

Жилая площадка городища, включающая в себя 7 впадин преимущественно подквадратной формы, одной стороной примыкает к обрыву берега, а со всех остальных окружена фортификационной линией в составе рва, внутреннего и внешнего валов. В центре напольного отрезка эта линия размыкается, фиксируя коммуникацию закрытой жилой площадки с объектом, который примыкает к внешнему валу снаружи. Интерпретация последнего затруднительна. Он имеет вид неглубокой западины и параметры, близкие размерам впадин на площадке горо-

дища, и на этом основании может быть признан остатками котлована ещё одной археологизированной постройки. Хотя наличие обваловки по периметру этого объекта позволяет интерпретировать его и как элемент внешнего оборонительного вала.

Ил. 3. Городище Хугот 1. План

Ил. 4. Городище Хугот 1. Вырубка леса на профиле на территории памятника. Снято с запада. 2014 г.

Ил. 5. Городище Хугот 1. Вид на р. Хугот с площадки памятника. Снято с юго-востока. 2014 г.

Таблица 5

**Городище Хугот 1.
Визуально выраженные объекты. Метрические характеристики**

№	Котлован археологизированной постройки			Обваловка		Примечания
	Размер (м)	Глубина от совр. уровня (м)	Предвходовой тамбур (м)	Ширина (м)	Высота (м)	
1	6,2х5,6	0,2	–	1,4–1,6	0,1	Ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Обваловка сохранилась частично в южн. и вост. частях. Имеется небольшой (2,0х1,8 м) проход между объектами № 1 и 2
2	7,9х7,7	0,3	–	1,4–1,9	0,2	Ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Обваловка сохранилась частично в вост. и юго-вост. частях. Имеется небольшой (2,0х1,8 м) проход между объектами № 1 и 2
3	8,0х9,5	0,2	–	1,0–1,5	0,2	Ориентирована по линии СЗ–ЮВ. В вост. и зап. частях обваловка общая с объектами № 2 и 4

Ил. 6. Городище Хугот 1. Впадина № 3. Грабительская яма. Снято с запада. 2014 г.

Окончание табл. 5

4	9,3х6,8	0,1	–	1,2–2,0	0,2–0,3	Ориентирована по линии СЗ–ЮВ. В зап. части обваловка общая с объектом № 3
5	8,7х6,8	0,1	–	–	–	Ориентирован по линии СЗ–ЮВ
6	15,4х7,4	0,3	–	–	–	Аморфные контуры. Ориентирован по линии З–В
7	11,0х10,3	0,3	–	2,3–2,6	0,3–0,4	Напольный участок. Обваловка сохранилась с южн., зап. и вост. сторон; с севера примыкает внешний вал
Ров	Дл. 68,2; шир. 1,3–3,2	0,6–0,8	–	–	–	Примыкает полуovalом к берегу. В разрезе – полукруглый. В середине напольной стороны – проход 3,5х2,7 м
Вал 1	Дл. 70,0; шир. 2,3–5,4	0,4–0,8	–	–	–	Внешний вал. Примыкает полуovalом к берегу. В разрезе – полукруглый
Вал 2	Дл. 98,9; шир. 2,6–3,8	0,3–0,8	–	–	–	Внутренний вал. Примыкает полуovalом к берегу. В разрезе – полукруглый. В середине напольной стороны – проход 3,5х3,1 м
Проход	Дл. 16,7, шир. 3,6	0,2–0,4	–	–	–	Метрические данные представлены для прохода, предполагающегося в напольной части городища

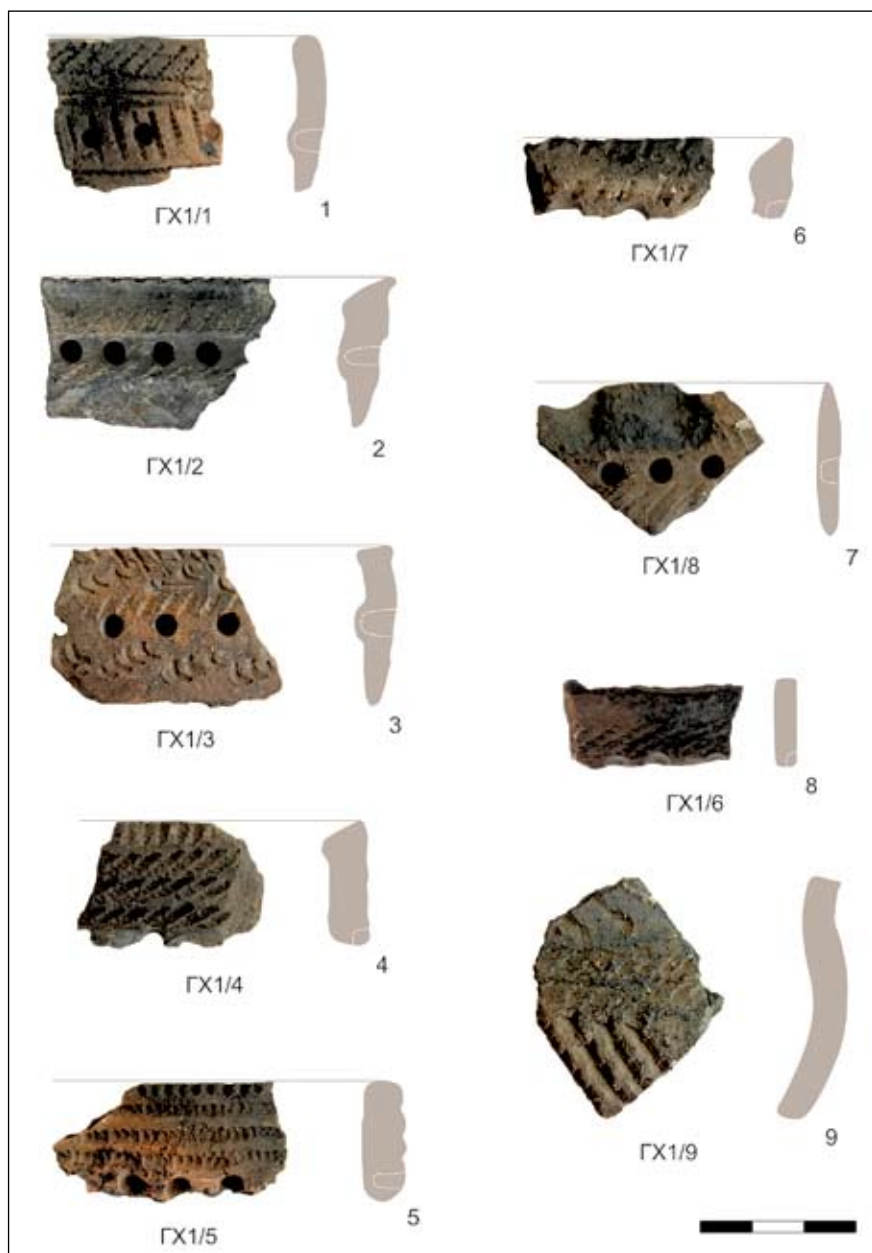
Общая площадь городища Хугот 1 составляет 16340 кв. м.

Для определения мощности культурного слоя была проведена зачистка грабительского шурфа в жилищной впадине № 2. Слои тёмно-серого и коричневого суглинка, которые можно отнести к культурному слою городища, составляют пачку в 70–80 см.

На поверхности в местах нарушенного культурного слоя были собраны керамический материал, обработанный камень, кость.

На основании сравнительного анализа форм и размеров городища на территории Севера Западной Сибири, а также учитывая орнаментацию полученного керамического материала, городище Хугот 1 можно отнести к эпохе Средневековья.

Состояние объекта культурного наследия следует признать аварийным. Во-первых, его северо-западная (прибрежная) часть уже частично разрушена и продолжает разрушаться осыпью террасы. В силу этого установить первоначальные размеры городищенской площадки сегодня не представляется возможным. Во-вторых, на территории памятника видны многочисленные вкопы, оставленные, скорее всего, грабителями

Ил. 7. Городище Хугот 1. Сборы. Фрагменты керамики

с металлодетекторами. Дополнительно в двух жилищных впадинах (№ 2 и 3) фиксируются грабительские шурфы.

Поселение Хугот 2. Обнаружено на возвышенном участке левобережья р. Хугот. Этот участок превышает урез воды в межень на 6 м и доминирует по высоте над остальным берегом, что позволяет считать его останцом террасы, образовавшимся в результате меандрирования реки.

Территория в этом месте занята смешанным лесом (ель, сосна, берёза) с преобладанием хвойных (сосновых) пород. Надпочвенный покров возвышенности, на которой расположено поселение, представлен мхом-беломошником, кустиками брусники.

С западной стороны поселение ограничено неглубоким рвом, происхождение которого объяснить трудно. Возможно, это естественная ложбина, но нельзя исключать и антропогенного происхождения.

Поселение включает в себя 15 впадин округлой и подквадратной форм, расположение которых не позволяет проследить какой-либо чёткой организации. Глубина впадин колеблется от –10 до –60 см. Три из них имеют обваловку. В одном случае прослеживается вход в жилище с юго-западной стороны.

Таблица 6

**Поселение Хугот 2.
Визуально выраженные объекты. Метрические характеристики**

№	Котлован археологизированной постройки			Обваловка		Примечания
	Размер (м)	Глубина от совр. уровня (м)	Предвходовой тамбур (м)	Ширина (м)	Высота (м)	
1	4,1х4,3	0,2	–	–	–	Ориентирован по линии С–Ю
2	3,9х2,1	0,1	–	–	–	Ориентирован по линии З–В
3	4,8х4,1	0,3	–	–	–	Ориентирован по линии ЮЗ–СВ. В сев. части – яма от выворотня (3,3х1,1х0,6 м)
4	4,2х2,0	0,1	–	–	–	Ориентирован по линии ЮЗ–СВ
5	3,2х3,0	0,1	–	–	–	Ориентирован по линии ЮЗ–СВ
6	2,7–2,8	0,1	–	–	–	Округлой формы
7	6,7х5,6	0,1	–	1,1–1,3	0,1	Наземная площадка. Ориентирована по линии З–В. В сев. и южн. частях – 2 приемка (2,8х0,9х0,1; 3,2х1,1х0,2 м)

Окончание табл. 6

8	4,7х3,7	0,4	2,5х1,3	0,8–1,3	0,2	Ориентирована по линии ЮЗ–СВ. В юго-вост. части – яма 1,5х0,7х0,7 м
9	4,9х4,3	0,4	–	–	–	Ориентирован по линии ЮЗ–СВ. В вост. части – яма 1,3х1,1х0,5 м
10	7,6х6,2	0,2	–	1,2–1,8	0,1	Ориентирована по линии ЮЗ–СВ
11	4,5х3,2	0,2	–	1,2–1,7	0,1	Ориентирована по линии З–В
12	9,8х8,8	0,6	–	–	–	Ориентирован по линии З–В
13	7,5х3,6	0,2	–	–	–	Ориентирован по линии С–Ю
14	6,9х3,4	0,1	–	–	–	Ориентирован по линии З–В
15	9,0х7,9	0,2	–	–	–	Ориентирован по линии З–В
Ров	31,1х3,3	0,2 – 0,4	–	–	–	Зап. граница рва аморфная

Площадь поселения Хугот 2 составляет 16 540 кв. м.

Учитывая чёткую визуальную фиксацию археологических объектов, а также наличие грабительских ям, шурфовка не производилась.

На поверхности в местах нарушенного культурного слоя артефакты не обнаружены, причиной чего может быть слабая насыщенность находками культурного слоя.

На основании сравнительного анализа форм и размеров жилищных впадин на территории Севера Западной Сибири поселение Хугот 2 предварительно можно отнести к эпохе бронзы.

Нарушения целостности территории объекта культурного наследия поселение Хугот 2:

- в трёх впадинах налицо вкопы, оставленные грабителями с металлодетекторами или животными;
- в одной впадине — следы грабительской шурфовки;
- в 80 м к западу от рва — остатки современной постройки в виде фрагментов деревянного сруба размерами 6,4х4,3х0,2 м и завалинки шириной 0,9 м при высоте 0,3 м;
- по восточному участку территории памятника в направлении с севера на юг проходит автозимник.

Состояние объекта культурного наследия поселение Хугот 2 хорошее.

Поселение Хугот 3. Обнаружено на возвышенном участке левобережья р. Хугот, который до 2 м превышает уровень рядом расположенного сухого болота.

Участок занят хвойным лесом (ель, сосна) с преобладанием сосновых пород. Надпочвенный покров представлен мхом-беломошником и багульником.

В современном рельефе поселение представлено единственной впадиной подквадратной формы.

Таблица 7

Поселение Хугот 3.

Визуально выраженный объект. Метрические характеристики

№	Котлован археологизированной постройки			Обваловка		Примечания
	Размер (м)	Глубина от совр. Уровня (м)	Предвходо- вый тамбур (м)	Ширина (м)	Высота (м)	
1	4,6х3,5	0,1	1,0х1,0	—	—	Ориентирован по линии ЮЗ–СВ

Площадь поселения Хугот 3 составляет 278,4 кв. м.

Состояние объекта культурного наследия хорошее.

Поселение Хугот 4. Расположено на увалистой правой террасе р. Хугот, превышающей до 8 м меженный урез воды.

Участок занят хвойным лесом (ель, сосна) с преобладанием сосновых пород. Надпочвенный покров представлен мхом-беломошником, багульником.

На уровне современной дневной поверхности памятник представлен 8 впадинами округлой и подквадратной форм. Две из них имеют обваловку.

Таблица 8

Поселение Хугот 4.

Визуально выраженные объекты. Метрические характеристики

№	Котлован археологизированной постройки			Обваловка		Примечания
	Размер (м)	Глубина от совр. уровня (м)	Предвходо- вый тамбур (м)	Ширина (м)	Высота (м)	
1	6,8х5,5	0,2	—	—	—	Ориентирован по линии С–Ю
2	6,2х4,4	0,1	—	—	—	Ориентирован по линии З–В
3	6,5х4,5	0,1	—	1,4	0,1	Ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Сохранились аморфные очертания обваловки в сев. и вост. частях
4	6,6х4,2	0,3	—	—	—	Ориентирован по линии СВ–ЮЗ. В 1,2 м к С – насыпь диам. 1,7 м, выс. 0,3 м
5	4,5х3,4	0,3	—	1,7	0,2	Ориентирован по линии СВ–ЮЗ. Обваловка по всему контуру
6	5,1х5,2	0,1	—	—	—	Аморфная. Сев. граница не видна

Окончание табл. 8

7	6,3x2,9	0,1	—	—	—	Ориентирован по линии СВ–ЮЗ
8	5,0x3,3	0,1	—	—	—	Ориентирован по линии СВ–ЮЗ

На поверхности в местах нарушенного культурного слоя артефакты не обнаружены, что объясняется, по всей видимости, слабо насыщенным культурным слоем.

Площадь поселения Хугот 4 составляет 5 173 кв. м.

На территории объекта культурного наследия поселение Хугот 4 нарушений культурного слоя не зафиксировано. Исключение составляет лишь впадина № 5, повреждённая норой животного. Состояние — хорошее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тип памятника изменён: ранее он фигурировал под названием «поселение Ун-соим 4». Суханова Т.Ю. Отчёт об археологической разведке по правому берегу Оби в Октябрьском районе Тюменской области в 1984 году. — Свердловск, 1984. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 1234. Д. 109.

² Чернецов В.Н. Отчёт о работе Обь-Иртышской экспедиции в 1948 г. — М., 1949. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 1384. Д. 111. С. 179, 180.

³ Морозов В.М. Отчёт о работах Северного отряда УАЭ в Нижнем Приобье. — Свердловск, 1983. — Т. 1. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 1264. Д. 94.

⁴ Морозов В.М. Отчёт об исследовании могильника Исетское XIIIА и городищ Низямы IV–V. — Свердловск, 1984. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 1389. Д. 110.

⁵ Морозов В.М. Отчёт об исследовании Низямского археологического куста летом 1984 г. — Свердловск, 1985. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 1233. Д. 108.

⁶ Суханова Т.Ю. Отчёт об археологической разведке по правому берегу Оби...

⁷ Морозов В.М. Отчёт об исследовании памятников в районе д. Низямы в Октябрьском районе и в верховьях р. Эсс в Советском районе Тюменской области. — Свердловск, 1986. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 1232. Д. 107.

⁸ Морозов В.М. Отчёт о раскопках на трассе газопроводов в районе д. Низямы, Хуллор, пос. Комсомольский в Тюменской области. — Свердловск, 1987. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 1375. Д. 120.

Архивные разыскания

**Дело Тобольского губернского управления
об утверждении проекта на постройку
деревянной часовни на кладбище
села Самаровского Тобольского уезда**

Началось: 15 февраля 1899 г.

Кончилось: 23 марта 1889 г.

На 6 листах.

Получ[ено] 15 февраля

[Угловой штамп Тобольской
духовной консистории]

Февраля 12 дня 1899 г.

№ 1673

В строительное отделение
Тобольского губернского
управления

Препровождая при этом проект в 2-х экземплярах на постройку деревянной часовни на кладбище села Самаровского Тобольского уезда, Духовная консистория просит строительное отделение рассмотреть таковой в техническом отношении и, если не встретится препятствий, по утверждении возвратить в консисторию.

Член консистории

И. д. секретаря

Вр. и. д. столоначальника

Подпись

Подпись

Подпись

[Неразборчиво]

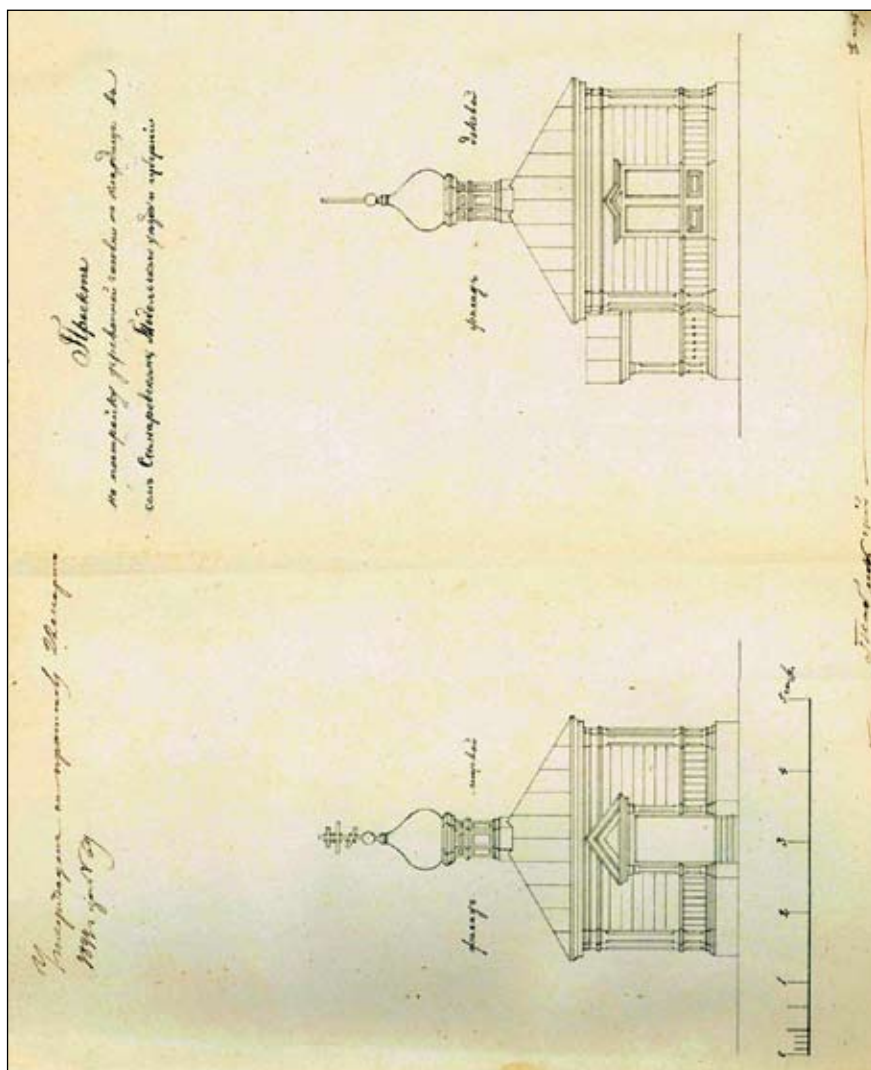
[С. Москилевич]

[М. Ефремов]

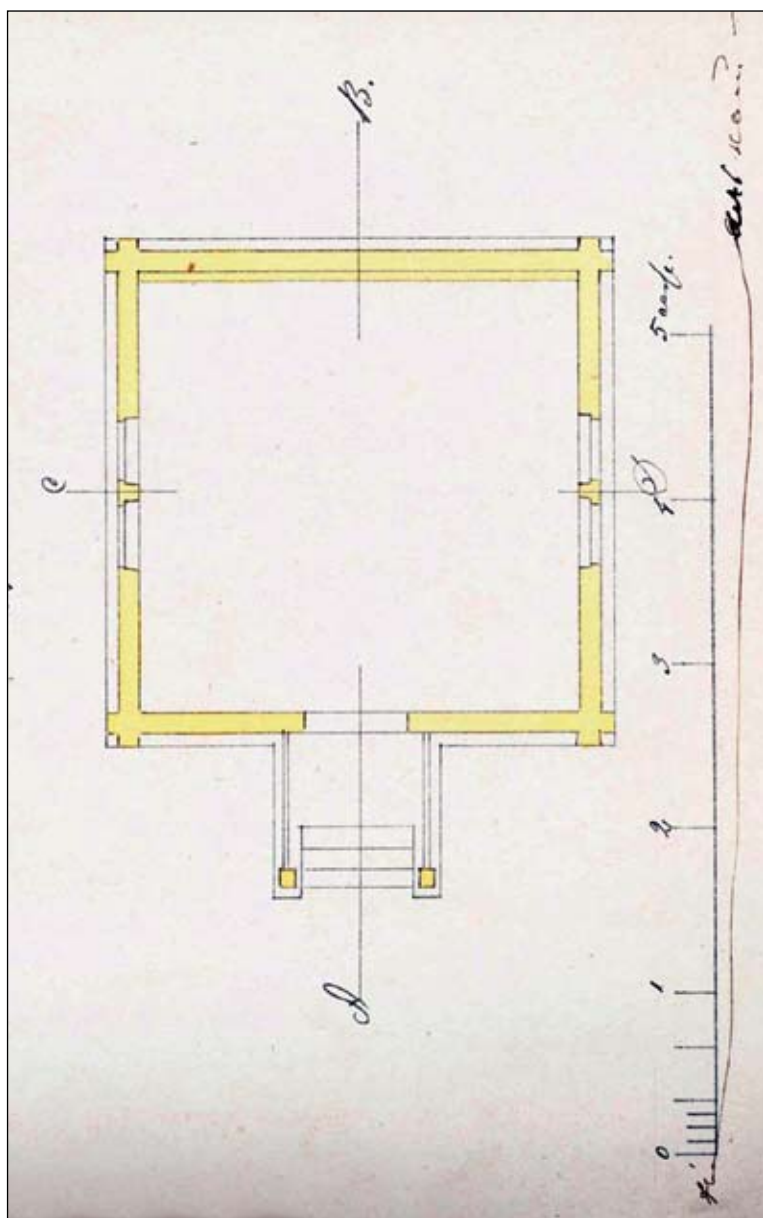
Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-353. Оп. 1. Д. 296. Л. 1. *Подлинник. Рукопись.*

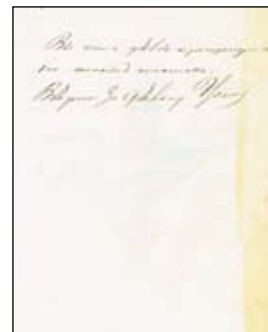
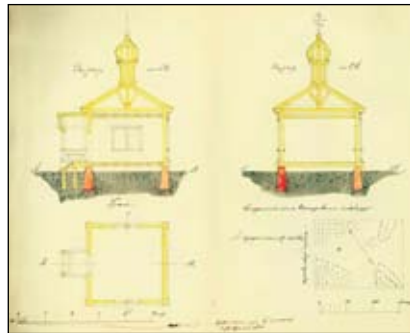
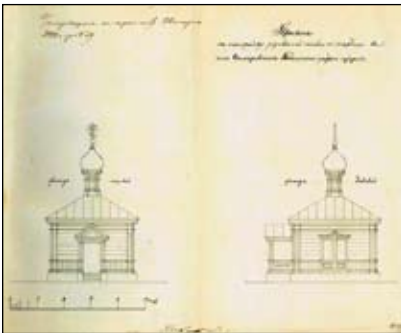
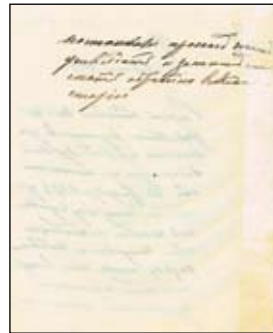
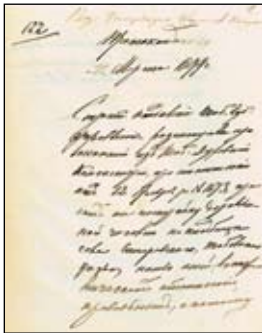
Ил. 1. Дело Тобольского губернского управления об утверждении проекта на постройку деревянной часовни на кладбище села Самаровского Тобольского уезда. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-353. Оп. 1. Д. 296. Обложка

Ил. 2. Дело Тобольского губернского управления об утверждении проекта на постройку деревянной часовни на кладбище села Самаровского Тобольского уезда. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-353. Оп. 1. Д. 296. Л. 3

Ил. 4. Дело Тобольского губернского управления об утверждении проекта на постройку деревянной часовни на кладбище села Самаровского Тобольского уезда. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-353. Оп. 1. Д. 296. Л. 4а

Рез[олюция]: Утверждаю. Губернатор Князев

Протокол № 69
22 марта 1899 г.

Строительное отд[еление] Тоб[ольского] губ[ернского] управления, рассмотрев присланный из Тоб[ольской] духовной консистории при отношении от 12 февраля за № 1673 проект на постройку деревянной часовни на кладбище села Самаровского Тобольского уезда, нашло оный в техническом отношении правильный, а потому постановило: проект этот утвердить и затем отослать обратно в консисторию.

Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-353. Оп. 1. Д. 296. Л. 2. *Подлинник. Рукопись.*

23 марта [18]99 г.
№ 211

В Тобольскую
духовную консисторию

Вследствие отношения от 12 февраля за № 1673 строит[ельное] отд[еление] Губ[ернского] управления, утвердив проект на постройку деревянной часовни на кладбище села Самаровского Тобольского уезда, имеет честь возвратить настоящий проект в духовную консисторию.

Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-353. Оп. 1. Д. 296. Л. 5. *Подлинник. Рукопись.*

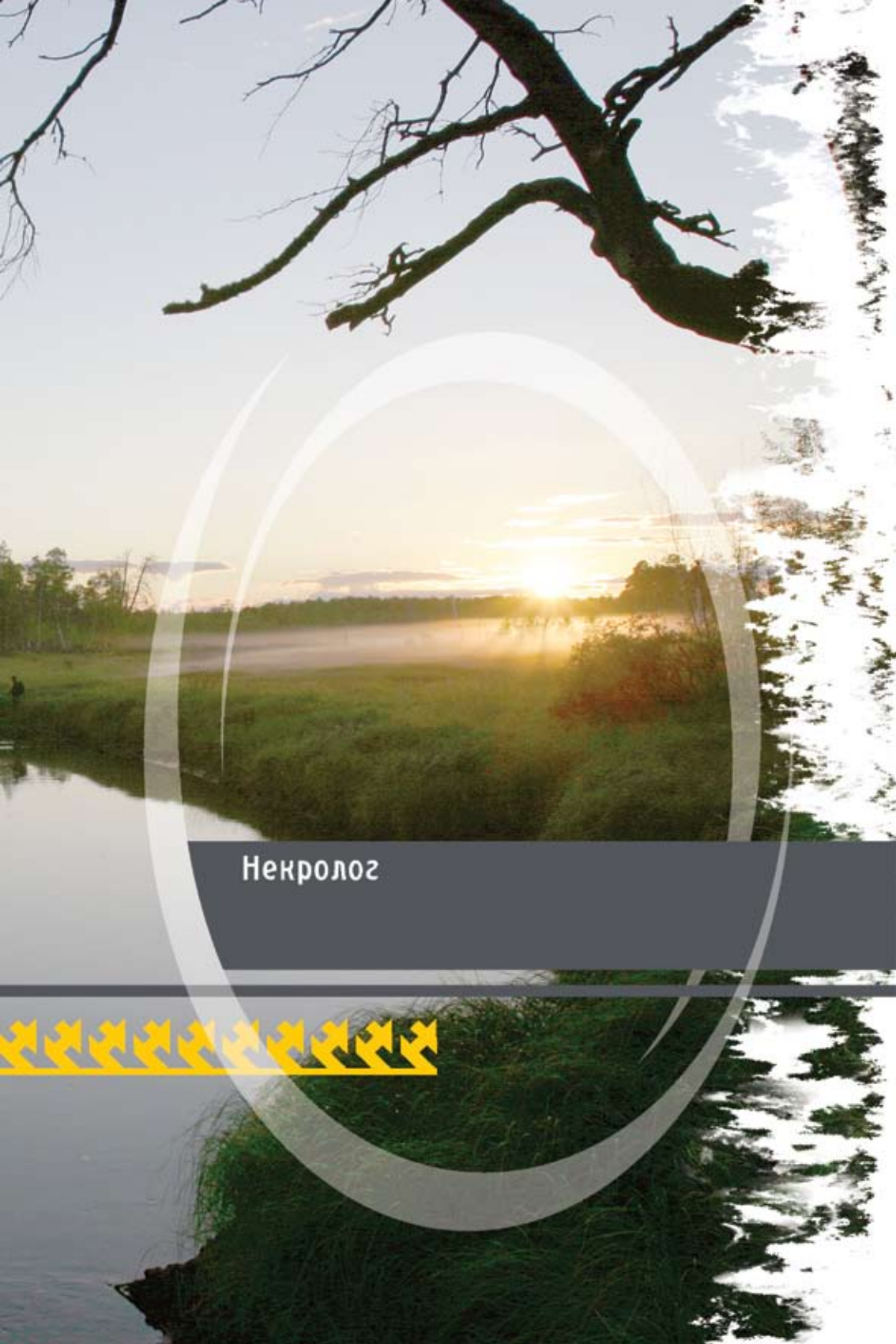
Рез[олюция]: Настоящее дело, как не требующее дальнейшего про-изводства, почислить оконченным и в своё время сдать в архив.

Делопроизводитель
И. д. губернского инженера

<i>Подпись</i>	[Неразборчиво]
<i>Подпись</i>	[Неразборчиво]

Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-353. Оп. 1. Д. 296. Л. 6. *Подлинник. Рукопись.*

Подготовил к печати: Я.А. Яковлев

Некролог

Светлой памяти
Галины Викторовны Бельтиковой
(27.10.1945, г. Первоуральск
Свердловской обл. —
10.02.2015, г. Екатеринбург)

Н.А. Алексашенко

г. Санкт-Петербург

Музей антропологии и этнографии

(Кунсткамера) им. Петра Великого

В.А. Борзунов

г. Екатеринбург

Центр археологических исследований

Института гуманитарных наук и искусств

Уральского федерального университета

Л.Н. Корякова

г. Екатеринбург

Институт истории и археологии УрО РАН

С.В. Кузьминых

г. Москва

Институт археологии РАН

У каждого из нас сохранилась светлая память о Галине Викторовне Бельтиковой — интеллигентном, добром и отзывчивом человеке. Об учёном, чей талант по достоинству не был оценён при жизни. Воспоминания у всех нас, конечно, разные, индивидуальные: мы сами не похожие друг на друга люди. Но все мы — её друзья и коллеги. Не хочется даже говорить об этом в прошедшем времени. Тем более, мы уже немолоды... И жаль, что приходится писать о грустном, а не посидеть вместе с Галиной за одним праздничным столом в день её грядущего юбилея.

Светлая память...

Н.А., Л.К. Ушла из жизни Галина Викторовна Бельтикова, Галя — редкой души человек, верный друг, преданный археологии учёный.

В 1960-е гг. археология привлекала многих студентов своей романтикой, необычностью и относительной отдалённостью от официальной

идеологии. Но поскольку эта историческая дисциплина была сопряжена не только с изучением пожелтевших документов в государственных архивах, а с тяжёлым физическим трудом, длительными командировками, бивуачной жизнью и прочими «прелестями» быта, то есть была трудным и не очень почётным, с точки зрения «партийных» историков, ремеслом. Не все студенты, которые пробовали войти в неё, дошли до конца и сделали её своей профессией. На нашем курсе не было официальной специализации по археологии: нас было всего трое.

Г.В. Бельтикова

Мы слушали спецкурсы со старшим либо с младшим курсом. Несмотря на это, мы все дошли до конца. Среди нас была и Галя Бельтикова. Путь в профессию у неё не был ни прямым, ни лёгким.

Она родилась в Первоуральске. Там прошло её школьное детство с разнообразными увлечениями и занятиями, в том числе спортивной гимнастикой. Среди учителей Гали были интеллигентные, умные и талантливые люди, попавшие из Москвы в глубинку явно не по своей воле.

После школы Галя поехала в Новосибирск, где работала осветителем в театре музыкальной комедии. В 1965 г. вернулась домой и поступила на исторический факультет УрГУ. Галя поражала своим умом и искрометным юмором, неиссякаемой энергией, оптимизмом, готовностью поддержать в сложной ситуации.

С общежитием в университете было плохо, и студенты жили на частных квартирах. Там-то Галя нередко и исполняла арии из оперетт, приводя в восторг свою квартирную хозяйку. «У Гали талант, большой талант!», — говорила она. К сожалению, это дарование не было раскрыто в полной мере, но музыку Галя любила всю жизнь.

А какой она была замечательный рассказчик!

Археологическая практика под руководством молодого сотрудника В.И. Липского в труднодоступном Гаринском районе определила её

профессиональный выбор. Сам же Вячеслав Иванович впоследствии оставил археологию и перешел в Челябинский пединститут. Сейчас он заслуженный работник высшей школы, почётный работник высшего профессионального образования, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии ЧГПУ. Многие профессиональные археологи в 1960—1980-х гг. ушли в философы и «чистые» историки. Это — тоже черта нашего времени.

Галя же стала ученицей В.Е. Стоянова и начала изучать материалы с горно-уральских городищ раннего железного века, многие из которых были раскопаны Е.М. Берс. Она вникала в её отчеты, рисовала многочисленные фрагменты с квадратиками отпечатков гребенчатого штампа. После защиты диплома по памятникам иткульской культуры было распределение: работа учителем истории в школах Ирбита, затем Первоуральска. И, наконец, в 1971 г. — возвращение в УрГУ уже в должности младшего научного сотрудника Лаборатории археологических исследований, где она проработала более сорока лет.

В числе пионеров археологического освоения Барсовой горы была и Галина Викторовна. Север. Непривычные объекты. Культурный слой в песке и следы вывороченных сосен. Ко всему этому пришлось привыкать и учиться совмещать работу по хозяйговору («для жизни») с исследованиями по своей научной теме («для души»).

Потом было долгое совмещение общественных, хозяйственных и индивидуальных научных интересов, которое выразилось в открытии и раскопках памятников разных эпох, среди которых самые интересные — металлургические центры раннего железного века (Иткульское, Большегорское, на горе Думной). Глубокое понимание технологических процессов, реконструкция металлургических горнов, типология сортамента иткульских металлургов и, наконец, обобщённое полнокровное представление об иткульской культуре и Зауральском (Иткульском) очаге металлургии были достигнуты и сделаны ею с большой дотошностью, с желанием докопаться до сути. Была с успехом защищена диссертация, которая до сих пор остается единственным полным трудом по металлургии Урала раннего железного века.

Во всём мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, поисках пути,
В сердечной смуте.

Эти строчки Бориса Пастернака во многом определяли стиль её жизни. Если стихи, то наизусть — всю Полтаву! И прочитать её друзьям в

троллейбусе так, что на следующий день нечаянные попутчики будут спрашивать: «Это Вы так замечательно вчера читали Пушкина?» Если воспитывать дочь, то на лучшей литературе, а за списком таковой обратиться к профессиональному университетскому филологу.

В Гале всегда чувствовались широта, удаль, доброта русского человека и совсем не было озлобленности, зависти. Это был нравственный, порядочный, лёгкий и радостный человек. Сколько внимания и заботы она уделяла маме и сестре, когда у них не стало здоровья! И какой замечательной подругой она была для своих внуков! Всем им и нам — коллегам и друзьям — её будет не хватать.

Галина Викторовна, прости и прощай...

В.Б. Прискорбно, что приходится писать не юбилейную речь, а некролог, высказывать мысли и суждения «за глаза», а не прямо — в лицо — самому будущему юбиляру.

Любой человек — хочет он того или нет — воспринимает своего друга, коллегу, знакомого или просто другого человека через призму своих эмоций, суждений и воспоминаний, субъективных по своей природе. Только излагая их на бумаге и усилием воли, мы упорядочиваем, систематизируем их. Сами же по себе мысли свободны: живут и бегут как им заблагорассудится, обгоняя и даже полностью сменяя друг друга. Многие полагают, что плохое и неприятное со временем забывается, отходит на дальний план, а остаётся только удобное и хорошее. В реальности всё происходит иначе. Так и в нашем печальном повествовании. И еще: этот некролог четырёх соавторов, наподобие классического уже творения великого режиссера Акиры Куросавы «Расёмон», совмещает четыре разных, даже в чём-то противоположных, взгляда-версии на одно событие — на женщину, попавшую волею судеб в крайне затруднительную ситуацию.

Говорят, что некрологи следует писать «в один присест». У меня же нет опыта такой работы. Ваяю, как Леонардо свою «Джоконду», бесконечно долго, добавляя то тут, то там, исправляя, переделывая и отдаляясь от первоначально замысла...

Буквально накануне нового — 2015-го — года после поздравления с наступающим праздником старшей внучки, живущей неподалёку в том же районе Екатеринбурга, я спешил домой. Было снежно, холодно и темно, как и на всех задворках нашего города. Раздался звонок — неожиданный, но, с другой стороны, обычный для такой ситуации, предпраздничный. В трубке зазвучал знакомый приятный, тихий и

Ил. 2. Г.В. Бельтикова в археологической лаборатории УрГУ. Клад бронзовых предметов с городища Барсов Городок 1/20 (раскопки 1986 г.)

ровный голос. Галина Викторовна поздравила коллегу с Новым годом, пожелала счастья, здоровья и всяческих успехов. Поинтересовалась, как обстоят дела у её тётки, моей дочери, и у моих многочисленных внуков и внучек. Рука, державшая сотовый, замерзала, говорить было не совсем удобно, хотелось быстрее попасть в тепло. Я предложил Галине перезвонить, когда вернусь домой. Не вышло: мы проговорили о наших делах пока я не дошёл до подъезда. Это был последний раз, когда я слышал Г.В. Бельтикову.

Через сорок дней, 10 февраля, раздался новый звонок, и другой, но уже печальный голос сообщил мне, что Галины Викторовны не стало. Она ушла от нас, не дожив самую малость до своего 70-летия. Эта вест

стала шокирующей для многих: давние коллеги просто не знали, а она скрывала от своего не слишком близкого окружения, что поражена смертельным недугом. Тем не менее она не сдавалась: была активна, давала консультации, работала с коллекциями, посещала выставки и концерты. Мы же с ней в последний год почти не общались, контактируя кратко и на бегу. Дело в том, что год назад — не по своей воле — Галина Викторовна ушла из университета (УрГУ—УрФУ), с которым была связана практически вся её «взрослая» жизнь. Её учеба (1965—1969 гг.) и работа в УрГУ (с 1971 г.) были разорваны только обязательной в советские времена двухлетней отработкой «по распределению» в школах Свердловской области. В данном случае — в далёком Ирбите и соседнем родном Первоуральске.

Кстати, возвращение Г.В. Бельтиковой в УрГУ и начало её полевой работы на территории Ханты-Мансийского автономного округа в должности младшего научного сотрудника совпали с первым крупным «десантом» уральских археологов, направленным В.Ф. Генингом под Сургут — на Барсову гору, на аварийные раскопки в зоне строительства железной дороги Тюмень — Сургут, железнодорожного моста через Обь и посёлка мостостроителей МО—29 (ныне — Барсово). Руководил работами В.П. Викторов — ученик К.В. Сальникова, близкий знакомый Владимира Фёдоровича, преподаватель философского факультета УрГУ. Руководителями раскопок стали только что состоявшиеся и будущие профессиональные археологи — Н.А. Алексашенко, Н.В. Фёдорова, В.А. Борзунов, А.Ф. Шорин, В.М. Морозов, В.В. Запарий. В изменённом составе при участии В.П. Викторова, Г.В. Бельтиковой, Н.К. Стефановой, Л.Л. Косинской, Ю.П. Чемякина, М.В. Романовой (Елькиной), В.М. Морозова и А.Ф. Шорина эта экспедиция продолжила свою работу в 1972 г.¹

В 1983, 1986, 1987, 1992, 1998—2003, 2006—2008 гг. Г.В. Бельтикова работала на Барсовой горе, где сотрудниками УрГУ тогда был выявлен и картографирован огромный комплекс археологических памятников почти всех эпох — от неолита до Нового времени: сотни селищ и 66 городищ с почти тремя тысячами жилищ и хозяйственных построек, а также 8 могильников и несколько святилищ². Среди исследованных ею поселений, в первую очередь, следует назвать многослойное городище раннего железного века Барсов Городок I/20, находившееся в зоне строительства бывшего Сургутского деревообрабатывающего комбината. На остатках этого укрепления, некогда принадлежавшего, по-видимому, местной вождеской элите, среди прочих археологических материалов и жилых объектов в 1986 г. Галиной Викторовной был обнаружен уникальный клад бронзовых вещей сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности³. Помнится, она мне тогда сказала, что бронза буквально притягивает её к себе. Впоследствии эта находка была опубликована с соответствующими комментариями в Санкт-Петербурге, в тематическом сборнике⁴, а некоторые рисунки предметов из этого клада вошли в обобщающие работы по археологии ХМАО — Югры⁵. Вместе с коллегами из УрГУ она спасала многочисленные гибнущие древние поселения, расположенные на территории того же урочища: на площадке Сургутского деревообрабатывающего комбината, в зонах расширения п. Барсово, строительства автомобильной дороги и нового моста через Обь, а также в месте возведения

Спортивного стрелкового комплекса близ п. Белого Яра (селища конца бронзового — начала железного веков Барцевка III, Барцевка IV, Барсова Гора III/36, Барсова Гора III/38, Барсова Гора III/63, Барсова Гора III/72, Барсова Гора III/75, Барсова Гора IV/10)⁶. В 2007 и 2008 гг. в рамках выполнения научно-исследовательского проекта по гранту губернатора ХМАО — Югры Г.В. Бельтикова вместе с В.А. Борзуновым, Л.Л. Косинской и другими сотрудниками университетской лаборатории изучала оригинальное укреплённое жилище периода ранней бронзы Барсова Гора II/22 и примыкавшее к нему разновременное поселение с объектами позднего неолита и раннего Средневековья⁷. Между тем это были в основном обязательные хозяйственные работы, находившиеся за рамками её личных научных интересов. Они лишь давали возможность прокормить себя, но не более.

Главными же приоритетами в жизни Г.В. Бельтиковой были два — Семья и Наука.

Семья — это старенькая мама, старшие брат и сестра, которых уже нет, а главное — прекрасная дочь Майя (ныне кандидат биологических наук) и внуки — студент матмеха УрФУ Степан и гимназист Макар. Наука — это одна исследовательская тема, которой до конца жизни не изменяла Галина Викторовна, а именно: иткульская культура раннего железного века горнолесного Зауралья. В борьбе этих почти равных по значимости составляющих выигрывала то одна, то другая. Правда, у Галины Викторовны, как и у большинства женщин, чаще перевешивала первая из них — семья. Стремясь вырастить, правильно воспитать, обучить и трудоустроить дочку и внуков, она периодически брала их с ранних лет с собой, «в поле». Перед глазами всплывают картины, как в экспедиции под Пермью, сидя на брёвнышке с маленькой Майей, Галина Викторовна учит её английскому языку (причём сама она владела только немецким и то со словарём). Под присмотром мамы Майя со своими подругами работала на городище Серный Ключ в верховьях р. Уфы на севере Челябинской обл. и во многих других местах. После многочисленных уговоров и просьб Галины Викторовны вечером, у костра на Барсовой горе подневольный Степан пытался играть нам на гитаре. Не говоря уже о том, что бабушка в своё время постоянно опекала его и сопровождала гитариста на учебу в музыкальную школу. Примеры можно продолжать, но они — сюжет другого рассказа.

Именно семейные проблемы, как мне представляется, были основной причиной того, что, несмотря на обилие и яркость археологических материалов, одарённость соискателя, Г.В. Бельтикова очень поздно

защитила кандидатскую диссертацию (Москва, 1997 г.). Тем не менее ради науки она тоже шла на большие жертвы. Возможность трудиться в университете оборачивалась необходимостью в течение многих лет ездить ежедневно из Первоуральска в Свердловск и обратно на автобусе или в электричке, а то и на «перекладных» со случайными попутчиками. Со временем она перебралась в Свердловск (Екатеринбург) и окончательно закрепилась в нём.

Научная тема и научное руководство — предмет особого разговора. Считается, что практически все свердловские археологи, учившиеся в 1960—1970-х гг. в УрГУ, являются представителями научной школы В.Ф. Генинга. Для большинства выпускников-историков археологического профиля так оно и было. После приезда в 1960 г. в Свердловск Владимир Фёдорович создал из числа студентов и немногочисленных учеников К.В. Сальникова (В.Д. Викторова, В.П. Викторова) новый творческий и очень жизнеспособный научный коллектив. Не буду перечислять всех его участников, многие из них хорошо известны: Р.Д. Голдина, Г.Б. Зданович, С.Я. Зданович, В.Т. Ковалёва, Б.Б. Овчинникова, В.В. Евдокимов, В.Т. Петрин, Л.Н. Корякова, Н.А. Алексашенко, Л.В. Генинг-Одинцова, В.И. Стефанов, Н.К. Стефанова, Ю.П. Чемякин, Л.Л. Косинская, В.А. Кананин, В.А. Борзунов, В.М. Морозов, А.Ф. Шорин, В.Ф. Кернер и многие другие. Вместе с тем частью студенческих научных тем по раннему железному веку Зауралья руководил В.Е. Стоянов, переехавший в 1960 г. по приглашению В.Ф. Генинга из Казани в Свердловск⁸. Он-то и стал на долгие годы для Галины Викторовны научным руководителем, а затем — старшим коллегой, с которым она периодически работала на раскопках зауральских и притобольских памятников. Кроме того, большую роль в её научной жизни сыграли материалы и исследования К.В. Сальникова и Е.М. Берс по зауральским культурам раннего железного века. К обоим этим учёным, работавшим в послевоенное время в университете, Г.В. Бельтикова относилась с большим почтением и пиететом.

С 1966 г. Галина Викторовна проводила полевые работы в Зауралье, Прикамье и Западной Сибири. Открыла около сотни новых археологических памятников, раскопала самостоятельно или в содружестве с коллегами около пяти десятков поселений⁹. В числе исследованных — зауральские объекты с остатками металлургического производства полного цикла или только меднолитейного дела (городища Думная Гора, Баженова Гора, Иткульское I, Иткульское II, Большегорское, Снежинское, Синарское I, Серный Ключ, поселение на Малом Вишнёвом

острове, а также городища Воробьёвское и Гороховское / Чудаки в Среднем Притоболье; Зуевы Ключи I, Каменный Лог, Нырғында II и Баш-Култаевское — в Прикамье). Главным научным достижением этого исследователя является общая характеристика поселений иткульской археологической культуры и выделенного ею Зауральского (Иткульского) очага металлургии VII—III вв. до н. э. Данной культуре были посвящены её дипломная работа (научный руководитель — канд. ист. наук В.Е. Стоянов) (1969 г.)¹⁰, первая обобщающая статья (1977 г.)¹¹ и статьи в энциклопедиях (1998, 2008 гг.)¹²; Зауральскому (Иткульскому) очагу металлургии и его памятникам — обширная серия публикаций (1981—2008 гг.)¹³ и кандидатская диссертация (научный руководитель — профессор, докт. ист. наук, ныне — член-корреспондент РАН Е.Н. Черных) (1997)¹⁴. К сожалению, Галина Викторовна не успела подготовить детальный сравнительный анализ иткульских керамических комплексов, издать монографию по данному очагу металлургии, опубликовать свою оценку объединению ряда памятников Нижнего Притоболья рубежа бронзового и железного веков в рамках восточного варианта иткульской культуры¹⁵. Кроме того, из-за болезни она не смогла рассмотреть правомерность разделения иткульских памятников на три культуры — собственно *иткульскую*, оставленную металлургами горнолесного Зауралья с керамикой «первого иткульского типа»; *исетскую* — гетерогенного гамаюно-иткульского населения с посудой так называемого второго иткульского типа, проживавшего в горной и предгорной части Зауралья; а также *юртоборскую* с керамикой «второго иткульского», карагай-аульского и вак-куровского типов, локализирующуюся в Тюменском Притоболье и на севере Курганского Притоболья¹⁶.

Г.В. Бельтикова не отличалась конъюнктурным подходом или карьерным прагматизмом в выборе научной проблематики. Тем не менее она увековечила своё имя, и другим поколениям уральских археологов есть от чего отталкиваться в своих исследованиях по весьма притягательной и ныне востребованной теме уральской цветной и чёрной металлургии.

Так уж сложилось, что с Галиной Викторовной мне пришлось поработать большую часть жизни в одной лаборатории. Менялись наши руководители (В.Ф. Генинг, В.Е. Стоянов, В.Т. Ковалёва, В.И. Стефанов, А.В. Головнёв), названия лаборатории (Кабинет археологии, Археологическая лаборатория, Проблемная лаборатория археологических исследований, Комплексная межвузовская археологическая

лаборатория, Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория и др.) и производственные помещения, уходили одни и приходили другие сотрудники... А мы оставались за теми же рабочими столами — и даже тогда, когда для многих археологов их профессия из научной стала коммерческой. В последние годы наш коллектив сильно сократился: вместо многочисленного объединения штатных научных работников осталась горстка «полставочников» — в основном пенсионного возраста, но с большим опытом. И на богатейшей базе — научном архиве, фонде археологических коллекций (хранитель и куратор Н.К. Стефанова), учебном археологическом музее (создан О.Н. Корочковой). Не считая 1971 г., с Г.В. Бельтиковой мы постоянно находились в «полевых условиях» с 1983 г. — в Пермской и Челябинской областях, а также на территории ХМАО — Югры. Обычно Галина Викторовна была моим заместителем, помогала во всём, поддерживала и — по необходимости — заменяла меня в нелёгкой работе по организации и проведению экспедиционных работ. Имея специальность санинструктора, приобретённую ещё на военной кафедре УрГУ, она — по своей инициативе — занималась профилактикой здоровья членов экспедиции. Тем более что наши отряды состояли в основном из молодых людей — студентов и школьников. Закупала перед полевым сезоном гору медикаментов и серьёзно лечила каждую «царапину», простуду и прочую «немочь», не говоря уже о серьёзных травмах.

Нельзя сказать, что наши с ней отношения были всегда идеальными и ровными — как в университете, так и во время полевых сезонов. Тесное и плодотворное научное сотрудничество временами сменялось отстранённостью и прохладными отношениями. Удачные общие публикации по археологическим памятникам Зауралья эпох бронзы и железа¹⁷ нередко перемежались с компилятивными по форме статьями и информационными заметками. Но не это самое важное.

Главное в том, что, вопреки всем трудностям и временным противоречиям, мы долгие годы прожили рядом — вместе работали, поддерживали друг друга, воспитывали своих таких разных детей и внуков... И, смею надеяться, что оставили кое-что после себя в научном плане.

**Строки из далёких восьмидесятых
(из писем Г.В. Бельтиковой)**

С.К. В отличие от моих коллег, знакомых с Галей со студенчества, я впервые увидел её в 1977 г. в Нижнем Тагиле на VI Уральском археологическом совещании. Наши доклады были на секции бронзы и

раннего железа. Меня удивило обилие её вопросов по моему докладу об очагах металлообработки в культурах ананьинского мира, но я не знал фамилии барышни, что их задавала. После доклада меня отвлек разговором, уведя из зала заседания, В.Е. Стоянов, у которого я и выяснил, что вопросы задавала его ученица Г.В. Бельтикова, которая занимается родственной проблематикой «уральского ананьина». К моему стыду, из-за нашего трёпа я не услышал Галиного доклада о керамическом комплексе иткульской культуры и когда «разбежался», чтобы познакомиться поближе, её и след простыл. Стоянов пояснил: «Уехала. Беспокоится о дочке».

В итоге мы познакомились только на следующем Уральском совещании в 1980 г. в Ижевске. Эти годы были для меня не простыми из-за тяжёлой болезни, но в Ижевск мне очень хотелось поехать, чтобы встретиться, прежде всего, со старыми друзьями И.Б. Васильевым, В.А. Ивановым, С.А. Агаповым и др. В перерыве первого же заседания ко мне подошел Юра Чемякин (с которым я был близко знаком со времени моих аспирантских поездок в Свердловск в 1975—1976 гг.) и представил Галю. Она поинтересовалась возможностью познакомиться с рукописью моего диссертационного исследования о цветной ананьинской металлургии. Мы условились, что в следующую поездку в Казань тома диссертации заберет В.Е. Стоянов и увезёт для копирования в Свердловск.

С этого началась наша многолетняя дружба и сотрудничество. Впереди были экспедиции на Думной, в Палкино и на Иткуле, работа с коллекциями иткульского металла, планы подготовки сводного монографического труда об уральской металлургии раннего железного века. Довести его до издания — мой долг перед Галей. Оглядываясь назад, я понимаю, какую важную роль в моей жизни сыграли встреча и общение с Г.В. Бельтиковой. Она — из числа моих самых близких друзей. Для меня всё ещё невозможно думать о ней в прошедшем времени. И я решил, что приведу строки из её писем 1980-х гг., которые лучше, чем я сейчас, приоткроют нам Галин портрет, расскажут о её планах и проектах, мыслях и переживаниях, тревогах и волнениях, хлопотах и заботах; она предстаёт в них со своими страстями и метаниями, любовью и антипатией. В этих строках — дорогой для всех нас человек, которого мы помним и любим, пока живы сами.

В квадратных скобках даны мои пояснительные вставки, в угловых скобках — пропуски в письмах. Даты писем определены по штемпелю отправления: у Гали не было привычки ставить дату в письме.

Ил. 3. Г.В. Бельтикова в археологической экспедиции на поселении Каменный Амбар. Челябинская область, 2012 г.

10.03.1981. Дорогой Сергей Владимирович! Уважаемый Серёжа!

А я освободилась от руководства кружком, сделав ход конём, за что на меня надулись Ковалёва и Стоянов, особенно последний (дурень). Он вызвался добровольцем в эту коллегсию по управлению студентами, чтобы помочь мне, а теперь остался на переднем фланге¹⁸ с Валентиной Трофимовной. Он и обиделся.

22.04.1981. Сразу за дело. Во-первых, наши планы на лето [раскопки на горе Думной] пока в том же виде. Так что, Сергей Владимирович, не меняйте теперь Вы своих планов на август. <...> А наша Корякова защитилась единогласно. Реферат тебе она выслала. Должно быть, уже получил. Приезжай, Серёжа, обсудим все планы, проекты и прожекты. Чтобы сказка стала былью. Анализы пока еще не взяли, но возьмём. <...> Привет тебе от всех наших. Да! Стефанов ушёл с той работы [кажется, у геологов] и что сейчас собирается делать, не знаю. К нам не идёт. Наверное, ему сейчас плохо. Написал бы ты ему хотя бы что-нибудь индифферентное. Бывает, и такое помогает. Да! Серёжа! У нас в Горном институте проводится нижеописанное происшествие [в письме — информация о конференции «Проблемы изучения и сохранения памятников истории горной науки и техники на Урале» 3—5 июня 1981 г., в которой Г.В. Бельтикова, В.Е. Стоянов и я приняли участие]. Может быть, примешь в ней участие или пришьёшь тезисы<...>.

3.07.1981. «<...> В Полевской выезжаем числа 3-го августа. Будем жить в интернате. Вам со Стояновым будет отдельная комната с кроватями. У меня — тоже. Буду принимать гостей. У меня пока всё нормально — ругаюсь со Стояновым и жалуюсь всем. Майка уехала по Днепру путешествовать. Приедет — поедет ко мне. Серёжа! Большое спасибо от меня и Наташи [Алексащенко] за книги. Чемякин тоже кланяется и благодарит. Материал на август [для отбора проб для спектрального анализа] я постараюсь собрать, паче что условия для работы [в Полевском] хорошие.

9.10.1981. «Я уже целую неделю бегаю и бегаю по Москве, словно на пожаре. Ужасная жизнь. Была в вашей лаборатории. Там пусто и сыро, одна поникшая и какая-то замученная Барцева плюс заржавевшая, как она предполагает, аппаратура. Их там постоянно в течение лета топило. <...> Взяла металл. Н.В. Рындина смотрит, а я пишу её замечания. Я поняла, что они этому визуаль-ному анализу почти не придают значения, а Аня [Дегтярёва] (её ученица) мне сказала, что это они делают уже под занавес, когда

структура ясна. С Н.В. интересно сидеть, она думает. Ну вот, а в оставшееся время я развлекаюсь. Была на выставке «Москва – Париж» в день её закрытия. <...> Интересно! Узнаёшь не столько о французах, сколько о себе. <...> Записалась в Ленинку и буду, как мартышка, смотреть картинки – текст английский, а мой родной – германский. Н.В. позволила пользоваться своей картотекой. Там есть подборки по горнам. Буду репетировать английский. Я думаю, научиться переводить нетрудно. Но, безусловно, уже дома, а сейчас – только иллюстрации. Аня обещала следующей осенью сделать структурный анализ хотя бы части материала <...>. P.S. Стоянова увидишь, кланяйся ему от меня. Скажи, горит на работе. Вся Москва в дыму.

28.10.1981. Я уже давно дома и даже в отпуске. Пытаюсь работать, но пока что-то непродуктивно: то стирка, то Майкина тренировка, то много всего прочего. Что касается московской экскурсии, то она в целом была мне полезна. Хороший импульс – как-никак совсем другой уровень. В основном я сидела в библиотеках, раза два в неделю с Н.В. Рындиной. <...> Если вдруг у тебя выпадет лишняя минута в декабре, не сумеешь ли заглянуть в ГИМ и выяснить: литейная форма с Мыса Толстик для какого наконечника [стрелы]: с выступающей или внутренней втулкой <...>. P.S. Кстати, есть ли у тебя Экзюпери? Тут Рыська достала несколько экземпляров из серии «Школьная библиотека». Там есть «Маленький принц», «Планета людей». Не густо, но и это знатная добыча. Если нет, и у неё сохранится ещё тот единственный оставшийся экземпляр, вышлем. Что читаешь? Мне вложили в руки пьесы Ж. Ануя. Чудные вещи. Какой тонкий, умный человек, мыслитель. Раньше я смотрела две его вещи в московских театрах, они меня потрясли. А пьесы – удивительные.

14.01.1982. Поздравляю тебя с Новым годом. Что бы это тебе пожелать, мой хороший. Однажды, давно, когда я работала в Ирбите, ребята мне написали: «Мы желаем Вам много пушистого белого снега». Как-то неожиданно и весело. А тебе я желаю радости от жизни, несмотря ни на что. <...> Написали для заказчика отчёты, статью о стрелах. Владислав Евгеньевич говорит, получилось куце. Он не любит формальной типологии, а там лишь это и то не всё по-хорошему и настоящему. Прошла у нас аттестация. Ковалёва, комментируя её результаты, отметила, что я очень благоприятное впечатление произвела, но чем бы ты думал? Своей скромностью

(в оценке своей значимости), воспитанностью и кокетливым разговором с членами комиссии. Так-то: не мытьём, так катаньем. Интересно, чем я буду это делать лет десять спустя, тем более двадцать. Скорее всего, мне останется одна скромность. <...> Серёжа, стараюсь учить английский. Наталья [Дербышева] меня учит читать, написала мне все буквосочетания <...>. Да, ты знаешь, тут появляется возможность в 1982 г. перейти в УНЦ (Уральский научный центр), но тоже на хоздоговорную работу. Пока меня спрашивают: согласна ли, но, возможно, потом я им не подойду. Берут из-за темы – металлургия. Что ты думаешь по этому поводу?

13.09.1982. С Думной приехали, как и в прошлом году, 27 августа, и всё по той же причине. Как все съехали, мы с Женькой Дождиковым расчищали печку. Стоянов хотел законсервировать, а я упёрлась; он ругался и вешал мне ордена. В целом в этом году было спокойнее, но всё равно тяжело. Ты уж ему не передавай моих оценок, когда он придет [в Казань]. Расчистили в этом году две печки, но может быть три, проследили ров, из металла один бронзовый наконечники стрелы V в. до н. э. <...> Сергей, если он [В.Е. Стоянов] заговорит о Женьке [Дождикове], постарайся ему внушить, что нельзя останавливаться на полпути: дать такую тему [по металлографии] и не обеспечить руководство. Только сделай это мягко, без кавалерийской атаки <...>.

18.02.1983. «Сейчас привожу в порядок свои памятники. Серёжа, мне нужна археологическая и этнографическая литература по поводу посёлков металлургов, мест специального производства, что ты знаешь. <...> Мне бы обговорить с тобой кое-что по работе. Стоянов весь на себя замкнулся, многого у него не спросишь.

21.03.1983. Сережа! Не знаешь ли ты, как подступиться к Н.Н. Тереховой? С Женькой [Дождиковым] и Рындиной у нас прокол. Она по-прежнему очень боязливо относится к нам, свердловчанам [после опыта общения с Сергеем Днепровым], поэтому очень решительно отодвигает эту нагрузку. Ну, а главное: у нее ИПК и докторантура. Она посоветовала к Тереховой обратиться.

9.11.1983. <...> Ездили, Сергей, мы на Иткуль. Серёжа! Чудо-то какое, почему мы тогда [работая на Думной в 1981 г.] не съездили? Для меня это была как встреча с родным человеком. Мы возили на выходной ребят [группу студентов, работавших на Думной], Майку, Сёмку, Наталью [Дербышеву]. Спали на сеновале у бабки, у которой

ещё К.В. Сальников с Н.П. Кипарисовой жили. Ребята на поверхности медное зеркало нашли. Геологи нам подсказали рядом с Гумешками гору, где они находили металлические вещи. Мы с Риммой Михайловичем её нашли. И в самом деле, там слой, правда, тонкий, с теми же остатками, что на Думной. Стоянов собирается копать там без меня. Я не против — меньше баталий. А на Думной я копала фортификации с восточной стороны. <...> Сейчас я в отпуске, стараюсь привести в порядок материалы Иткульского городища — для статьи и главы. А то вдруг помру, и самый мой родной и кровный [памятник] останется втуне.

31.01.1984. Для меня последние три месяца были ужасны. Целый месяц ноябрь болели Майка и мама, у обеих воспаление лёгких. Я их лечила, кормила, словом, доухаживалась до дистрофии миокарда, ну, может, чуть полегче. Во всяком случае, последние два месяца постоянно болит сердце. Думаю, к лету пройдёт, и с первым весенним ручейком я сменю шерсть и запрыгаю. Самое главное — положительные эмоции, и я их бережно собираю.

20.11.1984. Я сижу со своими памятниками. Сделала за отпуск Палатки 2. Вообще работа трудоёмкая, особенно с чужими памятниками. Делаешь — и ни в чём не уверен. Дала по Иткулю статью, а сейчас её перепечатаваю. Взяла у В.Е. [Стоянова] машинку и учусь 10 пальцами, а вчера прищемила в автобусе палец и сейчас держу его, как на всеобщем голосовании, — вверх. Буду, как дятел, тюкать одним. <...> Со здоровьем у всех пока сносно. Я упрямо по утрам кручу руками, ногами, головой. Знаешь, оказывается хорошо. Сердце так не болит. А если ещё походить, то совсем хорошо. Читаем по вечерам с Майкой «Илиаду». Мне она кажется торжественной и праздничной. Впечатление, как от огромной, залитой солнцем площади.

5.04.1985. Сейчас сижу с памятниками. Получается иногда интересно и неожиданно. Но вот отвлекаюсь на отчёты и всякую ерунду. И почему отпуск один раз в году, я бы ходила каждый месяц. <...> В поле, уже решила, поеду на Палатки, вернее, Большегорское городище. Интересным должен быть памятник.

25.09.1985. Я приехала из Палкино 25 августа. Едва успели, но не всё. В последний момент появилось основание горна. Я очень рада. Теперь там хорошо выраженный комплекс: горн и площадки металлообработки. Но в будущем придётся прирезать участки верхние (ближе к вершине), т.к. в том направлении слой стано-

вится мощнее. Хотя я ожидала обратного по аналогии с Малым Вишнёвым и Думной. Хотя, пораздумав, можно было сообразить, что архитектурная ситуация здесь другая. Замечательно всё же, что есть это многообразие. Так вот с этим горном я сидела ещё неделю одна. Затем неделю в Баикултаево [на раскопках Баш-Култаевского городища — Кола Уры] вдвоём [с В.А. Борзуновым]. <...> Начала работать дома лишь 17 сентября. Болит спина смертельно — всё же две недели сидеть клубочком не самый лучший режим.

24.11.1986. У меня всё нормально, я пошла в отпуск — шлифую памятники. А вообще хотелось бы перемены мест. Очевидно, интуитивно, против воли иногда я их совершаю. Вот в пятницу села в Тагильскую электричку вместо Кузинской и добралась домой через 5 часов.

11.11.1989. В августе докапывала на Иткуле. И счастлива, что успела это сделать. Моё бедное городище постигло несчастье. Часть вала (примерно 20 м) снесли бульдозером. Один мужик решил строить на городище дом. Сельский совет дал ему разрешение. Председатель с/совета — учительница-дура. Когда её предупредил местный почтальон — член с/совета о том, что тут копают [археологи] (помнишь, тот, что посадил тополя), она ответила: «Ну и что?!». Я приехала копать, увидела спиленные сосны (и ту, здоровенную), сходила в с/совет. Она поклялась, что этого не будет и предупредила строителя. Но вот в сентябре такой казус. Конечно, мы подняли всех на ноги. Сейчас я обзавелась охранными грамотами. Но кто его знает, что там будет. Раскапывали мы дней 10. Расчистили 4 горна. <...> Ах, как мне его жаль! Но, к счастью, пострадал фактически только вал — этой землей он засыпал ров. Можно будет землю пересмотреть и восстановить линию рва. Конечно, виновата и я. Давно надо было провести охранную работу. Но ведь стоял 2,5 тысячелетия, и ни один безграмотный башкирин не тронул. А тут грамотные кретины себя благоустраивают.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Барсова гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова гора», 2002. — 224 с., 133 ил.

² Барсова гора: 110 лет археологических исследований... — С. 18–21, 25–26, 42–53; Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004. — С. 6–8 и сл.

³ Бельтикова Г.В. Отчёт о раскопках городища Барсов Городок I/20 в Сургутском р-не Тюменской обл. — Свердловск, 1986. — Архив ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. — Ф. II. Д. 478; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В. Раскопки городищ Барсов городок

1/3 и 1/20 // Археологические открытия Урала и Поволжья. — Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. — С. 136—139.

⁴ Бельтикова Г.В. Кулайский клад с Барсовой Горы // Клады: состав, хронология, интерпретация: Мат-лы тематической науч. конф. (Санкт-Петербург, 26—29 ноября 2002 г.). — СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2002. — С. 203—206.

⁵ Борзунов В. А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таёжного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса (24—30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск). — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. — Рис. 17—26—40; Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — Рис. 88.

⁶ Барсова гора: 110 лет археологических исследований... — 224 с.; Борзунов В.А., Корочкова О.Н., Сергеев А.С., Бельтикова Г.В., Стефанов В.И., Погодин А.А. Аварийные раскопки древних селищ в окрестностях Сургута // Археологические открытия 2002 года. — М.: Наука, 2003. — С. 331—334; Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корочкова О.Н., Погодин А.А., Сергеев А.С., Стефанов В.И. Исследование селищ конца бронзового — начала железного веков на Барсовой горе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2003. — Вып. 1. — С. 232—243; Борзунов В.А. Раскопки на Барсовой Горе // Археологические открытия 2003 года. — М.: Наука, 2004. — С. 378—380; Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 10 и сл.; Борзунов В.А., Чемякин Ю.П., Фефилова Л.Ю. Охранные раскопки на речке Барцевке в урочище Барсова гора // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2007. — Вып. 5. — С. 84—107.

⁷ Борзунов В.А., Дубовцева Е.Н., Косинская Л.Л., Юдина Е.А. Охранные раскопки укрепленного жилища и селища Барсова Гора II/22 в окрестностях г. Сургута // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: РИФ «КоЛеСо», 2008. — Вып. 6. — С. 120—123; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007—2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 184—220.

⁸ Бельтикова Г.В., Корякова Л.Н., Кузьминых С.В. Памяти Владислава Евгеньевича Стоянова (1934—1999) // Российская археология. — М.: Изд-во ИА РАН, 2000. — № 4. — С. 245—246.

⁹ Археологи Волго-Уральского региона: Справочник. — Уфа: Гилем, 2002. — С. 8; Алексашенко Н.А. Бельтикова Галина Викторовна // Историки Урала XVIII—XX вв. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2003. — С. 49—50.

¹⁰ Бельтикова Г.В. Поселения иткульской культуры: Дипломная работа. — Свердловск, 1969. — Архив ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. — Ф. III. Д. 84.

¹¹ Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. — С. 119—133.

¹² Бельтикова Г.В. Иткульская культура // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН; изд-во «Екатеринбург», 1998. — С. 242; Бельтикова Г.В. Иткульская культура // Челябинская область. Энциклопедия. — Челябинск: Каменный пояс, 2008. — Т. 2: Д — И. — С. 650.

¹³ Бельтикова Г.В. О зауральской металлургии VII—III вв. до н. э. // Вопросы археологии Урала. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981. — Вып. 15. — С. 118—126;

Бельтикова Г.В. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования Севера Евразии. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982. — С. 65—78; Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е. О зауральской цветной металлургии раннего железного века // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири: Тез. докл. — Барнаул: Изд-во ИИФФ, Алтайского гос. ун-та, 1983. — С. 28—31; Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е. Городище Думной горы — место специализированного металлургического производства (Предварительное сообщение) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. — С. 130—145; Бельтикова Г.В. Иткульское I городище — место древнего металлургического производства // Проблемы урало-сибирской археологии. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. — С. 63—79; Бельтикова Г.В. Памятник металлургии на острове Малый Вишнёвый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. — С. 103—116; Бельтикова Г.В. Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. — Вып. 21. — С. 93—106; Бельтикова Г.В. Литейные формы иткульского очага металлургии (VII—III вв. до н. э.) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1993. — С. 38—75; Бельтикова Г.В., Викторова В.Д., Панина С.Н. Металлургические комплексы на острове Каменные Палатки // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург: Уральская издательская фирма «Наука», 1993. — С. 134—157; Бельтикова Г.В., Кузнецова Н.В., Рут М.Э., Черноухов А.В. Полевской. Были и сказы: буклет. / Пер. на англ.: С.В. Шарапова. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. — 16 с.; Бельтикова Г.В. Багарякское (Дальнее) городище // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН; изд-во «Екатеринбург», 1998. — С. 64; Бельтикова Г.В. Большегорское городище // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН; изд-во «Екатеринбург», 1998. — С. 93; Бельтикова Г.В. О формах контактов иткульского очага металлургии // Комплексные общества Центральной Азии в III—I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. — Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. — С. 300—301; Бельтикова Г.В. К вопросу о связях зауральского (иткульского) очага металлургии с ананьинской культурой // Древние ремесленники Приуралья. — Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 2001. — С. 134—138; Бельтикова Г.В. Большегорское городище // Екатеринбург. Энциклопедия. — Екатеринбург: Академкнига, 2002. — С. 61—62; Бельтикова Г.В. Исетский куст зауральского (иткульского) очага металлургии // Екатеринбург. Энциклопедия. — Екатеринбург: Академкнига, 2002. — С. 254—255; Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. — С. 162—186; Бельтикова Г.В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии // Челябинская область. Энциклопедия. — Челябинск: Каменный пояс, 2008. — Т. 2: Д — И. — С. 397; Бельтикова Г.В. Иткульские городища // Челябинская область. Энциклопедия. — Челябинск: Каменный пояс, 2008. — Т. 2: Д — И. — С. 651; Бельтикова Г.В. Малый Вишнёвый // Челябинская область. Энциклопедия. — Челябинск: Каменный пояс, 2008. — Т. 4: М — О. — С. 110; Бельтикова Г.В. Синарское I городище // Челябинская область. Энциклопедия. — Челябинск: Каменный пояс, 2008д. — Т. 6: Си — Ф. — С. 38—39; и др.

¹⁴ Бельтикова Г.В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII—III вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1997. — 23 с.

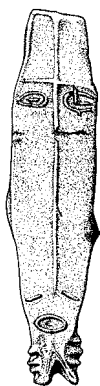

¹⁵ Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. — Новосибирск: Наука, 2009. — 232 с.

¹⁶ Борзунов В.А. Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Мат-лы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», посвящённой 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). — Екатеринбург: Магеллан, 2014. — С. 212–245.

¹⁷ Бельтикова Г.В., Борзунов В.А. Металлургия раннего железного века. Распространение производящего хозяйства в лесные районы // История Урала с древнейших времён до 1861 г. — М.: Наука, 1989. — С. 88–98; Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корякова Л.Н. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // Вопросы археологии Урала. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. — Вып. 20. — С. 102–114; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В. Стоянка абашевских металлургов в горно-лесном Зауралье // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти Владимира Фёдоровича Генинга. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. — Ч. 2. — С. 43–52; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В. Баш-Култаевское (Кола-Уры) городище // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН; изд-во «Екатеринбург», 1988. — С. 75–76. Бельтикова Г.В., Борзунов В.А. Багарякские городища // Челябинская область. Энциклопедия. — Челябинск: Каменный пояс, 2008. — Т. 1: А — Г. — С. 250; Бельтикова Г.В., Борзунов В.А. Серный Ключ, городище // Челябинская область. Энциклопедия. — Челябинск: Каменный пояс, 2008. — Т. 5: П — Се. — С. 857.

¹⁸ Очевидная описка. Надо — «на переднем крае» (Я.Я.)

Список сокращений

автореф.	– автореферат
АН	– Академия наук
АН РБ	– Академия наук Республики Башкортостан
арх.-строит.	– архитектурно-строительный
АСА	– ассоциация «Северная археология»
АУ	– автономное учреждение
БКИ	– Банк культурной информации
БСВ	– Балтийская система высот
В.	– восток
в.	– век
ВАС	– Всероссийское археологическое совещание
вв.	– века
вестн.	– вестник
вост.	– восточный (-ая, -ое)
всерос.	– всероссийская (-ая, -ое)
всерос. науч. конф.	– всероссийская научная конференция
втор. пол.	– вторая половина
вып.	– выпуск
выс.	– высота
г.	– год; город; господин (<i>в зависимости от контекста</i>)
гг.	– годы
ГЗЗ	– государственный зоологический заказник
ГИМ	– Государственный исторический музей
гл.	– глубина; глава (<i>в зависимости от контекста</i>)
гор.	– городище
гос.	– государственный (-ая, -ое)
ГУТО ГА в г. Тобольске	– Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
д.	– деревня; дом; дело (<i>в зависимости от контекста</i>)
диам.	– диаметр
дис.	– диссертация
дл.	– длина
ДНС	– дожимно-насосная станция
докт. ист. наук	– доктор исторических наук
ед.	– единица
З.	– запад
ЗАО	– закрытое акционерное общество
зап.	– западный (-ая, -ое)
ИА	– Институт археологии
ИАЭт	– Институт археологии и этнографии
ИГНИ	– Институт гуманитарных наук и искусств
ИД	– Издательский дом
изд.	– издание
изд-во	– издательство
Изд-во Томского ун-та	– Издательство Томского университета
ИИА	– Институт истории и археологии
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИИФФ	– Институт истории, философии и филологии

ИКНПЦ	– Историко-культурный научно-производственный центр
ил.	– иллюстрация
им.	– имени
ин-т	– институт
ИПК	– Институт повышения квалификации
ИПОС	– Институт проблем освоения Севера
исп.	– исполнитель (-ли)
канд. биол. наук	– кандидат биологических наук
канд. ист. наук	– кандидат исторических наук
кв.	– квадрат
кв. м	– квадратный метр
км	– километр
кн.	– книга
кн. изд-во	– книжное издательство
КНГ	– Красноленинскнефтегаз
КоАП РФ	– Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации
Коми НЦ	– Коми научный центр
кон.	– конец
конф.	– конференция
краевед.	– краеведческий (-ая, -ое)
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии
Л.	– Ленинград
л.	– лист
л.н.	– лет назад
ЛО	– Ленинградское отделение
ЛЭП	– линия электропередачи
М.	– Москва
м	– метр
мат-лы	– материалы
мат-лы и исслед.	– материалы и исследования
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера)
МВК им. И.С. Шемановского	– Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского
Минкульт	– Министерство культуры Российской Федерации
МУ	– муниципальное учреждение
науч.	– научный (-ая, -ое)
науч. конф.	– научная конференция
науч.-практ. конф.	– научно-практическая конференция
НАЦ	– научно-аналитический центр
нач.	– начало
НИР	– научно-исследовательская работа
НПА	– нормативно-правовой акт
НПМП	– научно-производственное многопрофильное предприятие
НПО	– научно-производственное объединение
НППО	– научно-производственное проектное объединение
НЦ	– научный центр
н. э.	– наша (новая) эра
ОАО	– открытое акционерное общество

обл.	– область, областной
оз.	– озеро
ок.	– около
ОКН	– объект культурного наследия
ООО	– общество с ограниченной ответственностью
ООПТ	– особо охраняемая природная территория
оп.	– описание
отв. исп.	– ответственный исполнитель
п.	– посёлок; пункт <i>(в зависимости от контекста)</i>
пед.	– педагогический (-ая, -ое)
перв. пол.	– первая половина
перв. треть	– первая треть
ПНИАЛ	– Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
пос.	– поселение
пос.-свят.	– поселение-святилище
п/п	– подпункт
р.	– река
РАН	– Российская академия наук
рис.	– рисунок
РИФ	– рекламно-издательская фирма
р-н	– район
рос.	– российский (-ая, -ое)
рук.	– руководитель
РФ	– Российская Федерация
с.	– село; страница <i>(в зависимости от контекста)</i>
С.	– север
сб. науч. ст.	– сборник научных статей
сб. науч. тр.	– сборник научных трудов
сб. ст.	– сборник статей
СВ	– северо-восток
сев.	– северный (-ая, -ое)
сер.	– середина, серия <i>(в зависимости от контекста)</i>
СЗ	– северо-запад
СМИ	– средства массовой информации
сн.	– снято
с.н.с.	– старший научный сотрудник
СО	– Сибирское отделение
сов.	– советский (-ая, -ое)
СПб.	– Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский (-ая, -ое)
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ст.	– статья, стоянка <i>(в зависимости от контекста)</i>
с.ш.	– северная широта
т.	– том
табл.	– таблица
тр.	– труды
тез. докл.	– тезисы докладов
ТПП	– территориально-производственное предприятие
тыс.	– тысячелетие (-ия)
УАЭ	– Уральская археологическая экспедиция
УИФ	– Уральская издательская фирма

ул.	– улица
ун-т	– университет
УрГУ	– Уральский государственный университет
УрО	– Уральское отделение
УрФУ	– Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
утв.	– утверждён (-ено)
уч.	– участок
ф.	– фонд
ФГУП	– Федеральное государственное унитарное предприятие
ХМАО	– Ханты-Мансийский автономный округ
ЦАИ	– Центр археологических исследований
ч.	– часть
шир.	– ширина
экз.	– экземпляр
Ю	– юг
ЮВ	– юго-восток
юго-вост.	– юго-восточный (-ая, -ое)
южн.	– южный (-ая, -ое)
ЮЗ	– юго-запад
ЯНАО	– Ямало-Ненецкий автономный округ
SMYA	– Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja

Содержание

Проблемы историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Информация о деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2014 г.	4
Приложение: Список объектов культурного наследия ХМАО — Югры, границы территорий и режим использования которых установлены нормативно-правовыми актами (продолжение). На 1 июня 2015 г.	18
Ю.И. Кизнер, И. Саев. К вопросу об организации управления недвижимым культурным наследием в Германии на примере земли Баварии	22
О.Г. Литвинова. Актуальные вопросы включения исторических путей сообщения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации	33
В.О. Гнатив. Специальные условные топографические знаки в археологии Западной Сибири: систематика и характеристика	56

Изучение историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

В.А. Борзунов. Древнее оборонное зодчество таёжного населения Западной Сибири (энеолит, начало и середина бронзового века)	72
Ю.П. Чемякин. Ранний железный век кондинского края: история исследования	117
Ю.П. Чемякин. Поселение Ахтымья 1 (комплексы эпохи раннего железа)	139
Е.Н. Данилова. Комплекс раннего железного века селища Нёх-Урий 5.1 в бассейне р. Агана	167
А.В. Бауло. Новые материалы о бытовавших на Севере Западной Сибири металлических изделиях, изготовленных с конца XVIII до второй половины XIX в.	192
Я.А. Яковлев, Г.И. Мониц, О.Г. Литвинова. Объект деревянного зодчества в бывшем с. Самарово (г. Ханты-Мансийск): исследования и создание информационной модели	201

Последний полевой сезон: 2014 г.

С.С. Макаров, А.С. Резвый. Результаты полевых археологических работ на местонахождении Луговском в 2014 г. 268

А.В. Гордиенко. Разведочные археологические работы в Сургутском и Нижневартовском районах ХМАО — Югры 282

А.А. Лукиных, М.С. Никулин. Результаты разведочных археологических полевых работ на территории Нефтеюганского и Сургутского районов ХМАО — Югры в 2014 г. 290

А.В. Соколов, Н.Г. Комова. Археологические исследования в Октябрьском районе ХМАО — Югры в 2014 г. 308

Архивные разыскания

Дело Тобольского губернского управления об утверждении проекта на постройку деревянной часовни на кладбище села Самаровского Тобольского уезда 326

Некролог

Н.А. Алексашенко, В.А. Борзунов, Л.Н. Корякова, С.В. Кузьминых. Светлой памяти Галины Викторовны Бельтиковой 334

Список сокращений 354

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

ВЫПУСК 13

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная вёрстка «Ацтек», г. Томск

Подписано в печать 18.08.2015 г. Формат 60х90¹/₁₆.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Печ. л. 22,5 + 1 вкл.; уч-изд. л. 23,7.

Тираж 300 экз. Заказ .

ООО «Издательство Томского университета». 634029, Томск, ул. Никитина, 4.